

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 6 / 2023

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Андрей КОРОЛЕВ
Вера ЛАВРИНА
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь)
Наталья МУРЗИНА
Юлия СЫЧЕВА
Елена ТРУХАН
Дмитрий ФИЛИППЕНКО
Марина ЧЕРТОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции: 650000,
Кемеровская область – Кузбасс,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

16+

Содержание

ПРОЗА

Михаил Тарковский. 42-й до востребования. Отрывки из книги	3
Виктор Байлагашев. Трое на драге. Рассказ	20
Андрей Тимофеев. Навстречу. Повесть	34
Светлана Панина. Рассказы	65
Василий Бабушкин-Сибиряк. Тайна затерянного скита. Повесть	72
Надежда Дубровская. Очень маленькие рассказы	93

ПОЭЗИЯ

Сергей Дьяков. Рифмует время	17
Диана Кан. Ветер вольности	31
Елена Заславская. Эти русские мальчики	62
Дмитрий Филиппенко. Звенят колющие стихи	69
Ирина Сидельникова. В лучах заката планер	90
Вера Лаврина. Словоточие	95

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Яна Гришина. О дневниках Пришвина 1932–1935 годов	96
---	----

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

Бельмасовский фестиваль. Матвей Хисматулин. Заборы. Отрывок из повести. Ирина Асеева. Стихи. Екатерина Горж. Баба Аня. Рассказ. Катерина Невское-Облако. Стихи. Катерина Скабардина. Пластик повышенной прочности. Рассказ. Елена Богова. Стихи...	111
--	-----

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Григорий Шалакин. Открытая и загадочная душа Кузбасса	145
---	-----

СВЕТЛИЦА

Литературный конкурс для школьников «Сказка живет в Кузбассе». Николь Штефан. Сестра с сестрой что река с водой. Дарья Трефилкина. Волшебное знание. Софья Резанцева. Весенняя сказка. Кира Молодцова. Иван – боярский сын. Маргарита Кокорева. Приключения под Новый год. Андрей Алафировский. В поисках себя. С к а з к и	150
---	-----

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Александр Балтин. «Но сердце верит в чудеса» (к 220-летию Ф. Тютчева)	164
Юрий Дьяконов. Хайку: магия и поэтика семнадцати слогов	165

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Дмитрий Мурзин	166
Содержание журнала «Огни Кузбасса» за 2023 год. Подготовил Дмитрий Мурзин	170

Русскому поэту Федору Ивановичу Тютчеву – 220 лет

(1803–1873)

Он создал эпос мыслящего тростника, и камни мысли, которые ворочал Тютчев, были глобальны.

Ямбическая сила Софокла наполняла тугие жилы его строк абсолютно русским содержанием, которое, пропущенное через фильтры его гения, становилось общечеловеческим. Жаль, поэзия трудно поддается переводу...

Статью Александра Балтина «Но сердце верит в чудеса» читайте на с. 164

Михаил ТАРКОВСКИЙ

42-Й ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ*

ЛЕНИНГРАДСКОЕ

Ничто не вызывало во мне такую тоску, как вид безголовой колокольни с березками, растущими по контуру яруса звона. Или огромного полушарного купола на ротонде, мрачно-пузатого, ржавого и будто распухшего без креста. Особенно страшен вид погибшего железа. Дом без крыши не так жуток, как храм без маковки.

Хорошо помню одну такую церковь на Серпуховке. При всей тоске от разрухи – березкам я дивился и умилялся их цепкости и живучести. Хотя вряд ли думал о том, что почвой им стала пыль, принесенная ветром, и что семена эти ветер таинственно носит над городом.

Мимо этой церкви (Вознесения Господня) мы ходили в парикмахерскую и в «амбулаторию» – так бабушка называла поликлинику на Житной, большое серо-зеленое здание в витиеватом стиле, с широкими окнами – думаю, конца того века, а тот век для меня навеки девятнадцатый.

Из детских событий память брала лишь по одному событию. Один пуск спички по ручью, одни первые вербы. По одному зубному и одной парикмахерской.

Бабушкина строгость к расхожести, к преходящим ценностям касалась и того, как меня стричь. Всех мальчишек в ту пору корнали под

бокс или полубокс: на лбу пирожок, а остальное и особенно затылок – голое. Бабушка такой фасон звала «куриной попкой». «Знаешь, когда курице сзади ветер дует...» И еще она не любила, когда скобкой затылок: надо постепенно, «лесенкой».

Пришли в парикмахерскую, усадили, укутали. Мне понравилось, что парикмахерша начала стрекотить ножницами еще издали, словно они стрекоза или косилка.

– О, две макушки – значит, две жены будет! – сказала парикмахерша.

А когда стрижку закончила, с недоумением оглядела работу:

– У него голова пятнами.

Дранье зубов тоже одно запомнил. Ехали на троллейбусе мимо все того же храма с березками и шли к серому зданию «амбулатории». Ждали в коридоре, пока наконец не запустили в кабинет. Открыл я рот и все ждал, когда появятся огромные страшные щипцы. Тем временем врачиха сказала сестре между прочим: «Дайте, пожалуйста, клювики». Едва я задумался над птичьим этим словечком, как у нее в руках оказалась небольшая безобидная штучка с боковыми губками. Пока я гадал, что эта за кочережка, зуб деревянно хрустнул и со стуком упал в ванночку. С разрешения врачихи я прибрал его в карман.

* Отрывки из книги.

ТАРКОВСКИЙ Михаил Александрович родился в 1958 году в Москве. Окончил Московский государственный педагогический институт по специальности «география и биология». Проработал 5 лет на Енисейской биостанции ИЭМЭЖ АН СССР в пос. Мирное Туруханского района Красноярского края. С 1986 года штатный охотник, позже охотник-арендатор в с. Бахта Туруханского района. Лауреат Патриаршей литературной премии и премии им. В. П. Астафьева. Главный редактор альманаха «Енисей». Президент Фонда В. П. Астафьева. Живет в с. Бахта и Красноярске.

В коридоре от одной крепкой и разговорчивой бабки я услышал, что после дранья зуба очень хорошо «морожено». И вот, щупая языком кислую кровавость ямки, я начал канючить, что хочу мороженого. Понятно, что «не сразу, а вечером дома», но все равно мороженое, «ленинградское», в шоколадной обкладке. С плотным, ярко-белым нутром, в несовместимости которого с кровавой лункой было что-то великолепное.

Бабушка страшно не любит ходить со мной в магазин и старается оставить в каком-нибудь скверике, где я, по обыкновению, пытаюсь потеряться. Если скверика не оказывается, то, конечно, «тащит по магазинам», предупреждая, чтоб я ни обо что «не мызгался», «не обтирал» поверхности и «не собирал микробов», ну, и ничего «не клячил». А я клянчу тресковые палочки, мармелад и ленинградское мороженое в шоколадной обкладке. И изредка перочинный ножичек.

И вот зима. Сумерки. Саднит зубная рана.

Ради одного мороженого бабушка в магазин не пойдет, и я попадаю на поход за продуктами. У нас два магазина: один на Серпуховке на нашей стороне, другой на той. Он называется «Под часами» за большие круглые часы, словно будильник, вывешенные над тротуаром. Начинаем с него, поскольку идем от Житной. Я его называл рыбным, потому что там на стенах морские раковины – ребристая лепнина в виде карманов, над которыми горят светильники. Несмотря на океанский рыбный дух, отделы там имелись и мясной, и молочный.

Заходим в пахучий и первозданный дрызг, связанный с полнейшей оптовой натуральностью всего, что там теснится, начиная от свиных и коровьих туш и кончая живыми карпами, которых выуживают сачком. Под ногами мокрые опилки, их сгребает деревянной шваброй уборщица в чернильно-лиловом халате.

С опилками связано ощущение талого снега, который все тащат на ногах, и чего-то густеющего, зимнего, глубинного, что связано с приходом вечера в город... С переходом, который случается в момент загорания фонарей, когда за секунду целая пора сменится и накопленный день, прежде чем обратиться во что-то блистательно сверкающее, осадит тебя вдруг тяжестью.

В опилках я вязну, и приходится ступать по выпуклой толще, противоестественно мягкой под подошвой. Уборщица истоиво орудует шва-

брой, и ручка угрожающе замирает возле боков и животов покупателей.

В зале крепкий и свежий рыбный запах. За стеклом на прилавках белая севрюга горячего копчения, мраморная с прожилками, и черная икра в наклонных ванночках: паюсная и зернистая. Икра такая изредка бывает на столе. Зернистая мне не нравится – как все скользкое, мягкое, противное детскому естеству, а, наоборот, твердую и будто подсохшую паюсную в ястыках я люблю. Икра на столах нечасто: ее брали «для ребенка», а сами не ели.

Бабушка покупает наши любимые тресковые палочки в коробке, но нам нужна еще колбаса, и мы идем в мясной. Здесь тоже целое царство. На стенах картины разделки туш «на сортовые отрубы» – свиной, коровьей, бараньей. Границы частей жирно прочерчены, и туши будто перетянуты веревками, а свинья – как толстая бутылка и мордой как кобура. За прилавком широченная колода, измочаленная до такой волокнистой серости, что края ее нависают грибом. На ней рубит мясо огромным топором мужик в белом халате и черных нарукавниках. Лезвие длиной едва не в полтопорища. Оставляя ровнейший срез мяса, костей и жил, оно с одного удара рассекает оковалок до колоды, глухо в нее ударяя.

В молочном отделе смешанный запах свежего мяса, молока и чего-то сывороточного-сырного. Высокий и узкий ковш, которым разливают молоко из фляг, в жирной молочной пленке. На прилавке грубыми пластами разные сорта масла. На слуху «вологодское», белое и отборно-добротное. Еще шоколадное, которое мы никогда не покупали, и оно так несбыточно прошло сквозь раннее детство, как перочинный ножичек.

Продавщица кладет на весы толстую желтую бумагу, на нее кусок масла. Бумага крылато торчит в стороны, а продавщица держит длинный нож на отлете и смотрит на шкалу. На прилавке штырь, на который надеваются чеки.

Лежат сыры, копченья, буженина, колбасы. Среди них какая-то толстенная языковая, пятнистая, которую однажды купила бабушка. Колбасу и сыр брали понемногу, грамм двести – триста, и такую порцию прямо в отделе могли по просьбе порезать.

Переходим Серпуховку и идем в самый известный магазин – «У Ильича». При этом названии мне почему-то представлялся черный каравай, который держишь под мышкой и отрываешь

от него пахучий кусок. Может, из-за созвучия с куличом или кирпичом черного хлеба.

В «Ильиче» дух сухой и какой-то цветной, сродни конфетной бумажке. В кондитерском конфеты, из которых самые дорогие и вкусные – «трюфеля». Торт «Сказка» с цукатами. Сливочное «Полено» – плотное в продольную риску и цвета вареной сгущенки. Постный сахар кубиками с крошечкой на гранях – то розоватый, то белый, а то какой-то бледно-зеленоватый, мутным светом напитанный. Сливочные помадки, мармелады.

У «Ильича» бабушка покупает хлеб – белый батон и черный, обязательно «обдирный», пряный с кислинкой.

Был еще овощной отдел, где картошка с грехом ссыпалась по дощатому желобу в сумку. Еще бакалея. Я толком не понимал, что это такое, и, хотя там продавались сухие съестные товары – чай и приправы, почему-то думал, что это связано с табаком: табак – бак – бакалея.

От «Ильича» идем мимо табачного ларька. Кроме папирос и сигарет там те самые слоеные перочинные ножички – толстенькие, с кучей лезвий и приспособ. С перламутровыми накладками на толстом тельце – в коричневый или зеленый развод.

Сигареты и папиросы стояли за стеклом пластами: «Дукат», «Памир» с альпинистом на фоне коричневых гор, «Шипка», «Лайка» с собакой. Мне больше всего нравилась «Лайка» и «Памир». «Север» – горы со снегом, над ними солнце восходит, его синие лучи как полосы тельняшки. «Прибой» – могучий вал с гребнем, а на заднем плане пароход и маяк. Все в синем тоне. «Казбек» – на фоне граненых белых гор великолепно нарисованный силуэт горца на коне.

«Север» и «Прибой» у меня были связаны только с бабушкой, и досадно было, когда я в школе услышал куплет:

*Хороши в палатке сигареты,
Еще лучше «Север» и «Прибой»,
Выкуришь полпачки, встанешь на карачки –
Сразу жизнь покажется иной.*

О моем отношении к куреву бабушка писала: «Мишка о папиросах: «Мне скажут – кури, а я возьму папиросу, будто курю, а курить не буду». Прочла мораль, подходящую случаю: о храбрости духовной».

Раз уж речь о магазинах, нельзя не вспомнить необыкновенно породистый гастроном на Валовой. Он располагался внизу высокого и предельно плоского дома, первый этаж которого выложен был граненой коричневой подушкой, очень роднящей его с бежевыми конфетами-подушечками. На магазине были крупные и косые красные буквы: «Гастроном», а я поначалу читал эту надпись как «тастроном», принимая «г» за «т». В «тастрономе», как войдешь, слева здоровенный медведина пил сок – поднимал и опрокидывал в крашеную пасть стакан. Все ребятишки ходили медведя смотреть. Наискось от медведя сок продавался за прилавком в стеклянных конусах: томатный, виноградный, яблочный. Все это многоцветье было за пределами нашей жизни; угощать меня, поить в магазине бабушка считала дурным тоном и всегда говорила: «Придешь домой – попьешь». Да и не особо я зарился на всю эту вкуснятину, она далеко была – там же, где шоколадное масло и слоеные ножички.

За табачным ларьком наша цель – ларек с мороженым. Про мороженое у бабушки свой рассказ: как приехал иностранец в зверский мороз и дивился, что девчонки идут с мороженым и хохочут на всю Серпуховку.

Ларек на Серпуховке особенно и хорош в мороз: крашеные неказистые рамы и заросшие льдом окна, сквозь которые не разобрать названий пачек. И продавщица в халате, надетом на что-то огромное, пухлое. И талые кругляши по индевелым окошкам. И тусклый свет. А в кругляши видно продавщицу частями, она то пошевелится, то замрет и будто живет там.

Сортов много. Пломбир в вафельном стаканчике, с нежнейшим сливочным вкусом и кремовой розочкой: розовой или желтой. За двадцать восемь – колбаска с шоколадной оболочкой, пупырчато осыпанной орехами. На палочке эскимо – брусочек в шоколадной корочке. И не менее великолепный брусочек в шоколаде – «ленинградское» за двадцать две копейки. Его мы и купили.

Болела челюсть, но я плелся не сдаваясь, зная, что в сумке у бабушки «ленинградское». Дома бабушка положила мороженое на блюдце – подоттаять. Я не удержался и отвалил шоколадный бортик, и оно дало белую лужицу по блюдцу. Наша кошка Мяка, тигрового окраса, оживилась, подошла и заинтересованно прогладилась о мои ноги.

Когда я уже взялся за ложку, бабушка вдруг задумчиво сказала:

– В войну привезли к нам в Юрьевец в эвакуацию ленинградских детей. Идут они по улице, бритые (вши же), худющие, как скелеты. И вдруг кошка перебегает дорогу. И тут они как закричат: «Кошка! Смотри, кошка!»

Я представил все: и колонну по двое одетых в серое худющих подростков, и юрьевецкую деревенскую улицу, и как прокатывается это «смотри, кошка!» ветерком по изможденной этой поросли... Все как живое видел. Но не понимал одного – при чем тут кошка.

– Они что, кошек не видели?

– Нет.

– Почему?

– А съели в блокаду.

Хорошо устроена память: ощущение, что все ладно да гладенько и ты молодец – помесь покладистости с созерцательностью. Однако бабушкин сказ о зубном походе выглядит иначе:

«25-го Мишке вырвали еще один зуб: распухла десна, выросла шишка. Что там было, не знаю. Дома орал, что не пойдет. Надену башмак – снимает, завяжу – развяжет, насилила натянула пальто. На улице замолк, в троллейбусе – забыл, в очереди был спокоен и без единого звука дал вырвать. Дурак, я чуть инфаркт не заработала, с такой лошастью боролась. Почему-то в острых случаях я абсолютно спокойна, а мелочи – доводят невыносимо».

ГОРКА

1.

Вечер, темно, на Втором Щиповском пылает домишко. Мы стоим в толпе, и бабушка говорит: «Костром горит». Я не ощущаю ни страха, ни горя, ни сострадания погорельцам и вижу только одно – торжествующий огромный костер. И, как обретение, беру его с собой – в память, в дорогу.

Утро. По радио звучит песня «Солнечный круг», и бабушка кривится: ее возмущают слова «пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я».

– Опять «я». И солнышко, чтоб грело... Ну и, конечно, мамочка – чтоб кормила. Тоже мне, пуп земли... Запомни: «я» – последняя буква алфавита. Всегда говори: «Васька, Сережка и я».

Я умом понимаю бабушку, но с головой погружен в ощущение, что все вокруг, включая пожарное зарево, – мое и ради меня, и нет ничего,

кроме моего сверкающего окоема, и что бабушка – его часть и все на свете управит.

К этому времени стену давно сломали, на пустыре закончилась стройка, и Мишка переехал в новый блочный дом. Тот Двор наполнился целой ватагой, к которой примешивалась ребятня из соседних избенок. Ватага была рыскачей. Лазили везде. Как-то нашли мы в кирпичном сарае на чердаке залежи ламп дневного света, длинные мутные трубки. Вытащили их, аккуратно передавая друг другу, слезли и стали кидать в кирпичную стену дома. Стена была без окон, мы высоко целили, и лампы летели, вращаясь, и если попадали всей плоскостью, то разбивались с великолепным хлопком, оставляя на стене белую полосу.

Жизнь Того Двора кипела вокруг горки. Мы не запоминали, не знали, кто ее строил, кто заливал... Все будто само творилось... Светлый сизо-зеленоватый лед, дощатые бортики – скрипучее единение дерева и льда. Горка поскрипывает, чуть ходит, и лед будто держит доски.

Однажды я катился с горки на санках и большой палец попал под полоз. Бабушка кровавый ноготь забинтовала и сказала: «Теперь сойдет», а я не понял: «Как сойдет?» (Не снег все-таки.) – «Так и сойдет».

Кто поменьше – катились на картонках и санках, постарше – лихо съезжали стоя, балансируя и выправляясь, когда ставило совсем боком. В конце ледяного языка, где он терялся в снегу, полет обращался в почти комичную побегу.

Бывало, карапуз развернет в конце ледяной дорожки. Он замешкается, отползая на снег, пытаясь ухватить заледенелой рукавицей картонку, та отскальзывает по льду, он тянется, а тут кто-то большой, истошно крича: «Э-э-э! Отход, малой!» – сметет малыша да и сам завалится, смешно заперебивав ногами.

Обязательно какая-нибудь поперечная карапузная душа ползет по горке против движения вверх, цепляясь за бортик, не обращая внимания на возмущенные крики и толчки несущихся вниз. Или вдруг все начнут тоже с разбегу залезать на горку по ледяной дорожке, падать и снова лезть. А кто-то не успел съехать, отпустил картонку, и она несется пустая.

Здоровые лоботрясы, подгуляв, завалились на горку и несколько раз скатились с режущими криками: «Жека-а-а! Жека-а-а! Давай!» А долговязый неуклюжий Жека поехал и упал. Встав, делано застонал и, держась за кре-

стец, матюгнувшись, отковылял с ледяной дороги под дикий хохот. И откуда-то еще колоссальный толстый дядька взялся, еле забрался на горку и полетел... Снарядом, глыбой, ядром вынесся по ледяному языку и, вспоров снег, с грохотом врезался в ржавый гараж. С гаража рухнул на него пласт снега. Лег весь двор.

А девочку звали Наташей. Она каталась на саночках – в белой шапочке и синем пальтишке. И в очередной куче-мале меня прибило к ней, и я шархнул лицом в ледяное ее личико, в зубки и потом все старался рядом с ней забираться на горку и ехать рядом. Как-то вечером мы остались с ней вдвоем и она сказала: «Хочешь, покажу тайну?»

Обычно девчонки всякими секретиками мучили: «пойдем секретик смотреть»; землю раскопает – там стеклышко, а под стеклышком цветные фантики. Да малахольный Алеша все приставал к нам с Мишкой, будто знает «военную тайну». «Что за такая тайна?» – пытали мы его, а он после долгого упирания и хихиканья сдался: «А Наташка сказала, что вы... вы-ы-ы... эта... что вы дулаки».

Наташа оставила санки и, взяв меня за руку, повлекла на горку. Вечер был ясный, а тайна оказалась в том, чтоб съехать с горки на спине, а потом так и лежать на ледяной дорожке и «смотреть на звездочки».

Чувствую, как складываются зимние эти девочки в один образ, святой и прекрасный: темнеющая округа, синее пальтишко с белым пушистым воротничком и белая шапочка... Где ты, моя хорошая? Какие звезды мерцают над твоей головушкой? Помнишь ли детство?

Оно выдалось безгранично счастливым, несмотря на все беды, которые испытывало много-страдальное наше государство. Мне даже кажется, что его последующее ослабление случилось именно из-за нас: слишком многое было упущено, чтобы нам взрослело спокойно. И эти годы сами как горка: за полвека не было счастливей поры у нашего народа...

2.

Из домишка, прилежащего к Тому Двору, был один Чернышев, года на два меня старше, крепкий, с худощавым ликом и смолево-смуглый. Есть такие лица – еще и с пятном где-нибудь на щеке, словно от избытка смолы. На горку пришла Наташа, и я нарочно устроил свалку, чтобы снова к ней притолкнуться. А потом начал тол-

каться уже на самой дощатой площадке. Между Наташей и мной оказался как раз тот самый малахольный Алеша. Я грубо его толкнул, а Чернышев на меня прикрикнул. Я ответил, завязалась перепалка, и я крикнул: «Черныш чертов!» Выражение «чертов» я перенял от бабушки и им словно продолжал ее всевластие.

– А ну, проваливай в свой двор! – рыкнул Чернышев и прогнал меня в шею.

Я поперся с санками домой и, веря во все-сильность бабушки, доложил о несправедливости и заставил навести порядок. Бабушка притащила со мной через лаз, вернула справедливость и ушла домой.

Довольный, я скатился с горки. За мной следом на ногах слетел Чернышев, опрокинул меня и, локтем придавив шею, вжал в снег: «Ну что? Баба-то дома. А ты тут. Так что не выдрывайся. Пока я добрый. По-о-онял?» Я действительно понял.

3.

Зима постепенно заканчивалась, снег таял и таял. И с моим лиловым ногтем тоже происходило что-то таинственное, он словно задышал. Я проковырял иглой почерневшую исшорканную корку: под ней вырос молодой и чудный розовый ноготь...

Уже текли ручьи вдоль мостовых. Мы пускали спичку и бежали за ней, она неслась по ребристым треугольникам мутной воды и исчезала в решетке. На оттаявшей пахучей земле мы играли в ножички. Таких игр было несколько разновидностей, включая сложнейшие «Ордена и медали», где участвовала еще и свинцовая бита-кругляш. Не помню вовсе... И никто, видно, не вспомнит...

Только запах оттаявшей земли, воткнутый в землю треугольный ржавый напильник и жар на лице.

А потом завязался розовый воздух в поднебесье и настала знакомая праздничная пустыньность... И когда тишина достигла эховой силы, стал слышен далекий и раскатный гул. Это со стороны Чернышевских казарм по Серпуховке и дальше по Ордынке шли на парад танки.

Все ходили их смотреть, это так и называлось: «пойдем на Ордынку смотреть танки».

На Ордынке вдоль мостовой стояли людские берега, дети сидели на пелачах, на пиково-острых железных заборах, на деревьях...

– Смоли, анфибии!

Несмотря на плотнейший людской барьер, мы с Мишкой обязательно оказывались около

мостовой и, дрожа от нетерпенья, вперивались в даль улицы, невидную и будто туманную.

Гул невидимой колонны рос и близился. И наконец *они* появлялись – зеленые какой-то особой зеленью, с животворной примесью желтизны. Бабушка называла этот цвет болотным, и мне он очень нравился за природные истоки.

Сначала ехала по Ордынке какая-то колесная мелочевка, потом колесные же «анфибии» и бронетранспортеры, потом, наконец, танки, потом ракеты. На ракетах мне становилось скучно: по сравнению с танками они представляли собой лишь нечто транспортно-инженерное, и поддерживало интерес лишь нарастание размеров.

...Сухой лязг гусениц по асфальту. Сильнейший синий дым, звезды на броне, остроконечные, выточенные, с прямизной линий, лучевых треугольников, обрамленных желтой каемкой. И кругло, отдельно торчащая голова механика-водителя в шлемофоне – как черная фара. Она настолько внизу, что непонятно, куда помещается остальное тело. Башни у танков выпуклые с бочков и неровные, словно их ляпали с размаху из огромного зеленого теста и наскоро правили шершавым мастерком.

И вот проходит последняя ракета, огромная зеленая труба, в которой меня волнует только мощнейший тягач... Потом через промежуток проносится какой-то ошалевший газик, и все...

В людских берегах начинается шевеление, нас выносит на площадь, где народ разбредается... И снова простор, и празднично-пустынно, и где-то вдали затихает грохот, и мы идем по отпечаткам гусениц, белесой крошке. И стоит запах выхлопа, уже слабый, но такой терпкий, что кажется, синий дым еще висит волокнами над оживающим городом. А розоватая дымка уже до совершенства настоялась на серебряном поднебесье.

Был у бабушки специальный один голос. Он негромкий и чуть ниже обычного. И с торжественной почти шершавинкой, но не перерастающей в явную дрожь. И вот мы идем по пустой улице, и смесь музыки и дымки сеется с неба, и бабушка вдруг говорит, что в 41-м году танки с парада на Красной площади «прямо на фронт пошли». Меня это поражает. Танки, как живые, решили с завода попутно на парад заскочить. Проведать площадь напоследок... И эта решимость – часть какой-то огромной и тягучей силы, завладевшей нашей землей в те туманно-дале-

кие годы и спасшей ее от гибели. И я еще крепче держу за руку бабушку и не понимаю, какое считанное число лет отделяет меня от Победы.

А бабушка вдруг начинает говорить, что, когда я вырасту, придет совсем другое время, и я стану очень занятый, и мне совсем не до нее будет... А я чувствую, что и в моем голосе вот-вот завяжется шершавинка, что надо успеть до нее, пока совсем не свело скулы, и говорю: «Бабушка, я всегда с тобой буду». И бабушка тоже хочет что-то сказать, но не говорит и только отворачивается и сжимает мне руку...

Потом мы с Мишкой и Чернышевым лупили битой по чижику, и чижики были обоюдоострые, кто не знает, и острия эти имели необыкновенно четкие грани. А девчонки играли в классики на асфальте, и мы тоже иногда перетекали к этим классам, расчерченным розовыми или белыми мелками. И благодать стояла в воздухе, и мама говорила: «Теплынь».

И бабушка уже говорила о деревне, о том, что меня надо пораньше забрать из школы. И что уже договорилась с Екатериной Фроловной.

И мне снится первый мой сон, который я осознаю и запоминаю: будто огромная и довольная морда электрички оказывается в нашем дворе, как раз в районе лаза. Очень хорошо показана огромность и круглость морды и уменьшение, сход состава в перспективу, дающее что-то летящее, полное надежды и шири. И я восхищенно повторяю первое в жизни толкование сна: что, оказывается, во сне соединяется то, что волнует тебя в жизни и что тебя окружает – вот, например, наш двор и мое ожидание дороги. И что вписана дорога в мое окошко, в мой дом и двор, с которым я сросся до самых тополиных корней.

ХУТОР

1.

На Москве-реке в Игнатьеве мы жили два лета.

Долгожданную туда дорогу помню мазками. Ожиданье на Белорусском вокзале на платформе. Теплынь, солнышко и дорожный запах шпал. Круглая морда электрички, которая не стоит, не ждет нас у перрона, а приходит – с какой-то Каланчевки. Просторные вагоны с деревянными сиденьями на две стороны... Бабушка обязательно ищет «немоторный» вагон, чтоб «не ры-

чало». И в самом вагоне тоже поиск – чтоб сидеть «по ходу».

Разлетный вой электрички, полоса несущегося травяного откоса с мазаниной одуванчиков. И вот станция Тучково, площадь и посадка в автобус в какое-то Кулюбякино. И болтанка, и, наконец, мост через Москву-реку и выход из автобуса. И название – Поречье... Освобождающее, вольное... И уезжающий на гору автобус. И тишина, словно ждущая, пока он скроется. И тогда обступает – огромная, дышащая, живая.

Грачиные гнезда на липах, ветерок теплым опухальцем. Предельная какая-то свежесть, острота всего, что вокруг. Грачи не каркают, а издают глубокий, объемный и ликующий воркоток. Бабушка тащит два узла – «наперевес». Узлы из каких-то покрывал. Идем вдоль речки, вот и деревня, и полоса огорода под капусту и картошку меж рекой и домами. Только вспахали, и вывернутые пласты земли выпуклы и металлически-лиловы. Из них блестящие скворцы тянут червей, переговариваются жирно и довольно.

И ощущение, что мы опоздали на что-то важное, на весенние события, свежее-студеные, живящие, и ты будто виноват, что не жил здесь всегда, не делил зимы-весны... И все повторяют, что «смыло лавы» – мостки через Москву-реку на столбах. Женщина в огороде распрямляется и с ходу начинает разговаривать с бабушкой, маша рукой на реку. Мне кажется, что она говорит очень громко. У нее платок узлом назад, и платок съехал, и видна полоска лба, молочно-белого по сравнению с лицом, нажаренным солнцем в какие-то первые жгучие дни, так что загар уже глубокий, закрепившийся. Я замечаю все, что вокруг, но бабушку будто не вижу. Я просто при ней, а она рядом, как теплое дерево.

2.

Утро. Просыпаюсь в незнакомой комнате и вижу в окне яркий лучисто-желтый свет солнца. И осознаю, что никто меня не будил, я сам проснулся от полноты жизни.

Выхожу во двор.

Там дядя Паша Горчаков – наш хозяин, сухощавый, небольшого роста. Ходит без рубахи и в кепке: кисти в перчатках загара, такое же лицо, шея и под ней красно-коричневый клин на груди. Белое в синеву туловище со складкой под грудной в районе поддыха, и под ней выступающий белый живот. На боку живота внизу гнутый с рос-

черком малиновый шрам: ударило вылетевшей доской на пилораме. Хромает: ранило на войне.

Когда мы приехали, дядя Паша как раз заканчивал стройку, забирал углы досками и красил темно-зеленой краской. Мне очень нравился этот цвет и как дядя Паша работает. Все, что он делал, я почитал за эталон. В завершение он выпилил наличники и покрасил их зеленым с белыми завитками. Сам сруб тоже был забран досочкой в елочку и крашен той же зеленой краской. Я думал, что тесом называется как раз елочка.

Дядя Паша вытаскивает иголкой занозу – и мне диковинно, что он не ковыряет, а гладит иголкой плоско, задирает ее, наклонную, и будто выманивает, а заноза вылезает и топорщится. Пахло от дяди Паши смесью опилок, какой-то заквасочной кислинки и пота.

Что-то мужики делали возле нашего дома во дворе, не то варили, не то раствор месили, и я при них вертелся, тоже что-то излаживал. Был Сева, молодой парень из города, в белом свитере с воротом. Он настолько рьяно участвовал, что загваздал свитер, и все его осаживали: «Сева, Сева! Ну что же ты... Эх... е». Бывалый один мужичок меня привечал и в работе между трудовым побряхтыванием нет-нет да и обращался ко мне или просто одобряюще подмигивал. Я не то напевал что-то, не то бормотал, и он спросил, что, мол, за бубнеж? с кем говорю? Я отвечал, что сам с собой, а он качал головой: будешь сам с собой разговаривать – «бэ-э-эстро... шарики за ролики зайдут».

3.

Иду по двору. Тянет пружинистый ветерок, пахнет дымком и навозцем. Забор, воротца на улицу, на столбе скворцы в скворечнике. Через улицу луговина, поле и лес на пригорке. На луговине стреноженные кони – с путами на передних ногах. Срывают траву с громким и резким хрустом, и я не понимаю, чем они производят такой звук – как полотно рвут. Конь обирает траву перед собой тщательным полукругом, голова двигается то правее, то левее, и хруст гулко меняет тон, отдаляется, приближается. Время от времени то один, то другой конь отрывается от травы и, оглядевшись, перепрыгивает вперед, высоко поднимая спутанные ноги. Этим движением он напоминает мне детских коников, их бодрое качание на полозьях, и большие живые лошади

тоже кажутся частью детства, подтверждением запредельной сказочности происходящего.

Луговина перед домом. И на ней коровьи лепешки с мухами настолько рыжими, что кажутся подсвеченными солнцем. Сидят друг на друге, и я называю их «двухэтажными мухами», а взрослые смеются и глаза прячут. На лепешке дождевая лужица – сбоку зеркальцем, а на просвет желтая.

Я зазеваюсь на коней и влезу сандалякой в лепешку, и нутро лепешки под корочкой окажется ярким, желто-зеленым и остропахучим. Проскользну, промажу дорожку по траве и чуть не упаду. Подошва противно-скользящая, никак не вытпру.

Запах свежего навоза особенно въедлив после дождя, когда еще и комары повылезут на мокрые голые ноги. И один, белесо-рыжий, травяной, злущий, вопьется в коленку, где поверх ссадины зеленеет смазанный травяной след – елозил по траве на коленках.

4.

Сегодня сухо и солнышко. Я смотрю на коников. Подходит быстрой походкой бабушка, берет за руку: «Пойдем на Хутор».

Над деревней сосновый бугор, и за ним поле. На бугор – колеи в сухой траве. По ним мы и идем. Бабушка наклоняется, показывает: «Тимофеевка, лисохвост». Травы она знает, и ей нравятся названия. Поднимаемся на сосновый бугор. Под ногами шишки. На жаре раскаленная палая хвоя пахнет сильно и терпко. В кронах всегда ровно и отстраненно шумит ветер. Бабушка останавливается: «Видишь, верхушек нет». На некоторых соснах они действительно грубо сбиты, оторваны. Бабушка говорит, что за рекой стояла наша батарея и била по немцам.

Идем дальше – то по опушке, то по полю. Вдоль дороги разорванные гильзы от снарядов, с передней части они расщеперены, изогнуты как щупальца. Видимо, рядом рванул боекомплект или склад. Никто не берет их, не тащит на память, и они лежат, как придорожные камни. В некоторых местах на опушке заросшие ямы от снарядов. Бабушка идет быстро, и я отстаю: то у снаряда задержусь, то просто канючу.

За бугром поле поднимается к лесу, мы идем по опушке и подходим к хвойному месту: елки, сосны сбились как-то особенно семейно. Бабушка останавливается: «Хутор».

5.

И тут сквозь слои заворуженности, вечной тягуче-медовой обкладки, в которой я пребываю, до меня доходит: оказывается, бабушка здесь жила раньше, да еще с детьми! И выходит, домой приехала!

Во мне будто глыбы ворочаются, пятна времен, и я понимаю, что здесь среди леса когда-то давным-давно стоял дом Горчаковых. Тех самых дяди Паши и тети Дуни, у которых мы сейчас живем, но только молодых. Почему они отсюда переехали, не понимаю, наверное, в Хутор попал снаряд. Почему бабушка жила у Горчаковых, тоже не понимаю, но чувствую одно: мы все родня, все связаны.

– Вот здесь крыльцо было. Нет, здесь. Там вот сарай. Сеновал. Витька сарай поджег. Кланькин брат.

Кланька и Витька – горчаковские дети.

– Как поджег?

– Так поджег. Со спичками играл. Сарай сеной. Там сено было. Поджег и в лес убежал со страху. Спрятался. А все думали, он там, в сарае.

– А он?

– А он в лесу. Прятался.

Мне все не дает покоя Витька. «А потом?» – «Потом пришел» – «А сарай?» – «Сарай сгорел» – «Его ругали?» Бабушка отворачивается...

Солнышко снижается, густеет, горит на сопках... Все это неподъемно... Война, бабушкины дети, мама – одна из них... И так далеко, сложно, но каким-то странным образом... оно уже мое. Рыжим закатным солнцем его в меня впекает. Постепенно, задумчиво.

На Хутор мы с бабушкой ходим постоянно. Место заросшее и почти ровное. Никаких почему-то развалин. По краю земляника. Под сопками кошачьи лапки, и мы там сидим с бабушкой. Она берет книжки и читает мне вслух. «Как муравьишка домой спешил». И нам особенно нравится, когда муравьишка кричит землемеру: «Стой, а то укушу». Когда на дороге я устаю, а бабушка уходит, я тоже так кричу, и бабушка смеется.

Лет в двадцать я приехал на это место зимой и у костра выпил бутылку водки. Снег, солнце, сухое сосновое пламя. Замерзшая до индевелого просверка колбаса. Бабушки уже не было. От выпивки она всю жизнь оберегала меня как от огня. Но думаю, на этот раз простила.

Остальное восстановил позже, хотя так и не узнал, кто познакомил бабушку с Горчаковыми и их хутором, где она с детьми три года жила летом до войны. В 1937 году дом на Хуторе сельские власти перевезли в Игнатьево. В 1941 году в районе Игнатьева шли страшнейшие бои. Снаряд действительно был, но попал он не в Хутор, а в дом Горчаковых уже в Игнатьеве! Дом сгорел, и дядя Паша отстроил глиночурочную избенку, где они зимовили до стройки нового дома. Мы жили уже в новой избе, и дядя Паша при нас обшивал ее тесом.

Избенка-глиночурочка меж тем была замечательна: стены сделаны из чурок-тонкомера и поленьев, положенных поперек, и стены выглядели как кладка из треугольников и кругляшей на глиняном поле. Вид был очень исконный, и, думаю, дом был теплейший.

Помню, на пороге этой избенки стоял радиоприемник дяди-Пашиной молодой родственницы, возможно той самой Клани, и на фоне глиняной стены с древними глазами-торцами вдруг взгорланило: «Эй, моряк, ты слишком долго плавал...»

6.

Никогда не чувствовал я так деревенского умиротворения, как в те годы. Естественное счастье просыпания. Постепенность распалющегося зноя. Единство и моей, и окрестной улады...

В жару вдруг начнет блажить корова – с переливом в октаву. Овечки, семена, перебегут крепким и кудрявым облачком, блея на разные лады и твердо сыпля блестящим горошком. Снесшаяся курица вдруг заорет, или петух найдет съестное и закудахчет по-особому дробно, на одной гулкой ноте, сзывая куриц, и они побегут сломя голову. Особенно смешно бегут большие рыжие – размашисто орудуя ляжками и наклонив вперед головы.

Кину кусочек, чтоб курица видела. Она заметила и осторожно приближается, вот сделала шаг и сыграла взад-вперед шеей, еще шаг – и еще раз туда-сюда сходила любопытная голова, будто приводком соединенная с ногами. Курица на меня косится и поворачивает голову в несколько острых, отрывистых движений. Я вижу светло-карий глаз, который смагивает нижним веком, на долю секунды оказывается затянутым,

и получается дурашливое дохлое выражение. А потом клюет хлеб, и ее гребешок трясется, свешиваясь набок. А на проводе поет ласточка-кашатка, и бабушка говорит, что она в конце песни завязывает узелок. И надо всем этим вдали безмятежно рокошет трактор.

К вечеру стихает шум, медленно и тягуче проходит по деревне стадо, обдавая молочно-навозным чадом и слепневым гудом, звонко брякает ботало на рыжей комолой корове... и снова тихо. Изредка ребятня где-то закричит. Теленок замычит совсем по-детски. А потом слышно только, как дядя Паша отбивает косу в огороде. Чуть темнеет, стелется туманчик по луговине, и кричит вдали коростель. Будто по огромной и пересохшей расческе дерут гвоздем.

Бабушка уже сварила на керосинке кашу, покормила меня, и я лежу на своей кровати, а она читает вслух «Как муравьишка домой спешил». Насекомых я вообще люблю, и мне хочется превратиться в кузнечика и сидеть в травах, чтобы тимopheевка и лисохвост были высокими, как сосны. Читает бабушка и «Жизнь насекомых» Фабра с фотографиями. Еще была книга «В стране дремучих трав», на которую я питал большие надежды, но мне, пятилетнему или шестилетнему, она показалась заумной, тем более и героя звали Думчев.

Читали мы «Руслана и Людмилу», «Сказку о царе Салтане». И конечно, повторялось бесконечно «У лукоморья дуб зеленый», картины которого, не вмещаясь в детский кругозор, только сильнее поражали. Как служит бурый волк царевне? Почему бурый? И почему колдун несет богатыря? И почему так страшно, что именно перед народом?

Еще была какая-то бабушкина своя ненаписанная сказка, начало которой она любила повторять – очень задумчиво, грустно и мечтательно: «Далеко-далеко за речкой...»

7.

Бабушка никогда не называла в одно слово «Москвáрека», «пойдем на Москвáреку». Нет. Всегда неспешно – Москва-река́.

На Москве-реке вместо смытых лав уже стоят высокие свежее-желтые деревянные мостки. С них мы с бабушкой смотрим на воду. Течение не-сильное, глубина небольшая, желтоватое дно с крошкой известняка, длинные и волнистые водо-

росли, про которые бабушка говорит, что это волосы русалок. И сама улыбается почти восхищенно...

В оконце меж русалочьих прядей стоят рыбки, поигрывая тельцами. Для меня открытие, что тельца такие узкие, ножевые и что рыбки держат их вертикально, не заваливаясь на бочок.

Бабушка – речная душа. На море она была один раз в детстве и никогда об этом не вспоминала. Не любила пляжный загар, курортный дух, жила среднерусскими речками и детства без них не представляла.

Бабушка хорошо плавала. Обычно детвора и женщины гребли по-собачьи, а бабушка имела свой стиль – что-то среднее между кролем и саженками. Саженки (ее слово) не раз показывала, очень размашисто и как-то тягуче закидывая руку через верх и кладя набок голову, поворачивая, словно собираясь обернуться, но каждый раз передумывая. Волосы у нее были русые и длинные, для купанья она их укручивала вокруг головы, закалывала шпильками. Однажды замочила волосы и очень огорчилась. Став вдруг неожиданно серьезной, с потусторонней почти решимостью пресекла мои липучие приставания, мол, бабушка, что случилось, волосы намокли, ну что тут такого?

Купалась бабушка в беззащитно-розовом купальнике, набранном из мелких мешочков. Очень белая, стройная, в воду шла, напряженно щурясь и вода по поверхности руками.

Любила утра и вечера, тогда мы и купались, и мылись, и стирались. Хорошо помню стылое намыленное состояние, ту беспомощную и виноватую сутулость, с какой намыленный входит в воду. И как плохо мылится мыло, и хлопья уносит течением. А бабушка говорит, что вода «жесткая», и я не понимаю, как жидкое может быть жестким.

Тихими и задумчивыми были речные вечера. Боковое рыжее солнце с сеевом мелких лучиков, с золотыми иглами совсем подле глаз. Комары, подлетающие неверным шатучим табунком. Я их шлепаю, а бабушка говорит: «Ты одного убьешь, а десять тебя укусят» – «Ну я же его убью!» – «Убьешь. А тебя десять укусят». И я не понимаю, почему если меня укусят аж десять, то шлепать нельзя.

Редкая грусть подступала ко мне в такие вечера. Она будто не во мне рождалась, а в окрестности. Завязывалась и выводилась в особенно

сырых, тихих местах и, только когда уляжется ветер, проливалась, стелилась туманом, серебряной росой садясь на подстывшую детскую душу.

Бабушка в то лето как замороженная бродила со мной по Хутору и его окрестностям. Там был темный и высокий ельник с запахом прели и грибницы. По нему шла дорога, две лиловые колеи, кое-где присыпанные сухими иголками. Нестественно зеленая и мясистая трава недвижно стояла промеж колеи и по обочинам. Было одно растение, похожее на глухую крапиву, с дурманно-тошнотворными белыми цветами, пахучими, небольшими, не то башмачками, не то колокольцами. И с неряшливым переходом зелени от лепестков к цветам.

Однажды мы с бабушкой шли по этой дороге и в темном ее конце необыкновенно грустно кричала не то птица, не то зверюга. И мне представлялся имеющий ко мне мучительно-таинственное отношение лисенок, будто выражающий нечто глубинно-детское, извечную незрелость детеныша, бессилье пред огромным миром и звериную тоску из-за боязни потеряться.

Ходили мы и в дальние лесные края, к дубовым полянам, где собирали грибы и где на одной, самой большой, была когда-то деревня, звавшаяся Селиба. Мы с бабушкой любили это название и придумали целое повествование о лесном городище, заселенном говорящим зверем. Начинала его бабушка словами: «И во-о-о-т...» До поворота к полянам мы шли вдоль линии электропередачи, с которой сыпался механический мертвый стрекот, очень нелюбимый бабушкой. Потом сворачивали направо.

И во-о-о-от, на обратном пути, выйдя к линии электропередачи, бабушка закрутилась и двинулась не в ту сторону. Я настоял, что не туда, показал правильно, и мы вышли к нашему полю.

По пути бабушка решила забрать левее и зайти на Хутор – словно настроить размагнитенный свой компас... Шли обратно по дороге через поле напротив Хутора, и я все просил продолжить рассказ про селибских зверей, среди которых главным и излюбленным героем был медведина. И снова началось: и во-о-от... И вот звери что-то делают страшно интересное, а медведина, который завел кинокамеру с летописными целями, все снимает. А у бабушки старинные представления о кинокамерах – что надо ручку крутить. И ей самой так нравится это мясорубоч-

ное крутение, что она еще несколько раз эту картину показывает-пересказывает: «И снимает. И снимает...»

А потом бабушка всем рассказывала, как я ее вывел. И что я чувствую направление.

8.

Что верно, то верно.

Не торопясь подхожу к крапиве и, поглядывая на бабушку, намереваюсь за нее взяться. Бабушка предупреждает: «Нельзя крапиву, она кусается». Я гляжу нагло бабушке в глаза и, раскрывая пятерню, нацеливаю на крапиву. Бабушка снова: «Нельзя. Она кусается». Я торжественно смотрю на бабушку и медленно-медленно сгребая-комкая шершавый зубчатый лист. По мере комканья глаза мои расширяются, краснеют, но, так же глядя на бабушку, я выдерживаю фасон и не расхныкиваюсь – по словам бабушки, исключительно из вредности и упрямства.

Или вдруг начинаю нудить, въедаться, цепляться к словам, пытаться на оттенки.

Бабушка, по-утреннему бодрая, добродушная, спрашивает миролюбиво:

– Мишастый, а ты помнишь, как ночью пелухи пели?

– А как они пели?

– Нет, ну ты помнишь, что они *пели*?

– А что они пели?

Точно знаю, что мало нас драли в детстве. Отец рассказывал для острастки, как его дед, дед Макар, за столом «брал деревянную ложку» и этой ложкой давал «по лбу» и что детей будто бы драли по субботам розгами, независимо от того, набедокурили они или нет. Я понимал профилактическую нотку этих баек и резон всыпать оптом и впрок, потому что детвора *обязательно* что-нибудь нашкодила втихую. Меня никто ложкой по лбу не бил и не драл по субботам ни ремнем, ни розгами. Бабушка, правда, иногда брала хворостину, но применяла ее совсем редко, а более пугала. Или могла «всыпать полотенцем».

9.

Однажды у меня сильно вступило в живот. Поднялся жар, замутило-зазнобило – и понесла меня бабушка на закорках в поселок Техникум в больницу, по качающимся мосткам.

В слове «закорки» я ощущал родное жуе-лицино «прыгай ко мне на закорки» и Машеньки-

но сидение на медвежьей спине в корзине. Качаются мостки, несет меня бабушка мимо русалочьих волос, мимо стоящих стойком рыбок, еще недавно таких ценных, а теперь бессильно далеких, отчего еще тошнее. Наконец мы сходим на берег, и меня начинает так мутить, что я кричу бабушке: «Стой!» Но она идет, и тогда я кричу наше любимое: «Стой, а то укушу!» – бабушка умиляется и спускает меня на землю. Меня тошнит... Я лежу на травке... Потом снова закорки и наконец больница и полумрак кабинетки, холодная, в клеенке, койка, и маленькая пожилая докторша щупает «животик» и говорит, что аппендицита нет.

Обратно я иду сам. Переходим мостик. На берегу подходим к нашему знакомому, Григорию Максимычу, высокому пожилому дяденьке в очках и шляпе. Он рыбачит спиннингом на тюколку (кораблик), и в бидоне у него сидят пойманные голавли. Я хочу подержать рыбку в руке и через бабушку спрашиваю разрешения. Мне разрешают. Григорий Максимыч вынимает из бидона голавлика, дает мне и наказывает, чтоб обязательно в воде держал.

Я держу. Поначалу голавлик жалко-вялый, и я ослабляю хватку. Он будто клонится на сторону, но вдруг мгновенно встает вертикально и, вильнув хвостиком, уносится, и меня снова поражает вертикальный постав рыбьего тельца.

И опять никто меня не ругает.

10.

И снова вечер, кровать и солнечное утро. На этой самой кровати я дважды испугался треска. Один раз снаружи закоротило контакт на гусাকে у стены, и с резчайшим стрекотом посыпались снопами бело-синие искры. И другой раз: лежал после обеда, и вдруг громкий и сухой треск раздался, тут же сыто перешедший в рокоток – это наш хозяин дядя Паша завел пускатом трактор-колесник.

Кровать однажды куда-то унесли, и я остался без логова. Бабушка не моргнув глазом сшила матрасовку, а потом взяла серп и мы пошли за заборы в низинку жать траву. Бабушка жала осоку, рассказывала о старинной силе серпа и объясняла, как не порезаться осокой. Покос собрала в мешок, высушила возле дома и набила им матрас. Потом мы сходили в лес и притащили сухих елок на жерди, из которых она сделала

козлы. Пилила ножовкой, коленом сквозь платье придавив жердину, колотила молотком гвоздь, он трудно шел в насквозь сучкастую елку... Натянула на козлы мешковину, прошила мешочной иглой. Постелила простынь, положила подушку и сказала: «Вот тебе кровать!»

Сладко спал я в этой холстинной зыбке в запахе сена! Под охраной нешкуренной елки, сухой осоки... И бабушка лежала рядом на своей раскладушке и наверняка в полутьме смотрела на меня, спящего в козлах. А когда я заснул, вышла под звезды.

А меня держали в ладонях высохшие елки, пеньковая холстина, трава, а я покачивался во сне, ворочался, и поскрипывали не то козлы, не то мостки, по которым бабушка несла меня на закорках в больницу. Ярче светили зрелые летние звезды, отражаясь в воде. Сонным табунком подошли к берегу рыбки. И голавлик, которого я выпустил, тоже стоял средь русалочьих прядок.

11.

Бабушка оставалась бабушкой, а дружбы мои с ребятишками шли своим чередом. Неспешно и природно перетекали мы из одного куска деревни в другой. То дружу с бельскими ребятишками в нижнем конце. Там навесик на песке, и мы сыплем песок в бутылки, а самый старший мальчишка отлично разбирается, где из-под водки бутылка, где из-под «Солнцедара». Ребятчих имен я не запомнил, высыпались они из памяти во время беготни. Но был там точно Андрей, потому что старший Бельский кричал:

*Андрей-воробей,
Не гоняй голубей,
Не клюй песок,
Не марай носок.*

Я не совсем понимал, про какой он носок, и думал, что про тот, что на ноге.

Еще я ходил в верхний конец деревни, где перед оврагом царил свой пятачок жизни и жило семейство, видимо тоже дачники-съемщики, и их мальчишка, худенький, но со своим строем, книжным, лирически-манерным. Печально он поведал, что у него был друг, и повел к ямке, где лежала птичка. Какая-то будто ненастоящая, похожая на механическую, желтая, с синими и красными пятнышками.

Приехала к ним целая компания родственников, и мой знакомый сказал, что надо подойти к

его старшему брату и протянуть руку: «Михаил». — «Как это?» — «А так. Дашь руку: Михаил. Понял?» Я сказал: «Понял» — и все выполнил, но на старшего брата это впечатления не произвело. Бабушка сказала, что самому руку совать невежливо и надо дожидаться, пока старший тебе сам протянет, если вообще захочет с тобой здороваться.

Во главе со старшим братом и одной заводистой и некрасивой девчонкой собралась компания, и меня позвали на травку играть в «Акулину красный нос». Дали карты. Я замороженно взял их и продул игру, и все радостно закричали, что я Акулина красный нос.

Наискосок от нашего дома метров через двести-триста жила Галька. Выходила с большущим куском черного хлеба, обильно намазанным земляничным вареньем, и несла его аккуратно, выдерживая плоскость и не сводя с нее глаз. С Галькой мы то ходим не разлей вода, сидим на лесах соседнего сруба и разговариваем. То во все не видимся.

Галька жила в небольшой избенке с отцом и матерью. Потащился, помню, за Галькой, а она домой и в сенки. Видно, сама в себе замлелась, задумалась или, наоборот, решила: пусть за мной побегают. Нырять в избу и захлопывает дверь перед самым моим носом. Дверь, утепленная на зиму, пристоявшаяся в косяках до плотнейшей притирки.

Дверь почти закрывается, когда я сую в нее большой палец. Кровища, ноготь с ошметком, в красном сочащемся окладе... Бегу домой, реву, трясется челюсть, и рев тоже трясется, отзываясь на каждую ямку или кочку. Несу палец, по ноготь заполненный болью, боюсь страсти, пролить, как будто если сберегу до бабушки, то не так будет обидно. Бабушка выходит на вой и идет навстречу... И говорит про солдат на войне, как им, раненым, больно, но они не плачут, а Суворов учит: «Трудно в ученье — легко в бою». Бинтует и рассказывает, как ходил через Альпы Суворов, и от теплого этого имени становится легче, и мне кажется, что Суворов — бабушкин дед.

Потом душная настала жара, и будто маревом накрыло нас общедеревенской новостью: Галькин отец напился пьяный и застрелил мать «лосиной пулей». Лосиная эта пуля, конечно, была бабьим измышлением, но особенный смысл имела и будто брала на себя часть вины, несмотря на звучащее в ней лесное, таинствен-

но-охотничье. Отца Гальки я не знал и представлял огромным звероподобным мужиком. Очень хорошо помню чад беды, который, как дым лесного пожара, замутил и приглушил солнце, прижег листву, и как жаром охватило голову, и болел я вместе с округой.

Совсем недавно узнал, что девочку звали все не Галька. И что когда мама моя шла к нам с автобуса, маленький мужичок лежал со связанными руками в канаве рядом с их домишком. Были в гостях, он напился и напрасно приревновал жену. Побежал домой за ружьем, вернулся и застрелил. Его посадили в тюрьму, а девочку взяли родственники.

Дым помаленьку стянуло. И наша ребячья жизнь двинулась дальше: нарыли за огородами в заросших окопах потемневшие пулеметные ленты, в зелень заплесневевшие гильзы и потом еще долго жили раскопками, и бабушка еле дозывалась меня на ужин.

12.

Бабушка любила керосинки и отвергала керогазы, как коварно-взрывоопасные. Керосинки были двух сортов: попроще – двухфитильные, высокие, и подороже, сытого вида, кастрюлеобразные, с тремя фитилями и тремя иллюминаторами. У нас была простая.

Запах керосинного чада и подгоревшего молока. Крик: «Мари-Ванна, у вас керосинка коптит!» И в закопченном оконце мечется черный язык. Что оконце из слюды, а слюда – минерал, мне удивительно. Как камень превратился в мягкое стеклышко?

Вечер, ноет комар. Лежу с книжкой и смотрю картинки: синее море с чешуйчатой волной и барашками. Белая лебедь, изогнув шею, смотрит на злого коршуна, пронзенного стрелой...

Бабушка собирается варить кашу. Отщелкивает зажим, откидывает высокую двойную ногу, под которой две расселины с фитилями. Зажигает фитили. Загораются, чадя, две полосы, бабушка тушит спичку о воздух, закрывает керосинку и ставит кастрюльку – алюминиевую с длинной ручкой и вмятиной.

Кроме манной и овсяной каши бабушка варила на керосинке толокно. И кипятила молоко, чтоб не прокисло. Молоко я пил и парное, и кипяченое и любил пенки, хотя остальные дети их терпеть не могли.

Простокваша еще была с розовым сметанным верхом, чуть шершавым и будто плесневелым. Бабушка снимала его в кружку. Взболтанную, ледово-кускастую простоквашу из зеленоватой банки мы пили в жару. Простоквашу бабушка откидывала в марлю и вешала на гвоздик над кастрюлькой. Сыворотка капала в кастрюлю, кулечек покручивался, и тон капли менялся. Вынутый из марли творог был в мелкую сетку и со складками от марли у верхушки.

Но любимая моя еда – щавелевый суп с разрезанным яйцом и сметаной. И жареные лисички с картошкой.

За столом бабушка рассказывала про генерала Тучкова. Дескать, его спросили, куда наклонять тарелку, когда доедаешь суп, а он отвечал: если хочешь облить себя, то на себя, а если соседа – то на соседа. И про генерала Горчакова тоже что-то говорила, и я был уверен, что и Тучков, и Горчаков связаны со станцией Тучково и с Горчаковыми, у которых мы живем. И что это не совпадение, а устройство жизни, и одобрял, как все по-хозяйски подбочно сделано.

Едва не забыл: на керосинке бабушка варила земляничное варенье с пенкой, которую мазала мне на черный хлеб, и я бежал с ним по деревне, как Галька.

13.

Керосин привозила керосинная лавка – зеленая машина с цистерной. Останавливалась рядом с нашим домом, и если вся деревня собиралась с бидончиками по керосин, то мне нужна была машина сама по себе. Да и не удивительно: ГАЗ-53 темной армейской зелени, обвешанный шлангами, и запах – богатейшая смесь бензина и керосина. Во взваленной на спину цистерне, ее наклоне назад виделось что-то боевое, одушевленное, и машина вздымалась надо мной как Конек-Горбунок.

Стою рядом с цистерной. Идет какая-то неотвратимая возня, хлопочет со шлангом шофер – невысокий, молодой, в чем-то черно-сером и серой же кепке. Я настолько верно и заворожено смотрю на машину, что он меня хватает и, вздымая к небесам, садит на цистерну лицом по ходу перед открытым люком, во мгле которого лилово мерцает керосин. Он сует мне в руку пистолет со шлангом, который велит опустить в горячее. До сих пор не могу понять, почему я совал пистолет, который должен быть с другой стороны шланга. Не помню. Может, чтобы заполнить шланг, поменять концами и пустить керосин самотеком? Или я, даже просто глядя, умудрялся напутать?

Сижу на бочке и понимаю, что все на меня смотрят. Очень хорошо помню и шланг, и пистолет – алюминиевый, и его ствол, и ручку со спуском. Все большое, объемное, из мужицкой жизни – железной, бензиновой. Отношусь я к этому восторженно-подчинительно. Все происходящее сильнее, быстрее меня.

Водитель залезает в кабину и решительно, безнадежно-обрубающе захлопывает дверь. От этой хлопающей двери я холодею. Закрывшись, водитель заводит двигатель, и тот громко и натужно начинает работать. Я во весь рот взываю, оттого что через секунду машина рванет и, промчавшись по нашей улице, разгонится на спуске, взлетит и «через леса, через моря» помчит меня перед народом, и я буду еле держаться за люк, и где-то далеко внизу будет удаляться наша улица, толпичка бабушек и среди них моя Миванна...

Водитель выскочил и бросился меня снимать. А я, продолжая вопить и деревянно тянуть руки, с первой доли секунды понимаю, каким позором оборачивается эта спасительность и что надо было выдержать, вытерпеть, выдюжить... Что неспроста так натужно зудел мотор и что шофер какой-то насос включал. И что я не только подвел водителя, увидевшего во мне помощника и товарища, а прошляпил *поступок*.

14.

Потихоньку кончалось лето. Ближе к осени обострялись дали и еще сильнее манила дорога

за Хутор на Томшино, которое я считал Тамшиным. И это «Тамшино» с очарованным «там» звучало особенно таинственно и несбыточно.

А даль потихоньку жухла, и вспомнилось, что рано или поздно ехать в город, где тоже жизнь, и я начинаю канючить:

– Бабушка, когда мы поедем в Москву-у-у?

А бабушка говорит чуть грустно и певуче:

– Когда вот тот дальний лес пожелтеет...

И в том, что пожелтеть должен именно дальний лес, я вижу печаль и тайну. Не то даль имеет лучшую пропитку от осени, чем ближние березы. Не то бабушка перевязана с этой далью тонкими и ноющими нитями, и не узнать, для меня оно сказано или впрямь бабушку изъело тоской по тому далекому Хутору.

По утрам я выхожу из дома и смотрю, как пожелтел дальний лес, насколько пятнист переход из зелени в желтизну. Лес потихоньку берется золотом, и все резче контраст между светящимися березами и темными соснами.

Мы наконец уезжаем, но если весеннюю дорогу в Игнатьево я помню прекрасно, то ни штришка не осталось в памяти от нашего возвращения... И уже идем по Щипку: вокруг бензиновый чад, грузовые машины шумно набирают ход и голуби взлетают из-под ног, хлопая крыльями и смыкая их над спинами.

Первый день проходит, второй, и я снова не могу заснуть и плачу:

– Бабушка... Хочу в дере-е-е-евню...

Сергей
ДЬЯКОВ

РИФМУЕТ ВРЕМЯ

* * *

Не грусти, фармацевтица:
мы от Бога слабы.
А тебе все не верится.
А глаза – голубы.

И с могуществом царственным
смерти не миновать.
Так зачем над лекарствами
ты колдуешь опять?

Все желтеет и старится.
Превращается в хруст...
Ляжет белая марлица
на рябиновый куст.

Нам загадка загадана,
а разгадка – проста:
как волшебное снадобье,
мир спасет красота.

Ты латынь окаянную
в белой ступке не три –
через дверку стеклянную
на меня посмотри.

* * *

В турку засыпан забористый чай.
Пару кропаликов – станет цифиром.
Хочешь – возвысь себя птицей над миром,
вечно зашоренным, сумрачно-сырым.
Хочешь – в миру метрономом качай.

Радость чужая – чужая беда.
Старенький кухонный – он же рабочий –
только за ним я душой разговорчив
в светлых минутах моих одиночеств.
Слезы искусства – как с гуся вода.

Город подлодкой на грунте подшит.
Сердце стучит молотком в переборку.
Ночью – в стихире, с утра – на разборку.
Снова «качают» и курят махорку
Санька-суннит и Валерка-шиит.

Все-то понятно им, все-то им пыль.
Чувствую, что раскачались качели...
Выйду курить, чтоб глаза не глядели.
Пес на окраине тявкает еле.
В поле колышется черный ковыль.

Дальше – заброшенный конезавод,
пара свинарников в полуразборе...
Вот они наши и радость, и горе...
Флягу воды средиземного моря
старая бабушка в санках везет...

* * *

Расчищаем помойку, зажавши носы.
Подрубаем ивняк по протоке.
С топором Игорек – Парамонова сын.
Сам с пилой – Парамон круглоокий.

Растянулись цепочкой: «Давай подавай!»
Заодно весельчак и печальник.
Прогремит по мосту единица-трамвай.
Из машины посмотрит начальник.

Круговая сплоченность сидит в мужике
и смекалка — словом нецензурным.
Что твои, человек в дорогом пиджаке,
мозговые атаки и штурмы?

Он «сподверху» надпилит,
«споднизу» возьмет.
Сырный клинышек обухом выбьет.
И с другой стороны
надавить — и пойдет.
И заблещут глаза его рыбы.

...И вот так бы пилить да махорку курить.
И свое сочинительство бросить.
По-простому смотреть, о простом говорить.
И мечтать о ботинках на осень...

* * *

Уголь веток. Неба подмалевок
на рогожке снежного холста.
А под ней шуршанье дней-полевков,
перепрелых красок густота.

Где ж ты, кадмий, стронций с киноварью?
Где же ты, берлинская лазурь?
Только сажа газовая гарью,
только умбра, сколь глаза ни щурь.

Там слепой слепых ведет к обрыву.
Там коньки готовит детвора.
Ну а нам-то к птичьему порыву —
только птичьи слезы и права.

...Кошки спят на теплых батареях.
Ветер ищет щелочку в окне...
Я зимой немножечко добрее —
так прижмись же крылышком ко мне.

Если жизнь — сермяга и рогожа,
стоматологическая дрель...
Птичье счастье нам земли дороже,
и роднее неба акварель...

* * *

Распалась снегом синяя вода.
Черствеет полночь лагерной манерой.
И сквозь поля летят по проводам
быстрее пули сводки, землемера.

Имея глаз простого столяра,
он видит крен у вышки деревянной,
с которой зорко — с ночи до утра —
за ним следит солдатик оловянный.

И балерина в пламень ноября
уже спешит с билетом невозвратным.
Туда, где окна ветками скребя,
гуляет ветер горем перекатным...

Где землемер, озябнув в снегопад,
берет в каптерке книжку из коробки.
И, вырывая что-то наугад,
готовит печку к утренней растопке.

* * *

Жил бы на юге — курил бы вино.
В шумном порту приторговывал краденым.
И все писал бы о том, как в окно
светит ночами луна-виноградина.

Да и на севере — вор на воре.
Слава из прошлого тянется та еще —
как опостылевший снег в ноябре,
незастывающей слякотью жалящий.

Север ли, юг ли — одна маета.
Всюду найдутся тебе правдорубчики.
Черту не братья и нам не чета —
неискупленных грехов перекупщики.

Винь да положь им из шкафа скелет.
Спой «Колыму» или вечное «Besame».
С Богом нечасто бывает поэт.
Чаще бывает он с мелкими бесами.

Выпьет. С холодным вниманьем вокруг
глянет. И ножик до должного качества
станет точить — и порежется вдруг.
И над стекающей кровью расплачется.

* * *

Рифмует время март и смерть.
Сырой Мологой из воды
к утру вытаскивает сквер,
и седоватый вьется дым.

Весна сквозит со всех углов.
Острее запах, резче звук.
Но, не желая лишних слов,
уже не переназову:

ни снег сырой, ни дом с трубой,
ни бледный свет в начале дня —
пусть остается все собой —
как будто вовсе нет меня,

и мир — как будто на заре,
и Бог меня не создавал,
и я не называл зверей,
и птиц еще не называл.

* * *

Снова май-винокурщик в разгуле своем
разливает растенья
в земельную прелость.
Снова спросишь меня: почему мы вдвоем?
Я отвечу: не знаю, само завертелось.

Перезрело, отжалось, как ягодный жмых
забродило по новой на прибранной даче.
И пока нам важнее заботы живых.
Станем мертвыми – будут другие задачи.

Пусть округа заборами нас оплела.
Нам важней земледелье в своем огороде.
И на нашу делянку достанет тепла,
чтоб разжать
кулачки красноплодных смородин.

Мы друг другу признаемся в давних грехах.
От разлуки так тянет
в сестричество-братство.
Мы же знаем, что время не в наших руках,
и поэтому смерти не нужно бояться.

Было много нам в жизни с тобою дано.
Где-то молодость
скачет на борзой кобылке...
Посмотри за окно. Там осталось вино.
Предзакатное, в темно-зеленой бутылке.

* * *

Всегда другая, прежняя всегда,
ночной реки холодная вода.
Огни бараков, черные градиры,
шум тальника и камешков прибрежных,
зубовный скрежет, как в инфекционной,
где слово «ВЫХОД» светится надмирно,
не обещаньем жизни, но надеждой.
И медсестра с лекарством порционным
бежит ко мне, тревогою дыша,
пока над ней плывет моя душа
по коридорам кафельным в окно,
в больничный сквер, где сыро и темно,
потом наверх, над молниеотводом
двухсотметровым, над лесопосадкой –
туда, где дом обит шершавым толем,
и в темноте, над темным огородом,
он весь бликует кварцевой крупчаткой.
И лай собак, и Млечный Путь над полем
в непостижимой движется дали
с едва заметной скоростью Земли.
Петляет речка, прячась в тальники,
щекочут пальцы серые мальки...
И я наполнен этим звездным небом.
И мелкий бес во мне еще не страшный.
Сопrotивляясь быстрому теченью,
я сыт еще куском ржаного хлеба,
и вся-то память – только день вчерашний,
и чай с малиной – все мое лечение.
...Стучит в стекло полынью суховей.
И счастлив я от немощи своей...

* * *

Я болею. Тяжесть – тонной.
Не до маеты.
На рябине законной снежные бинты.
Черти к самому острогу
чуть не подвели.
Ну и ладно же, ей-богу,
мало ли земли?
За других душевным тленом
мне не отвечать.
Мне бы боль ибупрофеном
к ночи укачать.
Не боли, моя гордыня –
черный воробей!
За грудиной из пылины
гнездышка не веи!
Но душевная скворешня
люба воробью...
Засыпай, умри, мой грешный.
Баюшки-баю.

* * *

В краю сосновом – угольно-угольно.
Приложен к сердцу город-подорожник.
То подбирает, то спускает вожжи.
Но мне, каурке вещему, привольно.

Я тридцать лет в ушке его игольным,
своей души заезженной изложник.
Но тяжкой жизни вызревшие дрожжи
идут в замес со словом мукомольным.

Как нам жилось, останется меж нами.
Что впереди – добро ли ждет там, худо ль?
Падет вода и скроет все волнами.

Другой маркшейдер кликнет звездный гул.
Где я надменно-ломкими крылами
впечатан был в коксующийся уголь.

* * *

Вечерок сегодня длинный.
Ветерок не шибко скор.
По аллее тополиной –
снежно-капельный раствор.
Тихо вьется, чтобы вьюга
забуранила не смогла,
чтоб не звякнула округа
из граненого стекла.
Чтоб ни памяти, ни боли,
чтоб напасти не пасли.
Чтобы натровые соли
на душе не выросли.
Чтоб ни размысла, ни смысла.
Только, плава синий лед,
Звуковое коромысло
Гнул бы в небе самолет.

**Виктор
БАЙЛАГАШЕВ**

ТРОЕ НА ДРАГЕ

Рассказ

– Будешь потом нас с Афонькой вспоминать, будешь! – говорил мне не раз Ленька Симаков.

Афанас в это время, сидя на скамейке и привалившись к стенке драгерки, безмятежно улыбался.

Было это еще в советское время.

За десять лет в школе я так и не понял, кем хочу быть: кроме рыбалки и охоты, ничего меня не интересовало. Потому решил я никуда не ехать, как ни уговаривала меня мама, а пойти работать на драгу матросом. «Люди же работают, – говорил я. – Вот и я буду работать». К тому же такая работа позволяла заниматься по крайней мере рыбалкой: драга-то стоит на реке.

Мама повела меня к Николаю Коровинскому, тогдашнему начальнику участка. Возьмут меня или нет, зависело от него.

– Работа-то тяжелая – справится? – усомнился он. Но тут же согласился: – Возьму, потому что не пьет и прогуливать не будет. Работать будет в смене Симакова и Дайбова. А то эти двое того и гляди драгу угробят. Как их смена – так не сплю и переживаю!

Николай велел мне собраться и прийти прямо к нему домой. Там мы сели на его черный «восход» и покатали на участок.

По дороге новый начальник меня инструктировал:

– Основная твоя обязанность – чтобы на драге было чисто, а в понтоне вода выше нормы не поднималась. Поднялась – включай насосы и выкачивай.

Чтобы было наглядно, показал все еще раз на месте. Познакомил с командой, точнее со сменой, которая должна состоять из трех человек: драгера, машиниста и матроса. Драгером был Ленька Симаков, машинистом – Афонька Дайбов. Матросом предстояло стать мне.

Ленька – длинный, худой, с косящим глазом и в наколках. Мне тогда казалось, что все, у кого есть наколки, люди очень нехорошие, а то и просто бандиты. Но когда я поближе узнал Симакова, сделал для него исключение.

Афонька – Афанас, как многие его звали, – был рыжий, конопатый, чуть выше меня. Круглая, как шар, голова сидела на могучей шее, которая вливалась в широкие плечи.

Сейчас оба, не скрывая, сверлили меня изучающими взглядами. Приехал бы я, как положено, без Николая – не вызвал бы у них такого подозрения. Но это я понял уже позже, как и то, что Коровинский не случайно повез меня на драгу в середине дня: так он мог лишний раз проверить Леньку с Афанасом.

После отъезда начальства я еще раз прошелся по участку и осмотрелся. Потом поднялся в драгерку, сел на скамейку и достал книжку. Мужики молча наблюдали за мной.

БАЙЛАГАШЕВ Виктор Алексеевич родился 6 апреля 1964 года в поселке Камзас Таштагольского района. Служил в армии, работал матросом драги. Окончил Горно-Алтайский педагогический институт. Рассказы публиковал в газетах «Алтайдын чолмоны» («Звезда Алтая», Горно-Алтайск), «Красная Шория» (Таштагол), в приложении «Туган чер» («Кай», Междуреченск). Сейчас работает в Таштаголе в студии «Эфир-Т», где создает передачи на шорском языке.

И больше я к брошенным тросам не прикасался. Да и вообще к ним, кажется, больше никто не прикасался. А тогда я просто выпустил лом из рук и поплелся назад.

– Рабочий инструмент надо ставить на место, – назидательно-весело напутствовал меня сзади Ленька.

Подняв лом, он воткнул его туда, где он стоял до нашего появления.

В драгерке я плюхнулся на скамью и, прислонившись к стенке, закрыл глаза. Точнее, они сами просто закрылись от усталости.

Ленька прошелся мимо меня туда-сюда, хмыкнул и произнес:

– Я в свой первый день так уработался, что рюкзак кое-как до дому донес. А все почему? Потому что был дурак. Я тогда считал, что чем больше вкалываешь, тем выше будет зарплата. Вот и пахал, зарплаты три наверно. Потом вся дурь из головы стала уходить – жизни стал учиться. Но как волок в первый день рюкзачок свой – примерно такой же был, как у тебя, – до сих пор помню.

Я не очень-то вслушивался в его слова, честно сказать. Хотелось только одного – чтобы поскорее нас сменили и можно было поехать домой.

Наконец подъехала машина.

– Полундра! – проревел Афанас.

Я открыл глаза и встретился с его довольной улыбкой.

– На, держи свою котомку, – протянул мне рюкзак Ленька.

Взяв его, я чуть не свалился – до того он оказался тяжелым.

– Ну что, Батькович? Как работка в первый день показалась?

Удивленный тяжестью рюкзака, а точнее, тем, что не могу даже его удержать, я не нашелся, что ответить Леньке. Молча расправлял ремешки.

– Во уделался! – весело произнес Ленька и помог мне.

Послышались голоса на берегу – это шла ночная смена. Мы спустились с драгерки, прошли по трапу, прыгнули на землю и направились к машине. Ленька кратко рассказал сменщикам о состоянии дел. Те, слушая его, внимательно разглядывали меня.

– Это наш матрос, – объяснил им Ленька. – Первый день сегодня.

Мы подошли к грузовику и забрались в кузов. Ленька постучал по крыше кабины, что означало: «Поехали!» – и машина тронулась.

Ленька с Афанасом жили в начале поселка, поэтому они скоро прыгнули и ушли. Я поехал дальше.

Машина останавливалась на Конном, в центре. Дальше все расходились по домам пешком. Идти мне было недалеко, но ремни рюкзака впились в плечи, будто я нес несколько ведер ореха из тайги или ведро черники – больше мне тогда сравнить было не с чем.

Дома я скинул рюкзак в летней кухне. Что-то странно брякнуло о пол, но я не обратил на это внимания. Освободившись от груза, я почувствовал такую легкость, что казалось, могу оторваться от земли и взлететь.

Старшая сестра взяла рюкзак, чтобы вытащить грязную посуду и положить обед на следующую смену: еду мне готовила она.

– Ого какой тяжелый!

– Это не рюкзак тяжелый, – объяснил я. – Просто я очень устал, вот и кажется.

– Но я-то не устала.

Я не стал с ней спорить, сел к столу. Сестра тем временем доставала миски и банки.

– А зачем железяки привез? – спросила она. – Тащил на себе такую тяжесть!

– Я не вез, – возразил я.

– Так в рюкзаке лежат, завернутые в тряпки!

Я глянул. И вправду – на развернутой тряпичке лежали подшипники. Как они туда попали, я не знал.

– Ну что, пусть лежат или убрать?

– Убери, конечно.

– А что собираешься с ними делать?

– Ничего.

– Тогда зачем привез?

Я не знал, что ответить, и поэтому промолчал. Силился вспомнить, как сунул сверток в рюкзак. От усталости, что ли, не заметил, как сделал?

– И что, будут тут лежать и мешать?

– Нет, – придумал я. – Отнесу их лучше куда-нибудь выброшу.

– Отнеси их в мехцех, там они пригодятся, – предложила вошедшая мама.

Как выяснилось позже, она сходила к Леньке и потребовала, чтобы он больше так надо мной не издевался. Ленька сказал, что это была шутка – посвящение, так сказать, в работу. Но мама таких шуток не признавала! Я ничего об этом тогда не знал...

В следующую смену – уже ночную – я поехал один. Ленька с Афанасом, по их словам, к началу работы спускались к драге по реке. Заодно и рыбачили. Правда, улова так и не показали.

Про подшипники я забыл.

Ленька стоял у штурвала, Афанас следил за работающими приборами.

Примерно через час Симаков остановил драгу:

– Чайку надо попить.

За стол сели втроем. И тут Ленька как бы между прочим сказал:

– Вон там под лавкой, завернутые в тряпицу, лежали подшипники. Куда-то подевались. Ты не видел? – спросил он у Афанаса.

– Видел, что были.

– А сейчас нет, – озабоченно проговорил Ленька. – Там у лебедки все подшипники перетерлись, менять надо. Полетят, заклинит – и все. Простоим всю смену! Опять Корова пялиться будет. А кто виноват?

Я слушал их молча, не зная, что сказать. Признаться, что подшипники оказались у меня в рюкзаке, язык не поворачивался. Кто поверит, что я положил такую тяжесть в рюкзак и сам того не заметил? Я надеялся, что с лебедкой пронесет и драгу не заклинит.

Ленька, насвистывая, поднялся и пошел к своим рычагам. Афанас прибрал на столе и тоже отправился в обход по драге.

Я вспомнил, что надо проверить понтоны. Афанас уже стоял у левого и включал насос. Я подошел к нему. Потом мы вместе вернулись в драгерку.

– Дров маловато, – сказал Ленька. И, обращаясь ко мне, добавил: – Сейчас остановлю драгу, иди помоги Афоньке.

Афанас взял двуручную пилу, топор, и мы отправились за дровами. На берегу лежала сухая лесина, мы распилили ее на чурки и перетаскали их поближе к драге. Афанас быстро наколот дров, и мы сложили их в драгерке у печки.

– На смену хватит, – оценил Ленька. – Пусть другие сами о себе позаботятся, а то умные слишком. Мы рубим, а они готовенькое жгут.

Мы с Афанасом сели передохнуть: все-таки пилить сушину двуручной пилой – занятие не из легких. На улице стемнело. В открытую дверь тянуло холодом.

Вдруг что-то заскрежетало. Ковши натянулись, остановились. Ленька быстро остановил драгу, куда-то убежал вниз.

Вскоре раздался крик:

– Все, подшипники полетели! Менять надо!

Я так и замер. Ленька вернулся.

– И куда они подевались? – задумчиво проговорил он. – Там наверху еще были. Ты видел? – спросил он у Афанаса.

Тот пожал плечами.

– Схожу гляну, – решил Ленька.

Афанас встал из-за стола, подбросил дров в печь.

– Нет их там! – объявил вернувшийся драгер. – Деваться некуда, придется топать в поселок, в мехцех. Ты как, пойдешь?

Напарник пожал плечами:

– А куда деваться? Хочешь не хочешь, а надо... Только куда эти-то подшипники делись? Кто-то же их взял?

Наступила тишина, неприятная и нехорошая.

– Ладно, мы с Афонькой в мехцех за подшипниками, – решил наконец Ленька. – А ты смотри, чтобы драга не утонула. Подсудное дело!

Афанас только улыбнулся своей широкой улыбкой.

– Придется теперь столько топать километров по темноте! – бодро говорил Симаков, спускаясь по трапу. – До утра, поди, обернемся.

Дайбов топал сзади.

– Смотри не замерзни! – крикнули мне из темноты. – Дров не жалей!

Я вышел на палубу. Небо было звездное и чистое. С реки тянуло холодом. Вдруг со стороны дороги донеслось тарыхтенье мотоцикла, потом этот звук затих.

«Может, начальник приехал? – подумал я, прислушиваясь. – Значит, сейчас должны вернуться». Но было тихо. Становилось зябко.

Я вернулся в драгерку, закрыл двери. Подбросил дров в буржуйку. Поставил чайник. Спустился, проверил воду в понтонах, походил, рассматривая драгу. Меня удивляло, что такая огромная машина (тогда я еще не знал, что есть драги куда больше нашей) специально построенная для того, чтобы добывать мелкий желтый песочек – золото. Потом пошел и поднял на ручной лебедке трап – на всякий случай, чтобы какой-нибудь проходящий мимо медведь из любопытства не забрался.

Попил чайку, достал Шукшина, закутался в одеяло, принесенное кем-то, и стал читать. Время от времени поглядывал на часы – переживал, что за смену мы мало поработаем и Николай будет нами недоволен. Потом заснул. Открыв глаза, глянул на часы: проспал я часа два. Быстро

поднялся, проверил воду в понтонах и вернулся обратно.

На востоке уже начинало светать. Печка давно прогорела и стояла холодная. Пришлось растапливать заново. Еще раз поставил чайник. Это была первая ночь, когда я оставался один. Потом таких смен было множество.

Было около пяти утра, когда снова послышалось тарахтенье мотоцикла. Через некоторое время я услышал голоса: шли Ленька с Афанасом. Они остановились у трапа. Раздался выстрел – дробь резко хлестнула по наружной деревянной обшивке. Я удивленно выглянул из драгерки.

– Опускай трап! – заорал Ленька. – Замерзли уже!

Я поспешно опустил трап.

– Битых три часа стояли! – изобразил возмущение Ленька. – Пришлось стрелять, пока совсем не замерзли. Ну ты и горазд дрыхнуть! Так драгу утопить можно...

Драгер и машинист стояли с красными лоснящимися лицами. Я не стал говорить, что уже давно не сплю и слышал, как они подходили.

Афанас улыбался. Я ждал, что они пойдут менять подшипники, но Ленька, мурлыча себе под нос какую-то песню, включил драгу, передернул рычаги и как ни в чем не бывало начал работу. Афанас пошел делать обход.

Потом я много раз слышал скрежет драги и видел натяжение ковшей, как в тот вечер. Оказалось, так бывает, если ковши цепляют твердую породу. Бывало, что ковши и слетали, и рвались, но никто никогда не вспоминал ни про какие подшипники. Достаточно было умело пройти это место. Но тогда я ничего этого не знал.

Утром вместе со сменщиками приехал Николай Коровинский. Как он ругался! Мы втроем молча стояли и слушали. К приезду смены вид у Леньки и Афанаса был обычный, без красноты, и выглядели они как люди, просто уставшие за смену.

– Собралась тройка оболтусов! – негодовал Николай.

Потом мы уехали, а он остался.

Именно после того случая Ленька Симаков стал относиться ко мне по-другому.

– Я думал, – объяснил он, – что Корова тебя приставил за нами следить.

Но полностью он мне все же не доверял. Во всяком случае, на моих глазах они с Афанасом

никогда не выпивали. Хотя я ведь видел: на работу приезжали нормальные, а уезжали сильно навеселе. А кругом тайга, никаких тебе винно-водочных! И оба вроде нормально работают, но вот вдруг наливаются краснотой и «хорошеют»!

Справедливости ради надо сказать, что случилось это только тогда, когда Ленька был уверен («чуял», как он сам говорил), что к концу смены не нагрянет начальник. При этом даже после их возлияний драга не простаивала. Как раз наоборот: «захорошев», они работали словно даже с большей легкостью. Вот только не знаю, стал ли Николай спать спокойно, устроив меня в их смену...

В следующую ночную смену Ленька спросил:
– У кого из нас дома есть корова?

И посмотрел на меня. Я уже так привык, что у него Корова – это начальник Николай, что не сразу сообразил: сейчас он спрашивает про обычную буренку.

– Что молчишь? – обратился он ко мне. – Держите же корову, сметана есть?

Я кивнул.

– Ну вот. В следующий раз прихватишь поллитровку сметаны, понял?

– Понял.

– Смотри не забудь!

На следующую смену я взял с собой банку сметаны. Ночью Ленька остановил драгу.

– Идем с нами.

Афанас зажег фонарь, мы спустились на берег и пошли куда-то в лес. Потом свернули в сторону речки. Подойдя к берегу, Ленька наклонился, что-то искал в воде и вскоре потянул леску. Оказалось, там стояла закидушка, а попался на нее довольно крупный налим.

– О, попался, усатый! – обрадовался Ленька. – Повезло тебе, – обратился он ко мне, – попробуешь налима в сметане. Сегодня ночью здесь померкнут все рестораны мира! – торжественно добавил он.

Я еще не ел ни в одном «ресторане мира», но, думаю, именно так с ними все и вышло! А еще знаю точно, что именно тогда, под звездным августовским небом, для меня померкли все профессии мира. Я просто тихо улыбался своему счастью.

Ленька снял налима с крючка и кинул на берег:

– Держи, смотри не выпусти, скользкий очень!

Я схватил добычу и положил в мешок, взятый с собой.

Афанас достал из кармана полиэтиленовый мешочек, вытащил оттуда пескаря. Рыбешку нацепили на крючок и закидушку вернули на место.

Так мы проверили еще несколько ловушек. Улов получился отличный – три налима!

Вернувшись на драгу, Ленька взялся за рыбу. Он умел ее готовить и никому другому не мог этого передоверить. Да и некому было, если честно. Вкуснотища у него получалась неопишущая!

Мы потом часто так пировали. Я уже и на работу ехал охотней – ради того, чтобы проверить закидушки. Дома как-то стыдился рассказывать об этом: выходило, что я там рыбу ем, а домашние – нет. Но потом понял, что и сам ведь могу поставить пару ловушек. Поймаю – и этот налим будет мой!

– Ты пойдешь понтоны проверь, – сказал мне Ленька, когда ужин был съеден. – В этом левом, похоже, сильная течь. Чья-то смена пробила и молча, блин, ушла!

Я спустился с драгерки, заглянул в понтон. Включил насос, подождал, пока он откачивал воду, потом включил другой насос. Когда вернулся, на столе уже все было убрано. Ленька с Афанасом, я заметил, стали уже красные, разговорчивые.

– Сейчас покурю, – зачем-то сообщил Ленька, – а потом начнем работать.

Он включил драгу и встал у штурвала. Афанас задремал сидя.

– Подбрось дров в печь, – напомнил Ленька.

Я подбросил. Сел и стал смотреть на ковши. Мне нравилось наблюдать за ними, смотреть, как они, опускаясь, один за другим уходят под воду, а затем поднимаются, зачерпнув породу. Когда попадалась более плотная, твердая порода, ковши натягивались, слегка замирая, и мне казалось, что в этот момент замирает и напрягается вся драга. Потом порода откалывалась и ковши начинали двигаться по-прежнему.

«И где-то в них золотые песчинки, – думал я. – Ради них мы тут, на этой драге».

– Поспи, – предложил Ленька. – Чего сидеть?

Спать не хотелось. На душе было как-то легко и хорошо. В ту минуту мне хотелось работать матросом драги всю свою жизнь – вот так, как сейчас.

Потом все же сон сморил меня. Я устроился поближе к печке и уснул. Когда проснулся, было уже светло. Афанаса не было. Ленька по-прежнему стоял у штурвала драги и работал.

– Подбрось дров, – попросил он.

Я подбросил. Вернулся Афанас, видимо, сделавший обход драги. Он поставил чайник и подменил Леньку, чтобы тот отдохнул и мог попить чайку.

Смена уже заканчивалась, а Ленька все никак не останавливал драгу. Я с удивлением смотрел на него. По берегу уже шли рабочие и Коровинский с ними.

– Явился, – фыркнул Ленька. – Сейчас будет нас обнюхивать. Нюхай, нюхай, сегодня мы как стеклышки чистые, – с довольной улыбкой произнес он.

Сменщики подошли к краю котлована со стороны трапа. Мы собрались и спустились вниз. Николай запрыгнул на трап первым и пошел на драгу. За ним последовали остальные.

Надо сказать, что все другие смены относились к нам довольно неуважительно: считалось, что работаем мы плохо, показатели хуже, чем у всех.

– Ну и как у вас дела-то? – спросил Николай у Леньки.

– Да нормально.

– Сколько часов работали?

– Всю ночь работали. Правда, здесь слева порода твердая, чуть не разулись. Пока ковши обратно нацепили, часа три потеряли.

Николай промолчал. О том, что с левого борта порода плотная, он, конечно, знал и без нас. А вот того, что мы чуть не разулись (это значит, что наполовину слетели ковши), он проверить не мог.

– Сколько в итоге прошли-то?

– Я в журнале все записал, – ответил Ленька.

– Ладно, – согласился Николай. – Потом проверю, посмотрю.

Мы направились к машине.

Когда отошли уже довольно далеко, Ленька передразнил начальника:

– «Сколько прошли, сколько прошли!»! Сколько надо, столько и прошли!

Вообще-то те три часа мы потратили на налимов. И я понял, что отныне мы одна команда. У нас стала складываться своя особая жизнь. Было мне от этого немного не по себе, но ведь тратили мы то время с огромной пользой! Я, например, научился ставить закидушки на налимов. Окажись я в какой-то другой смене, работа была бы нудная, неинтересная: каждый был бы просто сам по себе и выполнял только свои обязанности.

Я не раз слышал, что в других сменах случаются скандалы, какие-то выяснения отношений. У нас же, несмотря на то что к нам относились свысока, посмеиваясь, такого не было. Конечно, бывало, и мы ругались – но обычно только со сменщиками, когда те чересчур начинали нас «воспитывать».

Осень вступала в свои права. Как-то, отправляясь в дневную смену, я оказался в машине один.

– А где Симаков с Дайбовым? – спросил водитель.

Я почему-то был уверен, что они на драге. Так и сказал водителю. Но он, похоже, мне не поверил, подождал еще немного, прежде чем поехать.

На месте ни Леньки, ни Афанаса не оказалось. Стоял чей-то мотоцикл: как выяснилось, на нем приехал дядя Вася Федоров. Он ремонтировал сломавшийся трактор. Нужно было проводить расчистку полигона.

Я проверил воду в понтонах, поднялся в драгерку. И тут приехал Коровинский.

Переговорил с трактористом, потом поднялся на драгу и спросил у меня:

– А где эти двое?

Я не знал, что сказать. Ответил, как есть:

– Ехал один.

Николай прошелся по драге, потом спустился, пошел к дяде Васе. Они стояли, о чем-то говорили. Я тоже сошел на берег и направился к ним.

– Будешь сегодня помогать трактористу, – обернулся ко мне начальник. – Что попросит – поможешь, поддержишь.

– Хорошо, – согласился я.

Николай завел мотоцикл и уехал. Я подумал, что он отправился искать Леньку с Афанасом.

Я стоял возле трактора и ждал, когда дядя Вася попросит меня о чем-нибудь. Но он ковырялся в тракторе и молчал, не обращая на меня внимания. Мне надоело стоять без толку, я отошел и сел в сторонке. Потом мне надоело сидеть и я стал ходить вокруг трактора и смотреть, что он там ремонтирует.

И тут дядя Вася спросил:

– Ты видел тут такой тюк – как большая катушка? Толстые такие нитки?

Я догадался, что речь идет о фильтре тонкой очистки. Но я не знал, есть ли он у нас, поэтому сказал, что не видел. И это было единственное, с чем дядя Вася за весь день обратился ко мне.

Вечером машина привезла сменщиков. Они уже знали, что Леньки не было и драга стояла.

– Так и не появился Симаков? – спрашивали они меня.

Я молча забрался в кузов. Что мне было отвечать?

В поселке возле Конного нас встретил Николай.

– Если Симаков и завтра не выйдет, снова будешь помогать трактористу, – сказал он мне.

– Ладно.

Дома я приготовил несколько закидушек на тот случай, если Ленька снова не появится.

Мужики не вышли и на следующий день. Дядя Вася возился возле трактора. Я послонялся рядом, убедился, что не нужен ему, и пошел поставить закидушки. Проверил те, что уже стояли, – попался всего один налим. Решив забрать его ближе к вечеру, я вернулся обратно. Дядя Вася снова не обратил на меня внимания.

Я решил погулять, но так, чтобы оставаться на виду. Дошел до котлована. Стал наблюдать за летающими здесь большими зелеными стрекозами. Они зависали на одном месте, потом делали резкий рывок в сторону и словно растворялись в воздухе. У противоположного берега что-то булькнуло в воде: там плыла выдра. Она покопошилась у самого берега, потом нырнула – и пропала.

К концу смены я забрал улов – одного налима.

Приехавшие сменщики опять подшучивали надо мной. Я забрался в кузов ЗИЛа, сидел один. Когда приезжал-уезжал ремонтировать трактор дядя Вася, я так и не понял. Похоже, он работал даже ночью.

Через двое суток, как раз к нашей ночной смене, появились Ленька с Афанасом. Ленька похудел, осунулся, лицо потемнело. Один глаз был подбит.

– Это меня моя пантера наградила. – Так Ленька называл свою вторую половину. – Знаешь ее?

– Нет, – сказал я.

Я действительно никогда ее не видел.

– Будешь жениться, Батькович, смотри, чтобы жены травоядные были! – посоветовал он мне.

Афанас эти слова выслушал с обычной своей улыбкой. Я не знал, была ли когда-нибудь у него семья, но в то время он был один. Зато Симаков был женат уже второй раз.

Первая жена у него была, говорят, очень красивая. Но она не хотела жить с Ленькой в деревне, а Ленька не хотел жить в городе. Так и расстались.

Из-за нее Ленька даже дрался с Мишкой Махнашиным, был у нас такой первый парень на деревне, этакий «расписной фазан», как говорили. Когда Мишка решил отбить у Симакова его красавицу, они встретились зимой возле клуба. У обоих в руках были фонарики, парни светили ими друг другу в лицо. А когда словесные аргументы закончились, в ход пошли кулаки. Ленька тогда здорово ощипал Мишке перья, и тот перестал ухлестывать за его невестой.

Молодые поженились, у них даже родилась дочка. К ней Ленька какое-то время ездил в город, но потом жена сказала, что хватит. Ленька понял все. Позже он встретил бывшую жену с каким-то плюгавеньким мужичком и прямо спросил: «Ну что, он так же хорош, как я?» Она отвернулась и промолчала. А Ленька порадовался, что она наказала сама себя.

Но и сам он тоже был сурово наказан. До сих пор, уж лет десять, тоскует по дочке, даже в тюрьму попадал, чтобы только легче было забыть...

– Чует мое сердце, – сказал вдруг Симаков, – сейчас сюда Корова заявится. Включаем драгу – и вперед!

На берегу отремонтированный трактор уже расчищал новый полигон.

Ленька стоял у штурвала. Афанас ходил, осматривая драгу. В этот момент на берегу действительно появился Николай.

– Я же говорил, – кивнул Ленька. И неожиданно спросил у меня: – А ты чем тут два дня без нас занимался?

– Трактористу помогал.

Больше Ленька ни о чем не спросил. Я понял, что он готовится к трудному разговору с начальством. Николай на берегу уже кричал и махал руками, требуя, чтобы Ленька остановил драгу. Тот в ответ прикладывал руки к ушам, делая вид, что из-за шума ничего не слышит. Однако потом все же остановил драгу и сказал мне:

– Пойди опусти трап.

Я спустился вниз. Николай вскочил на трап и решительно прошел мимо меня. Я сошел на берег. Крик с палубы перекрывал даже рокот работающего трактора. Потом я увидел, как наш начальник спрыгнул на землю и быстро ушел в сторону дороги. Затарахтел мотоцикл. Коровинский уехал.

Я вернулся в драгерку. Ленька с Афанасом молча сидели за столом.

Я рассказал, что проверял закидушки, попался один налим, но его я увез домой. Ленька с Афанасом пропустили это признание мимо ушей.

– Вообще, Корова – неплохой мужик, – вдруг произнес Ленька. – Ругается по делу. Я бы на его месте вообще выгнал нас по тридцать третьей. – А потом, помолчав, добавил: – Только ему деваться некуда. Заменить-то нас все равно некем.

Афанас вздохнул.

– Ладно, – подытожил Ленька. – Уехал Корова, теперь и расслабиться можно. Сходи-ка проверь закидушки, – обратился он уже ко мне.

Я с радостью побежал и снял двух налимов. Когда вернулся, Ленька с Афанасом сидели уже «поправившиеся». Я показал улов.

Они кивнули:

– Заберешь домой!

В этот момент внизу опять затарахтел мотоцикл. Это вернулся Николай. Как потом выяснилось, что-то забыл, распахивавшись из-за разговора с мужиками.

– Убери налимов, – шепнул Ленька.

Я быстро спрятал рыбину в рюкзак. И пошел проверять понтоны. Афанас направился следом. Николай мимо нас поднялся в драгерку. Через некоторое время раздался его вопль. Коровинский бегал по драге и искал брагу. На моих глазах две банки улетели в котлован.

Когда он уехал, мы снова собрались в драгерке. Ленька курил.

Потом он рассмеялся и стал рассказывать:

– Корова просто обомлел, увидев мое лицо. Минут десять стоял с выпученными глазами. Потом аж вой с визгом пошел! Давай тут кругами скакать, банки из меня трясти. Выложу я их ему, как же! Не для того ставил. Две вот все-таки нашел... А про тайничок так и не знает! – Тут Ленька вздохнул. – Теперь в любое время может нагрянуть. Может, мотоцикл ему повредить, а? Ладно, пусть катается. – Ленька махнул рукой.

На улице окончательно стемнело. Трактор с включенными фарами все работал.

– Ну, доставай налима, – скомандовал Ленька. – Жарить будем, нервы в порядок приводить! Я достал рыбину из рюкзака.

Он выбрал ту, что покрупнее, другую сунул мне обратно:

– Этого заberi.

Я убрал мешочек в рюкзак. Ленька взялся за готовку.

– Вот соединить бы Корову с моей пантерой – что было бы? – проговорил он и сам себе ответил: – Гремучая смесь! – И засмеялся. Помолчав, добавил: – Хотя они между собой общий язык нашли бы.

Вскоре налим был готов. Мы поели, но так и остались сидеть за столом. Судя по всему, настроения работать у Леньки не было вообще.

– Надо тебя как-нибудь напоить, – задумчиво произнес он.

– Зачем? – не понял я.

– Да чтобы посмотреть, какой ты пьяный. Вдруг нас с Афонькой одной левой утопишь тут, в этом котловане?

– Зачем вас топить-то? – спросил я серьезно.

– Да кто тебя знает, может, камень какой за пазухой держишь?

– Нет. Никакой камень не держу.

Афанас посмеивался.

– Не, – вдруг произнес Ленька, словно какая-то отличная идея пришла ему в голову. – Мы его лучше напоим перед приездом Коровы, а потом выпустим, чтобы он задрал его.

Я представил, как меня выпускают, словно пса Баскервилей, я набрасываюсь на Николая и начинаю рвать его зубами, так что только клочья летят в разные стороны. Мне стало смешно, и я расхохотался.

– Смотри-ка, весело ему, – сказал Ленька. – Цирк!.. Будешь нас вспоминать с Афонькой, будешь!

В ту смену мы почти не работали. Утром Николая не было.

– Отсыпается, – объяснил Ленька, когда мы забрались на машину. – Во сколько он домой-то приехал? Часа в два. Потом часа два еще валялся, за драгу переживал, чтобы мы ее тут не спалили. Так что только к утру заснул.

В следующую ночную смену Ленька, вопреки моим ожиданиям, работал как положено. Поэтому утром выглядел очень уставшим. Мы с Афанасом тоже утомились.

– Это Корове подарок, чтобы слишком не переживал, – улыбнулся Ленька. – Носом чую, утром приедет.

Николай и впрямь приехал. Молча ходил, смотрел. Мы тоже молчали, наблюдая за ним. Видно было, что он остался доволен, но нам ничего не сказал, стал давать указания дневной смене. Мы отправились к машине.

– Видал, какой он довольный?

Ленька первым забрался в кузов. Мы вдвоем всегда ездили в кузове, хотя в других сменах

драгеры садились в кабины – такая у них была привилегия.

Когда машина уже тронулась, Симаков предложил:

– Пока погода стоит хорошая, надо за клюквой сходить. Вон там клюквенное болото, я смотрел, есть ягода, хорошая. Так что возьми с собой посудину.

Дома я приготовил трехлитровый зеленый бидончик. Обычно я ничего не рассказывал о работе, даже когда привез первого налима. Мама тогда еще удивилась: «Когда успел? Времени много было или Ленька разрешил?» А про клюкву я решил объяснить так: скажу, что электроэнергии не было. Драга, мол, стояла, я и сходил за ягодой.

В следующую дневную смену погода была яркая, солнечная. Ленька стоял у штурвала, работал. Казалось, он забыл о клюкве. Афанас где-то ходил по драге.

Наконец вернулся в драгерку и спросил у Леньки:

– Что там твой нос говорит насчет Николая, будет он или нет?

– Сейчас определим. – Ленька втянул носом воздух. – Говорит, что нет.

– Ну, тогда идем за клюквой, чего тянуть? Раз решили.

– Сейчас подведу драгу к левому борту, и пойдем.

Я стал наблюдать, как мы медленно приближаемся к левому борту.

– Ну вот и лады, – проговорил Ленька, останавливая драгу. – Идем, если ее не обобрали за эти дни.

Мы спустились на берег и пошли за клюквой. Был солнечный, теплый осенний день, деревья стояли в своих разноцветных нарядах. Клюква на болоте была, никто не догадался ее собрать.

– После нас тут будет и делать нечего! – хвастливо воскликнул Ленька. – Кто не успел, тот опоздал!

Мы разбрелись по болоту. Часа через два Ленька ушел, мы остались с Афанасом вдвоем.

Через некоторое время заработала драга, и Афанас засобирался:

– Я пошел. Дорогу найдешь?

– Найду.

Из всей ягоды я любил собирать только смородину. Если найти рясный куст, подставить под него ведро, опустить в него плети и встряхнуть, вся ягода сама осыплется в ведро. С клюквой та-

кое невозможно, класть в бидон приходилось по одной. И вскоре мне изрядно надоело наклоняться за каждой ягодкой. С трудом набрав литра два, я тоже отправился назад.

Походил по берегу котлована, понял, что драга остановится не скоро, и пошел проверить закидушки. Ни в одной налимов не оказалось. У некоторых не было наживки, а у меня с собой не было пескарей. Пришлось забросить их так.

Когда я вернулся, драга стояла, трап был опущен.

– Сколько набрал? – поинтересовался Ленька. Я показал свой бидон.

– Ну, блин, из нас ягодники! – фыркнул он. – Всю клюкву оставили на месте.

Оказалось, мужики собрали и того меньше.

– Смотрел закидушки, ничего нет, – сказал я.

– Так Афонька проверил, – пояснил Ленька. – Четыре налимчика попало, мы их с собой забрем. Домашних тоже угостить надо.

– А где взять пескарей, чтобы наживулить на крючки? – спросил я.

– Рыбачить надо.

Я-то думал, у них, может, где стоит специальная корчажка... Удочек я тоже не видел. Решил, что привезу свою, потом похожу порыбачу.

Позже я понял, что лучше сделать корчажку хотя бы из банки: в нее проще ловилась мелкая рыбешка. Ленька с Афанасом продолжали ставить закидушки, а я следил за ними. Не скажу, что налимы попадались нам постоянно, но и тому, что было, я очень радовался.

Подступала глубокая осень. Шли дожди, листья с деревьев облетели. Вода поднялась, и закидушки пришлось убрать. С наступлением холодов на драге стало не так интересно. Теперь моей основной обязанностью стала буржуйка – чтоб топились бесперебойно от начала смены и до конца.

Выйдя на смену, мы занимались заготовкой дров, чтобы на два дня хватило. И сменщикам строго-настрого запрещали трогать наши запасы. Сушняк вокруг навалом – сами рубите! Впрочем, и другие смены требовали, чтобы мы на их дрова не зарились.

Уже ближе к концу сезона пошел первый снег. Мы только заступили в ночную, кочегарили буржуйку, как в драгерку забежал запыхавшийся Ленька.

– Видел лося, – сказал он. – Похоже, ранен, вроде упал.

Мы побежали на берег. Лось лежал там, где его видел Ленька. Он был мертв. В боку у него была дырка от пулевого ранения.

– Во, кто-то шлепнул и упустил, – сказал Афанас.

– Зря пропадает, – вздохнул я.

– Как-то видел следы росوماхи, – сказал Ленька. – Найдет – обрадуется небось.

В эту смену Ленька работал всю ночь и мы с Афанасом тоже не спали. Я думал, что на этот раз Николай похвалит Леньку, а тот с ходу накричал. Такая несправедливость меня покорила, и я сказал начальнику, что на этот раз он не прав. Наступила тишина. Николай глянул на меня, поморщившись, будто говоря: «Уж ты бы молчал!» Афанас, перехватив этот взгляд, расхохотался. Коровинский что-то буркнул и вышел. Правда, потом ходил по драге молча, что-то проверяя. Больше ничего не сказал.

– Ты не лезь, куда тебя не просят, – посоветовал мне Ленька. – Хотя что об этом говорить – сам поймешь, как надо, когда вот такие шишки набьешь. – И он развел руки в стороны, показывая, какой величины шишки нужно набить, чтоб поумнеть. – С начальством надо уметь жить. А я вот не умею, и Афонька не умеет.

А я подумал, что если все делать по правилам, то некогда будет ходить за налимками и совсем скучно станет. Я даже сказал об этом вслух.

Ленька с Афанасом переглянулись:

– Смотри-ка, соображает!

Потом Ленька добавил:

– Конечно, Николай (впервые он сказал «Николай», а не «Корова») – начальство так себе, мелковатое. Но вообще, если с начальством правильно жить, икорочка с маслицем всегда будет. Хотя и налим в сметанке тоже неплохо! У каждого свои радости. Кто как принаровится.

В эту смену Ленька снова работал усердно. Мы с Афанасом тоже делали свое дело.

А зима между тем все больше вступала в свои права. И вскоре драга встала. Выпал глубокий снег, ударили морозы – и она полностью замерзла в лед.

– Зайдешь в контору, рассчитаешься, – сказал мне Николай.

– Почему? – спросил я.

– Драга – все, встала навсегда, – ответил он. – Она давно уже выработала свой ресурс.

...На то место я приехал через много лет.

Наша драга (а вернее, то, что от нее осталось, – занесенный илом и заросший тальником понтон) стояла там же, где остановилась. Котлована не было, река пробилла себе новое русло, и все кругом поросло молодыми деревцами, кустарником и травой, словно и не было здесь никаких работ. Я знал, что уже нет в живых ни

Леньки, ни Афанаса, ни Николая. Да и страны той, в которой мы жили и работали, тоже не было.

Я развел на берегу костерок, достал специально припасенную арачку, налил им всем троим, окропил землю. Потом «покормил» огонь, выпил сам (помянул их) и, немного посидев, ушел. Теперь уже навсегда.

Диана
КАН

ВЕТЕР ВОЛЬНОСТИ

* * *

На дорожку выпили. Закусили пряничком
Бравые хорунжи, юные уряднички.
Рюмки наземь шваркнули.

Песенку возгаркнули.

Стременами звякнули.

Шашками возбрякнули.

Ой ты, песня-песенка, свободолюбивая,
До Урала-батюшки долети, ретивая!
Милым другом петая, Господом хранимая,
И до Волги-матушки долети, родимая.
В буйны ветры лентою

шелковой вплетенная,

Помнящая Разина, знавшая Буденного,
На просторах родины

солнышком разнежена,

Не кончайся, милая песня обережная!

* * *

Ты женщина, а это ветер вольности...

Ю. Кузнецов

Царя всевластно на родном просторе,
Где навсегда сроднились даль и дол,
Ты шлялся, вольный ветер, в чистом поле
И на судьбу нечаянно набрел.
Тебя в подол поймала – вот находка!
Немало вольных ветров на Руси!

Ты поначалу показался кротким
И даже робким, Господи спаси!
Пока белье в Урале полоскала
И шла домой по колкому жнивью,
Заискивал, играя с лентой алой,
Что крепко в косу вплетена мою.
Кружа вокруг немыслимые вальсы,
Которые у ветров так в чести,
Внезапно осмелел и попытался
Мою тугую косу расплести.
Я отмахнулась, поправляя локон
Своих строптивых вьющихся волос.
Ты погрузстнел и шлялся возле окон,
Дождливо-грустных не скрывая слез.
А ведь, бывало, струги и будары
Гонял ты по седой Урал-реке,
В степи до неба раздувал пожары,
А тут вдруг приуныл в печаль-тоске.
Мечтал бродить веками в чистом поле...
Кому дано смирить твой буйный нрав?
Но заблудился в шелковом подоле,
На бабу-дуру волю променяв.

* * *

Стипухи хватит на общагу,
А также хватит без проблем
На джинсы «Вранглер», торт «Прагу»
И на пластинку «Бони Эм».

КАН Диана Елисеевна – поэтесса, член Союза писателей России, член редакционных коллегий ряда литературных изданий России, лауреат всероссийских премий. Автор книг «Високосная весна», «Согдиана», «Междуречье», «Обреченные на славу», «Млечный мост», «Подорожная» и др. А также многих публикаций в центральных и региональных изданиях. Живет в Оренбурге.

На что еще? На радость жизни,
Что в смехе молодом искрит,
Когда уверенность в Отчизне
Сомнению не подлежит.

Тот, кто мою не знает юность,
Присвистнет звонко: «Э-ге-гей!
Ну ты, Дианчик, размахнулась
На целых 35 рублей!»

А у меня размах имперский:
Калининград – Владивосток!
И хохот молодой и дерзкий
Взлетает аж под потолок.

А у меня страна такая –
Земли одна шестая часть!
И я пока еще не знаю,
Что могут это все украсть.

Я сессию не завалила –
Любимый торт «Прага» ем.
Вчера на фарце прикупила
Пластинку группы «Бони Эм».

И смотрит на меня с улыбкой,
Пока несу какой-то бред
С самоуверенностью пылкой,
Влюбленный парень-почвовед.

Апрель заигрывает с маем,
Но помыслы его чисты...
И я еще пока не знаю,
Что где-то есть на свете ты!

* * *

«Ну что, моя красавица? –
Ты протянул мне розу. –
Все только начинается...»
Похоже на угрозу!
Наверное, устала я
Быть строгой недоτροгою,
Как эта роза алая –
Такой же одинокою.
Устала от попутчиков,
В которых не уверена.
От Блока и от Тютчева
И даже от Есенина.
Устала грезить будущим,
Казаться всем стержозом,
Быть в чьем-то сердце любящем
Кровавою занозою.

Сколь от судьбы ни шастала,
Судьба догнать намерена...
Я розочку шипастую
В руке держу растерянно.

* * *

Со мной никогда ты ни в чем не согласен,
Но пусть нас рассудит полночная тьма.
Ведь мир наш
лишь тем безнадежно-прекрасен,
Что всяк здесь по-своему сходит с ума.
С тобой никогда я ни в чем не согласна,
Не зря малахольной веками спыву...
Уверь же, уверь меня, сокол мой ясный,
Что все происходит сейчас наяву.
Что в том, что навечно случится сегодня,
О чем соловей залихватски звенит,
Виновна не полночь, лукавая сводня,
Но полдень, победно взлетевший в зенит.

* * *

Кровяются высверки зари
Меж льдистых облаков...
«Люблю тебя!..» – не говори
Мне этих страшных слов.
Уж лучше оставайся нем
И сделай вид, что глух:
Они безжалостны ко всем,
Кто произнес их вслух...
Уж лучше поцелуем я,
Мой милый обормот,
Под пересуды декабря
Тебе закрою рот.
Пусть от зависти ворчит
(И окороту нет!)
Весь добродетельный на вид
Декабрь, старый дед.
Я поцелую – не сокру,
Ведь я не из тихонь!
...Пылает на шальном ветру
Наш поцелуй-огонь.

* * *

Наденька, надень-ка
Платье из новья!
Родилась идейка
Нынче у меня.
Дамую идейной
Ощутив себя,
Разве не хотейно
Жизнь начать с нуля?

Наденька-Надея!
 Все-то нам к лицу!
 На любовь надеясь,
 Хоть сейчас к венцу!
 Пусть шальная тройка
 Мчит и мчит вперед,
 Чтобы ахал только,
 Расступясь, народ.
 Эх, ямщик бывалый,
 Ленты под дугой...
 И в рубахе алой
 Ухарь молодой.
 Стоп на повороте –
 Размечталась я:
 Почему-то против
 Дети и мужья.
 Но зато азартна
 Кавалеров рать!..
 На Восьмое марта
 Вредно не мечтать.
 Надя, вытри слезы,
 Оглянись вокруг!
 Али мы не розы
 Класа Люксембург?..

* * *

В парке ветер газету листает...
 Изумруды меняя на медь,
 Шалых листьев мятежная стая
 Порывается в небо взлететь.

Невысокого, право, полета
 Золотая жар-птица – листва.
 Но и ей тоже в небо охота.
 И она, безусловно, права.

Вновь и вновь при дожде-конвоире
 Всем земным непогодам назло
 Жар-листва, как и все в этом мире,
 Порывается встать на крыло.

Шаль моя, и окошка фрамуга
 В эти грустные светлые дни,
 И стихи, и тоска, и разлука
 Вспоминают: крылаты они.

* * *

Ты твердишь: ты лучший самый!..
 Но пока, братуха мой:
 «Вышли сала! Здравствуй, мама!» –
 Эсэмэску шлешь домой.

Сколько ни дай тебе – все мало!..
 Жить привыкшему во зле
 Родина везде, где сало
 И горилка на столе.
 На майдане развлекайся,
 Сало ешь, горилку пей...
 Только после не раскайся,
 Покаянных слез не лей.
 Эхма, салом по мусалам...
 Не ударь, братуха, в грязь:
 Продаваться – так недаром,
 Це Европа заждалась!
 Вряд ли, впрочем, салом встретит,
 Малость впавшая в ислам,
 Не бросая слов на ветер,
 Буркнет разве что: «Салам!»
 Зря ты ждал моих проклятий...
 Что воззрился на меня?
 Братья мы, конечно, братья:
 Каин с Авелем – родня!

* * *

В расхристанный денек осенний
 Я снова вспомню о тебе,
 Лирический бунтарь Есенин,
 Собрат по грусти и судьбе.

Моя осмеянная всеми
 Неразделенная любовь –
 Эпический блондин Есенин,
 Что супишь бронзовую бровь?

Иду с красивой дочкой Настей
 В Литинститут на семинар...
 А ты обзираешь настужу
 Распахнутый Тверской бульвар.

Вокруг владычествует осень,
 А дочь моя – сама весна.
 Она тебе цветы подносит...
 Похоже, тоже влюблена!

И ты не выглядишь уставшим
 В цветах поклонниц молодых –
 Высоким памятником ставший,
 В костюме одетый, как жених!

С улыбкой горько-горделивой
 Глядишь мне вслед через плечо...
 И я кажусь тебе счастливой,
 Хоть я не памятник еще.

**Андрей
ТИМОФЕЕВ**
НАВСТРЕЧУ

Повесть

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. САША

1

Саша была для меня ярким солнышком, самой светлой и чудесной девушкой, которую я знал. Когда я стоял посреди школьного коридора, нарочно оказываясь именно там, где она должна была пройти с одного урока на другой, то еще издали различал ее звонкий переливистый смех. Я никогда не заговаривал с ней сам, я был на три года старше и никому не признался бы, что мне нравится восьмиклассница, а уж тем более не сказал бы об этом ей самой. Но она отчего-то чувствовала мою робость и, приблизившись, весело ударяла меня по плечу. А я всякий раз удивлялся, как она смеет, но в ответ мог только сдержанно и неодобрительно покачать головой или строго выговорить: «Осторожно, Саша...»

После уроков я подолгу гулял по городу, думая о ней, предчувствуя что-то томительное и радостное. Как-то, найдя в учительской журнал их класса, я узнал номер ее домашнего телефона, но так и не решился позвонить... А потом в конце февраля Саша попала в реанимацию. Ходили слухи, что она сама выпрыгнула из окна девятого этажа, но я не мог в это поверить. Мне

казалось, если бы кто-то при мне сказал об этом вслух, я набросился бы на него в ту же секунду.

Помню холодные больничные коридоры с деревянными лавками вдоль стен. Был выходной день, и я пытался найти кого-нибудь из врачей, блуждая по отделению, стучась, открывая какие-то двери. Сильно пахло хлоркой. За стеной плакали, и от этого становилось жутко. Наконец я оказался в крошечной проходной комнате с медицинскими шкафами и услышал тонкие сигналы человеческого пульса. Я осторожно шагнул вперед и замер от неожиданности.

Просторную палату заполняли лучи зимнего солнца из огромного окна, отражаясь на белых стенах, на белом столе, белой простыне на кровати, закрывающей неподвижное тело Сашеньки. Сначала я даже не узнал ее. Переливалась радужными цветами трубочка капельницы над ее головой, бегали озорные блики по прозрачной дыхательной маске. Я хотел было подойти к кровати, но не решился и лишь немного наклонился вперед, чтобы лучше рассмотреть лицо, светлые волосы на подушке – такие длинные и густые, что их не смогли даже как следует собрать в пучок чужие руки врачей. Саша не видела и не слышала меня, и только в воображении мне показалось, что звуки сердца участились, когда я тихо позвал ее по имени.

ТИМОФЕЕВ Андрей Николаевич родился в Салавате. Окончил Московский физико-технический институт и Литературный институт им. А. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Лауреат премии им. И. Гончарова, им. А. Кузьмина, им. Л. Леонова, журнала «Наш современник». Старший преподаватель Московского государственного института культуры. Руководитель Совета молодых литераторов Союза писателей России. Член Центрального штаба Культурного фронта России. Живет в Химках.

В этот момент чьи-то сильные пальцы схватили меня и поволокли прочь. И лишь в коридоре я разглядел перед собой женщину в белом халате с полными багровыми щеками, сердито говорящую мне о том, что это реанимация и сюда никому нельзя.

– Может, передать ей что-нибудь от тебя? – спросила она в конце неожиданно мягким голосом.

И тогда у меня все смешалось: и страх за Сашу, и гора сочных красных яблок, которые я зачем-то должен ей передать.

«А как же она будет их есть?» – подумал я. Только несколько дней спустя я понял, что та медсестра имела в виду передать на словах – что Саша мне дорога, что я ее люблю...

Отпевали Сашу в старой городской церкви. В детстве бабушка несколько раз водила меня туда, и я помнил, как из-за тесноты люди постоянно задевали друг друга локтями, когда крестились. Теперь же меня удивило, что внутри было пусто и холодно. На похороны пришли одноклассники Саши и учителя. Всем раздали по свечке, а пожилая учительница математики каждому предлагала маленький квадратик бумаги, чтобы не обжечься от стекающих горячих капель. Гроб стоял поодаль, между крестом и купелью. Саша была одета в белоснежное платье, а вдоль тела лежали ярко-красные розы.

Собравшиеся долго стояли в темноте, но никто не подходил к нам, будто мы были здесь чужие. Я слышал надтреснутый старушечий голос, недовольно повторяющий, что самоубийц не отпевают, и другой, пронзительный и нервный, убеждающий, что это все неправда и что девочка умерла в больнице. Но вот у входа началось движение, постепенно передаваемое всем. К вошедшему в притвор священнику зашепшала худенькая женщина в больших очках и принялась отчаянно шептать что-то ему на ухо. Священник слушал нахмурившись, и я видел, как отблески свечей колеблются в его черной блестящей бороде. Рядом стояла суровая старушка из свечной лавки и глядела на всех исподлобья. Я понял, что решается что-то важное, но не мог понять, что именно.

Наконец священник резким взмахом руки поставил худенькую женщину замолчать. «Все знаю», – выговорил он, ненадолго подошел к родителям Саши и, не глядя ни на кого больше, скрылся в алтаре. А вскоре церковь наполнилась успокаивающим запахом ладана, и я, обес-

силенный, едва держался на ногах, чувствуя, как кто-то мучительно плачет внутри меня.

Плохо помню сами похороны, только вспыхивает в памяти, как мы медленно идем по извилистым улочкам мимо могил, а под ногами замерзшие следы грузовых машин. Несколько человек пытаются запеть, но их голоса хрипнут и замолкают. Еще помню, как падает мой комок мерзлой земли на крышку гроба и как та же худенькая женщина в очках начинает что-то долго говорить о Саше. Мне холодно, холод ледяной водой стоит в ботинках, трогает лицо и пальцы. Я закрываю глаза и вдруг ощущаю свое полное безразличие...

Вернувшись в тот день в свою комнату, я сел на кровать и осмотрелся. На столе лежали школьные тетради, в шкафу висела одежда. Мне захотелось вскочить, что-то еще сделать, опять бежать в церковь или на кладбище, но ничего уже не было нужно. Тогда я лег, обхватив себя руками, и почувствовал, как тянутся секунды. Бабушка, приехавшая на неделю из деревни, вошла ко мне в комнату и сурово сказала: «Лежит и лежит, будто у него бабка родная умерла». И по прошествии многих лет у меня останется из-за этого обида на нее, закаленную жизнью до такой стальной твердости, через которую уже никакое чувство не может проникнуть внутрь.

Следующей ночью мне приснился сон, как я иду по мутным, заполненным дымом коридорам. Полная медсестра с багровыми щеками не пускает меня, что-то говорит, хватая за плечи, но я наконец прорываюсь в палату. И там, среди ровных рядов кроватей с неподвижными больными, сидит Саша, наклонив голову вперед, и мечется как сумасшедшая, накручивая распущенные волосы на пальцы, крича громко, пронзительно, страшно. Я проснулся от сильной тоски и сначала не мог понять, где нахожусь. Машинально я поднялся с кровати, взял трубку телефона и позвонил по Сашиному номеру, а потом долго сидел на корточках перед телефоном, представляя, как в ее пустой квартире раздаются одинокие звонки. Но когда услышал заspanный женский голос на том конце, испуганно бросил трубку. Я не мог поверить, что ее родители по-прежнему живут у себя дома, что они не умерли от горя.

В нашей квартире на кухне в углу висела выцветшая икона в деревянной рамке, а под ней – большая полка, на которой пылились бабушкины старые церковные книги. Почему-то она ни-

когда не брала их к себе в деревню, а хранила у нас. Эта полка всегда была чем-то инородным среди других предметов; кажется, раньше я никогда даже не прикасался к ней. Но в ту ночь я достал оттуда потрепанную книжицу с черным крестом на обложке, раскрыл ее наобум и принялся читать. Мне казалось, что, если сейчас из всех сил начать молиться, можно перенестись назад в то время, когда Саша еще была жива, и все исправить. Я отчаянно верил в чудодейственность древних слов, и мне вдруг показалось, что это произойдет вот именно сейчас, нужно только как-то особенно произнести «и ныне, и присно, и во веки веков», еще и еще раз. Но ничего не происходило... Тогда я опять лег в кровать, но все еще настороженно вслушивался, не позвонит ли телефон. Я точно знал, что, если это произойдет, на другом конце я услышу ее голос.

На девятый день после Сашиной смерти мы с бабушкой пошли в церковь. Было по-обычномулюдно, будто ничего не случилось, будто никогда и не было здесь Сашиного гроба, а по-прежнему шла все та же утомительная служба, что и всегда. Церковь показалась мне чужой. А когда подавали записку за усопших, я вдруг увидел в свечной лавке ту самую суровую старушку, которая спорила с кем-то из Сашиних родственников в день похорон. Не глядя на нас, она монотонно ударяла красным карандашом по каждому имени в записке, а потом недовольно произносила себе под нос: «Все крещенные? Нет самоубийц?» Бабушка грубо ответила: «Нет!» — и в тот момент я был очень благодарен ей за этот обычный суровый тон. Но в то же время неясная тревога защемила мне сердце. Я почувствовал какую-то странную отделенность Саши от других умерших людей, которую всякий раз надо с таким трудом преодолевать, а вместе с тем отчего-то и свою отделенность от остальных живых.

Вскоре бабушка уехала к себе в деревню, а мы с мамой справляли мой день рождения вдвоем. Это был самый странный праздник в моей жизни. Мы сидели в какой-то непонятной проникновенной тишине и почти не говорили. Мама смотрела на меня с жалостью и боялась произнести что-то не то, лишь неуверенно и ласково гладила меня по руке. В темном окне, не завешанном тюлем, отражались мелкие точки зажженных свечей на торте, так что казалось, их в два раза больше, чем на самом деле. Я смотрел на эти точки, и мне было грустно, что больше никогда не стать мне таким, как раньше.

Я почти перестал общаться с друзьями, на переменах сидел за партой один, не глядя на других и не слушая, о чем они говорят. Меня не интересовали прежние увлечения. Иногда по ночам я опять вставал перед иконой. Мне отчего-то казалось, что так я могу загладить свою вину перед Сашей. Но от этих молитв становилось только тоскливее. Я уже не верил в то, что Бог сделает для меня чудо, потому что был какой-то твердый закон, по которому что-то было можно, а что-то нельзя. Но чем яснее я понимал это, тем настойчивее продолжал молиться с какой-то странной детской жесточенностью. Мне будто хотелось победить этот злой закон, доказать, что я сильнее его.

Мое пробуждение случилось в конце мая на выпускной школьной линейке. Как всегда, я стоял поодаль от своих одноклассников и о чем-то думал. Поднимались вверх воздушные шары, пущенные в честь праздника, и один из них застрял в листве. Жмурясь от солнца, я смотрел на этот шар и вдруг так ясно почувствовал, что мне всего семнадцать лет, что впереди целая жизнь, и мысль об этом поразила меня. Весь день потом я ходил как влюбленный, вдохновленный этой неожиданной мыслью.

36

После той линейки наш класс сидел в кабинете, ожидая учителей. Отовсюду доносился девичий смех, воздух был пропитан этим веселым щебетанием. А на последних партах жесточенно спорили ребята. «Ну вы и мужики! Конечно, если не поступишь в институт, нужно идти в армию!» — напористо возражал остальным Гоша Шаманов, высокий парень со шрамом во всю щеку. Я будто только что вынырнул из воды, мне казалось таким нелепым, что где-то есть армия, другие города, институты. Но я жадно ловил каждое слово, мне хотелось вмешаться в разговор, так же начать из всех сил доказывать что-то.

В тот день мы с Шамановым случайно вышли из школы одновременно и нам пришлось идти вместе. Мы почти ничего не знали друг о друге, хотя и учились вместе, и нам не о чем было говорить. Чувствуя возникшую неловкость, Шаманов принялся расспрашивать меня, где я собираюсь учиться дальше, еще о чем-то. Но после трех месяцев своего жесточенного одиночества я не мог сразу заговорить о чем-то простом.

— Знаешь, Гоша, вокруг нас идет война, — начал я серьезно. — Не подумай, это не фантазия. В мире постоянно происходит зло и несправед-

ливость, и мы даже не замечаем их. А нужно бороться, нельзя расслабляться ни на секунду. Ты спрашиваешь меня, чем я собираюсь заниматься в жизни, так вот: я хочу участвовать в этой войне изо всех сил!

Мне казалось, что он будет озадачен моими словами, но вдруг я заметил, что Шаманов совсем не удивлен, а наблюдает за мной с лукавыми искорками в глазах. Секунду мы внимательно смотрели друг на друга, а потом оба рассмеялись.

Трудно сказать, что мы с Шамановым нашли друг в друге. Он был главным заводилой в классе, любимцем девушек и завсегдатаем дискотек и уличных драк. Я — замкнутым молчаливым подростком, сосредоточенным на своих мыслях. Но с того дня мы несколько раз вместе шли домой из школы, а однажды даже съездили на реку ловить рыбу. Наверно, я казался Шаманову загадочным человеком, и потому он всеми силами старался меня разговорить. А когда не получалось, особо не расстраивался и продолжал о чем-то рассказывать удивительным дружеским тоном, которого, как мне казалось, я совсем не заслуживал.

— Слушай, Алешка, как думаешь, какими мы с тобой будем лет через десять? — рассуждал он, глядя на играющие на поверхности воды солнечные блики. — Я так представляю: у меня будет свой дом, я хочу его из дерева сделать, никаких кирпичей. Внизу цокольный этаж, там баня и камин. Мы будем с тобой сидеть после парилки и смотреть, как горит огонь, и будем чувствовать, что жизнь удалась!

И в этот момент мне тоже казалось, что моя жизнь на самом деле может удалиться, и я был благодарен Шаманову за это ощущение...

Наступившее лето стало для меня временем вдохновенной радости и жажды жить. По ночам я больше не стоял на коленях перед иконой, а лежал в кровати, мечтая о каком-то большом счастье, которое должно было ждать меня впереди. Но иногда смутное чувство грусти вдруг находило на меня, и я с удивлением вспоминал свои недавние восторги. А потом опять откладывал книгу и забывал о ней надолго. Я никогда не рассказывал Шаманову о Саше, боясь повредить беззаботной простоте отношений, которые сложились между нами. А он каждый раз просто-душно не мог понять, почему я отказываюсь от предложения поехать с ним на турбазу или на дискотеку.

Я поступил в институт в Москве и почти на год уехал из родного города. Институт напоминал средневековый монастырь. На асфальте перед входом в главный корпус было выведено: «Оставь надежду, всяк сюда входящий», как перед дверями ада, но первокурсники с решительным восторгом новоначальных переступали эту таинственную надпись, гордо поднимая голову.

Учиться было тяжело, и я почти не помнил дневных часов, потому что проводил их на занятиях или задерживаясь в аудиториях после занятий, и лишь после закрытия института возвращался в общежитие. А если удавалось занять место в ночной читалке, то подолгу сидел в пахнущей деревом маленькой комнате, где на столах горели одинаковые тусклые лампочки. Наконец в ясном предрассветном воздухе раздавался гулкий перестук первой электрички, и надо было идти спать.

Я возвращался в комнату — соседи обычно уже лежали по кроватям. Я наливал себе некрепкого теплого чая и сидел почти не двигаясь, время от времени делая несколько глотков и так же осторожно опуская чашку обратно на стол.

Несмотря на то что с соседями у меня было больше общего, чем с одноклассниками и знакомыми из родного города, я все равно не мог открыть им свои настоящие мысли, не мог быть полностью искренним с ними. Сильнее всех я сблизился с долговязым пареньком с пунцовыми щеками по имени Сеня Садовский. Сеня был совершенно неприспособлен к бытовой жизни, питался заварной лапшой и вареными сосисками. Занимался он сидя на кровати, подкладывая под тетрадь толстый справочник по физике и поминутно ерзая, чтобы размять затекающие ноги. Выполняя домашние задания, он мог вдруг отложить учебник и начать рисовать или записывать строчки стихов на случайных листах бумаги. По ночам Сеня уходил из комнаты гулять по институтскому стадиону, а потом возвращался продрогшим и, кашляя, виновато улыбался. Както я спросил его, зачем же он поступил в этот институт, если его интересует литература, но он только пожал плечами и неожиданно фыркнул от смеха: он не знал ответа на этот вопрос и не хотел задумываться над этим.

Однажды Сеня пригласил меня погулять по стадиону вдвоем. Был поздний вечер, вокруг никого не осталось, кроме нас. Несколько настоячивых фонарей освещало спортивные дорожки, но на дальней стороне, у забора, было совсем

темно, так что, проходя там, мы невольно ускорили шаг и замолкали. Сеня читал мне свои стихи про старого фонарщика, который бродит по улицам, догоняя промокшие ночные тени. Этот фонарщик был слишком пьян, чтобы помнить себя, но слишком трезв, чтобы забыть образ умершей любимой девушки. А я слушал, прикрыв глаза, шагая на ощупь, и чувствовал, как в одно мгновение воздух будто пропитался воспоминаниями, а сердце сжалось от этого нечаянного сходства. Пахло сырой листвой, недобро шелестел в траве ветер. И странно было осознавать, что прошло столько времени и что воспоминание, раньше прожигающее меня насквозь, теперь равномерным грузом лежит на моих плечах, придавая каждому движению души грустную значительность пережитого горя.

В ту ночь я долго не мог заснуть.

2

Я познакомился с Женей в середине ноября. У Сени был день рождения, и я знал, что должен приехать кто-то из его родственников. С вечера Сеня пытался убрать в комнате, но потом бросил. Двое других наших соседей отлучились на выходные домой, так что мы были вдвоем и до утра проговорили о чем-то, лежа в темноте.

Проснулся я оттого, что распахнулась входная дверь. За платяным шкафом раздались звуки шуршащей одежды и осторожное перешептывание.

– Арсений, – услышал я тихий напряженный голос совсем рядом.

К соседней кровати наклонилась маленькая женщина и ласково гладила Сеню по волосам.

– У тебя все хорошо? Ты не болен?

– Да все в порядке, мам, я спать хочу, – отмахивался тот, лениво перекатывая голову по подушке.

– А почему у вас такой беспорядок? Вы праздновали твой день рождения, да? – жалобно спрашивала женщина, оглядывая комнату.

Но потом вдруг быстро подошла к столу и решительно принялась собирать грязные тарелки в стопку.

Я повернулся на бок, чтобы рассмотреть Сениных родственников. В это время из-за шкафа вышла девушка лет шестнадцати, светловолосая, с розовыми щеками, и неуверенно шагнула вперед. Помню, как меня обожгли две яркие точки ее глаз, но я не сразу осознал, кого они мне так пронзительно напоминают. Я зажмурился,

делая вид, что еще сплю, но боялся, как бы мое неровное дыхание не выдало меня. Когда же я потом осторожно поднялся с кровати, она все еще стояла у входа прямо на том месте, где большой солнечный блик падал на стену. Я сказал ей: «Привет», она порывисто обернулась и, еще даже не разглядев меня, произнесла то же самое.

– Ты Алексей, да? – обратилась ко мне их мать. – Арсений писал нам о тебе.

Я обрадовался этому и смутился.

Мы убрали со стола все лишнее и сели пить чай. Я резал торт и разливал кипяток по чашкам, поглядывая в сторону Жени. А когда пододвинул ей тарелку с куском торта, она тепло сказала мне: «Спасибо». Я угадал, что она находится в особенном эмоциональном напряжении и так поглощена своими чувствами, что почти не замечает ничего вокруг. Мне нравилось наблюдать за этим ее состоянием.

Позже я узнал, что Женя учится в одиннадцатом классе и мечтает после окончания школы поступить в институт в Москве или Петербурге. Наверное, общежитие, где мы жили, представлялось ей особенным миром, и ей жадно хотелось узнать этот мир. Она порывисто наклонилась к уху Сени и начинала что-то шептать, но тот махал на нее рукой и выразительно крутил пальцем у виска. Как раз в такой момент я возвращался из кухни с полным чайником. Вдруг я догадался, что Женя просит показать ей институт. Не знаю, что на меня нашло тогда, но я с веселой настойчивостью вручил Сене чайник и сказал ей: «Пойдем». Женя подпрыгнула с места и чуть не стукнулась головой о верхнюю кровать.

Мама разрешила нам погулять, и, пока она не передумала, мы поспешно вышли в коридор.

– Вот так мы и живем, – начал я, когда мы спускались по замусоренной, измазанной окурками лестнице, и Женя радостно кивала.

Кажется, она думала, что нет ничего прекраснее, чем жить здесь, вдали от маминой опеки и скучного маленького городка, где она провела детство.

Я почти не помню, о чем мы говорили, скорее всего, я рассказывал о студенческой жизни, а ей хотелось слушать еще и еще. Мы ходили от одного учебного корпуса к другому. На улице шел то ли снег, то ли дождь, в лицо нам настырно летели мокрые листья, так что нас шатало из стороны в сторону, но нам было от этого только веселее.

Потом мы забежали в маленький магазин и встали перед витриной, выбирая, что бы купить. Женя откинула капюшон, и я удивился, как сильно она похожа на мою Сашу. Лицо ее покраснелось, челка лезла в глаза, но Женя всякий раз небрежно смахивала ее в сторону. Пока мы ждали своей очереди, я как зачарованный смотрел на нее.

– Может, по мороженому? – предложила она, с дерзкой решительностью взглянув на меня.

Мне вдруг очень захотелось, чтобы она весело ударила меня по плечу, и я только растерянно кивнул. Мы снова вышли на улицу под дождь, от мороженого сводило зубы, но оба делали вид, что оно нам очень нравится.

Когда мы вернулись в общежитие, Ольга Сергеевна стояла посреди комнаты, разбирая сваленное в кучу постельное белье. Сеня топтался рядом со скучающим видом.

– Женя, почему вы так долго? – недовольно обернулась к дочери Ольга Сергеевна. – Ты забыла шарф, я же тебе говорила, что шарф надо обязательно надевать!

Женя весело махнула рукой, но вдруг сильно раскашлялась. Мама подскочила к ней, начала трогать ее щеки и лоб. Жене было явно неловко от такой настойчивой маминой заботы. Не снимая куртки, она прошла в комнату и деловито стала разглядывать наши с Сеней учебники на столе.

– Заболеешь – вот будет дело, – бессильно ходила вокруг нее Ольга Сергеевна...

Этот день пролетел как порыв ветра. Вечером, где-то за час до их отъезда, мы с Женей стояли на кухне и ждали, когда согреется суп на ужин. Я понимал, что, может быть, мы уже не останемся сегодня одни, смотрел на нее и набирался решимости.

– Я буду скучать по тебе, – наконец сказал я, чувствуя, как нелепо и стыдно все это выходит, а потом быстро поцеловал ее в щеку.

Женя испуганно распахнула глаза и торопливо закивала мне.

А после ужина она внезапно расплакалась и вышла из комнаты в коридор. Я поспешил за ней, но она только махала рукой и повторяла, что с ней это бывает. «Просто мне стало жалко, что все интересное закончилось, нужно опять домой и впереди ничего больше не будет», – объяснила она потом. И дальше все оставшееся до отъезда время смеялась и звала всех еще

раз гулять на улице. Хрупкая девочка, у нее внутри было сжато столько сильных чувств, что она никак не могла совладать с ними...

Мне казалось, мы должны как-то по-особенному проститься, но все вышло сумбурно и просто. Сеня собрался ехать провожать их до вокзала.

Они втроем толкались между дверью и шкафом, пока мама не сказала Жене строго:

– Ты уже оделась? Выходи в коридор.

Женя коротко кивнула мне и проскользнула в едва открывающуюся из-за нагромождения сумок дверь.

Когда они ушли, в комнате стало тихо. На столе лежал недоеденный кусок торта. Я зачем-то поставил чайник и сел на кровать, но волнение никак не утихло, и тогда я вскочил, распахнул дверь и бросился к коридорному окну, выходящему на железную дорогу. Там, на улице, три крошечные фигурки шли сквозь отчаянный листопад. Я зажмурился, пытаюсь удержать их в памяти, и так и стоял с закрытыми глазами. Наконец сбоку послышался привычный грохот электрички, скрип тормозов, последовало несколько секунд тишины. Потом колеса зашумели с новой силой, потом стали звучать все тише, тише. Пока не остался только шелест сталкивающихся на ветру листьев.

3

Почти не помню, как я жил следующие полгода. Кажется, много учился, постоянно был занят чем-то. В читалке теперь сидели по три человека за партой, мешая друг другу, поэтому чаще всего по ночам я занимался прямо в комнате на кровати. Но от сильной усталости часто впадал в сонное оцепенение, а когда пробуждался, понимал, что уже давно сижу так, глядя в учебник, но не думаю ни о чем.

Иногда, особенно весной, меня томили смутные мечтания, но, как-то поверхностно удивившись им, я опять погружался в монотонные заботы. С Женей мы несколько раз переписывались сообщениями на телефон, но она отвечала редко и коротко, и от этого мне бывало грустно. Понемногу свежесть последней встречи стала забываться, и я уже больше ничего не ожидал и ни на что не надеялся.

В конце июня я возвращался в родной город, чтобы провести там каникулы. Больше суток прошло после сдачи последнего экзамена, но я никак не мог избавиться от тревоги, сопровождавшей меня всю сессию, и не мог заснуть, ворочаясь на твердой вагонной полке.

Показались первые садовые участки, окруженные мрачными елями, потом они опять утонули в лесном сумраке. Еще минуту ехали в напряженном ожидании. Наконец лес распахнулся, и земля ушла вниз, туда, где за железнодорожными балками и ангарами лежала река. Поезд останавливался медленно, глухо скрипя колесами. Когда я вышел на перрон, от свежего воздуха мгновенно закружилась голова. Нас высадили на дальней от вокзала платформе, и сразу не понять было, где город, где вокзал и куда идти: впереди было непроницаемое небо, а вниз, сколько видели глаза, уходили черные волны леса. Мне казалось, вокруг дремлет загадочная лесная сила и все родные запахи и звуки пропитаны ею, как густой еловой смолой.

На перроне меня встречал Шаманов. Он заметил меня издали и замахал руками.

— Ну что, москвич, соскучился по нашим местам? — заговорил он, весело похлопывая меня по плечу.

А потом быстро подхватил мои сумки.

Мы прошли в конец платформы и поднялись по крутой деревянной лестнице на мост, чтобы выйти в город. Под нами тронулся состав, сквозь дрожащие ступени чувствовалось его нарастающее движение. А когда я поднял глаза, увидел сотни мерцающих огней, очертания домов, черный проем городского парка — эта картина сразу сложилась у меня воедино, и я удивился, как же она была мне знакома.

Мы с Шамановым сели к нему в машину и сначала долго молчали. Видимо, мы так сильно изменились за прошедший год, что оба не знали, с чего начать.

— Эх, Алешка, помнишь наши школьные времена? — вдруг нарочито громко заговорил Шаманов. — Сколько у нас было тогда душевных бесед... Мне, знаешь, не хватает сейчас всего этого!

Я довольно покачал головой, хотя и подумал, что он, как обычно, преувеличивает.

— Мне тоже не хватает. Там, в Москве, я ни с кем так не говорил, — признался я, чувствуя радость оттого, что могу сказать ему что-то приятное.

— Конечно, кто б тебя, дурака, слушал, кроме меня! — по-дружески нагрубил он мне, и мы наконец оба засмеялись.

Шаманов сказал, что сейчас он живет на турбазе рядом с городом, и предложил сразу двинуться к нему. Секунду я колебался, потому что обещал домашним приехать сегодня, но так заманчиво было оказаться где-нибудь на природе, и я согласился.

Турбаза находилась у реки, туда вела широкая проселочная дорога. Мы лихо заскочили на понтонный мост, гулко ударившись колесами. А дальше то с одной, то с другой стороны замелькали деревянные домики, спрятанные между деревьями, ни в одном из которых не горел свет. Промчавшись по аллее мимо скамеек, на которых сидели веселые компании, мы на скорости выехали прямо к ярким огням дискотеки. Шаманов резко затормозил, и когда я вышел из машины, невольно даже прижал ладони к ушам от пульсирующего грохота музыки. Мне казалось, все вокруг разбилось на осколки, а в глазах зарябило от разноцветных девичьих платьев на танцплощадке.

— Вот здесь я и провожу время, — прокричал мне в ухо Шаманов.

Я торопливо кивнул.

На одной из скамеек неподалеку мы нашли его друзей. Шаманов сразу оказался в центре компании, размахисто хлопая по ладоням вместо рукопожатий, а я присел с краю. Пока все забыли обо мне, я откинулся на спинку скамейки. Мне было спокойно, и я ритмично стучал ногой по асфальту в такт музыке. Старался только не смотреть в сторону дискотеки, чтобы не нарушить своего умиротворения.

Наконец Шаманов обратился ко мне и представил своим друзьям. Я не запомнил никого, кроме юркого Толика, которого Шаманов толкал в плечо и обещал послать за пивом. Толик улыбался, но был тревожен, и я видел это. Толику явно нравилась одна из девушек, он то и дело пытался ее обнять, но она каждый раз сердито отталкивала его руку:

— Загар, больно!

Это была черноволосая татарка с резкими чертами лица. Она поворачивалась к каждому, кто начинал говорить, и обрывала его, если становилось скучно. Я узнал ее, мы раньше жили в соседних подъездах, и я вспомнил, что зовут ее Алиса.

— Мы с одного двора, — вдруг обратилась она ко мне. — Да, помню, ты такой смешной был, всегда в костюмчике ходил... Ладно, не обижайся!

Ей не нравилось, что я сижу отдельно от всей компании, и она стала часто обращаться ко мне, чтобы вовлечь в общий разговор. Сначала мне казалось, что она влюблена в Шаманова, потому что они часто приближались друг к другу, о чем-то переговариваясь. И когда она потащила меня на медленный танец, я сильно смутился, но послушно пошел за ней.

На танцплощадке был ровный теплый свет, в котором тонули и сидевшие по скамейкам, и пары, постепенно наполняющие пространство в центре. От волос Алисы пахло миндалем, и мне неожиданно приятно стало и от этого танца, и от возможного разговора.

– Расскажи о себе, – попросила она, едва мы начали танцевать. – Гоша говорит, ты умный и учишься в лучшем институте в Москве, это правда?

Я закашлялся, желая показать, что Шаманов преувеличивает, и постарался ответить как можно беспечнее:

– Трудно оценить... Но вообще, учиться тяжело, это да. Иногда даже кажется, что сходишь с ума...

Мне показалось, слова получились несколько странными, но Алиса слушала с интересом.

– Ты хороший мальчик, – вдруг сказала она, когда музыка стала затихать, и, довольная собой, громко рассмеялась мне в ухо.

Когда мы вернулись, Шаманов произносил очередной тост. Мне налили полную рюмку коньяка, но я только осторожно пригубил, потому что мало ел в поезде и боялся быстро опьянеть. Алисе это не понравилось, она выхватила из рук Толика бутылку и принялась силой поить меня прямо из горлышка. Сначала я испуганно отшатнулся, но, чтобы не показаться слабаком, стал глотать горький коньяк, пока не захлебнулся. Меня обожгло изнутри, но я держался и не взял даже предложенную дольку лимона, чтобы перебить противный привкус во рту.

Шаманов горячо хлопал меня по плечу, кто-то кричал, и тогда я видел искаженные рты перед собой. Но из всех звуков я различал только смех Алисы, резкий, звонкий, так что казалось, это разбиваются стеклянные бутылки, одна за другой. В этой каше из голосов, криков, грохота дискотеки ее дыхание почему-то то и дело оказывалось рядом. Вдруг я понял, что сижу на корточках перед скамейкой, а она перебирает пальцами мои волосы.

А когда Алиса тихо сказала мне: «Давай убежим от всех», меня удивила внезапная мысль, в которую я никак не мог поверить. Мне и тогда еще казалось, что ей просто интересно поговорить со мной и что это даже вполне естественно.

Она, видимо, поняла, что я сомневаюсь, и коротко сказала:

– Пойдем, не будь занудой!

Мы незаметно отделились от компании и пошли по аллее, уводящей в глубь леса. Алиса обернулась, и я подумал, что она проверяет, нет ли за нами погони. Чем дальше мы отходили от дискотеки, тем меньше людей встречали по дороге, и наконец на скамейках стали попадаться только сдвоенные тени обнимающихся парочек. Свернули куда-то в лес, вокруг было почти совсем темно. Музыка с дискотеки слилась в отдаленный гул.

– У меня мать швеей работает, и мне на дом приносит шить, – рассказывала Алиса, пробираясь между кустами шиповника. – Говорит, не можешь устроиться на работу – хоть так батрачь. А мне эти платья и рубашечки уже поперек горла стоят! А где у нас найдешь работу? Так и придется всю жизнь пальцы колоты! Мать бесится на меня, говорит, столько мужиков рядом, давно бы замуж вышла, а я не хочу.

Она лукаво посмотрела на меня и, красуясь, отбросила назад длинные черные волосы. Неужели она тоже этого хочет, удивился я. Но если так, то как же именно все произойдет, неужели она прямо скажет об этом? А я, неужели я так просто соглашусь?

Лес стал черным, как ночное небо. Со всех сторон подступили звуки шелеста, ночного цоканья, трепетания.

Мы остановились друг напротив друга. Из-за тени мне не было видно ее лица, и потому я не отрываясь смотрел на маленький шрам на ее щеке, похожий на укус.

Она потянулась ко мне, чтобы поцеловать, а я на всякий случай сказал:

– Завтра я уже ничего не вспомню.

– И я не вспомню, – ответила она насмешливо.

У нее была с собой недопитая бутылка коньяка, и мы опустошили ее за несколько глотков, а потом двинулись по тропинке, чтобы сократить путь к ее домику. Нам обоим хотелось добраться туда скорее, и мы еще и еще ускоряли шаг, откидывая в сторону мешавшие ветки, как будто боялись, что через мгновение выветрится весь наш хмельной угар. Наконец тропинка вывела на асфальтовую площадку, где стоял ночной магазин, а дальше уже виднелись очертания треугольных крыш.

Но вдруг что-то случилось. У магазина стояла группа парней; вероятно, Алиса знала кого-то, мы подошли. Один из них подал мне для приветствия влажную ладонь, мою при этом несколько не пожав.

– Как дела? Гуляете? – спросил он.

Алиса засмеялась:

– Гуляем!

– У меня лошадка только из ремонта, может, прокатимся?

Я понял, что это конец, будто сверху упала тяжелая плита и мне из-под нее уже не выбраться. Я не мог сосредоточиться ни на одном лице стоящих рядом и только слышал режущий смех Алисы, такой близкий, но уже страшно далекий. Она сказала мне, что у нас нет ничего спиртного, и спросила, не хочу ли я купить чего-нибудь. Я бросился в магазин, и мне показалось, что сзади все смеются надо мной.

Внутри горел яркий свет, на прилавках стояли рядами бутылки с напитками, а я никак не мог понять, что же взять. Мне казалось, что это сейчас самое важное и от того, что я выберу, зависит, как все пойдет дальше. Тогда я показал на самую большую бутылку вина с пробкой в виде печати. Но пока неловко засовывал кошелек обратно в карман, она выскользнула у меня из рук, упала на пол и разбилась вдребезги. Я вздрогнул и удивленно смотрел, как расползается по полу огромная красная лужа. Кто-то ругался, кричал, но я не слышал ничего; дрожащими руками вновь распахнул кошелек и, пытаясь сосчитать, хватит ли оставшихся денег, высыпал мелочь на прилавок. Мне протянули другую бутылку, и я, сжимая ее сильнее, метнулся к двери.

Алиса стояла перед магазином одна. Я сначала не поверил этому, а она недовольно повернулась ко мне:

– Почему так долго-то? Я из-за тебя с ребятами не поехала...

Мы шли в темноте между деревянными домиками, и я ощущал будоражащую дикую радость, оттого что мы уходим от ненавистного магазина вдвоем.

Помню еще, как входил в ее домик. На кровати черной кошкой лежало смятое платье. Алиса быстро собрала вещи в один комок и бросила на стул. А когда я уже жадно обнимал ее, она неожиданно оттолкнула меня и презрительно сощурилась:

– Значит, у тебя нет ко мне чувств? И со мной можно не церемониться, да?

Но это была только игра, и я даже не успел опомниться.

– Ничего, это даже интересно, – опять потянула она меня к себе. И тут же пригрозила: – Не морщись...

Ночью я часто просыпался. Сквозь дремоту мне мерещился стук в дверь и зловещее завывание ветра из щелей. Окончательно я пришел в себя от холода. Было раннее утро. Хотелось вскочить и бежать, но я нарочно не двигался, заставляя себя мерзнуть. Алиса спала рядом, я боялся смотреть на нее, помню только ее руки, покрытые гусиной кожей до плеч.

Я поднялся, собирая с пола одежду. У кровати лежало скинутое одеяло. Как же все нелепо, подумал я.

Но вдруг мне стало жаль и Алису, и тогда я подобрал одеяло и укрыл ее до плеч. На заспанное лицо сбились спутанные волосы.

– Уже уходишь? – выговорила она сквозь сон, и я испуганно отошел, чтобы не встретиться с ней взглядом.

Потом быстро оделся и выскользнул на улицу.

Утро было обычное. Из-за леса виднелось только что поднявшееся солнце. Река текла рядом, и я чувствовал кислый запах травы, какой бывает прямо у берега. Было удивительно, что за ночь в мире ничего не изменилось.

Шаманова я нашел случайно. Дверь одного из домиков была открыта настежь, и я увидел друга, лежавшего на кровати прямо в одежде. Услышав мои шаги, он проснулся и мгновенно сел, будто специально поджидал меня.

– А вот и наш Ромео, – заговорил он хриплым голосом. – Вспомнил, что бросил старого друга ради какой-то девчонки, и, наверно, пришел раскаиваться! Да ладно, ладно, я ж все понимаю, – добавил он примирительно.

Мне захотелось сейчас же уехать, и я сказал об этом Шаманову. Тот ответил, что довезет меня до города. Тогда я отвернулся к маленькому, покрытому паутиной оконцу и стал смотреть сквозь запыленное стекло, ожидая, когда он соберется.

Шаманов поднялся и подошел сзади.

– Да не расстраивайся ты, с кем не бывает? – попытался он подбодрить меня. – Я тоже обычно встану наутро и думаю, какой же я дурак...

Но я не поддержал его шутивого тона.

– Нет, так не должно быть! – поворачиваясь, выговорил я с такой злостью, что Шаманов удивленно поморщился.

– Хорошо, хорошо, я разве спорю? – сказал он, пожимая плечами. – Поехали тогда...

4

Когда мы въехали в город, я попросил Шаманова не довозить меня до дома, а высадить на улице рядом с парком. Мне не хотелось сразу оказаться у себя в квартире, окунуться в радостные объятия и причитания мамы и бабушки – лучше было сначала погулять где-нибудь рядом по знакомым местам. Шаманов неодобрительно покачал головой, но ничего не сказал, и мы коротко попрощались.

Я медленно двинулся вперед. Улицы были пусты, лишь иногда встречались одинокие люди да бессмысленно меняли свой цвет светофоры на перекрестках. Я рад был бы почувствовать что-то родное, погрузиться в приятные воспоминания, но город казался мне просто полой каменной коробкой. Я шел по ней в гулкой тишине – странный чужой человек среди неподвижных домов и застывших машин на обочинах. Свернул в городской парк, но и его аллеи, вымощенные белой плиткой, тоже выглядели ненастоящими. По краям лежали высохшие кучки давно скошенной травы.

Выйдя из парка, я машинально зашагал вверх по улице. Вскоре показался с двух сторон подступающий к городу лес, впереди был последний жилой квартал. Через несколько минут передо мной возник большой девятиэтажный дом. Я подошел к нему ближе, растерянно оглядывая его массивное тело. Но даже показная новизна крашеного фасада не могла обмануть меня: это был тот самый дом, в котором жила Саша, у которого нашли ее тело, выпавшее из окна. Тот самый, к которому я столько раз приходил после Сашиной смерти и подолгу стоял, глядя в окна их квартиры, содрогаясь от каждого случайного отблеска на этих стеклах.

И вдруг что-то ожило, будто я снова стал школьником и не было всех прошедших месяцев. И вот рядом уже толпились молчаливые дети, а я медленно шагал, подчиняясь общему движению. Кто-то впереди бросал на снег еловые ветки, другие без жалости наступали на них. Четверо незнакомых людей несли черно-красный гроб...

«Никуда не уйти мне от тебя, маленькая Сашенька», – подумал я с нежностью, еще раз глянув на милые окна, словно желая запомнить их навсегда, и медленно двинулся назад.

Но все уже изменилось вокруг. Город зазвенел, сначала тихо, почти неслышно, будто слегка задрожали троллейбусные провода. Но по-

том, едва только я попал на свободное пространство за домом, дунул ветер, нарастая, злясь, хлеща ветвями деревьев по натянутому воздуху. Загремел проходящий за гаражами поезд, заработала газонокосилка, и каждый такой звук врвался внутрь меня. Я остановился и хотел было повернуть назад, но не мог объяснить себе, зачем мне возвращаться, и так и стоял, разрываемый смутными порывами, задыхаясь от необходимости как-то заглушить нарастающее чувство внутри, и лишь через минуту опять зашагал вперед.

Постепенно то здесь, то там стали появляться люди. Они двигались в ту же сторону, что и я, соединяясь в тоненькие вереницы; постепенно их становилось все больше. Наконец я понял, что все они идут к церкви, и удивился, что и я ведь сейчас иду туда же. Но это открытие не было приятно: при виде церкви разом вспомнились все мои страдания и молитвы после Сашиной смерти, все надежды и призывы, и странным казалось, как мог я забыть о них, как мог жить столько времени в беспечности, будто и не было у меня в жизни тех страшных дней. И как мог я сделать то, что сделал вчера.

Церковь ничуть не изменилась: тот же ветхий деревянный забор, те же посеревшие от времени стены. Приблизившись, я встал на пороге и, запрокинув голову, долго вглядывался в изображение над входом. Внутри было темно, люди стояли в ожидании. То здесь, то там шептали, передавали что-то, проталкивались между рядами. Все здесь осталось таким же, как полтора года назад, холодным февральским днем, и повсюду: на стенах, иконах, в густом запахе ладана – разлитое было ощущение недавней смерти. Мне казалось теперь, что я виноват не только в происшествии на турбазе, но и в том, что умерла Саша, и вообще во всем на свете виноват. Хотелось убежать куда-нибудь, спрятаться от этого наваждения, но это было невозможно. Я не знал, как мне теперь жить с этой виной, но точно знал со всей горячей юношеской уверенностью, что прежней жизни уже не будет...

Еще поднимаясь по лестнице, я услышал наверху знакомый звук открывающейся двери и угадал, что мама или бабушка заметили меня из окна и теперь хотят встретить на пороге. Бабушка действительно уже была в прихожей, и туда доносился теплый вкусный запах из кухни.

– А мы тебя еще с вечера ждали, – заторопилась ко мне мама, чтобы обнять.

При этом в руках у нее было мокрое полотенце, и она суетилась, не зная, куда его деть.

– Ты на другом поезде решил ехать, да?

– Не мешай ему раздеваться, пусть проходит, – отстранила маму бабушка. – Обувь поставишь под тумбу, а вещи к себе в комнату.

Я огляделся. Все предметы находились на своих местах, а на трюмо, как и год назад, висела стопка пожелтевших газет. Я шагнул вперед по коридору, туда, где была моя спальня, положил на кровать сумку, провел рукой по поверхности письменного стола. Но зыбкое очарование родного места не умиротворяло меня – наоборот, хотелось что-то делать, исправить, изменить. Я стоял, слушал доносившиеся откуда-то приглушенные звуки и голоса, но никак не мог прийти в себя. Потом медленно прошел на кухню.

Кухонный стол был заставлен пирогами, чашками с куриным бульоном, жареной картошкой, домашними соленьями и приправами, так что некуда было поставить тарелку. За столом сидели мама и бабушка и молчали о чем-то своем и важном.

Мама глянула на меня ласково, а бабушка сказала:

– Садись, студент.

Я опустился на табуретку. Бабушка решительным движением сдвинула посуду, освобождая мне место с края стола, и только тогда я почувствовал, что сильно проголодался.

– Как будто в Москве совсем не кормили, – с удовольствием заметила она, видя, как я начал есть кусок пирога, только что вытащенный из холодильника. – Давай погрею лучше.

Мама поднялась к плите, чтобы помешать что-то в сковородке, а потом бережно спросила:

– Устал с дороги?

– Устал, устал, – отвечала за меня бабушка. – Пусть поест сначала.

Мы говорили о чем-то обычном – о городских новостях, о наших родственниках в деревне, а я не мог избавиться от подступающей к сердцу тоски. Мама рассказывала, что в последнее время очень не хватает денег и поэтому они решили продать старый деревенский дом.

– Хотелось бы переехать к тебе в Москву, – обмолвилась она о своей тайной надежде, – там ведь больше получают, а у нас на заводе почти ничего не платят.

Бабушка недовольно перебила ее:

– Не из-за денег продали дом! Просто старая уже стала для хозяйства... Но о старухах нечего говорить. Давай теперь про себя!

И я говорил что-то, но думал о вчерашнем...

А вечером пришло сообщение на телефон от Жени. Она писала, что хочет что-то сказать мне, и просила позвонить им на домашний, если получится. Сообщение оказалось длинным, а одно слово было написано с ошибкой. Мне показалось, что вместе с этой ошибкой пришла ко мне как бы частица самой Жени, и я долго сидел на кровати, обхватив голову руками. Наконец решил и подошел к телефону.

Помню, как обжег меня ее голос – мягкий, с маминими серьезными нотками. Женя рассказала, что они с мамой ездили в Москву и подали документы в университет, и теперь она очень волнуется, сможет ли поступить.

– А Сеня, представляешь, говорит мне: нечего тебе в Москве делать! Представляешь? – возмущенно переспрашивала она опять, ожидая от меня поддержки.

Я слушал ее и задыхался. А положив трубку, еще некоторое время стоял зажмурившись, ощущая, как кровь растекается по телу. Потом закрыл дверь, лег на кровать и вдруг расплакался, как ребенок. Мне стучали в запертую дверь, кажется, звали ужинать, но я не открывал. Наконец наступил момент, когда я очнулся и услышал, как тихо стало в квартире. Только мое сильное дыхание, а в промежутках ничего. Тогда я медленно поднялся и вышел в прихожую.

5

Через несколько дней мы сидели с Шамановым на берегу, а за рекой неровной линией тянулась граница лесной темноты и пепельного неба. Берег был весь белый от каких-то отцветших растений. Я рассказывал Шаманову о Саше, о том, как приходил к ней в больницу и как после ее смерти молился и отчаянно верил, что случится чудо.

– Ничего себе, Алешка, у тебя такие проблемы были! – удивился Шаманов. И с легкой обидой покачал головой: – А я даже не знал...

– Понимаешь, – торопился высказаться я. – Ведь все, о чем я просил тогда, исполнилось. Я встретил девушку, похожую на Сашу, как будто ее саму. И все могло бы быть хорошо, если бы я это не разрушил своими руками... И теперь мне нужно измениться. Мне нужно начать жить правильно – тогда, может быть, еще можно что-то исправить.

Шаманов слушал напряженно, стараясь подбодрить меня, но все никак не находя нужных слов.

— Тогда конечно, если так, — оживился он, зацепившись за мою последнюю мысль. — Давай, Лешка, мне всегда казалось, что у тебя все будет хорошо. И вот ты понял, что это твой человек, твоя любимая девушка, — борись, добивайся ее, ты прав!

В этот момент я почувствовал прежнюю общность, какая была между нами год назад, когда мы заканчивали школу. Но в то же время мне стало грустно, оттого что Шаманов не может понять меня до конца, что ему нельзя передать всех моих мыслей и чувств. Я не знал, что ответить, и медленно двинулся сквозь густую траву туда, где должна была быть река. Добрался до самой кромки берега и остановился, вдыхая запах сырости. Впереди земля уходила вниз, к воде, и дальше нельзя было ступить ни шагу.

— Я знаю, что очень виноват, что я самый худший человек на свете, — заговорил я опять, чувствуя, что Шаманов уже стоит рядом и по-прежнему слушает меня. — Но, может, есть какая-то надежда, может, я смогу измениться ради нее... Взять себя в руки, стать таким, каким должен быть...

Потом я еще много и ожесточенно говорил о чем-то, обвинял себя, давал какие-то обещания, а туман тем временем ровными полосами спускался на реку, и было видно, как прозрачные белые волны растворяются на поверхности воды. Мне казалось, от моих слов какая-то невидимая связь устанавливается между мной и Женей. И то, что я сказал об этом Шаманову и он услышал меня, — это уже никогда не исчезнет из мира, навсегда останется в той напряженной цокающей тишине ночной реки, которая окружала нас сейчас.

Вернувшись домой, я осторожно проскользнул на кухню. Мама с бабушкой уже спали — во всей квартире было тихо, и это зыбкое ночное спокойствие так легко было разрушить одним неловким движением. Я налил себе некрепкого чая и сидел почти не шевелясь, время от времени делая несколько глотков, а потом осторожно опуская чашку. Прямо надо мной висела старая бабушкина икона. Она опять напомнила мне о Саше и моих ночных молитвах, но теперь я уже не чувствовал той горькой вины, как еще несколько дней назад. Наоборот, мне как будто приятно было прикоснуться к старым воспоминаниям, пережить их вновь.

Я поднялся, отыскал на полке под иконой книжицу с черным крестом на обложке, которую часто читал после смерти Саши, и поднес к лицу,

вдыхая запах старых страниц. Но не стал открывать ее: мне не хотелось молиться, хотелось просто стоять так, ощущая теплую тишину на душе. Выцветший лик на иконе казался незыблемым, неизменным с самого моего детства, а может, даже с того времени, которое было задолго до моего рождения. Но я не боялся этой строгой древности, наоборот, мне хотелось как-то отблагодарить ее за свое неожиданное умиротворение. И тогда несерьезно, как бы для пробы, я опустился на колени, как делал это в школьные годы, все еще держа бабушкину книгу в руках. Было по-прежнему тихо, только где-то за стеной мерно капало из крана. Я недолго постоял так, ощущая неловкость, будто в этот момент кто-то обязательно должен был войти на кухню, а потом торопливо перекрестился и поднялся на ноги.

В следующие несколько дней я поднимался затемно и шел на кухню, чтобы постоять немного перед бабушкиной иконой, а после сразу же принимался за физические упражнения, испытывая отчаянное удовольствие от наказания своего молодого тела. Иногда еще я ходил в церковь, а когда возвращался домой, замечал, как выразительно переглядывались между собой мама и бабушка. Они почти ни о чем не расспрашивали меня и относились к моей неожиданной религиозности как к делу полезному, но странному. Бабушка изредка посмеивалась: «Какие у тебя грехи, ты жизнь еще не прожил», но махала рукой — ладно, мол, давай, молись...

Позавтракав, мы с мамой и бабушкой обычно шли в сад. Работы было мало, но я всякий раз радовался, если меня просили сделать что-нибудь тяжелое. Помню, как носил толстые золотые косицы лука на просушку и как нарочно брал по две, держа каждую онемевшей вытянутой рукой. В такие моменты мне было особенно весело, и тогда я старался развеселить и бабушку, добродушно ворчавшую в ответ на все мои попытки. Мама же как будто понимала мое состояние и только улыбалась, глядя на меня. А когда они уходили в другую часть сада, я ложился на теплую землю, с наслаждением погружая в нее пальцы, ощущая, как она сыплется сквозь них. А потом поспешно вставал, радуясь своей беззаботности, и принимался читать что-нибудь или учить молитвы из книжицы с черным крестом, как стихи, прохаживаясь вдоль пышных зеленых грядок.

По вечерам я порой звонил Жене, и мы разговаривали. Кажется, сначала она удивлялась этим моим звонкам, но вскоре привыкла и даже

совсем перестала стесняться, вздох рассказывая о том, сколько набрала баллов за экзамены и как рада, что смогла поступить в Москву. А я только слушал ее голос и улыбался. И хотя она ни разу за это лето не сказала, как относится ко мне, не сказала даже, что рада моему звонку, я сам чувствовал это. Например, когда трубку брала Ольга Сергеевна и громко объявляла мое имя, я слышал, как Женя торопливо выбегает откуда-то из глубины квартиры – и торопливость эта значила гораздо больше любых признаний. После таких звонков я чувствовал прилив сил и торопился выйти на улицу. Мне мало было замкнутого пространства моей комнаты.

Я гулял по городу, наслаждаясь вечерней свежестью. Тем летом часто шли сильные дожди, город был залит водой, и ночные огни мерцали прямо из-под ног. Я шел медленно, ощущая переполняющий меня восторг. Мне хотелось молиться от переживания, что Женя есть на свете, что она сейчас, возможно, думает обо мне.

И когда в конце августа я уезжал из родного города, поезд тронулся, исчез за окном вокзал, замелькали деревья и в вагон ворвался смолистый запах леса, похожий на запах ладана, мне так ясно стало вдруг, что там, в Москве, ждет меня что-то необыкновенное и важное, а все прошлое было лишь подготовкой к нему.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. НОВАЯ ЖИЗНЬ

1

Женя приезжала в Москву через день после меня. На вокзале ее должен был встретить Сеня, но у него на тот день наметились какие-то дела и я уговорил его, что поеду сам, и он легко согласился.

Было раннее утро. Прохладный воздух ходил сквозь меня мелкой дрожью. Я стоял на платформе, вглядываясь вперед, будто не веря, что оттуда на самом деле приедет поезд с Женей. Мне казалось, происходит что-то невероятное, что на этот вокзал я выброшен какой-то неведомой силой. Неужели все это правда, думал я, и мы сейчас увидимся, а потом будем встречаться каждый день, а еще через несколько лет, возможно, будем даже жить вместе? И я чувствовал: это правильно и в этом есть какое-то высшее предназначение. Но если так, перебивал я себя, то почему же я сейчас так волнуюсь? И если мы должны быть вместе и на это есть высшая воля, разве что-то может помешать этой

воле исполниться?.. Повсюду прямо на асфальте, прислоняясь к вокзальным стенам, сидели полусонные люди, куда-то решительно шагала цыганка, а за ней спешила пестрая толпа детей. И удивительно было, что у кого-то могут быть сейчас другие заботы, другая жизнь.

Наконец легкая дымка затуманила очертания столбов и пересекающиеся линии рельсов, а вскоре вдали показался состав с длинным хвостом, тянувшимся из-за поворота. Объявили, что нужный мне вагон будет последним, и я торопливо двинулся по платформе, вглядываясь в укрупняющиеся черты поезда. И вот загрохотало рядом, замелькали квадраты окон. Я шел все быстрее, а навстречу мне двигались люди, сначала по одному, потом рваными цепочками, постепенно уплотняясь, превращаясь в единый поток.

Женя стояла в самом конце платформы, маленькая, испуганная, в белой курточке. Она так напряженно глядела по сторонам, что не заметила, как я подошел. Я заранее придумал, что скажу ей, но теперь остановился, не решаясь нарушить неловкое оцепенение.

– Устала? – спросил я нежно, и собственный голос показался мне хриплым и глухим.

– Да, не могла заснуть в поезде... А Сеня не придет?

– Нет, он не смог, дела... Но завтра вы обязательно встретитесь, – добавил я поспешно, видя, как сильно она расстроилась.

У Жени была пузатая спортивная сумка на колесиках, я подхватил ее за ручку, и мы двинулись по платформе. Я смотрел вперед, чтобы не налететь на шагающих впереди, и только изредка поглядывал на Женю. Сумка громко стучала колесами, попадая в трещины на асфальте; на соседнем пути гудел поезд. Откуда-то издали монотонно объявляли прибытие и отправление. И было странно, что все так просто и буднично, словно мы обычные люди, одни из сотен приезжих и встречающих на этом вокзале, словно не происходило сейчас ничего необыкновенного.

Хорошо помню, как спускались по эскалатору в метро. Стояли на соседних ступеньках, но еще как-то отдельно друг от друга. Женя наклонила голову, и я мог видеть только краешек ее лица. Кажется, в метро было даже холоднее, чем на улице, и иногда Женя, поеживаясь, растирала ладонью щеки. А мне так радостно было, что ее сумка в моих руках и поэтому мы уже будто не совсем чужие, и я даже не пытался о чем-нибудь заговорить.

Я рассмотрел Женино лицо, только когда мы оказались в вагоне. Она была бледна, и тонкие губы стали совсем белыми. Я не мог наглядеться на нее, а Женя лишь ненадолго встречалась со мной взглядом и потом отводила глаза.

– Что? Что? – спрашивала она, торопливоправляя волосы, думая, что с ними что-то не так.

Мы вышли из метро и сразу потерялись в сплетении улиц, жужжании машин, потоке людей. Я никак не мог понять, в какую сторону идти к Жениному общежитию, и потому мы двинулись наугад. По пути нам попала шумная компания парней, у одного вокруг шеи был обмотан длинный оранжевый шарф, он что-то рассказывал, а остальные смеялись. И у меня вдруг сжалось сердце от неожиданной ревности, будто я уже знал, что Женя скоро будет среди них, такая же веселая и беззаботная.

Общежитие мы увидели издали. Это было высотное здание в два крыла, разделенное переходом с тяжелыми дверями посередине. Над переходом навис широкий козырек, а с обеих сторон от дверей, будто лапы, поднимались две бетонные лестницы в несколько пролетов. Сквозь огромные стекла было видно множество студентов, толпившихся в переходе, – это была очередь на заселение, которую нам предстояло отстоять. Но я переживал не из-за очереди. Мне представлялось, что там, внутри, может даже в этой толпе, у Жени начнется новая, закрытая от меня насыщенная жизнь и мне никогда не победить в борьбе с ней...

Так долго тянулся этот день... Сначала нужно было дождаться коменданта, потом кастеляншу, которая раздавала ключи и белье. Я старался участвовать во всем, что нужно было сделать, как будто от того, как я сейчас во всем разберусь, как Женя заселится, зависело все наше будущее счастье.

Мы еще стояли с ней в одной из очередей в коридоре общежития, когда Женя вдруг отошла к окну, словно увидев там что-то особенное. Я приблизился. За окном виднелись дома, а за ними шпиль здания университета и небо, постепенно превращающееся из дымчато-белого в голубое. И чем выше поднимался взгляд, тем яснее и чище была эта пронзительная голубизна.

– Я так счастлива, – проговорила Женя, не оборачиваясь ко мне. – Мама последнее время много рассказывала, как она жила в общежитии, когда была молодая, как они ходили на занятия, как весело было... Знаешь, я до сих пор не могу

поверить в то, что буду учиться здесь, – продолжала она порывисто. – Иногда я просыпаюсь ночью, и мне кажется, что не хватило баллов, и я не поступила, и что теперь всю жизнь проживу у себя в городе, и мне становится так грустно...

Мне показалось, что ее мысли очень созвучны моим, но я боялся сказать что-то не то и еще минуту стоял молча.

– Кажется, скоро наша очередь, – заметил я наконец, чтобы перевести тему разговора, и мы поторопились к дверям кастелянши...

А вечером, когда хлопоты были окончены, Женя вышла вместе со мной на улицу, чтобы проводить, и мы медленно зашагали по узкой дорожке, ведущей от общежития к оживленному проспекту. Вдалеке мелькали машины, нервно мерцали яркие вывески магазинов, а из-за нагромождения домов на другой стороне поднималось огромное, как Колизей, здание торгового центра. И чем ближе мы подходили к проспекту, тем сильнее наваливался на нас шум машин, так что почти невозможно было ничего больше слышать. «Ох, Лешка, я так устала, эти длиннющие очереди, поселение... Я даже не представляла, что будет так тяжело», – жалобно сказала Женя, и это неожиданное «Лешка» прозвучало как-то слишком близко, а оттого неестественно. Я рассеянно ответил что-то. А она на прощание вдруг повернулась и порывисто прижалась щекой к моему плечу. А я стоял неподвижно, не зная, обнимать мне ее в ответ или сдержаться, чтобы не спугнуть внезапное счастье.

Женя ушла, а я остался, удивленно оглядываясь по сторонам. Рядом стояли люди, в луже отражался свет фонаря, наклонившегося прямо надо мной. Мне казалось, что время остановилось и с той пронзительной секунды, как Женя прижалась ко мне, до сих пор тянется только одно мгновение, которое я почему-то переживаю полнее и глубже, чем обычно.

Наконец я сделал шаг, ощущая, как двинулась на меня сырая стена воздуха. И тогда наступило следующее мгновение, а за ним еще и еще, будто бы тронулся неведомый механизм. Дома раздвинулись, и я шел вперед, не замечая, что наступаю прямо в лужи на асфальте. Счастье было таким явным, как вспышка, я ощущал его отсветы везде: на ветках, в машинах, в огромных зданиях этого чужого, но уже отчего-то красивого города.

Я спустился в метро, и грохот поездов оглушил меня.

2

С того дня началась моя новая жизнь. Первые недели этой удивительной осени меня ни на минуту не покидало ощущение бесконечного счастья. Мы встречались после Жениных занятий в университете, втискивались в наполненный людьми трамвай, замирали у дверей, а потом спрыгивали с подножки и неслись к ее общежитию. И каждый раз я чувствовал, как воздух вокруг натягивается, рвется и как отовсюду захлестывает меня что-то знакомое и родное, будто я вернулся на два года назад и все еще бегаю по своему городу в поисках Саши.

Я видел, как Женя постепенно привыкает ко мне, как я становлюсь важен для нее, но мы по-прежнему ни разу не заговорили о наших отношениях, а я никак не решался ни поцеловать ее, ни обнять. Мне казалось, что это должно случиться само собой и гораздо важнее то, что нам хорошо вдвоем.

Женя постоянно переживала, что мы чего-то не успеваем – готовиться к ее занятиям, гулять, разговаривать, не успеваем вдыхать нашу веселую жизнь. Она могла вдруг повести меня в парк, на птичий рынок, на занятие танцами, а после позвонить вечером и в отчаянии сказать: «Какая же я глупая, у меня завтра контрольная, а я...» «Давай не будем больше ходить туда, хорошо?» – просила она потом, как будто это я уговаривал ее еще несколько часов назад. А я не понимал этой торопливости, этого желания вместить в себя всю вселенную, способности загораться до безудержной страсти.

Но бывали моменты, когда Женя радовала меня до отчаянного восторга в душе. Как-то раз она рассказывала о своих новых подругах из университета, о том, что те ходят на дискотеки и в ночные клубы, а потом неожиданно заметила: «А мне все это неинтересно, там нет воздуха, это все ненастоящее». И я удивленно вздрогнул тогда – так важны были для меня эти слова, они звенели во мне целый день, отражаясь, усиливаясь многократно.

По вечерам мы сидели у Жени в общежитии и занимались то математикой, то экономикой, и я с легкостью объяснял ей любое задание, потому что все это уже проходил год назад. За огромным окном прямо перед нами лежал весь город, а сзади ходили туда-сюда Женины соседки по комнате и иногда хихикали, с интересом поглядывая на нас. Мне нравилось, что для них

я Женин парень, и от многозначительных взглядов в мою сторону каждый раз становилось приятно и спокойно. Женя же как будто не замечала их, и в перерывах между занятиями, не стесняясь соседок, мы беззаботно болтали обо всем подряд.

В те недели я постоянно не высыпался, но все равно каждый раз задерживался у Жени и возвращался к себе лишь на последней электричке. Смертельно клонило в сон, но я шел от станции до общежития пешком, машинально делая каждый шаг. Мне представлялось, что я должен все перетерпеть ради Жени и что чем больше я страдаю сейчас, тем сильнее становится наша любовь. И даже вернувшись в общежитие, я не сразу ложился спать, а уходил в укромное место под черной лестницей и молился или просто сидел, вспоминая минувший день. А на следующее утро вскакивал с кровати от резкого звонка будильника и лихорадочно бежал умываться. Меня ждал долгий день: сонные лекции, торопливые занятия в читалке, электричка, метро, и опять на юг Москвы, навстречу своей отчаянной радости.

Но если бы у меня спросили тогда, какой была Женя на самом деле, что ее интересовало, о чем она думала, я едва ли смог бы ответить на этот вопрос. Я не знал ее, как не знал до этого и Сашу, да и, в общем-то, не хотел знать. Я был так опьянен своей любовью, что не замечал ничего, кроме собственного чувства...

В конце сентября у нас в институте должен был пройти большой праздник в честь посвящения в первокурсники, и я пригласил на него Женю. Она приехала сразу после лекций, я встречал ее с электрички. В студгородке повсюду развевались флаги, у стадиона высилась огромная деревянная сцена, но студентов почти не было. Мы шагали по пустым дорожкам между корпусами к общежитию, и Женя почему-то сильно волновалась, а я пытался убедить ее, что все пройдет хорошо.

Когда мы вошли в комнату, соседи мои сидели за столами, готовясь к предстоящим на следующей неделе зачетам, но, кажется, все трое были рады возможности отложить учебу. Один из них, которого на курсе звали по имени-отчеству Святославом Александровичем за густую рыжую бороду и аскетический образ жизни, с удовольствием присел рядом с нами, а смуглый малоразговорчивый Гера поставил чай и при-

нялся делать бутерброды. Сеня насмешливо расспрашивал сестру об учебе.

Женя некоторое время еще была в своих мыслях и, кажется, чего-то смущалась, но потом вдруг вспыхнула, увлеченно заговорила о своем университете, о лекциях и тяжелых заданиях, стала ругать Сеню, что он так редко к ней приезжает. Через минуту она с веселой беззаботностью подскочила к столу, чтобы помочь нарезать хлеб, а когда закончила, стала вытирать скатерть. Гера оглядывал ее с едва заметной укоряющей улыбкой, как шалящего ребенка, а Святослав Александрович оживился и принялся с увлечением спорить о том, какое образование лучше, наше или их. Я же мгновенно потерялся и стоял молча, удивленный этой открытостью Жени и радостной смелостью, с которой она теперь вел себя в нашей комнате.

За окном тем временем нарастали звуки музыки, криков и громкого смеха. Женя зашла за шкаф, чтобы переодеться, а потом вышла в ярко-красном платье с открытыми плечами. Я взглянул на нее и поразился этой неожиданной, но уже такой взрослой женской красоте.

Впятером мы вышли на улицу и сразу попали в необыкновенный водоворот: повсюду бегали разгоряченные праздником студенты, кричали, зажигали огни. Женя с наслаждением закрыла глаза и сказала, что все это похоже на сказку.

Мы долго не могли пройти вперед, потому что толпа студентов перекрыла улицу перед общежитием. Один из них держал огромный флаг института и, выйдя прямо на дорогу, отчаянно размахивал им; другие столпились вокруг, останавливая проезжающие машины. Женя была опьянена происходящим, и когда мы пробирались сквозь толпу, я несколько раз оборачивался и ловил блеск в ее глазах.

Я терялся в этом шуме, в этом беспорядочном веселье, в этой все усиливающейся музыке, прожигающей насквозь. Мне казалось, все вокруг смотрят только на Женю, на ее огненно-красное платье. А когда мы стояли уже прямо перед сценой, на которой проходил концерт, и кто-то из толпы случайно касался ее, во мне вскипала горячая волна ожесточения. Какой-то незнакомый парень протянул в нашу сторону бутылку пива, а я подумал, что она предназначена Жене, и вырвал эту бутылку у него из рук. Парень отшатнулся, поразившись моему дикому взгляду.

Потом мы медленно шли в сторону общежития, и я глубоко вдыхал ночной воздух, радуясь,

что мы наконец-то возвращаемся. Кажется, никто не заметил моего сильного волнения, все были спокойны и умиротворенно молчаливы. Гера весело поеживался от вечерней прохлады, Святослав Александрович широко улыбался. В отсветах фонарей я видел, как едва колыхнутся Женины растрепанные волосы.

— Знаете, раньше, когда я жила у нас в городе, мне казалось, что здесь, в Москве, какие-то особенные люди, — мечтательно заговорила Женя. — Сильные духом, такие, которые знают, чего они хотят. Но оказалось, их здесь почти нет, и теперь я понимаю, что таких людей вообще очень мало... А мне самой, наверно, не хватает этих качеств, и поэтому я все время ищу их. Я хочу, чтобы рядом находились сильные люди, со стержнем...

Я слушал ее, и мне было грустно, оттого что она не сказала о своем желании, чтобы рядом с ней был я, и что на самом деле я слабый и подверженный эмоциям человек, то загорюсь, то гасну и совсем не подхожу Жене. Я убеждал себя, что все хорошо, что она идет рядом со мной, а на ней моя ветровка, которой я укрыл ее плечи от холода, но все равно ощущал себя будто закованным в тяжелые цепи.

— А что такое этот стержень? — только и смог выговорить я глухим голосом.

— Не знаю, — пожала плечами Женя. — Но всегда видно, когда он есть!

— Главное, чтобы сила была с умом, тогда и остальное приложится, — вмешался Святослав Александрович, а Женя согласно кивнула ему, хотя он явно не понял, о чем она говорила.

Я видел, что Женя испытывает необыкновенный душевный подъем, что вся эта обстановка — праздник, еще гудящий где-то вдалеке, новые люди рядом — и волнует, и радует ее одновременно. Я понимал ее состояние, но мне было больно, оттого что эти ее теперешние волнение и радость не связаны напрямую со мной. Я удивлялся ее мыслям, их неожиданной глубине, но мне обидно было, что она высказывает их не мне одному, а ребятам — как бы перед ребятами хочет показаться умной и глубокой, хотя именно я, и только я мог по-настоящему понять ее.

— Мне так хорошо здесь у вас, я чувствую настоящую жизнь, — произносила она порывисто, но задумчиво, и мне становилось еще тоскливее...

Вернулись мы за полночь; я дождался, пока Женя заснет, а сам лег на пол. Из окна доноси-

лись запоздалые звуки – то чей-то крик, то пьяная песня, а потом все смолкло, и только внутри у меня отчаянно билось сердце. В темноте резал глаза свет от настольной лампы на столе Геры, который тоже отчего-то не спал. Вдруг я вспомнил слова Жени о стержне и неожиданно подумал, что у меня ведь есть моя вера и что, несмотря на всю мою мягкость и впечатлительность, я на самом деле гораздо сильнее всех этих людей за окном. Я вскочил, взволнованный этой мыслью, и увидел, что Гера поднял глаза от учебника и внимательно смотрит на меня.

– Все хорошо, – твердо сказал я ему, а он чересчур торопливо кивнул.

3

В потоке жизни после того вечера память моя теперь почти не различает событий. Хорошо помню только день в конце января, когда мы первый раз пошли с Женей в церковь. С начала учебного года я все хотел предложить ей это, но никак не находилось удобного момента. И только после сессии, накануне Жениного отъезда домой на зимние каникулы, мы собрались на утреннюю службу.

Когда я вышел из общежития, было еще темно. И каким же неподвижным показался мне сейчас зимний воздух, как безмятежно лежали впереди железнодорожные рельсы, не ждущие электрички. Но отчего-то я не мог до конца успокоиться и поверить этой невозможной безмятежности.

В последние месяцы мы постоянно ездили к нам в общежитие, проводили много времени с ребятами. Жене нравилось у нас, она говорила, что выходные с нами – это единственная капля радости для нее в душном мире Москвы. Но для меня все это время было каким-то сумбурным и даже напрасным, ведь я так и не рассказал ей главного – про то, как со дня нашей первой встречи думаю только о ней, и про то, как я благодарен Богу, что Он дал мне ее, и про Сашу, и про всю мою жизнь... Я успокаивал себя тем, что впереди у нас целый день перед ее отъездом, и это целиком наш день, и мы сможем столько сегодня успеть, о многом поговорить.

Храм находился рядом с Жениным общежитием. Это был старинный собор, огромной глыбой высившийся рядом с другими высотными зданиями. Мы опоздали, но я подумал, что это даже к лучшему, потому что Жене тяжело было бы простоять всю службу целиком. Внутри было

темно и пахло сырой штукатуркой, а откуда-то из глубины надтреснутым голосом вычитывали псалмы. Мы вошли, и мне вдруг стало страшно.

Людей оказалось мало, мы стояли вдвоем прямо напротив того места, на которое выходил священник. Сначала я решил было наклоняться к Жене и шепотом объяснять ей смысл происходящего, но не знал, правильно ли это, и просто замер на одном месте, боясь пошевелиться. В напряженном ожидании я предчувствовал каждое следующее движение службы, будто пытаюсь ускорить ее мерное течение. Я хотел дотянуть до причастия, чтобы сказать Жене, что это самое главное действие и что после него уже можно уходить, но минуты тянулись слишком медленно.

Краем глаза я видел, как Женя переступает с одной ноги на другую. В какой-то момент мне показалось, что она слишком сильно качнулась назад, и я торопливо отступил, чтобы подхватить ее. Женя обернулась на мое движение, и я спросил: «Пойдем?» Она, кажется, вздохнула с облегчением и устало кивнула в ответ.

На улице пахло дымом, ветра не чувствовалось совсем. Все вокруг замерло, как бывает перед внезапным, совершенно не ко времени, наступлением весны, и только осторожно падали на руки то ли тяжелые снежинки, то ли капли дождя.

Я боялся спросить Женю, что она чувствовала в церкви, но она сама вдруг произнесла тихо:

– Да, хорошо... Надо будет еще раз сходить потом...

Я ничего не ответил, чтобы не нарушить неуловимого, хрупкого согласия, установившегося между нами.

В этот момент она неожиданно раскашлялась и коротко улыбнулась:

– Болею немного.

– Пошли тогда, буду тебя лечить, – сказал я весело, кивая на выросшее рядом здание общежития.

Женя кивнула, но как-то неуверенно.

– Знаешь, у меня в комнате так грустно, – заговорила она после недолгого молчания. – И эти экзамены, так хочется отдохнуть после них... Давай, может, к тебе в общежитие? И Сеня ведь там, да?

Меня кольнула досада, оттого что она не хочет быть вдвоем со мной даже в этот последний день перед отъездом на каникулы, а хочет к ребятам.

– Ты же болеешь... – напомнил я каким-то чужим голосом.

– Ну да, – взволнованно заговорила она. – Вот как раз у вас и полечусь, у меня все равно поезд только вечером...

Кажется, она и сама понимала, что что-то не так, что она в чем-то виновата, и это еще сильнее задело меня.

– Поедем! – сказал я ожесточенно и решительно.

Наверно, этот день был похож на все прочие, которые мы проводили у меня в общежитии, и только я отчего-то воспринимал все острее. Сены, Гера и Святослав Александрович сели за стол, чтобы пить чай с пирожными, которые мы принесли, а Женя принялась что-то оживленно рассказывать им. Я же стоял у окна и напряженно смотрел на маленькую льдинку, притаившуюся у нижней кромки стекла. Прямо на глазах она становилась все меньше, сжимаясь, уходя в себя, но не могла уже спастись и должна была растаять.

Я оглядывался назад и видел Женю совсем не такой, какой она бывала со мной по вечерам в ее комнате. Там ее веселость казалась тихой и проникновенной, а здесь Женя все время оказывалась в центре общего внимания, шутила и дурачилась, глаза ее блестели. И я неотвратимо чувствовал, будто с каждой секундой этого странного веселья из меня уходит что-то важное.

Как раз в тот момент Женя игриво, как бы немного свысока, спросила у Геры и Святослава Александровича, почему у них до сих пор нет девушек. Гера хмурился и молчал, а Святослав Александрович принялся убежденно доказывать, что он замкнутый и нелюдимый человек и для него это естественно.

– Я уже давно проанализировал свой характер, посмотрел несколько статей, – горячился он. – У меня синдром Аспергера, из этого вытекают сложности в общении. Нужно применять специальные тренинги, и тогда ситуацию можно исправить...

– Да неправда! – возражал ему с усмешкой Сены, всегда любивший провоцировать соседей, особенно при сестре. – С нами же у тебя не возникает сложностей в общении.

– Потому что вы существа того же пола, – эмоционально настаивал тот. – Не спорьте, я ведь изучал этот вопрос, просто психология мужчин и женщин различна, и вы ничего не понимаете!

– При чем тут синдром, когда есть настоящие чувства? – вдохновенно возражала ему Же-

ня. – Неужели у тебя и правда такое логическое восприятие?

Святослав Александрович сердито пожимал плечами, потому что это якобы был неконструктивный вопрос, а Женя смеялась над этим так заразительно, что через минуту он и сам уже начал невольно улыбаться.

Я же все стоял у окна и не мог понять, почему она не спрашивает ничего у меня – потому, что считает себя моей девушкой, или потому, что ее совсем не интересует то, что я отвечаю? Мне захотелось сказать что-нибудь резкое, чтобы разрушить это глупое веселье, но я только окончательно замкнулся и почти все время до вечера молчал.

Иногда Женя подходила ко мне и, видя мое подавленное настроение, спрашивала:

– Ну ты чего?

Я бессильно улыбался: все хорошо. И ей опять становилось весело...

Потом я провожал Женю на поезд, мы шли по перрону. Еще не начало темнеть, но уже стало холодно, и мне казалось, что больше никогда не быть нам такими счастливыми, как раньше. Хотя внутри меня все же теплилась надежда, что вот сейчас случится что-нибудь, что все перевернет и чудесным образом исправит и сегодняшний день, и вообще все последние несколько месяцев. Но ничего не происходило.

Проводница не хотела пускать меня в вагон, потому что оставалось совсем мало времени до отправления, но я все-таки втиснулся в узкий проем. Мы с Женей встали друг напротив друга, ощущая напряженную важность момента. Тогда я решился поцеловать ее, но Женя неловко и как-то испуганно отстранилась.

– Я же болею, – сказала виновато, а я залился краской оттого, как нелепо и стыдно все это вышло.

– Прости меня, – сказал самое главное, что было на душе.

Еще несколько секунд мы стояли так. Я боялся взглянуть ей в лицо и видел только сжатые в замок руки. А потом шел по перрону назад, и рядом неотвратимо тянулись окна отходящего поезда, а за ними мелькали равнодушные чужие лица...

Пока я ехал в метро, стемнело окончательно. Вокруг выхода к пригородным поездкам сгущались киоски, зазывно мигая тусклыми огоньками. Я на минуту остановился у кассы, чтобы купить билет, и вышел на платформу. Людей здесь было мало. Шел холодный зимний дождь, на коже

мгновенно превращаясь в мелкие назойливые льдинки. Пока Женя еще была рядом, я как-то не осознавал до конца, что произошло, как будто одно ее присутствие питало меня силами, а теперь совсем расклеился. Впереди высились три огромных здания, горевшие сотнями окон. Я вглядывался в эти окна и чувствовал себя таким одиноким, будто не знаю ни одного человека на свете. Неожиданно из-за поворота вылетела электричка, опоясанная гребнем вырывающейся из-под колес мерзлой воды. А я растерянно наблюдал, как она со скрежетом останавливается передо мной...

Когда я вернулся в общежитие, ребят дома не было. Я вошел в комнату и на бледном квадрате окна увидел темное пятно сушащегося на форточке полотенца. Я вспомнил, что оно Женино, и сердце мое сжалось. Мне показалось, что это какой-то знак, что, может, она нарочно забыла его здесь.

Я лег на кровать и обхватил голову руками. Стучали по жестяному карнизу редкие, но настойчивые капли дождя, так что я никак не мог успокоиться, ощущая этот твердый стук телом как дрожание больного нерва. Темнота надвинулась со всех сторон. Я оглядывался, пытаюсь рассмотреть хоть что-то, но различал лишь очертания неподвижных предметов. Осторожно, содрогаясь от какого-то благоговейного страха, я прошептал: «Господи...» — и звук моего голоса замер в пустоте. Я помедлил несколько мгновений, дожидаясь, пока он растворится совсем, и тогда стал произносить короткие, отрывистые фразы, идущие из самой глубины сердца. «Помоги мне, Господи... Дай нам быть вместе... Дай мне понять, что делать, как себя вести», — повторял я еще и еще, как заклинание, ощущая, как постепенно очаровывает меня эта мрачная ожесточенная молитва. «Она будет со мной... Я все сделаю для этого... Только помоги мне...»

Я нарочно повышал голос, произнося эти слова яростнее, с напором — они показались мне такими сильными, что и сам я вместе с ними будто становился сильнее. И оттого какое-то странное спокойствие неожиданно опустилось на дно моей души. Тело стало тяжелее, будто пропиталось горячим оловом, глаза сомкнулись, и я провалился в сон.

4

В конце февраля начался пост, а с ним — особенно странное для меня время. Я почти ничего

не ел, только порцию картошки в студенческой столовой на обед да вареные овощи на ужин. Не разрешал себе слушать музыку, думать о чем-нибудь приятном. Но и этого казалось мне мало: я решил читать *часы*, как делали подвижники в монастырях, и каждые три часа спускался под черную лестницу, чтобы проговорить нужные молитвы.

Я не мог пропустить ни одного раза, мне казалось, так я хотя бы на последнем волоске удерживаю нашу с Женей любовь, и если я остановлюсь, все мгновенно разрушится. Мы по-прежнему не брались за руки, когда шли вместе, ни разу больше я не пытался поцеловать ее и даже не заговаривал о том, что случилось на вокзале.

Но чем сложнее становились наши отношения, тем острее я ощущал жажду быть с ней. Самым радостным для меня было предвкушение встречи, когда я еще ехал в метро и мог мечтать, что уже через полчаса мы увидимся. По дороге к ее общежитию я почти бежал, испытывая какое-то неистовое волнение внутри. А потом замечал маленькую фигурку у входа и делал последние шаги навстречу уже медленнее.

— Давай сегодня на каток, я уже договорилась с Сеней и ребятами, — говорила Женя, и что-то падало у меня внутри...

На каток мы ходили в огромный парк с множеством ледяных дорожек. На главной аллее было столько людей, что рябило в глазах от разноцветных курток, проносившихся то в одну, то в другую сторону. Иногда я отставал от всех и терялся, и тогда в мельтешащей толпе мне странным образом представлялось, что я вижу Женю, которая едет, держась за руку Святослава Александровича. Я устремлялся за ними, сворачивая на какие-то потайные тропинки, пытаюсь догнать их, и только через несколько минут натыкался на всю компанию: они стояли втроем у края главной аллеи и оживленно что-то обсуждали.

— Ты где был? Мы тебя искали, — взволнованно говорила Женя, но мне казалось, что она при этом отводит глаза.

Я говорил ей, что больше не пойду на каток, что идет пост и нужно быть сосредоточенным. Она обижалась и, задыхаясь, отвечала, что каток очень важен для нее, что это спорт, а ей обязательно нужно заниматься спортом.

— Но мы постоянно веселимся там, — спорил я.

– Да, – соглашалась она, не сдаваясь, – но веселье – это такое приятное дополнение к спорту!

И во время любого такого разговора, любой нашей ссоры я думал: это Бог, это опять Он ведет меня. Я пытался понять, что же на этот раз я сделал не так, чтобы потом собраться с силами и исправить это. Но в то же время сквозь все эти прямые и твердые мысли я ощущал неясную ноющую боль внутри. Особенно часто это случалось, когда, возвращаясь от Жени, на темных улицах я встречал пьяных людей или веселые молодежные компании и среди них бесстыдно смеющихся девушек. В такие моменты мне казалось, что злобный и порочный мир окружает меня, смеется надо мной, а я не могу противостоять ему.

В один из таких дней мне стало так горько, что, вернувшись в общежитие, я прямо с порога стал рассказывать Сене, Святославу Александровичу и Гере об Алисе, отрывисто, безобразно выговорил это пошлое «был с женщиной». Кажется, Гера качал головой, ему было стыдно за мои глупые откровенные слова, а Сеня смотрел в пол, и я никак не мог понять, о чем он думает. Меня же переполняло ощущение вины, мне хотелось покаяться именно перед ним, потому что он был братом Жени.

После моего рассказа в комнате повисло неловкое молчание, но не из-за самого описанного мною случая, а от того, как именно я говорил о нем. Потом я долго еще не мог забыть этот вечер, стыдясь своей нелепой и неуместной торопливости, но в то же время мне казалось, что я все сделал правильно.

В конце марта, когда я уже совсем ослаб, в Москву приезжал Шаманов. Был тусклый холодный день, ветер обжигал лицо и руки, так что хотелось вжаться в себя и не высовываться наружу. Мы неуклюже обнялись, почти не глядя друг на друга, и зашагали наугад. На почерневшем снегу, на каменных стенах, на виднеющемся сквозь дымку шпиле Казанского вокзала лежал какой-то мутный пепельный налет, а под ногами скрипело битое стекло замерзших и уже перетоптанных луж.

Минут через пять мы зашли в маленькое привокзальное кафе, где было страшно жарко от кухонного пара и толкающихся людей, и заняли столик в углу. Нас мгновенно разморило, мысли и чувства сделались мягкими.

– Ты как, пост-то держишь? – спросил меня Шаманов.

– Да, – честно ответил я.

– И я вот что-то тоже решил... Ну что, тогда пить не будем, что ли? – лукаво усмехнулся он.

– Не будем, – радостно согласился я.

– Эх, жаль... – И этот его непритворный вздох, кажется, еще сильнее сблизил нас.

Мы оба ощущали необыкновенную потребность общаться, будто встретились где-то в чужом краю, среди говорящих на другом языке людей, не понимающих ничего из того, что дорого нам обоим. При этом я еще некоторое время молчал, переживая радость встречи. Шаманов же не мог и не хотел сдерживаться.

– Слушай, а я тоже христианской темой как-то заинтересовался, вот пост этот... – увлеченно принялся рассказывать он. – Но тут такое дело, надо раз и навсегда для себя решить! Вот, например, захочу я тоже начать праведную жизнь, приду в церковь к священнику. А он меня спросит, развратничаю ли я, и что я ему скажу? Скажу: да. А он меня спросит: а еще будешь? А я ведь знаю, что буду! – И он рассмеялся во весь голос. – Так что пока не знаю...

Я удивился его словам о христианстве, потому что никогда раньше не слышал от него ничего подобного. А еще я вспомнил наш летний разговор у реки. Ведь и во мне тогда было столько поверхностного и безрассудного, как сейчас в Шаманове. Я и не знал тогда, что духовная жизнь – это дикая боль в душе, страдание каждый день, преодоление этого жгучего страдания...

Я хотел рассказать ему, каким невыносимым стало мое существование, как тяжело дается мне этот пост, как я читаю часы под черной лестницей, но даже это не помогает мне удержать Женю рядом. Я хотел рассказать о том, как страшно разочаровываться во всех этих прописных истинах, а также о том, сколько мужества нужно, чтобы, утратив все иллюзии, продолжать тащить себя каждый день под черную лестницу на молитву... Но я не мог объяснить ему все это, поскольку знал, что он не поймет меня, как не понял бы я себя сам полгода назад.

– А помнишь, Гоша, я говорил тебе про тот бой, в котором нельзя победить, но нужно сражаться до конца? – сказал я вдруг. – Так вот, я понял, что совсем не умею бороться и что я самый слабый человек на свете...

Шаманов слушал, довольно кивая.

– Я тебя так ждал, Алешка, – признался он, – так скучал по нашим таким вот серьезным разговорам, ты бы только знал... Но расслабление – это ты брось! Нельзя расслабляться, ты же сам понимаешь, чьи это происки!

Постепенно под его напором и я почувствовал воодушевление. Мне приятно было отжаться этим прямым и яростным словам, так напоминающим мои собственные слова полгода назад. Необыкновенное, почти хмельное веселье овладело нами обоими, так что мы уже не замечали неуютности обстановки вокруг. Нам принесли кофе и пирожки, и мы с удовольствием принялись за еду.

– Иногда вот слышу от кого-нибудь: «Мне плохо, мне тяжело» – и не могу этого понять! – в сердцах доказывал мне Шаманов, решительно наклоняясь над столом. – Вся жизнь в твоих руках! Чувствуешь, что это твои убеждения, что это правильно, – так давай, действуй! Хватит ныть... Борись, сделай все, что от тебя зависит. Куда уж проще!

Мы так разгорячились, что, когда вышли на мороз, стояли не застегиваясь и шумно дышали густым паром. На оживленной площади перед вокзалом было темно, но повсюду мелькали огни, что-то шумело, звенело. Шаманов курил, а я стоял рядом, чувствуя прежнюю умиротворенную твердость, и мне казалось, что мы вместе смотрим в уродливую темноту большого города и не боимся ее. Мы опять начали говорить, перебивая друг друга, останавливая на полуслове, но во всем соглашаясь с первого же предложения.

– А как там с Женей? – спросил Шаманов, когда мы уже расставались.

– Да все хорошо... – смешался я.

Вернувшись в общежитие, я не стал подниматься в комнату, а сразу прошел под черную лестницу – читать нужный час. Я еще ощущал в себе то родное ожесточение, которым заразил меня Шаманов. Я вытащил из щели в полу тоненький молитвослов, в угол на выступ бетонной плиты поставил иконку и постарался приблизиться к ней вплотную, чтобы меня не было заметно с лестничного пролета. Иногда чья-то косая тень проходила по стене и по полу, пересекая мои руки, тело, страницу молитвослова, который я держал в руках. А порой кто-то спускался надо мной, и тогда я замирал, пережидая, когда гулкие шаги стихнут.

Я шептал слова молитв торопливо и никак не мог сосредоточиться. Невольно я вспоминал последние месяцы, такие сумбурные и тяжелые, упрекал себя, что позволил нам с Женей вести праздную жизнь, что она ни разу за это время не захотела сходить в церковь, а я не смог проявить настойчивость. Мне казалось, с этого дня опять все будет иначе, я смогу все исправить и вернуться к тому счастью, которое испытывал когда-то...

Но в то же время где-то в глубине сердца я ощущал, что мое теперешнее желание уже не так надрывно, что оно больше не поглощает меня целиком. Я с яростью взглянул на лик иконы и постарался еще отчетливее произнести каждое слово. Но чем сильнее я разжигал себя, тем холоднее становилось внутри. Вдруг я подумал, что до конца жизни придется мне вот так вставать на молитву, каждый день, без единого послабления, потому что, даже если вдруг у нас с Женей все мгновенно станет хорошо, никогда мне уже не забыть этого страха потерять ее, этой непрерывной тревоги и уже нельзя будет остановиться, отдохнуть... И мне снова стало тоскливо и одиноко.

→

Я не поддался этой проклятой тоске и продолжал читать изо всех сил, только уже не вникая в смысл, а просто скользя глазами по буквам. Потом закончил, закрыл книгу и постоял так немного, ожидая. Но ничего не чувствовалось в спертom подвальном воздухе. Я положил молитвослов и иконку обратно в потайное место и медленно зашагал вверх по лестнице.

Еще в коридоре я услышал пронзительный Женин смех сквозь дверь нашей комнаты и на секунду остановился, будто собираясь с силами.

Они были вдвоем со Святославом Александровичем.

– Привет! – торопливо вскочила Женя, увидев меня. – Ты почему так долго? А я пораньше приехала, думала, ты тоже...

Я опустился на кровать и не глядел ни на нее, ни на Святослава Александровича. Женя села рядом, думая, что я просто устал, и начала рассказывать о чем-то, но я слышал только монотонный гул у себя в голове. Я попытался взять себя в руки, даже еще раз прочитать какую-нибудь коротенькую молитву, но все это было так искусственно...

«Нам надо расстаться», – неожиданно подумал я и испугался не столько этой мысли, сколько того, что я так просто подумал об этом. «Не

сдаваться, биться, биться! – убеждал я себя. – Я не отдам ее, она будет только моей!» Но постепенно странное холодное оцепенение охватило меня целиком.

5

Все оборвалось между нами в начале июня. У Жени подходила к концу вторая сессия, и в один из тех дней она попросила меня приехать. Я уже привык к тому, что это я постоянно ищу встречи, и потому удивился, что она зовет меня сама. Последнее время мы почти не бывали вдвоем (в будни Жене нужно было готовиться к занятиям, а каждые выходные она приезжала к нам в общежитие), но я уже смирился с этим и иногда даже уходил из комнаты гулять по студгородку или по березовой роще, когда она была у нас. Как машина, постепенно вязнущая в колею, какое-то время еще продолжает ехать – так же длились и наши странные отношения...

Погода в тот вечер стояла теплая, повсюду летал тополиный пух, что-то шуршало в густой листве – и все это было так легко, так беззаботно. Все будто пыталось убедить меня начать жить с чистого листа, не спрашивая, хочу я этого или нет. Женя встречала меня у метро. Мы пошли рядом.

– Знаешь, таким сложным был этот год! – произнесла Женя порывисто. – Мне так тяжело, особенно в последнее время...

Я слушал эти чистосердечные слова, смотрел в ее взволнованное лицо, и мне хотелось думать, что это еще не конец, что есть еще какая-то надежда. Но в то же время я уже настолько хорошо знал ее, что не мог не понимать: ее что-то тревожит, потому-то она и позвала меня. Мы больше не разговаривали о мелочах, как бы отдыхая от этой ее внезапной искренности, и просто шли в тишине.

Миновали пост охраны. Поднимались в наполненном лифте, а вокруг, как замороженные, стояли другие люди и молчали. И мы молчали вместе с ними, но оба чувствовали, что впереди еще будет что-то важное.

Когда мы вошли в Женину комнату, там было темно, и только над ее кроватью мягким светом горела лампа, которую она отчего-то не выключила, уходя встречать меня. За краем светлого полукруга я различал ее вещи на столе и на полках: расческу, тюбик с кремом, аккуратно сложенное полотенце, листы, исписанные мелкими буквами, несколько книг.

– Проходи, соседки будут только вечером, – сказала Женя, и я поспешно шагнул вперед.

Я помнил, как часто мы сидели здесь в начале учебного года, готовясь к ее занятиям в университете, как засиживались допоздна, мне пора было уходить, но нам обоим все не хотелось расставаться. И только когда настойчиво стучали в дверь охранники, обходящие комнаты с задержавшимися гостями, я торопливо выходил в коридор и мы коротко и нежно прощались.

Вот и сейчас все было почти так же, как тогда. А на покрывале, где у изголовья притаился бугорок от подушки, ровная поверхность была чуть примята, и я глядел на эту ямку, представляя, как Женя положила туда голову, ненароком оставив такой живой след для меня.

– Знаешь, я решила исповедоваться, – вдруг сказала Женя. – Но я ведь никогда этого не делала и не знаю, что именно нужно говорить... А ты делал? Ты же иногда ходишь в церковь?

Ее слова обожгли меня: мне показалось странным, что она хочет в чем-то исповедоваться. Я подумал, что это связано с какими-нибудь ее отношениями, о которых я ничего не знаю, и от этой мысли жгучая ревность мгновенно поднялась во мне.

– А почему ты решила? Есть какие-то причины? – как-то поспешно и резко выговорил я. – Ведь если это мучает тебя, значит, это нельзя держать в себе, – продолжил я уже мягче.

Но даже одной первой фразы, кажется, хватило Жене, чтобы понять, что для меня этот разговор об исповеди только повод выспросить что-то. Лицо ее замерло, брови сдвинулись. Она отстранилась и будто о чем-то задумалась.

– Ну, в общем, нужно прийти в церковь и рассказать священнику все, что тебя тяготит. Сам я делал это только один раз, поэтому не могу посоветовать ничего конкретного, – все еще пытался исправиться я, но было уже поздно.

Женя кивнула, но по-прежнему сосредоточенно молчала. Я замолчал тоже.

Каким-то подсознательным чутьем я понимал, что еще можно спросить обо всем прямо, объяснить ей, что для меня это важно, что я могу знать, в конце концов, потому что люблю ее, но боялся произнести эти честные слова. Мне нужно было понять все как-то невзначай, чтобы она ничего не заподозрила. И теперь, когда это уже не удалось, никак нельзя было подступиться к ней...

Не знаю, сколько длилось это наше молчание, но вдруг в дверь постучали. Женя поспешно пошла открывать. Это была подруга, они разговаривали на пороге, и, кажется, та куда-то звала. Я знал, что Женя не может просто так уйти и оставить меня здесь одного, но в то же время чувствовал, что ей хочется уйти, чтобы не находиться в этой тягостной обстановке недосказанности, которая установилась между нами.

– Я минут на десять, – виновато и будто с сомнением сказала она. – Побудешь здесь, ладно?

А я даже слишком горячо ответил, что все хорошо, конечно, побуду...

Когда она ушла, я сел в кресло, откинулся на спинку. По-прежнему мягко горела лампа над ее кроватью, оставляя короткие густые тени от тарелок, чашек, чайника на столе. Я пытался успокоиться, сжал руки в кулаки, чтобы, когда войдет Женя, ни одним движением не показать ей, что что-то не так, но у меня не получалось. Тогда я встал, распахнул окно и долго стоял, вдыхая тяжелый предгрозово́й воздух. Внизу был виден неестественно большой круглый купол того холодного собора, в который мы ходили с Женей зимой, после ее первой сессии.

И вдруг мне так противно стало находиться в этой комнате, ждать ее, переживать, как все сложится! Захотелось просто уйти не встречаясь и закончить это безумие. Но еще больше мне хотелось до конца проникнуть во все ее тайны, довести свою ревность до предела, выжечь себя изнутри...

В этот момент я вдруг вспомнил: она говорила, что ведет дневник. Он должен быть где-то здесь! Я понимал, что десять минут уже почти прошли, но все-таки бросился к двери, закрыл ее на ключ и принялся рыться в тумбочке, на книжных полках, встал на кровать, чтобы дотянуться до самой верхней, однако никак не мог его найти. И остановился, как бы увидев себя со стороны – взмыленного, ожесточенного, посреди этой маленькой комнаты.

«Ну что за чушь, ради чего все это?! – подумал я. – Мне просто нравится распалать себя, воображать, а на самом деле я ведь уже ничего не чувствую». И мне вдруг так захотелось какого-то настоящего осязаемого чувства, бешеной любви, которая опрокинула бы меня, подчинила, – такой, как у Алисы с турбазы, – захотелось живого, страстного человека.

И теперь я уже не собирался бежать, наоборот, мне нужно было видеть Женю немедленно.

Я чувствовал, как внутри меня забились огромная оса и принялась зудеть изо всех сил. И тогда вся эта «возвышенность», какое-то «высшее предназначение», моя «безумная любовь» – все показалось мне жалким.

«Да, – решил я, – пора стереть все эти розовые сопли, здесь, сейчас. И тогда вы все можете сколько угодно смеяться вместе с ней, кататься на коньках, веселиться, но я все равно уже буду бесконечно ближе...»

Мгновенно я успокоился, стал собранным, жестким. Для начала нужно было подготовить обстановку. Я старательно зашторил окна и вновь поставил греться остывший чайник. Я стал воображать, как все произойдет, стал продумывать слова, которые скажу, чтобы усыпить ее бдительность, как настойчиво буду повторять их ласковым голосом... Свечи были бы кстати здесь, но свечей не было – впрочем, мягкий свет лампы вполне подходил.

Вдруг я подумал, что Женя может захотеть включить верхний свет. Дотянувшись до плафона под потолком, я быстро выкрутил лампочку. Но потом, поняв, что это будет слишком заметно, несколько раз резко потряхнул ее, чтобы порвалась внутренняя нить, и вкрутил обратно. Еще раз оглядел комнату.

Недовольно заворчал чайник на столе – теперь все было готово, но Женя по-прежнему не приходила. Я опять сел в кресло у окна и, закрыв глаза, пытался хоть немного успокоиться, чтобы набраться сил. Но ничего не получалось, скорее наоборот, волнение мое как бы ушло вглубь, изнуряя меня непрерывной тягостной дрожью. Медленно тянулись минуты, и я со страхом замечал, как вместе с ними так же медленно, но неизбежно исчезает весь мой пыл.

Помню еще, что буквально за минуту до ее прихода, когда я в очередной раз оглядел комнату, вдруг заметил, что на покрывале, поправленном мною, не хватает трогательной вмятины, которая так понравилась мне полчаса назад. Я подскочил к кровати и ткнул рукой в подушку. Но мой след оказался каким-то грубым, совсем не таким, как Женин, и это окончательно лишило меня уверенности в себе.

В этот момент раздался настойчивый стук, от неожиданности я подпрыгнул и бросился к двери. Как же я мог забыть, что так и не открыл ее после того, как искал дневник... Женя вошла, и в маленькой комнате так неестественно прозвучал ее удивленный голос. Я же поразился, на-

сколько чужой она стала за эти полчаса. Я торопливо произнес что-то несурзное, соврал, что мне пора, и выскочил в коридор.

– Я провожу тебя, – поспешно сказала она, выходя вслед за мной.

Вокруг было тихо, только недовольно скрипела длинная лампа под потолком, а в оконных рамах между стекол гудел ветер. На полу замерли чьи-то мокрые следы, на подоконнике у лифта лежало два окурка. За окном шел дождь, ударяя по тонким макушкам деревьев, а вдалеке черным пятном виднелся глухой каменный собор. Мы шли, а я думал, что это опять Бог, что Он нарочно хочет задеть меня сильнее, заставить исправиться или что там еще. Но я больше ничего не чувствовал, мне было все равно.

«И что ты сделаешь теперь?» – с горечью усмехнулся я.

– Ты торопишься? Может, постоим немного? – предложила Женя, когда мы подошли к дверям.

– Давай, – ответил я машинально.

На улице было свежо. Мы медленно двинулись вдоль здания, не выходя из-под широкого навеса. Под навесом стояли и другие пары, а неподалеку от входа сгрудилась веселая компания. Тогда мы поднялись по одной из лестниц, находившейся справа от входа, чтобы нам не мешали остальные.

– Необычно, – заметила Женя, когда мы остановились на самом верхнем пролете, почти под самым козырьком, с которого лилась вода.

Было слышно, как дождь стучит по козырьку. Я слушал этот стук, и мне казалось, что теперь я буду слышать его постоянно, он будет преследовать меня и не прекратится никогда. Хотелось зажать уши, избавиться от этого назойливого стука...

– Я хотел еще с тобой поговорить кое о чем, и это серьезно, – выговорил я решительно, хотя еще минуту назад ничего такого не хотел.

– Может, не надо сегодня? – спросила она.

Но я упрямо закачал головой:

– Нет, надо.

И я начал говорить, но что это были за слова, теперь уже не могу вспомнить. Наверно, что-то ужасно жестокое, потому что мне очень хотелось сделать ей больно, отомстить за весь этот год, за все свои мучения и тревоги. Я говорил не думая и только чувствовал, как с каждым словом связь между нами разрывается. Женя смотрела в меня застывшим невидящим взглядом.

Наконец она зажмурилась и едва слышно произнесла:

– Я не понимаю...

– Нам надо перестать общаться, – выдохнул я. – То есть перестать совсем и никогда больше не встречаться.

– Тебе понравилась другая девушка? – спросила она неожиданно, и все у меня внутри содрогнулось от этого странного вопроса.

Неужели все это время она понимала, что я ее люблю? Но почему никогда не говорила мне об этом? И что значил этот вопрос теперь?

– Нет, нет, – выговорил я мягче. – Но я знаю, что тебе нужен не я. Ты столько раз говорила, что хочешь видеть рядом с собой сильного человека, который не колеблется от любой мелочи...

Обида вновь захлестнула меня, и голос сорвался. Слова внутри будто закончились, и теперь уже само мое молчание говорило сильнее и грубее, чем я это делал несколько минут назад.

Нас окликнули: внизу стояли охранники, кажется, на эту лестницу нельзя было подниматься. Мы медленно пошли вниз, и так странно было, что для этих охранников мы по-прежнему парень и девушка, которых они столько раз видели здесь за последний год, и что внешне еще не заметен тот страшный разлом, который мы оба уже ощущаем.

На последней ступеньке мы остановились, не зная, что делать дальше. Еще минуту я стоял и смотрел на нее, будто ожидая, что она сейчас скажет что-то еще. Но потом понял, что мне уже нельзя быть здесь и, чем дольше длится это наше молчаливое стояние, тем мучительнее оно для Жени. Я сказал, что пойду, она кивнула, и я двинулся прочь, стараясь скорее скрыться от ее взгляда, но время все равно тянулось так медленно... Поворачивая к метро, я еще раз взглянул на нее: Женя неподвижно стояла у входа.

Но когда ее фигурка уже скрылась за зданием общежития, я вдруг почувствовал такую боль, будто меня исполосовали ножом по всему телу. Я никуда не мог деться от этой боли, задыхался от нее и чувствовал, что пройдет час, день, месяц, но боль не ослабеет.

Я ехал обратно в метро, прислонившись головой к стене вагона, и ощущал, как в такт ее дрожанию бьется во мне скопившееся напряжение. Я старался не глядеть вокруг, только в окно, но на поверхности стекла отражались сидевшие напротив люди, и мне казалось, что все они на меня смотрят. По полу каталась пробка от бутылки газированной воды, то проносясь в конец вагона, то возвращаясь, то, наконец, замирая и нервно подрагивая на одном месте. Так и чело-

век, подумал я, такой же слабый: в какую сторону его качнет, туда он и катится. И ни в чем нельзя быть уверенным, когда говоришь о человеке.

6

Не знаю, как выразить словами то, что было потом. До сих пор мне казалось, что весь мой рассказ естественно подведет меня к этому событию, но теперь понимаю, что это не так. Естественным для меня было бы что угодно, только не то, что произошло...

Я был тогда в страшном унынии. Не находил себе места, не мог ни о чем думать, ничего не хотел. Я вернулся в родной город, но и знакомые места не помогали мне справиться с таким состоянием. По ночам меня мучили приступы надрывного сострадания самому себе. Кажется, я бродил по квартире, выходил на балкон, смотрел в темноту, но, возможно, все было и не так. На самом деле я почти ничего не помню – только мрак и отчаяние внутри. Я понимал, что дело было уже не только в Жене, которую я навсегда потерял. Я не мог понять, что мне делать дальше. Я пытался молиться, вставал на колени, но чувствовал только отторжение от того нарисованного Бога, который смотрел на меня с темной деревянной доски. Я хотел освободиться от мыслей о Нем, от Его беспрерывного гнета, но не мог. Я уже так привык строить жизнь исходя из Его существования, сверять свои желания с Его заповедями, с тем, что якобы правильно и важно...

Я чувствовал тоску по обычной жизни, где все идет как идет, а не так, как нужно, где царит хаос, но все знают об этом. Где нет лицемерия и никто ни во что не верит. И мне казалось, эта жизнь – вот она, здесь, нужно только стряхнуть с себя свои детские страхи и предрассудки. Но вместе с тем иногда как волной накрывала меня почти безумная мысль о том, что Бог уже никогда не оставит меня в покое, не даст мне расслабиться и будет мучить до конца...

В один из тех дней я пришел к Сашиному дому, поднялся на девятый этаж и распахнул оконную раму. Уж не знаю, зачем мне это было нужно, может быть, чтобы испытать свою готовность к чему-то... Но, перегнувшись через подоконник и глядя вниз, я не почувствовал ничего. К реке уходили неровные линии белых крыш; как игрушечные, стояли на дороге машины. Я даже разозлился, что вокруг так красиво и мне несколько не страшно. И когда уже спускался по лестнице

и ждал, что вот сейчас должен появиться хотя бы запоздалый страх оттого, как легко я на самом деле мог прыгнуть вниз, страха по-прежнему не было.

А потом на другой стороне улицы я увидел девушку, со спины похожую на Женю, и бросился за ней. Мне отчего-то представлялось, что Женя приехала в мой город тайно, но идет не ко мне, а к кому-то другому, может к Шаманову, и сейчас я прослежу за ней и уличу наконец во всем. Мне хотелось посмотреть, как она станет хитрить и извиваться, когда увидит меня, как станет врать, а я буду молча слушать ее и не произнесу ни слова... Бог знает, какие мысли билась тогда у меня в голове!

Мы шли медленно, она впереди, я поодаль, и в этой нашей странной процессии было что-то торжественное и нелепое одновременно. На шее у девушки был повязан зеленый платок, и изредка она поправляла его рукой. А я впивался взглядом в ее фигуру, боясь упустить из виду хоть на секунду.

Но когда она повернула к церкви, мне стало так горько! Казалось, все это нарочно подстроено, будто в насмешку надо мной. Девушка остановилась у ворот, а я торопливо прошел мимо нее за ограду, чтобы не выглядеть глупо.

Церковный двор был пуст. Слева у входа лежали разные стройматериалы (в церкви шел ремонт), а ближайшая стена была покрыта новой штукатуркой. Где-то за углом справа работали строители, и даже здесь слышны были их голоса. У стены с длинными узкими оконцами стояла огромная цистерна. Бензин они здесь, что ли, разливают, машинально удивился я.

Теперь я уже не мог повернуть назад, мне надо было дойти до конца, чтобы раз и навсегда убедиться, что все это только груда камней и ничего больше. Я подошел к крыльцу, поднялся по грязным ступеням со следами чьих-то огромных сапог, но не стал приближаться к двери, а нарочно упал на колени, прямо в грязь, будто показывая: вот как я могу, посмотри, если уж так хочется...

Но опять ничего не изменилось, я видел только лестницу, чувствовал, как стали мокрыми штаны в коленях, впитав в себя серую жижу. Тогда я встал и со злостью рванул на себя дверь, но она не открылась. И вот это, кажется, окончательно взбесило меня – мне захотелось изо всех сил ударить в нее, сокрушить все вокруг. Как я мог клюнуть на такую детскую приманку и прийти сюда?! Сбежав по лестнице, я двинулся к во-

ротам, ожесточенно ступая ногами, будто хотел продавить землю рядом с храмом.

Через двор наискосок мимо меня шла та самая девушка в платке.

– Закрыта церковь, – сказал я ей громко, чувствуя какое-то особенное удовольствие от грубости своих слов. – Иди, иди!

У нее было миловидное лицо, карие глаза, совершенно непохожие на Женины. Она замерла и неловко огляделась.

– Как же закрыта, вон служба идет, – наконец произнесла она, и тогда я заметил, что она направляется к храму с другой стороны.

Там, оказывается, были другие двери, а те, к которым подходил я, видимо, закрыли из-за ремонта. Я вошел внутрь следом за ней, машинально повторяя все ее движения. Девушка прошла куда-то вглубь, а я остался стоять у входа. Было темно, передо мной сбились в кучку несколько маленьких старушек, похожих друг на друга, будто слепленных из одного теста; сверху пел хор, откуда-то доносился голос священника, неразборчиво читающего молитву. Все это было так знакомо, ничего необычного, та же обстановка, которую я помнил с детства. Может, только какая-нибудь ностальгическая грусть могла бы закраситься мне в сердце, да и той не было. И странным казалось, что когда-то эта обстановка производила на меня столь сильное впечатление, что могла даже влиять на мои мысли. Теперь я все видел отчетливо, не обманываясь и не придумывая ничего.

Но в то же время с первых же секунд, как только я вошел, какая-то неясная тревога охватила меня, будто на самом деле здесь что-то было не так. Я пытался прислушаться к себе, но никак не мог объяснить это странное изменение, пока вдруг не осознал отчетливо, что в этой церкви кроме священника, хора и нескольких прихожан есть кто-то еще. Я стоял, ощущая его присутствие в окружающей темноте, и с каждым мгновением все яснее мне становилось, что это Он. А когда я понял это до конца, неожиданный животный страх прошиб меня насквозь и я бросился прочь.

Помню, как в ужасе стоял я на крыльце и пытался отдышаться. Вокруг был тот же мир, я видел проезжающий мимо трамвай, слышал шелест ветвей на деревьях и голоса рабочих, доносившиеся из-за церкви. Мир жил своей обычной жизнью, призрак рассеялся, но теперь я знал, что там, внутри, Он по-прежнему есть. И

я почувствовал, как мне хочется опять ощутить Его присутствие, как тянет меня обратно...

Я глубоко вдохнул и медленно, боязливо опять вошел внутрь.

Тихо-тихо дрожал воздух в церковной зале. Я стоял перед большой белой колонной и смотрел, как от движения чьих-то рук тонкие тени скользят по ней. Я не понимал точно, где именно находится Он, но чувствовал на себе Его взгляд. Я хотел перекреститься, встать на колени и поклониться, но боялся пошевелиться.

А потом я закрыл глаза, и сразу как-то поиному стало вокруг, будто я больше увидел, будто сама церковь вдруг расширилась. Где-то в глубине рождались гулкие басовые звуки и потом возносились вверх, а там уже все звенело, натягиваясь, наполняя пространство пронзительным напряжением. Это была уже не обычная служба. Я понял, что все люди вокруг: и священник, и хор, и старушки – тоже видят и чувствуют Его, что ради Него они сейчас говорят и поют, не позволяя себе ошибиться или задержаться, чтобы не повредить ни единому такту этой удивительной службы.

Вдруг я услышал, как одна из старушек попыталась подхватить мелодию вместе с хором, но стала сбиваться, отставать, задыхаться, и сердце мое защемило от жалости к ней. Еще несколько раз она пыталась вступить, срывалась, но потом ее старательный голосок все-таки влился в общий нарастающий хор и остался в нем. Я задышал спокойно, полной грудью, и что-то внутри меня постепенно расслаблялось, успокаивалось.

Потом в церкви начали гасить свет: женщина в белом платке ходила от подсвечника к подсвечнику, и вокруг становилось все темнее, пока полностью не погрузилось в мирный полумрак. От одной из затушенных свечей поднималась вверх белая полоска, похожая на шарф, развевающийся на ветру, и долго еще тянулась, а потом вдруг оторвалась и мгновенно растворилась в густом воздухе.

А когда свет опять включили, такая радость вдруг пролилась в меня! Я чувствовал, что больше нет ни боли, ни метаний, что эта радость подхватывает, приподнимает меня. Мне хотелось тоже запеть вместе со всеми, чтобы и мой голос навсегда остался здесь, в памяти этих стен, этих икон, в Его памяти. Я постоял еще немного, а потом медленно двинулся к выходу. Не знаю поче-

му, но я точно знал, что Бог теперь не только останется в церкви, но и пойдет со мной...

Пока я был внутри, на улице прошел сильный дождь. По дороге текли тоненькие струйки, и при каждом шаге под моими ботинками хлюпало. Я двигался осторожно, ощущая, как воздух вокруг наполняется мягким послегрозным теплом. В тишине коротко вскрикнула птица, потом еще раз, бережно, будто боясь нарушить это всемирное оцепенение. Медленно нарастал шум проезжающей мимо машины, пророкотал рядом и долго еще угасал позади. Я и сам чувствовал какую-то особенную бережность ко всему вокруг. Мне нравилось присматриваться к неожиданным мелочам: к смятому листу бумаги в траве, к осколкам бутылки. И даже в этом мусоре не было ничего плохого: все было на своем месте в этом огромном мире, все было освещено и омыто.

Впереди, между высотными домами, виднелся край зыбкого серого купола неба, слегка окрашенный алым, — там умирал длинный летний день. А когда я прошел еще немного, огибая дома, передо мной наконец раскинулась широкая поляна, а за ней краешек леса. На опушке в ряд стояли двухэтажные коттеджи, справа едва виднелась тоненькая струйка автодороги, а над всем этим разливался горячий закат. Огромное небо было расколото надвое, и сквозь трещину в испуганно сбившихся к краям облаках бил яркий свет. Я стоял неподвижно, ощущая, как наполняет меня пронзительный восторг. А когда небо догорело и только на крышах коттеджей еще можно было различить неясные яркие полосы, внутри у меня будто что-то переломилось. Господи, подумал я, что же я наделал! Как же я мог так обидеть ее, ни в чем не виноватую, как мог причинить ей боль? И за что это ей, маленькой девочке, стать жертвой моих метаний?..

Я сел на прохладную землю и слушал, как тихо стало в мире и как благоговейно шелестит трава, боясь расплескать сбереженные силы до начала нового дня. И было мне и горько, и благодарно за эту свою горечь.

7

Что же еще рассказать мне... Все, что произошло потом, будто бы вылилось из тех минут моей жизни. Закончились мои отчаянные нефитские восторги и страдания, и началось что-то более глубокое и важное, чего я не вычерпал до сих пор...

Я мог бы рассказать, как проснулся на следующее утро от смутного волнения, что сейчас очнусь ото сна и потеряю все, что было вчера. Не открывая глаз, я прислушался и понял, что в сердце у меня тот же мир и та же тишина. Дома никого не было, мама и бабушка уже ушли в сад. Но и мне было жалко терять время, находясь сейчас в квартире. Хотелось выбежать на улицу, чтобы взглянуть на окружающий мир, который я будто никогда еще не видел. Я вышел из подъезда и стоял взволнованный, и все вокруг было пропитано светом и радостью. Я смотрел по сторонам и думал: вот мои родные места, здесь прошло мое детство, здесь произошло обновление моей жизни, и как же я рад всему этому...

Я мог бы рассказать, как жил следующие два летних месяца и как по ночам мне все снился неясный образ — будто девушка стоит в ярком солнечном блике, улыбаясь испуганно и немного грустно, и я не знал, то ли это маленькая Саша, то ли покинутая Женя. Я просыпался от пронзительного тревожного чувства, подходил к окну и смотрел на заспанный город. Мне казалось, что в этом ясном утреннем мире так много искренних молодых людей, открывающих мир, других людей, Бога, разлитого в прозрачном воздухе, но в то же время причиняющих себе и друг другу такую невероятную боль. Мне хотелось сказать им что-то простое, но очень сильное, чтобы они разом поняли все, но я не мог найти слов и знал, что они меня не услышат. И тогда меня пронзала неясная тоска по своему детству, по ярким переживаниям, по той мудрости, которой у меня не было тогда...

Я мог бы еще рассказать, как за несколько дней до своего возвращения в Москву, гуляя по городу, увидел длинную похоронную процессию, выходящую из двора на улицу. Там было много людей, шедших в монотонной тишине, и я невольно пристроился в конец. Медленно шагая, я ощущал, как больно всем этим людям. Я молился за умершего человека, за других людей и чувствовал какое-то странное умиротворение вечности. В этот момент мне стало совершенно ясно, что я только форма, только сосуд, в который по капле собирают влагу, но потом, когда жидкость загустеет, станет твердой, сосуд разобьют, и жалеть об этом совсем не стоит. Я шел рядом с этими людьми, вглядывался в гроб, поднятый над головами, и чувствовал, что когда-то вот так же разобьют и меня...

Ясно помню и еще один день того лета. В самом конце августа, уже вернувшись в Москву, мы с соседями устраивали пикник неподалеку от общежития за железнодорожными путями. Святослав Александрович и я рубили дрова на краю березовой рощи, и оба испытывали радостное удовольствие оттого, как разламывается сухое дерево. И хотя дров было уже достаточно, продолжали складывать новые и новые поленья в груды под ногами. Изредка мы прерывались и, смахивая пот, глядели друг на друга и посмеивались. А позади Гера старательно разводил костер.

Вскоре должна была приехать Женя, и Сеня уже пошел встречать ее с электрички. С того дня, как я оставил Женю на пороге ее общежития, мы ни разу не позвонили и не написали друг другу, и теперь я боялся нашей новой встречи. Я понимал, что все уже потеряно для меня, старался не думать о своей любви к ней и наших отношениях, но все равно переживал, как все пройдет сегодня.

И вот на тропинке вдалеке показались две фигуры. Я напряженно наблюдал, как они приближаются, и наконец, не в силах побороть нахлынувший стыд, торопливо зашагал вглубь леса. Скажу, что не видел, как они подходили, лихорадочно думал я, пробираясь между деревьев и кустов, стремясь зайти как можно дальше. Выбрался из зарослей на железнодорожные пути, поднялся по насыпи и сел на крупные белые камни, покрытые коричневой копотью, неподалеку от рельсов.

На душе было беспокойно, и таким странным это казалось после двух месяцев умиротворенного состояния! Мне отчаянно не хотелось

возвращаться к костру, и, наверно, я непременно ушел бы, если бы не понимал, что меня хватятся.

Вдалеке показался приближающийся состав. Я поднялся и стоял, пережидая, пока он с грохотом пронесется мимо, обдавая мое лицо густым кислым потоком. А когда поезд промчался, я осторожно шагнул на рельсы и долго глядел ему вслед.

Я думал о том, что вся моя жизнь шла к одному только мгновению в церкви два месяца назад, но вот это мгновение осталось в прошлом и теперь я стою и провожаю его взглядом, как ушедший поезд. Я больше не ощущал Бога рядом, не чувствовал ни недавней свежести, ни легкости, один лишь кислый запах мазута. Во мне осталась только память о случившемся, но, может, ради этой памяти теперь и стоило жить.

Я поднялся и медленно двинулся назад, не зная, как мне вести себя сейчас, что говорить. И тогда мне представилось вдруг, что я еще совсем не знаю девушку, которая ждет меня на поляне, что сейчас произойдет наша первая встреча, будто не было до этого ни моего затравленного чувства к ней, ни всех переживаний последнего года.

Наконец послышались неясные звуки и голоса. Вроде бы это Сеня кричал что-то про дрова, а Святослав Александрович раскатисто смеялся. По лицу мне хлестнула случайная непослушная ветка, и пришлось на секунду остановиться. Я отдышался, машинально хватая пальцами стебли травы внизу. Потом сделал еще несколько шагов, и мне показалось, что я услышал жалобный и вопросительный голос Жени.

И в этот момент сердце мое дрогнуло.

**Елена
ЗАСЛАВСКАЯ**

ЭТИ РУССКИЕ МАЛЬЧИКИ

* * *

*Эти русские мальчики не меняются:
Война, революция, русская рулетка,
Умереть, пока не успел состариться,
В XIX, XX, XXI веке.*

*Эти русские девочки не меняются:
Жена декабриста, сестра милосердия,
Любить и спасать, пока сердце
В груди трепыхается,
В XIX, XX, XXI веке.*

*Ты же мой русский мальчик:
Война, ополчение, умереть за Отечество...
Ничего не меняется,
Ничего не меняется,
Бесы скачут,
Ангелы ждут на пороге вечности.*

*Я твоя русская девочка:
Красный крест, белый бинт, чистый спирт...
В мясорубке расчеловечивания
Будет щит тебе
Из моих молитв.*

*А весна наступает. Цветущие яблони
Поют о жизни, презревшей тлен,
Так, будто тоже они православные,
Русские и после молитвы встают с колен.*
2014

ГРАНИЦЫ

*Нас разделяют границы.
Линия фронта. Линия жизни.
Мы будем друг другу сниться,
Это все, что осталось нам ныне.*

*Я ничего не забыла...
Но снова – в который раз –
Обрывается связь мобильная,
Остается сердечная связь.*

*Ни прощенья, ни отмищенья,
Только боль распиная грудь,
Не осталось путей сообщения,
Только Млечный Путь.*

*И по звездам, что в небе светятся,
Через взорванные мосты
Я лечу к тебе, чтобы встретиться
У взятой тобой высоты.*

2014

ЛУГАНСК – ЛЬВОВ № 134

*Иногда по вечерам
По одному ему известному расписанию
Появляется поезд-призрак
Луганск – Львов, 134-й.*

ЗАСЛАВСКАЯ Елена Александровна родилась 14 октября 1977 года в Лисичанске. Поэт, детский писатель. Автор 11 поэтических сборников, поэмы «Новороссия гроз. Новороссия грез» и многих книг для детей. Публиковалась в журналах «Москва», «Огни Кузбасса», «Берега», «Александръ», «День и ночь», «Подъем», «Сура», «Парус», «СМОГ», «День литературы» и др., а также в различных антологиях, посвященных войне на Донбассе. На стихи Елены Заславской написаны песни московской рок-группы «Зверобой» из альбомов «Война за мир» (2017), «Родина» (2018), «Русская весна» (2021). Стихи переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки. Член Союза писателей России и Союза писателей ЛНР. Живет в Луганске.

Он везет домой
 Души храбрых хлопцев,
 Что остались в наших ярах
 И долинах,
 В наших лесопосадках
 И тихих заводях речек.

Мы встретились
 На 78-м километре.
 Мыкола вышел покурить
 На наш полустанок.
 Знаешь, сказал он мне,
 Даже мертвым хочется домой,
 Хотя раньше мне казалось,
 Что мертвым уже ничего не нужно.

В одной руке он держал сигарку,
 А в другой – свою голову,
 Оторванную при взрыве
 В боях за город Счастье.

2022

СТЕПНАЯ ПТИЦА

Мне снятся сны. В них тоже нет покоя.
 Врут, будто сон есть маленькая смерть!
 Мне снится поле. Это поле боя.
 И снится степь.

Мне снятся лица тех, кто с нею спился.
 Горел! Пылал. И в миг один остыл.
 Душа моя проносится как птица
 Над разнотравьем полевых могил.

Порою безымянные герои:
 Иваны, Сашки, Мишки, имярек –
 Одной судьбою и одной землею
 Уж связаны навек.

А я? А как же я, скажите?
 Мне остается груз моей вины
 И память, как небесный Вседержитель,
 И эти сны.

2022

ВЕСТОЧКИ

Эти короткие весточки
 Через друзей
 Как треугольные письма
 Военных дней:
 Жив-здоров. Наступаем.
 Все будет ок!
 ...И целая жизнь помещается между строк.

2022

ОСКОЛОК

Посвящаю Ивану и Максиму

Война как осколок.
 Внутри человека.
 Если выжил он ненароком,
 Даже если он не калека.
 И, казалось бы, просто
 Его не заметить.
 Но он давит на совесть
 Оправданием смерти.
 И, казалось бы, надо
 Его взять и упрятать,
 Но он давит на память
 Нескрываемой правдой.
 Он болит нестерпимо
 На поминках и тризнах,
 Он навеки отныне
 Оправдание жизни.
 Он страшнее шрапнели.
 Ты ж его, как младенца,
 Укачай в колыбели
 Разбитого сердца.
 Он уснет, затаится,
 Но, когда будет нужно,
 Он тотчас превратится
 Из осколка в оружие.

2023

НА ГРАНИЦАХ ИМПЕРИИ

На границах империи неспокойно.
 Снайпер спит, ничего не слышит.
 Безмятежный ветер ковыль колышет,
 А среди поля лежит покойник.
 Наш? Не наш? Не понять по форме.
 По лицу застывшему – не понять.
 И глядит в бинокль молодой дозорный
 И не знает, что ему предпринять.
 А на поле минном цветы такие:
 Разнотравье, ромашки да васильки.
 И летят облака в русский город Киев,
 А оттуда «грады» да «лепестки».

2023

АГИТБРИГАДА «ЗВЕРБОЙ»

Фронтовые дороги. Раздолбанный ПАЗ.
 Барабанщик Серега уснул на снаряге.
 Я хочу сохранить этот день на бумаге
 Без прикрас.

Вот поет свои песни в степи «Зверобой»,
И глядят нам в глаза на прощанье солдаты.
Я хочу, чтобы все вы вернулись домой.
Но уходят на фронт штурмовые бригады.
Мне сказал командир, что не плакал давно.
Мы поплачем потом, после нашей Победы.
И все вместе споем за огромным столом
Песни те, что сегодня не спеты.

2023

ЛЮТИК

Мой бедный лютик, горицвет,
Моя весенняя отрада,
Поверить сложно, что в тебе
Содержится хоть капля яда!
Лишь горький выпила настой
Цветов Джульетта Капулетти,
Так сразу погрузилась в сон,
Похожий на дыханье смерти.
Что было дальше – знают все...
Мой юный друг Сергей Белецкий
Взял позывной смешной себе,
Когда стояли под Донецком.
Он Лютик. Восемнадцать лет –
А он уже гранатометчик.
Война свой оставляет след...
А что любовь? Пока что прочерк.
В словах теперь есть смысл иной,
Рожденный на полях сражений.
Ах, Лютик, Лютик. Позывной.
Живой. Пылающий. Весенний.

2023

ГОМЕР В ЛУГАНСКЕ

Апрель, разыгранный по нотам,
Обрушился на город Л,

И я сижу вполоборота
И слушаю его свирель.
Цвет абрикосовый, как пена
Волны, вскипает за окном,
И я – Троянская Елена,
Нет, я – Заславская Елена,
А впрочем, речь ведь не о том...
Слог канонады есть гекзаметр!
Так метр за метром мы вперед!
Над Марьинкой и Соледаром
Клин журавлиный будто флот.
Хоть Ахиллесом, хоть Аяксом
Да хоть Парисом назовись –
Твой позывной в степях Донбасса
Уже обрел иную жизнь.
Я передам его в поэме –
Из уст в уста, из уст в уста!
Гомер... дерев цветущих пена...
И вечны смерть и красота.

2023

УНДИНА

И снилось мне, что я на тонкий лед
Ногами встала и ушла под воду.
Узнала настоящую свободу,
Души неотвратимый переход
В миры иные. И в тот самый миг
Лицо родное надо мной склонилось.
Проснулась я. А может быть, приснилась.
И вынырнула прямо в этот стих.
Поэзии моей зеркальный пруд.
И тонкий лед невысказанной боли.
Испей воды и навсегда забудь.
Испей воды и навсегда запомни.

2023

**Светлана
ПАНИНА**

РАССКАЗЫ

ОЧЕНЬ ВАЖНЫЙ ВОПРОС

Много лет жители села отправляли письма в местную администрацию, в городское управление и даже в областной совет депутатов. Да кому только не писали, чтобы решить одну очень важную проблему: построить асфальтированную дорогу между селом и ближайшим городом. Дорога, конечно, какая-никакая есть. Протопанная за много лет, даже кое-где мощенная булыжником. Но как только начинаются дожди, дорога теряется в грязи. И жители села надолго остаются оторванными от мира и цивилизации.

Много лет писали, но результатов не было. А тут вдруг на заколоченной двери клуба, из которого давно вынесли все, что могло по хозяйству пригодиться, увидели объявление:

«Уважаемые жители села! В пятницу, 27 сентября, в 20 часов в приемной сельсовета состоится встреча с заместителем мэра города и представителями городского управления капитального строительства.

Повестка дня:

- 1) Вопрос о строительстве дороги до города.
- 2) Другие насущные вопросы.

Явка всех заинтересованных обязательна».

Всех заинтересованных собрать – это хорошо, да осталось их всего раз-два и обчелся. Село, по сути, вымерло. Прошло то время, когда

здесь кипела жизнь: свадьбы, рождение детей, уход в армию – отмечали всем миром. И все с таким русским размахом, не скупясь... А сейчас и гулять-то не с кем. Одни старики и старухи в селе остались. Молодые уехали. Кто учиться, а выучившись, обустроивались в городе, домой не возвращались. Кто на заработки. В селе-то работы нет. А кто и за активной интересной жизнью погнался. Каждому свое.

65

И осталось в общей сложности жителей двадцать – двадцать пять. Но именно им предстояло сегодня наконец-то решить наболевшую за много лет проблему.

Собрались, правда, не все. Петровна до распутицы уехала в город к дочери, а ее соседка Митрофановна сидела с внучкой, привезенной сыном на время его заграничного отпуска. Пантелеич болел и грелся на печи, а его жена, как всегда, осталась рядом, чтобы отпаивать его чаем с травяными сборами. Петрович с приобретенным за долгую жизнь пессимизмом решил не расстраивать себя в очередной раз и идти заранее отказался. Кто-то занимался продажей своего имущества, а кто-то не решился пойти из-за дождя. Поэтому вечером в сельсовет явилось только несколько человек.

Зато все собравшиеся к восьми часам были настроены очень серьезно.

Такой настрой сохранился и к восьми пятнадцати, и к восьми тридцати. А к девяти при-

ПАНИНА Светлана Робертовна родилась 17 сентября 1969 года в г. Мыски Кемеровской области. Окончила Кемеровский государственный университет, филологический факультет. Работает в школе № 20 для детей с нарушением зрения. Публиковалась в журнале «Союз писателей», сборнике «Внеклассное чтение – 2023» и сборниках Международного союза русскоязычных писателей. Живет в Кемерове.

сутствующие уже перестали оглядываться на дверь и ждать гостей из города, начали сами решать «насуточные вопросы».

– Зима в этом году будет ранняя, – глубоко вздохнула Борисовна.

– Да, похоже на то, – отозвался Ильич. И, помолчав, добавил: – Еще и холодная.

– Надо бы дровами запастись да и уголь выписать, – продолжала Борисовна.

– А ты четыре тыщи приготовила? – с издевкой спросила Игнатиха.

– А на что? Бесплатно же, – вклинился в разговор дед Боков, живущий на околице села.

До него многое вовремя не доходило.

– Ага, щас! Уголь-то бесплатный, а за привоз – четыре тыщи! – не унималась Игнатиха.

– Ох-ох-ох! Да как же так? – запричитала Борисовна, а за ней и другие старухи, которые тоже были не в курсе таких событий.

– Эх, бабоньки! Не война же! Прорвемся! – успокоил Иван Федорович – бывший подполковник, приехавший в село после ухода на пенсию лет десять назад и решивший построить ферму по разведению куропаток; к сожалению, он прогорел от налоговых режимов, но все еще жил в надеждах. – Вот пенсию увеличат – тогда и заживем!

– Как же! Тебе, мож, и увеличат, ты же у нас военный, а мы работники тыла! – рявкнула Игнатиха и постучала себя сверху по загривку.

– А действительно, может, к зиме увеличат, а? – размышляла Борисовна.

– Тебе сейчас четыре тыщи за уголь платить, а не зимой, – ехидно заметила Игнатиха.

– А за что? – опять вклинился Боков.

– За что, за что... Да ни за что! Живет там, в лесу, у медведя за пазухой! Газет, что ли, не читаешь? Новости не смотришь? – Теперь уже Игнатиха негодовала.

Старик Боков обиделся, встал и хотел было уйти.

– А кто б нам их принес! – пришел Ильич ему на подмогу. – Почта-то давно не работает. Да и электричество по вечерам не всегда.

– А еще врач не приезжает. Вот у меня давно ноги болят, никакие припарки уже не помогают! – заохала Борисовна, и другие старухи поддержали ее.

– Товарищи! Давайте не будем разводить здесь демагогию! – предложил, как на публичном выступлении, подполковник.

Но все посмотрели на него с таким недоумением, что он на время затих.

– А у Петровны опять кур украли! – сообщил вдруг молчавший до этого дед Мытарь.

Это прозвище он получил за свои мытарства по белу свету. Будучи женатым, в поисках идеальной женщины уходил из семьи, за хорошей жизнью уезжал в город, за деньгами – на Север. Где только не побывал! А накануне смерти жены вдруг вернулся в село да так здесь и остался. С тех пор никуда ни ногой. Но прозвище к нему уже прилипло.

Услышав Мытаря, все опять оживились. Начали громко обсуждать: кто мог у них заниматься кражами? Все друг друга знали, пришлых не было. Еще несколько лет назад можно было все свалить на местную беспутную детвору, но сейчас детей в селе почти не осталось, кроме внучки Митрофановны.

– Мое мнение такое, что это цыгане. Они всегда что-нибудь крадут, – убедительно высказалась Игнатиха.

– Не что-нибудь, а коней. Да и давно не было здесь цыган, – недовольно буркнул Ильич.

– Может, это Пантелеич? Он же в тюрьме сидел, – предложила свой вариант Борисовна.

– Да он еле ноги таскает. Точно, не он! – заступился за соседа Ильич.

– Давайте не будем устраивать расследование. Позовем полицию, а та во всем разберется! – прервав всех, громко предложил подполковник.

– Где твоя полиция была, когда Петька Сидоров пять лет назад по пьянке магазин спалил, а? – опять завелась Игнатиха. – Теперь ни магазина, ни больницы, даже отдела полиции нет. Живем тут как на отшибе. За всем в город надо ехать. Еще и дороги нет!

И тут старики вдруг вспомнили, по какому поводу они собрались. Обсудили все, что можно было, а про дорогу-то забыли. Их интерес к «другим насущным вопросам» оказался настолько велик, что они даже не заметили, как за окном наступила ночь.

Дождь давно уже закончился. На небе ясно светили звезды, а молодой месяц великолепно освещал дорогу. Ту самую, кое-где мощенную булыжником, протоптанную здесь много лет назад десятками, сотнями, тысячами односельчан в надежде на то, что их жизнь никогда не будет оторвана от действительности.

СТАРЫЕ СКАЗКИ НА НОВЫЙ ЛАД

Пятилетняя Маша вот уже три дня жила у Татьяны Ивановны. Родители уехали по горячей путевке в Турцию, а девочку привезли в деревню к бабушке.

За все пять лет Татьяна Ивановна видела внуку всего несколько раз, да и были те встречи кратковременными. Сын с невесткой очень редко приезжали в деревню, объясняя это постоянной занятостью и нехваткой времени, хотя Татьяна Ивановна понимала: им здесь просто некомфортно, они предпочитали жизнь со всеми современными удобствами.

Тем радостней был нынешний приезд. На целых две недели внуку привезли! О таком счастье Татьяна Ивановна мечтать не могла. А какой приятной неожиданностью для нее стало то, что Маша заметно отличается от детей близкого возраста умом и рассудительностью!

Каждый вечер они вместе читали книгу со сказками, и всякий раз внучка забрасывала бабушку совсем не детскими вопросами. Потом сама же отвечала на них, что изумляло Татьяну Ивановну и еще больше умиляло.

– Как может Дюймовочка выйти замуж за крота? – спрашивала Маша. – Девочки должны выходить замуж за мальчиков, а не за кротов.

Или:

– Бедный Колобок! – причитала она. – Нельзя разговаривать с незнакомыми! Об этом же везде говорят...

Внучка до слез сочувствовала героям и искренне радовалась, когда сказка завершалась счастливым концом. Но не все сказки были такими. Поэтому бабушка предложила Маше рассказывать сказки на новый лад, и внучка с неподдельной радостью загорелась этой идеей.

А начали они с «Красной Шапочки». Бабушка надеялась, что хотя бы первая половина сказки девочку устроит, но не тут-то было. Внучка сразу же придралась к имени.

– Покажите мне хоть одну девочку с таким именем! – воскликнула Маша.

– Хорошо, – подхватила бабушка. – Давай назовем ее Машей.

– Я согласна, – кивнула Маша.

– Послала мама Машу к бабушке отнести пирожки и горшочек маслица... – продолжила Татьяна Ивановна.

– А вместе они что, не могут поехать? – перебила внучка. – Ее одну в автобус не пустят!

– Так она пешком, быстренько через лес.

– Бабушка! Ты разве не знаешь, что ребенку нельзя ходить в лес одному?! – не успокаивалась Маша.

– Да, действительно. Не будем нарушать правила, – поддержала внучку Татьяна Ивановна.

– Да и вообще, почему это бабушка живет далеко от внучки? – не унималась Маша. – Непорядок.

– Да уж... – вздохнула Татьяна Ивановна.

Так к концу вечера сказка о проделках страшного волка превратилась в сказку о приятных посиделках у бабушки.

На другой день решили переделать «Колобка». Очень уж не нравилась эта сказка Маше. В результате Колобок уже не убежал от кровожадных животных, которые хотели его съесть, а приглашал всех отметить свой день рождения, и праздник состоялся с большим тортом, для которого бабушка муку по сусекам наскребла.

За две недели Татьяна Ивановна с внучкой прочитали и переделали почти все сказки из книжки. А в последний перед приездом родителей вечер дошли до сказки Чуковского «Федорино горе». И, выслушав ее, Маша сразу поняла, почему от старушки убежала вся кухонная утварь. «Нет, бабушка, не от грязи, – объяснила она, – а оттого, что Федора жила одна».

Это умозаключение внучки потрясло Татьяну Ивановну, напомнив ей о собственном одиночестве. Ей давно хотелось жить рядом со своими детьми, смотреть, как растет и умнеет не по дням, а по часам внучка Машенька. Та самая пятилетняя девочка, что так быстро разобралась в важнейших жизненных истинах, понять и принять которые никак не хотят ее родители.

Может быть, им тоже стоит рассказать старые сказки на новый лад?

СТРАННАЯ ВСТРЕЧА

Стояла поздняя осень, но было еще тепло. Солнце из последних сил старалось обогреть все вокруг, и природа с благодарностью принимала такую заботу. Все еще цвели астры и шафраны на клумбах, заливались от счастья птицы, и деревья не спешили сбрасывать свою листву. В природе была гармония.

Гармония была и во мне. Я сидела на скамейке и радовалась последним теплым дням. Мечтала о путешествиях, планировала встречи с друзьями, но мои приятные размыш-

ления были внезапно нарушены старческим кашлем и вопросом, можно ли присесть рядом.

Многие скажут, что лучше наслаждаться красотами природы в одиночестве, но, увидев перед собой такую внешне приятную старушку, я согласилась. И еще больше она мне понравилась, когда начала по памяти декламировать осенние этюды Пушкина, Фета, Тютчева. А потом она стала рассказывать о своей жизни. Сначала о юности, полной беспечности и желания всего добиться, затем о зрелости, о неудавшемся замужестве и несостоявшемся материнстве и, наконец, о старости и одиночестве. О том, как тяжело бывает на душе и не с кем эту тяжесть разделить, потому что вокруг нее живут только равнодушные и черствые люди. Она говорила не умолкая. Бывало, теряла мысль, но быстро переключалась на другую, которая волновала ее так же, как и предыдущая, забытая.

Если в начале разговора я еще могла выразить свое согласие, задать вопрос, поделиться размышлениями, то теперь наше общение больше походило на монолог: старушка не давала мне сказать ни слова. Мало того, она даже не смотрела на меня, ее взгляд был настолько затуманен, что казалось, передо мной сидит слепой человек. Речь ее стала сбивчивой, голос охрип, но она продолжала и продолжала рассказывать, будто я единственная оставшаяся на земле, кто может ее выслушать.

Мое настроение изменилось, и наслаждаться красотами природы мне уже не хотелось. Но и уйти я не могла. Мне было жалко старушку. Ей надо было выговориться. А я, возможно, и есть та единственная, кто может ее выслушать. Или все-таки в этом мире есть еще кто-то?

СЛУЧАЙ В МАГАЗИНЕ

В магазине возле кассы образовалась очередь.

Старушка рассчитывалась за свою покупку мелочью – десятикопеечными монетами. Она один за другим вытаскивала из старенькой сумки маленькие пакетики, похожие на конфеты-батончики, перевязанные тонкими резинками. Осторожно снимала резинки, разворачивала каждый пакетик и выкладывала мелочь на расчетное блюдо. Потом считала, передвигая мо-

нетки трясущимися пальцами, и брала новый пакетик.

За кассой сидела хорошенькая девушка с большими голубыми глазами. По нормам обслуживания клиента она должна была мило улыбаться, но при виде такой горы мелочи не могла скрыть своей злости.

Был конец рабочего дня. Через пятнадцать минут магазин закрывался. И мысленно девушка была уже за его пределами, там, где ее ждали другие проблемы: молодой человек, который вот уже год не решается сделать предложение; хозяйка квартиры, придирающаяся к ней по разным поводам; постоянная нехватка денег и неудовлетворение от работы. Да, в этом магазине совсем недружный коллектив, каждый сам по себе и частые скандалы из-за недостатков, за которые приходится платить из собственного кармана. А тут еще эта бабулька со своей мелочью...

Девушка начала отсчитывать деньги. Десять монет – это рубль. Двадцать монет – два рубля. Сто пятьдесят рублей нужно было набрать, чтобы оплатить две булочки, пачку творога и небольшую баночку сметаны.

Девушка постоянно сбивалась и приступала к подсчету заново. Толпа шумела. Старушка извинялась, что-то говорила о пенсии, о внуках, но никто ее не слушал. Кто-то тихо вздыхал, кто-то громко возмущался. Поступали и конкретные предложения – отказать такому клиенту в обслуживании, позвать другого кассира. Но причин для отказа не было и лишних кассиров тоже.

Часть посетителей выходила из очереди, бросив товар на полки. А тот, кто забежал купить что-нибудь на последних минутах перед закрытием, завидев толпу, спешил в другой магазин.

Грузчик, убиравший пустые коробки в служебное помещение, не сразу заметил возникшую ситуацию. Вид разгневанной толпы перед кассой его очень удивил. Обычно в это время уже мало посетителей, а тут столько народа. И всему виной старушка, решившая расплатиться деньгами, оставленными «на всякий случай».

Недолго думая, грузчик вытащил из кармана две сторублевые купюры и вложил их в руку кассирши. Потом сгреб своей большой ладонью всю мелочь в бабушкину сумку и ушел.

Толпа, удивленная таким поступком, вдруг притихла. А старушка почему-то горько заплакала.

**Дмитрий
ФИЛИППЕНКО**

**ЗВЕНЯТ
КОЛЮЧИЕ СТИХИ**

* * *

В старом небе новый пепел
Падает на школьный двор.
Снеговик солдата лепит,
Устремляя к солнцу взор.

Он успеет, он поставит
Памятник своей зиме.
Русский воин не растает,
Не погибнет на земле...

...Школьник спит, письмо в конверте,
Строчки бабушке своей:
Русский снеговик бессмертен
Вместе с Родиной моей!

МУСОР

Когда сжигаю мусор, на снегу
Нет признаков весны. Трещат пустоты,
Огонь опять не попадает в ноты
И подбирает щепки на бегу.

Клубится дым, похож на кенгуру,
Проглатывают семечки пространства,
И, нарушая ноты постоянства,
Он разрезает в темноте дыру.

Сгорает хлам. Дыхание огня
Сбивается, срывается на шепот.
И начал таять снег, и хорошо так
На улице и в жизни у меня.

ЛИСА

Зима в селе мороз вязала.
Мужик чем мог кормил семью.
У дров лиса пилу лизала
И поглощала кровь свою.

А рыжая жена пилила,
Что муж – лентяй и лоботряс.
Лиса от голода скупила,
Снежинки падали из глаз.

Мужик не выдержал аврала,
Разбил стакан, ушел в мороз.
Лиса у стайки умирала,
Но сытая до лисьих слез.

1925

Стелются туманы в голове.
Серый пепел лег на тротуар.
По проспекту черный человек
Шел опохмелиться в старый бар.

69

ФИЛИППЕНКО Дмитрий Александрович родился 7 декабря 1983 года в Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Окончил Сибирский государственный индустриальный университет. Работает горным мастером на шахте. Публиковался в журналах «Огни Кузбасса», «Наш современник», «Юность», «Дальний Восток», «Родная Ладога», «Плавучий мост», «Нева», «Алтай», «Енисей», «Бельские просторы», «Сура», в «Литературной газете» и других изданиях. Главный редактор альманахов «Образ» и «Кольчугинская осень». Организатор Всероссийского литературного фестиваля им. Алексея Бельмасова. Автор пяти книг стихотворений. Лауреат Межрегиональной премии им. В. Макарова (Омск), ежегодной премии «Слово» (Москва). Член Союза писателей России. Живет в Ленинске-Кузнецком.

*А в душе его гудит война,
А в крови брезентовый мороз.
С каждой рюмкой екает весна,
Расцветает медуница слез.*

*И звенят колючие стихи,
На коленях пьяная форель
На крючке. Вчерашние духи
Соблазняют. И в глазах апрель.*

*Нежные туманы в голове.
Серый пепел лег на гололед.
Возвращался черный человек.
Завершался двадцать пятый год.*

* * *

*Полярное сияние ума
И Баренцево море ожиданий.
В Териберке прекрасная зима.
Не нужно мне египтов, турций, даний.*

*Луна на ледовитом рубеже
Висит как будто бронзовая буква.
В воде дыхание морских ежей.
И в каждом шаге созревает клюква.*

*На ледоколе «Ленин» хорошо.
Любое судно перед ним калоша.
И за рулем командует Коржов...
И охраняет Родину Алеша.*

* * *

*В Катаре солнце ползет по росе.
Плачут Лукаки и Витсели.
Сборная Бельгии едет в Брюссель.
Красные дьяволы выцвели.*

*Штанги звенели, и черные львы
В шашки играли с хорватами.
Но уступили, и дамки мертвы.
Судьи опять виноватые...*

*Старый Ван Дамм оседлал карусель.
В городе пахнет ирисами.
Сборная Бельгии. Утро. Брюссель.
Мальчик встречает и пишет.*

ГОЛУБИ

*Сколько б я ни обжигал строку,
Все равно на выходе горшочки.
И рассвета розовые щечки
Как синички мерзнут на снегу...*

*Хочется согреться и уснуть,
А проснуться бронзовым поэтом,
Чтоб зимою, осенью и летом
Мне несли цветы, даря весну.*

*А когда наденет город мой
Розовые варежки заката,
Голуби посмотрят виновато
В небо над моею головой.*

БЫЛА ЗИМА

*Уже устали от зимы
Собаки, кошки и синички.
Замерзли черти и кулички
В пределах ледяной тюрьмы.*

*И вертикальный дым трубу
Как репку тянет из барака.
В бараке пьют, в бараке драка,
Минута – и начнут стрельбу.*

*И только у порога мать
Сидит и ждет с войны солдата,
Как бабушка ее когда-то
Ждала отца. Была зима.*

КРОЛИКИ

*Девушка без шариков,
Девушка без роликов
В Южном полушарии
Взрачивает кроликов.*

*Сочиняет повести
И в приставку рубится.
Не читает новости –
Думает, заблудится.*

*И не знает девочка
Про войну донецкую.
Думает, припевочка,
Слухи это детские.*

*Зря она не верила...
В хижину кирпичную
Прилетели с севера
Бомбы заграничные.*

*Полетели шарики,
Полетели ролики.
В Южном полушарии
Все подошли кролики.*

ДИКИЕ

*Дикие морозы –
Дикие снега.
Мчатся паровозы
В белые луга.*

*Чавкают коровы,
Глядя на луну.
И мужик здоровый
Держит тишину.*

*И спокойно в мире.
Горя нет и слез.
Не стреляют в тире
В шутку и всерьез...*

*Выдохлись морозы –
Выдохлись снега.
Мчатся паровозы
В дикие юга.*

**Василий
БАБУШКИН-СИБИРЯК**

**ТАЙНА
ЗАТЕРЯННОГО СКИТА**

Повесть

1.

О том, что в жены ему предназначена невеста-староверка, Виктор знал с детства. Однажды смотрели всей семьей сказку по телевизору, и там царь пообещал водяному сына, когда тот станет совершеннолетним.

– Наш отец тоже тебя отдал староверу зятем. Вот подрастешь – и поедешь смотреть суженую, – засмеялась мать Виктора.

– Не сгущай краски, а то слишком мрачно все будет. Просто съездим с сыном в гости к моему другу, порыбачим, отдохнем. И если девка у Савелия понравится ему, то можно и замуж взять.

– Теперь хоть соображай; ладно, когда обещали друг другу породниться, молодой был, Виктору годик всего исполнился, а сейчас ведь ему уже тринадцать.

– Вот отслужит в армии, и поедет. Пусть посмотрит, как настоящие мужики живут.

– Посмотри, сынок, посмотри. Я вот фильм «Конь рыжий» смотрела, так до сих пор в ужасе.

– Брехня в том фильме все. Сама знаешь, что у нас все по кампаниям делается. То над верующими издеваются, то, наоборот, превозносят. Староверы – люди как люди, они давно поняли, что от власти подальше держаться надо, тогда чище будешь.

– Ты хоть представляешь, что за воспитание получают эти живущие в тайге без книг, телевизора, радио и электричества, замордованные женщины?

– Если бы ты их видела, то так бы про них не говорила. Это все равно что сравнить волчицу с собакой. Они чисты, как сама природа, а наши городские... Эх, нашла с кем сравнивать! Я лучшей жены для Виктора не пожелал бы.

– Вот и надо было на староверке жениться, чего меня взял?

– Люблю, вот и взял.

– Вот и Виктор женится на той, кого полюбит.

После того разговора Виктору стало интересно, кто такие староверы, и он стал рыться в интернете, посмотрел советский фильм «Хмель», но ничего не понял. Разные сведения, что он находил, противоречили друг другу, даже статья в «Википедии» не внесла ясности. И Виктор решил расспросить отца об этих людях, добровольно лишивших себя общения со всем миром.

– Пап, расскажи о староведах, – попросил он как-то вечером.

– Чего вдруг заинтересовался ими? Если подумал, что сватать невесту будем у них, то это просто шутка. Да и не отдадут они свою единовверку за мирского молодца. В мое время песня была «Там, где речка, речка Бирюса», в ней парень влюбился в староверскую девушку, покой потерял, но жениться на ней не мог, потому что разные они люди.

– Вот это мне и непонятно, почему разные. Если только потому, что они по-своему крестятся, в имени Бога лишнюю букву нашли и другая мелочь, то разве от этого уже и различие?

БАБУШКИН-СИБИРЯК (Гусев) Василий Кузьмич родился в 1948 году в Пировском районе Красноярского края. Жил на Ангаре. Работал лесником, егерем. Писать рассказы и стихи начал еще в армии. Публиковался во многих российских и зарубежных журналах. Автор пяти книг. Живет в Красноярском крае.

– Наверное, различие не только в этом, но люди они замечательные. Впервые я встретил их в аэропорту в одном ангарском поселке. Они сидели особняком в углу, все с рыжими бородами, в простых русских домотканых рубахах, в сапогах, начищенных дегтем (это я после от Савелия узнал, что деготь отпугивает мирскую заразу). Помнишь, мы с тобой на вокзале цыганский табор видели? Шум там у них, крики, ругань. Ты меня тогда еще за руку потянул: пошли, мол, нечего здесь делать. А вот к этим тянуло всех в аэропорту, люди стояли в сторонке и улыбались, словно в зоопарке перед вольером с медведями. Староверы не обращали ни на кого внимания, привыкли уже, разговаривали тихо и степенно между собой. И такое спокойствие, что-то забытое из детства исходило от них, что становилось радостно на душе. Я очень редко в жизни встречал такие открытые, спокойные до безмятежности глаза, как у этих людей.

– А в кино показали их стариков злыми и неприятными.

– Верить, сынок, нужно только своим чувствам. Чужое мнение не всегда верное, а чаще направлено, чтобы запутать человека. Эти люди, староверы, верят в Бога, в Любовь – они просто не могли делать того, что о них сочинили, чтобы очернить их. Они любят своих жен, детей, уважают родителей и соблюдают законы, написанные в Библии. Со времен Петра Великого, которого они считают Антихристом, староверы пытаются сохранить прежнюю православную веру, живут отдельно от мира, стараясь не соприкасаться с ним; у них даже для гостей особая посуда, чтобы мирская нечисть не проникла в их дом. Они не лезут в мир, но вот мир лезет к ним...

Я вижу их отличие от общества в том, что они постоянно живут в природе, они ее часть, тогда как остальные люди отпали от нее. Возьми деревенских людей и городских – заметно различие? Вот так и со староверами: они сохранили в себе не только веру в Бога, но и те человеческие качества, что изначально были в людях. Меня один мудрый старик из староверов расспрашивал, как живут сейчас «там, в миру». Сами они ни газет, ни радио не признают, и то, что волнует нас здесь, им даже неведомо. Узнав, что человечество все больше сбивается в города и в мегаполисы, тот старик сказал: «Ишь, Антихрист уже собирает всех под свое крыло, а людям невдомек, для чего это, пелену он им на глаза и разум наложил».

– Пап, вот и фантасты пишут, что после ядерной войны останутся только небольшие группы людей, спасшихся в джунглях, тайге, горах.

– От такой войны вряд ли спасешься, да и не от войны себя староверы спасают. Они стараются спасти свою душу для вечной жизни; нам, неверующим, этого просто не понять. Но вот вся сила их в этой вере и заключается. Заставляет уважать себя.

– А как ты с Савелием познакомился?

– Судьба свела в тайге. Бывает такое. Вот уже тринадцать лет дружим, хотя и неверующий я. Случилось это так.

Охотились мы с напарником в соседнем со староверами районе. От нашей избушки до солонца, на котором и они скрадывали зверя, всего два часа ходу. В тот год охота удачная была, задержались мы почти до декабря, хотя обычно выходили в середине ноября. Продукты у нас закончились, а у соболя самый ход начался. И решили мы так: я пойду на солонец, завалю сохатого на мясо, а напарник будет продолжать охоту на соболя. Глупо и неразумно это, конечно, было: нельзя в тайге долго без напарника находиться, любая оплошность может гибелью обернуться. Но человеческая жадность сильнее осторожности.

Пришел я на солонец, выбрал себе место для засидки, вижу: недавно приходили сюда сохатые и очистили небольшой кусок на склоне обрыва, грызли и лизали солоноватую землю. Но вот просидел я сутки – никого. Вторые – то же. Обидно уходить, остался на третьи. Уже под вечер пришла матуха с молодым бычком. Подстрелил я бычка, освежевал, набрал мяса и пошел к себе на избушку. Надо было дожидаться утра, а я рванул в ночь и поплатился за свою глупость. На склоне поскользнулся, нога под валежину попала, а тяжелый рюкзак вперед по инерции тащит, вот и перелом. Достал из рюкзака аптечку, кое-как ногу примотал бинтами к палкам и, найдя подходящий сук для костыля, побрел дальше.

Хватило меня на километр, не больше. Свалился под ель, задремал, а может, потерял сознание. Вот тогда-то и нашел меня Савелий. Шел утром, пересек мой след и по нему понял, что несчастье у меня. Может, кто-то другой перешагнул бы этот след – и дальше пошел по своим делам... Хотя в тайге такого почти не бывает, это в городе среди множества людей мы проходим мимо несчастья другого человека, а в тайге – нет. Тайга руководит сознанием человека, заставляет вспомнить о взаимовыручке. Не верь, когда говорят: «закон тайги», «закон джунглей», «выживает сильнейший». У природы закон один – взаимовыручка. Если ты бросишь в беде кого-то, то природа рано или поздно напомнит тебе об этом.

Савелий сделал из елок нечто похожее на носилки и сани и потащил меня к нам на избушку. Я уже очухался и подсказывал дорогу. Но в избушке нас ждал сюрприз, записка на столе: «Я пошел в поселок за продуктами, вернусь самое большее через неделю. Надеюсь, что мясо ты добыл».

«Ну и напарнички! Удивительно, как вы еще до сих пор живы в тайге остались», – сказал Савелий.

«И на старуху бывает проруха», – признал я.

«Оставлять тебя одного нельзя, нога твоя хорошего ремонта требует, тебя скоро снова в жар кинет. Я сбегая до наших, скажу, чтобы по рации вертолет вызвали, и к вечеру вернусь».

Я, наверное, снова потерял сознание, а очнулся, когда было уже темно. Трещала дровами печурка, по избушке плавал запах свежесваренного бульона из сохатины. Савелий помог мне напиться горячего и сытного варева, сказал, что утром прилетит вертолет и все мои приключения закончатся.

На другой день я уже лежал в нашей районной хирургии, нога была упакована в гипс, и я с удовольствием думал, что вот приобрел еще одного хорошего друга – старовера Савелия. А тот, прощаясь, пригласил меня летом на рыбалку на реку Тасей, впадающую в Ангару.

– Пап, а почему Савелий к нам в гости ни разу не приехал? Ведь ты у него почти каждый год гостишь.

– Не любят староверы город, теряются сразу в нем, давит он на них. Сколько раз я приглашал друга к себе, но он ни в какую. У Савелия семеро детей, четверо сыновей, средний – твой годок, но уже самостоятельный полностью. Сам охотится, рыбачит. Вот этим летом я тебя с собой возьму к ним, посмотришь, как живут староверы.

Человек предполагает, а судьба располагает. Ни в это лето, ни в следующее Виктор к старова-рам не попал. Случилось несчастье: в автомобильной аварии погиб его отец.

На похоронах были все друзья отца, не приехал только Савелий. Прислал соболезнование, и все.

2.

Прошло четыре года. Виктор окончил школу и поступил учиться на инженера-нефтяника. Вот тогда-то он и влюбился впервые – в однокурсницу из Минусинска.

Юлия была чудесная девушка. Она красиво пела, писала картины маслом и по сравнению с

большинством сверстниц, выросших на «Доме-2», была очень начитанная. Виктор сразу выделил ее в ряду остальных девушек и проникся к ней симпатией, которая постепенно перерастала в любовь. Уже через год они были больше, чем друзья.

Плохо, когда отношения между юношей и девушкой строятся на неравенстве. Один привыкает лидерствовать и со временем начинает помыкать другим. Юлия завладела Виктором не только как женщина, но и в личностном отношении. Произошло то, чего боится любая свекровь. К слову, в свои отношения с Юлией Виктор не слишком-то посвящал маму, и та очень переживала, находясь в неведении.

Между тем у Юлии появился новый интерес и новые знакомые. Она заинтересовалась общи-ной Виссариона. Несколько раз ездила на праздни-ки в «Город Солнца». Ее увлекли идеи равен-ства и свободы, срастания человека с природой. Юлия плохо знала Библию, потому истины веч-ной жизни принимала из «Последнего завета» и проповедей Виссариона. Сам Виссарион стал для нее идолом, объектом поклонения.

Юлии и Виктору понравились отношения между жителями общины. Доброжелательность и желание помочь исходили от каждого. Люди здесь не ели животной пищи, только раститель-ную. И все носили белые одежды – в качестве символа чистоты и духовности.

В этот «новый Эдем» приезжали семьями и в одиночку люди со всего бывшего Советского Со-юза и даже из-за рубежа. Вскоре Юлия, а вслед за ней и Виктор решили вступить в общину.

Через четыре года после смерти городского друга Савелий получил письмо от его жены. Это был настоящий крик о помощи, и Савелий засо-бирался в дорогу.

Покойный был для него как младший брат, нуждающийся в постоянной заботе. Когда-то, найдя его беспомощного, замерзающего в тайге, Савелий почувствовал ответственность за судь-бу этого человека, так много всего знающего и в то же время не понимающего самых простых ист-ин человеческого существования, что известны любому ребенку староверов.

Савелий уважал в друге его жадную пытли-вость, желание понять их веру, проникнуться их духом и уловить все те важные детали, что от-личают истинного таежного жителя от других лю-дей. Сколько интересных разговоров было меж-ду ними у костров на берегах шумливых сибир-ских речек! Савелий тоже узнавал от друга много

нового о жизни вне тайги, такого, что казалось порой невероятным.

Узнав о его смерти, Савелий очень переживал потерю. Но на похороны не поехал. «Внимания человек заслуживает при жизни, а тело – пустая оболочка, и делать из него идола и провожать с почестями в землю – человеческая глупость», – считают староверы.

Зато участия и внимания, конечно, требуют близкие покойного, и вскоре Савелий впервые в жизни все-таки выехал в город, чтобы поддержать жену и сына друга.

Поездка произвела на него огромное впечатление. Он знал о том, что увидит, по рассказам других людей, но слышать и увидеть самому – разные вещи.

«Вот оно – гнездо Антихриста!» – думал Савелий, глядя на огромные рекламные плакаты с полуголыми грудастыми девками. Три дня Савелий провел в городе и очень устал от него. Невыносимо хотелось к себе в деревню, где сейчас, отдыхая от летнего зноя, коровы лежат на берегу реки, пережевывая свою вечную жвачку. Лошади бродят, помахивая хвостами, отгоняя гнус, а на реку тихо опускается белым полотнищем туман.

Савелию очень понравился Виктор, сын друга. Смышленный и доверчивый мальчишка тоже привязался к нему. Он водил гостя по городу, удивляясь его наивным рассуждениям и в то же время чувствуя в нем силу и превосходство над всей показной городской лепотой. Эта сила привлекала его своей добротой и уверенностью.

Жене друга Савелий тоже понравился, она сразу приняла его как родного человека. В его присутствии она впервые после смерти мужа дала волю слезам, и с ними пришло если не облегчение, то какое-то спокойствие и желание жить дальше.

Савелий погладил ее по волосам, как обиженную дочь, и сказал:

– Поплачь, поплачь, это можно. Его душе будет приятно, а тебе легче.

Уезжая, Савелий наказал Виктору навещать его и писать письма, если будет необходимость. И вот спустя четыре года он получил тревожное письмо от матери парня:

«Савелий, я писала тебе, что Виктор поступил учиться, а вот теперь он бросил институт и уехал со своей девицей в секту Виссариона около Минусинска. Я ездила к нему, разговаривала с ним и с этой тварью, что сманила его за собой, но безуспешно.

Он не хочет меня слушать, все толкует о том, что мы все неправильно живем и он будет жить

по-новому. Савелий, я узнала, что эта вера как-то связана со староверческой, и потому думаю, что ты сможешь убедить Виктора вернуться домой и в институт. К тому же он тебя очень уважает и послушается твоих наставлений».

Вот такая надежда содержалась в том письме, и Савелий собрался вновь ехать в ненавистный ему мир. Но перед тем он на моторке сгонял к речке Татарке, где жили единоверцы, правда, другого согласия.

Большинство единоверцев с Татарки еще лет пятнадцать назад ушли в Иркутскую область и поселились в тогда еще нетронутой тайге (это в последнее время и туда стали добираться лесоторговцы). На Татарке осталось всего несколько человек, в основном старики – доживать свой век.

– Надо идти на Тунгуску, туда последние тунгусы переселились. Говорят, что туда мир не скоро придет, – сказали старики Савелию.

– Везде теперь мирские, не спрятаться больше от него, – вздохнул Савелий. – Скажу дальше, что уже снова Антихрист на нашу веру поднялся, вот общины стали появляться, приняв личину истинной нашей веры. Селятся, как и мы, вдали от мира, заманивают людей лживыми пророчествами. Собирает Антихрист воинство себе – все, как наши старики предсказывали. Вот еду туда, в гнездо Антихриста, и прошу вашей помощи: оберег от нечистого мне нужен.

– Пошто едешь туда, разве не знаешь, что заказано нам встречаться с Антихристом?

– Сына хочу оттуда вызволить. Христом мою, окажите помощь. Слышал я, что имеете вы тот оберег.

– Имеется. Принеси, Евстигней.

Старики дали Савелию литой металлический знак «Крест на семи углах». Это был прямоугольник, на котором лежал треугольник, а в треугольнике располагался восьмиконечный староверческий крест.

– Не снимай его с себя, как нательный крест, и он сбережет твою душу.

Добравшись до Минусинска, Савелий нашел попутку, что шла в сторону «горцев», как называли здесь общину Виссариона. Шофер оказался разговорчивым человеком, он не замолкал всю дорогу. От него Савелий узнал о «Городе Солнца» очень многое. А когда тот узнал, что Савелий из староверов, стал рассказывать ему о семье Лыковых, об Агафье, благодаря которой возродили в этих местах картофель. Так и зовут сорт – «лыковская».

– Вот жили люди в тайге, никому не мешали, здоровьем Бог никого не обидел, парни пешком сохатого догоняли, а не как сейчас на снегоходах гонят. Так нет, занесли им заразу – вымерли все. Правильно у вас делается, что пользуетесь только своей посудой. Табак тоже вредит здоровью, вот вы не курите – и рожи вон какие румяные.

– Бесовская трава – она специально для того, чтобы одурманивать голову. Вот сейчас еще какую-то гадость люди стали курить, и все к тому, чтобы Антихрист над ними власть имел. Старика наши рассказывают, что это Петр Первый, Антихрист, разрешил и даже ввел закон на курение.

– Вот-вот, все от него пошло. Правильные люди тогда по лесам и разбежались. Природа – она от Бога, вот и хранит человека. Между прочим, эти из общины Виссариона тоже к природе идут. Места там красивейшие, скоро увидишь. Они говорят, что Виссарион – Иисус, создал это место специально для них и что с него возрождение по всему миру пойдет. Себя они со староверами сравнивают, говорят, что тоже в природу врастают. А я так скажу: далеко им до староверов. Староверы – они кто? Изгнанники. А эту общину власть разрешила, помогает даже им. Староверы на выборах не голосуют, а насчет этих сомневаюсь. Лыковы вон от природы, от труда своего жили, им некогда было с концертами по городам разъезжать. И теремов у них таких, как здесь стоят, не было.

– Хорошо, значит, живут. Так почему все к ним не кинутся?

– Хорошо – значит богато, а если богатство на всех разделить, что останется? Шиш, или, как вы говорите, чертов кукиш. А почему, кстати, староверы двумя перстами крестятся?

– Так испокон веку православные двумя перстами крестились, и на всех образах Иисус до раскола церкви два перста для знамения указал. Это уже после чертов кукиш попы приняли.

– Интересный вы народ, за правду, значит, страдаете. А мне тут недавно один баптист из Библии слова сказал: «Правда – у Бога, а на лицах людей только стыд». Вот мы и приехали. Я тебя к своему знакомому завезу, он тебе поможет найти того, кто нужен.

Уже через час Савелий встретился с Виктором. Виктор очень обрадовался ему. Он вырос, но сильно похудел. Лицом и движениями напоминал Савелию отца.

– И как ты, дядя Савелий, смог собраться, чтобы приехать сюда? Наверное, тебя моя мама достала.

– Нет, не мама, а скорее отец твой. Не прощу я себе и грех на мне останется, если отдам твою душу нечистому. Перед отцом твоим стыдно будет. Неужели не осознаешь, куда ты голову сунул?

– Вначале правда не признавал, но постепенно увидел, что и здесь лицемерие полнейшее. Равенства, о котором столько говорят, не нашел. Делится община на избранных и остальных. Юлия, моя девушка, ушла к избранным, поет в хоре, приблизил ее к себе Виссарион, в свой гарем обещал взять.

– Пора, Виктор, собираться. Вижу, ничего тебя здесь не держит больше. Поехали со мной на Тасей, потом на Бирюсу. Порыбачишь, с моими парнями познакомишься.

– Документы мои в канцелярии, чтобы забрать – волокиты много.

– Пойдем вместе, со мной – отдадут.

В канцелярии сидели женщины и несколько крепких парней.

На вопрос «зачем?» Савелий ответил:

– В общину староверов уезжает.

– А, тогда конечно.

И Виктору передали его паспорт, а также другие бумаги.

На улице Виктор сказал Савелию:

– Непонятно, почему они вдруг так легко согласились отпустить меня?

– Со мною знак от самого Иисуса, при нем любая нечисть спокойной становится. Попрощаться с Юлией не хочешь?

– Не хочу!

– Но нужно, чтобы потом ничего тебя не мучило.

Они зашли в какой-то дом, и Виктор позвал Юлию.

– Вот уезжаю, попрощаться зашел. А это мой дядька Савелий.

– Что же, прощай.

– А ты что, навсегда решила здесь остаться?

– Навсегда. Мне милее этого места нет.

– Тогда я пошел.

– Иди.

Через три дня Виктор сидел на ступеньках крыльца дома Савелия и любовался речкой Бирюсой. На душе у него было спокойно и легко, словно он сбросил с плеч невыносимо тяжелый груз.

3.

У Виктора происходил тяжелый разговор с мамой. Тяжелый потому, что ни ему, ни ей нельзя было прямо сказать того, о чем постоянно ду-

малось. Виктор боялся причинить боль маме, а она – ему.

С тех пор как Виктор побывал в гостях у Савелия, познакомился с его семьей, сдружился со своим годком Федулом, прошло больше года. Виктора забрали служить в армию, где и настигла его беда: у него обнаружили лейкемию.

Наверное, спровоцировало ее радиоактивное облучение. Среди современной техники уничтожения людей невозможно, даже соблюдая все правила безопасности, уберечься от невидимой заразы.

Лейкоз крови – страшная болезнь, это смертный приговор с небольшой отсрочкой. Во всяком случае, так было у Виктора. Его комиссовали из армии, когда жить ему оставалось всего месяца два.

– Причем это в лучшем случае, – сказал лечащий врач.

И вот теперь, боясь обидеть маму, Виктор все же сказал ей о своем решении поехать на месяц к Савелию.

– Ты меня прости, мама, но мне гораздо тяжелее будет ждать своего конца здесь с тобой, чувствуя твою горе. И испытывая стыд за то, что его приношу тебе я. Пока у меня есть еще силы, я хотел бы побывать снова у Савелия. Увидеть красоту тайги, посидеть на берегу реки, прислушиваясь к голосу вечности, и подготовить себя к встрече с ней.

– Сынок, я понимаю тебя и не против, но вдруг...

– Никакого «вдруг» не будет. Врачи пока не научились еще лечить рак, но рассчитать отпущенный срок они умеют. И потом, какая разница, где это произойдет? Может, так даже лучше будет.

Простившись с мамой, Виктор на катере, идущем вверх по Ангаре, добрался до устья реки Ковы, где его дожидался Федул с двумя лошадьми.

Оба были очень рады встрече. Рядом с Виктором Федул выглядел богатырем. Широкие плечи, крутая грудь, сильные, проворные руки – все это так гармонировало с его лицом, украшенным небольшой юношеской бородкой.

– Вылитый Стенька Разин! – рассмеялся Виктор, подергав Федула за бороду.

– Ненадолго она, осенью меня заберут в армию, сбрить придется, – смущенно сообщил тот. А потом продолжил: – Мы ведь зимой перебрались в другое место с Бирюсы. Несколько лет пробивали конный путь в верховья Ковы на ее приток Бидерму, где теперь и остановились. Три

семьи перебралось, остальные собираются на следующий год переезжать, кто водой на лодках, кто на лошадях, «буранах». Места там не хуже, чем на Бирюсе. Теперь мы живем в Иркутской области.

– Понятно. А почему ты на лошадях, не проще было на лодке за мной примчаться?

– Видишь ли, попутно хочу я места здешние посмотреть. Где-то здесь в тайге стоит старообрядческий скит, монахи его в 1906 году построили. Потом постепенно вымерли. Последний из них принес письма к общинам староверов. Монахи в скиту переписывали старообрядческие книги, хранимые со времен раскола. Также у них хранились самые древние иконы. Один образ Иисуса обладал силой неимоверной, мог исцелять больных проказой и другими болезнями.

– И что же стало с этой иконой?

– Монах, что добрался до общины, слег от болезни, но в бреду все повторял, что скит стоит в том самом Беловодье, которое ищут старообрядцы. Наши старики передают из рода в род, что есть такое место на земле. И даже книга существует о нем. Я сам читал ее, вот что там написано: «Нужно пересечь степи, горы и леса, сохраняя направление на восток, к солнцу. Если судьба предназначила это вам с рождения, то вы увидите Беловодье. Эта страна не принадлежит никому, с незапамятных времен здесь царила истина и доброжелательность. Это действительно чудесная страна».

Ты ведь знаешь, что староверы сами учатся грамоте по своим книгам. В нашей семье самым грамотным считают меня, люблю я учиться, особенно хочется прочесть все наши книги. Однажды прочитал я одну: она написана как наставление, чтобы найти Беловодье. Среди старообрядцев много разных толкований и есть толк скитальцев. Эта община не сидит на месте, постоянно в поисках новых земель и Беловодья. «Града настоящего имамы, а грядущего взыскуем» – такова их первая заповедь.

И вот этот монах в бреду говорил о белой, молочной реке, что течет невдалеке от скита. Говорил о том, что звери там не боятся и не трогают человека и что хранит эту страну Седой волк, он страж ее.

– О Беловодье мне приходилось слышать. Под Минусинском Виссарион тоже говорил о таком месте и что, мол, оно находится здесь. И прозвал его даже «Городом Солнца», раем на земле. Спасибо твоему отцу, что вытащил меня из этого «рая». Хотя, если подумать задним умом, останься я там, может, здоров был бы...

– Считается, что Бог насылает на человека болезнь, но и Он же исцеляет его. А судьбу любого из нас только Он знает. Вот Иона во чреве кита не усомнился в Божьей милости, возможно, и у тебя как раз такой случай. Ты только обращай к Нему постоянно: «Господи, помилуй меня, грешного».

Так они ехали, разговаривая, верхом на лошадях уже часа три по старой, но наезженной дороге, которая вела к затопленному Богучанским морем поселку. Федул сказал, что там они заночуют, а уже утром станут пробираться по тайге, визирами и по компасу, напрямую к новому месту жительства.

Впереди затарахтел мотоцикл, выехавший им навстречу. Водитель остановился поздороваться, сказал, что едет с рыбалки. А узнав у Федула, что они хотят заночевать у поселка, замал руками:

– Вы что, головой ударились? Да там, как вода в Ангаре поднялась и затопила кладбище, люди не ночуют и обходят стороной это место. Такие страхи по ночам, что волосы дыбом! Я вот тороплюсь до темноты до устья реки добраться!

– Ты покойников боишься? – спросил позже Виктор Федул.

– Я сам скоро им буду, – грустно ответил тот.

– А я боюсь любой чертовщины. Давай проедем это место дальше в тайгу километров за пять, там и заночуем.

– Как хочешь. Но лошади, наверное, устали?

– Потерпят, они привычные.

Остановились у небольшого ручья, где уже была когда-то ночевка: береста с трех толстых берез срезана, кора в тех местах темнела коричневыми полосами. Пока Федул расседывал лошадей и занимался костром, Виктор подошел к ручью. Подставил ладони под струю, льющуюся из выдолбленного желоба в обрубке дерева, который кто-то вставил в русло. Вода была холодная, с таежным привкусом кустов, растущих по берегам и прямо из ручья.

Напившись, Виктор наблюдал, как Федул разжигает костер: нащипал лучины из сухой сосны, зажег этот пучок спичкой и сунул разгоревшееся пламя в приготовленные дрова.

– Почему ты сразу не зажигаешь костер спичкой?

– У нас принято любой огонь разжигать с лучины. В доме лучину зажигают от лампы. А только после от нее зажигают керосиновую лампу или печь. Лучина очищает огонь от спичек или зажигалки.

– Неужели даже в тайге вы соблюдаете все эти ваши обычаи и законы?

– Иначе нельзя, несоблюдение их ведет к смерти. Вот у нас один мужик жил. Начал с малого – спичкой огонь разжигал. После вино попробовал с мирскими, потом табак. Табашником стал вонючим и сквернословить начал; вся община от него отвернулась: кому хочется его грех на себя принимать? Дошло, что напьется он и ругает всех срамными словами: бесы, значит, в нем поселились. Никто с ним разговаривать не смел, обходили стороной. Вот он собрался и с семьей к мирским переехал.

– Сурово у вас.

– В этом вся сила нашей веры. Живи по заповедям, и Бог сохранит тебя. К нам набраться нашей крепости в вере приезжают даже староверцы из Австралии, Канады. Вот сестру нашу старшую сосватали и увезли в Канаду. И то, что каждый из нас соблюдает свои законы даже находясь среди иноверцев, не должно обижать их, мы ведь не навязываем никому поступать по-нашему. Но и чужое для себя тоже не примем.

– И как мы с тобой из одного котелка есть будем?

– Просто: у тебя своя миска, ложка и кружка, у меня своя.

– А вот, к примеру, если ваша девушка влюбится в мирского парня, может она за него замуж пойти?

– Если влюбится, то да. Только наши девки очень разборчивые и сильны в вере. Расскажу тебе один случай, от отца слышал.

На Татарке это было. Один геолог влюбился в староверскую девушку. Встретились они на берегу Ангара и стали там свидания друг другу назначать. Геолог – парень-красавец и характером огонь, но и наша девка ни в чем ему не уступит. Любовь от этого только яростнее становилась: кто кого подчинит.

Так все лето прошло. Геологу уезжать в город, а любимая ни в какую. Вот он и пошел на подлость, взял ее силой. После уехал, а она родила, как срок пришел. К ней, конечно, в деревне отношение плохое, но она терпела все. Подрос немного мальчишка ее – вылитый геолог. Она с ним в город поехала, нашла того красавца и говорит ему: «Вот сын твой. Желает, чтобы он без отца рос и фамилии твоей не знал, – откажись. А если отцом быть хочешь, то принимай веру нашу и женись на мне по нашим законам». Тот так и поступил. До сих пор на Татарке живут, восьмерых сыновей она ему родила.

– Значит, верх все же геолог взял, завоевал сердце таежной красавицы.

78

– Как сказать, кто кого завоевал...
 – Скажи, Федул, а почему вы решили, что затерянный скит именно в этих местах?
 – Отец мой несколько раз видел в этих местах Седого волка. Говорит, что тот стоит и смотрит на него не шелохнувшись. Словно сказать что-то хочет. А потом исчезает.

После еды и чая стали устраиваться на ночлег. Виктор лежал и смотрел, как летят вверх искры костра, слушал монотонный говор ручья. Иногда в тишине слышалось бряцание колокольцев на шее пасущихся лошадей.

За день он очень устал, но с удовольствием подумал, что сегодня только пару раз вспомнил о своей болезни.

– Скажи, Федул, как думаешь, на том свете можно будет вот так лежать у костра, смотреть на звезды, слушать ручей?

– На том свете каждого ожидает новая жизнь, а какая – только Бог знает.

– А я бы хотел, чтобы все вот так же было без всякого изменения. Если радость – то радость, печаль – так печаль. Лучше жизни пока ничего на свете не придумано.

– Правильно. Но давай спать, завтра тяжелый день.

Уже засыпая, Виктор увидел, как из темноты на них смотрит волк. Пламя костра отражалось на его серебристой седой шкуре. Глаза волка смотрели на него как глаза мамы – печально и любяще.

4.

Ехать верхом по заросшей тропе – удовольствие то еще. Сучья и ветви деревьев стараются сбросить тебя с лошади, цепляют одежду, лезут в глаза. На лице Виктора появилось уже несколько царапин, когда он решил вести лошадь в поводу, как это делал Федул, который шел впереди, всматриваясь в тропу и окружающий лес.

Наступало то время летнего дня в тайге, когда солнце, поднявшись достаточно высоко, сливалось своими лучами последние капли росы с листьев, с травы. Воздух, уже хорошо прогретый, еще хранил ночную свежесть. Он напоминал чай, настоящий на листьях смородины, брусники и березовой чаге.

Птицы постепенно замолкали, чувствуя приближающийся зной, который своим жаром выжмет из травы, цветов, листьев, а после и из хвои всю лишнюю влагу, и та наполнит воздух уже совершенно новым чудесным запахом.

– Тайга потеет, – сказал об этом моменте Федул. – Чуешь, какой приятный, чистый запах пота у нее? Вот и у коней пот тоже здоровый, не отталкивает.

Спускаясь с горы, они увидели черную, вообще без растительности, круглую поляну метров сто в диаметре. Подходя к ней, лошади заволновались. Деревья вокруг поляны были чахлыми, многие засохли. Не слышалось птиц и даже насекомых.

– Стойте, туда нельзя! – раздался вдруг окрик из леса.

Повинуясь, Виктор и Федул остановились, а потом направились на голос.

– Вы что, не знаете про Чертово кладбище? Зайдете на эту поляну – и все, смерть вам. На ней столько разных костей: и человеческих, и домашней скотины, и звериных, – говорил им невысокий человек с каким-то прибором, похожим на счетчик Гейгера.

– А вы что здесь тогда делаете? – спросил Виктор.

– Мы группа уфологов, изучаем эту аномалию. Лагерь у нас за километр отсюда, пойдемте, я вас провожу.

– Геологи, гоминологи, уфологи – все искатели. Вы хотите найти инопланетян на Земле? – спросил Виктор, когда уже в лагере они пили чай, сидя у костра.

– В общем-то, верно. Вы, наверное, слышали о Тунгусском метеорите. Так вот, мы считаем, что Чертово кладбище – это воронка от осколка взорвавшегося над землей метеорита, а вернее космического корабля пришельцев. Здесь до сих пор присутствует радиоактивный фон и признаки радиации. От нее и погибают все животные и люди, забредающие на эту безжизненную поляну.

У нас есть предположение, что космический корабль был сбит, взорван с земли, как сейчас бы сказали, войсками ПВО. На реке Лене, по притоку Вилюю найдены так называемые металлические котлы, бомбоубежища, а возможно, это ракетные установки. Представьте себе, что на Земле до сих пор существуют военные полигоны двух или нескольких инопланетных цивилизаций, которые воюют между собой. Тунгусский метеорит – это один из кораблей, в 1908 году вторгшийся в земную атмосферу. Из нескольких точек, запрятанных в тайге, вылетают огненные шары и несутся к нему. Взрыв – и разброс радиоактивных обломков на многие сотни километров...

Вот откуда такие Чертовы кладбища в тайге. Недалеко от Кежмы охотники наткнулись на та-

кую же воронку в земле, теперь она под водой Богучанского моря. И неизвестно, как это повлияет на окружающую среду. Может, появятся в Ангаре мутирующие особи рыб и животных. Говорят, что после создания Усть-Илимского водохранилища уже видели таких чудовищ.

– Страшная ваша версия. А у меня подобная сейчас в голове родилась. Представьте, что эта воронка появилась от испытания советского ядерного оружия. Ведь не зря отсюда потом выселили сразу несколько деревень и поселков. Глухая тайга, почему бы не испытать здесь новое оружие? А сотня людей или больше – просто спишется, в России их много. А вот загрязнение Ангары легче списать на инопланетян, чем на ненасытную алчность промышленников, а также красноярского и иркутского чиновничества. Уже сейчас вода в Ангаре – стоячее болото, и вскоре участок от Енисея до Байкала вообще станет мировой катастрофой. И уфологи своими версиями только помогают разобщению общественного мнения об экологической катастрофе Приангарья! – прямо высказался Виктор.

– Эк вы, батенька, круто завернули! Но я во многом с вами согласен. Например, люди у нас точно расходный материал...

– А как вы добываете отсюда образцы, ведь это опасно для жизни? – уже более мягко, стараясь сгладить неловкость после своего выпада, спросил Виктор.

– У нас есть костюмы защиты от радиации, и мы соблюдаем все правила безопасности.

– Я в армии тоже соблюдал, а вот теперь осталось мне жить месяца два. Страшное и вредное занятие вы себе выбрали!

– Наука всегда сопряжена с риском...

– Знаете, я в последнее время придерживаюсь средневековых понятий о науке. А еще лучше – как у староверов и других детей природы: «Все тебе можно, но не все полезно». Наука только приближает конец человечества... Впрочем, это только мое личное мнение.

– Да, спорить здесь бесполезно. Как и о том, есть Бог или нет.

Виктор и Федул ехали вершинами по старой заброшенной дороге.

– Не понимаю я, чего они все же ищут? – говорил Федул.

– Наверное, того же, что и все остальные люди. Смысл человеческого существования на Земле.

– А чего его искать, и так ясно: живи выполняющая волю Господа. Соблюдай заповеди и благодари Бога за жизнь, что дал тебе.

– Когда поймешь цену жизни, то да. Но ведь люди не всегда думают, что жизнь – это самое великое благо, данное им Богом. Пока человек здоров, ему хочется многое взять от жизни, он не понимает, что жизнь становится от этого короче и меньше, что можно ее просто уничтожить своими желаниями, как писал Бальзак.

– Что-то ты сегодня смурной совсем стал. Давай лучше поговорим о рыбалке.

– О рыбалке мне тоже говорить неохота. Посмотри, Федул, вон туда. Видишь, на середине горы в тайге что-то сверкает, словно стекло какое-то?

– И вправду блестит. Вдруг это и есть тот самый скит?

Путники направили своих лошадей по склону вниз, затем вверх к тому месту, где что-то блестело. Продирались сквозь кусты, мелкую поросль, пока не выбрались на небольшую полянку. Среди сосен, окружавших ее, лежал на боку вертолет. Виктор в детстве коллекционировал картинки с летной техникой, потому сразу определил, что это Ми-4.

Видимо, пилот не дотянул немного до полянки, и вертолет завалился между двумя огромными соснами. По всему было видно, что лежит он здесь давно: сквозь разорванный фюзеляж проросла березка высотой уже метров шесть-семь. Сверху увидеть разбитую машину было невозможно, ее укрывали ветви сосен, и иллюминаторы почти все были без стекол, только в одном сохранился небольшой осколок – наверное, от него и отразился лучик солнца, что заметил Виктор.

Заглянув внутрь разбитой машины, друзья не обнаружили никакого груза, за исключением двух армейских ящиков. Открыв их, увидели мешочки, в которых инкассаторы возят монеты. Только здесь вместо монет было рассыпное золото.

– Ну и дела! Никогда раньше не думал, что найду клад! – сказал Виктор.

– Это бесы нам подсунили для совращения. Господи, помилуй меня, грешного! – произнес Федул.

– Наверное, это еще советское золото, а значит, ничье, – размышлял вслух Виктор. – Видимо, его перевозили с приисков в город, и вертолет разбился. Кто остался жив, пошел к жилью, но не дошел, иначе бы за золотом пришли. Если мы сейчас сообщим о нем властям, хлопот не

оберемся. Меня это золото совсем не интересует: здоровье и жизнь на него не купишь.

— А мне оно тоже ни к чему, — твердо сказал Федул. — Связываться с искушением не хочется. Даст Бог, проживу и без этого золота.

— Значит, богатыми нам не быть. Решено: забудем то, что видели здесь, — подытожил Виктор. — Пусть лежит это золото и ждет своего раба!

...Когда друзья были уже далеко, к вертолету вышел волк. Он имел седой окрас, который на солнце выглядел пепельным, но при лунном свете искрился серебром.

Волк подошел к открытым теперь ящикам, обнюхал мешки с золотым песком и, повернувшись, направился в ту же сторону, куда уехали Федул с Виктором.

Очередную ночевку путники устроили на таежной речушке, не имевшей названия. Расседлав и стреножив лошадей, Федул срезал ножом удище и направился к небольшому перекату, где надеялся поймать хариусов на уху. Виктор развел костер, повесил котелки над пламенем, а потом лежал и смотрел на бегущую воду, слушая ее неторопливое журчание, похожее на мурлыканье кошки, устроившейся на чьих-то коленях. Он чувствовал, что слабость накатывает откуда-то изнутри, выходя наружу обильным потом. С отвращением проглотил он несколько таблеток и запил их водой. Вскоре вернулся довольный Федул с уловом и стал варить уху из хариусов, пахнущих свежими разрезанными огурцами.

В эту ночь у костра на таежной речушке Виктору приснился отец. Тот был молодой, сильный и веселый. Именно таким его помнил Виктор, когда отец приезжал с рыбалки, целовал маму, потом хватал его и подкидывал к самому потолку. И снова, как в детстве, у Виктора замирало все внутри и становилось радостно и спокойно.

Прямо во сне Виктор вспомнил, как впервые они с отцом ночевали в тайге. Как пугала его темнота, в которой чудились разные страшные чудовища. Как отец объяснял ему, что тайга не страшная и что она сейчас просвечивает их обоих и, когда увидит, что они хорошие люди, примет в свои объятия, укроет и приласкает.

— Тайга и природа как мать для людей. Человек не может долго жить без нее, а если живет, то меняется полностью, — говорил отец. — Только природа очищает чувства человека и возвращает ему забытое и утерянное в этом мире — его изначальную сущность.

Во сне Виктор прижимался к отцу, стараясь напиться от него силой и уверенностью. И, чувствуя себя маленьким, как в детстве, жаловался на свою болезнь.

— Пап, я скоро умру. Мы встретимся с тобой?

— Нет, ты не умрешь, ты проживешь больше, чем я. У тебя будут дети, много детей, ты будешь носить их на своих руках, ты испытаешь счастье отцовства, но тебе нужно еще многое понять в этой жизни. А когда придет твое время, ты спокойно, как должное и заслуженное, примешь то, чего сейчас так боишься.

Сказав это, отец стал медленно отдаляться, будто отплывать назад. И вот это уже не его лицо, а морда волка, только глаза у него отцовские, они смотрят на Виктора с тревогой и надеждой.

5.

На следующий день парило с утра. На небе ни единого облачка, только страшный зной давил на воздух, раскаляя его до жара, обжигавшего легкие.

— Будет сильная гроза, — уверенно сказал Федул. — До обеда нужно найти подходящее укрытие.

— Откуда ей быть, ни одной тучки на небе, — возразил Виктор. — И ветра нет, воздух как горячий кисель — хоть бы чуток шевельнуло его ветром.

— Вот попомнишь мои слова: когда будем мокрые насквозь и замерзшие, снова в этот кисель захочешь.

Между тем тропа углублялась в моховое болото. Мощные сосны и лиственницы сменились корявыми сосенками, мелким кедрачом, а ноги лошадей путались в зарослях карликовой березы, покрывающих зеленое вязкое поле.

— Надо успеть до грозы пройти это болото, — тревожился Федул, подгоняя лошадь.

Болото простиралось до горизонта под чашей голубого неба, на котором стали появляться небольшие кусочки облаков — пока такие безобидные, мирные. Лошади сами выбирали себе тропу через переплетение всевозможных корней, пронизывающих собой слой мха в метр высотой.

Федул направил лошадь к виднеющейся сквозь плотный воздух стене высокого соснового бора:

— Если это остров в болоте, то там можно будет переждать грозу.

Между тем на небе происходили изменения, как при быстрой съемке кино. Легкие, прозрачные облачка сменились большими облаками, которые стягивались со всех сторон и, спрессовываясь, чернели на глазах. Воздух посвежел и стал терять свой невыносимый жар. И вот пронесся первый, вкрадчиво ласкающий ветерок. Он освежил разгоряченные лица людей, а лоша-

ди, почувствовав его дыхание, бодрее зашевелили ногами.

Небо стремительно темнело, за тучами исчезло солнце. Сумрак опустился на нескончаемое вечное болото, отрезав его от всего остального мира. Темнота сгущалась, а до соснового бора было еще далеко. Скоро его стена совсем исчезнет в темноте, и тогда они рискуют пройти мимо...

– Смотри, Виктор, Седой волк! Он стоит как раз в той стороне, куда нам нужно.

– Он хочет вывести нас из этого болота. Посмотри в его глаза: я чувствую, что он зовет нас за собой, давай пойдем за ним.

В темноте хорошо был виден серебряный силуэт волка, который отбегал и останавливался, явно приглашая идти за собой.

Где-то вдалеке прогрехотал первый громовой раскат приближающейся грозы. И вот полыхнула молния. Она осветила мрачное, неживое болото. Сухие корявые деревья на нем напоминали жутких леших и кикимор с жадно раскинутыми руками. Но Седой волк уже вывел их на ровную почву соснового бора, и вскоре они оказались возле каких-то угадывающихся в темноте строений.

Снова сверкнула молния, и сразу ударил сверху, заставив вжать голову в плечи, раскат грома. Но за время вспышки друзья смогли разглядеть дом и прирубленный к нему навес, а также хлев для скота. И только успели завести лошадей под навес, как сверху обрушился ливень. Его струи хлестали по ветвям сосен, били по земле, производя невообразимый шум, который время от времени перекрывался грохотом и треском грома.

Казалось, все небесные силы сосредоточились только над этим кусочком тайги и этими путниками, спрятавшимися под прогнившим навесом из дранки. Но вот гроза, успокоившись, добродушно погромыхая, стала отодвигаться. Тучи, вылив из себя всю накопленную воду, сделались светлее и легче, а поднявшийся ветер понес их куда-то дальше, за болото. Сквозь них вдруг прорвался первый луч солнца, а после целый пучок рассыпался над тайгой. И она заискрилась, засверкала тысячами капель, еще лежащих на ветвях деревьев. Словно красна девица, что долго украшала себя бусами-самоцветами, сережками да кольцами, вышла теперь к своему суженому в первозданной чистоте и ослепительном наряде.

Кто же жених твой? Для кого ты так себя готовила, украшала? Не для тех ли настоящих муж-

чин – охотников, рыбаков, геологов и других равнодушных, что увидят тебя в такой чудной красоте и навек будут покорены столь царственной простотой? И никакие королевы, принцессы и «мисс Вселенные» не затмят тебя и не смогут сравняться с тобой в этой красоте, которой невозможно придумать названия. Да и нужно ли прибавлять что-то свое к твоему совершенству?

Тайга! Имя твое загадочно и волнующе притягательно. Влюбившись в тебя, мужчины теряют голову и своих любимых. Ты забираешь их сердца, а взамен наполняешь той силой, что делает их мужчинами. Тайна окутывает тебя, как белый утренний туман, но он не похож на саван, нет! Это скорее белое подвенечное платье невесты, в котором ты встречаешь женихов.

И они становятся твоими навечно.

Путники с интересом осматривали место, куда они попали. Конюшня с несколькими стойлами; дальше, видимо, держали коров и домашнюю птицу. Но, судя по всему, домашний скот уже много лет здесь не жил.

Потом друзья перешли в большой, рубленый из сосны пятистенок.

– Трапезная, – пояснил Федул. – Видишь: длинный стол, а кухня отгорожена перегородкой. Здесь скитники обедали и готовили еду.

– А где же тогда они спали?

– Наверное, дальше по тропе будет церковь и жилой дом. Эти монахи из поповского согласия. Говорят, что они переписывали церковные книги дониконовских времен, писали и лили иконы, хранили нашу веру.

По уже заросшей тропе друзья отправились через сосняк наверх горы. Склон был невелик, но высокая трава, еще мокрая от дождя, быстро вымочила их до пояса. Вскоре они увидели небольшую часовенку-церковь и дом неподалеку. Рядом с часовней находилось кладбище, на нем одиннадцать могил.

– Двенадцатый похоронен среди наших единоверцев. Их числом было, как апостолов, двенадцать.

– Апостолов было тринадцать, да еще Павел себя называл апостолом.

– Вместо Иуды Искариота по жребию выпало быть апостолом Матфею, так их и считалось двенадцать.

– А мне предателя Иуду жалко, ведь он выполнял волю Бога, когда предал Христа. Ведь Христос знал, что он предатель, и сказал: иди, делай свое грязное дело. Потому-то и говорят, что от судьбы не уйти.

– Наши старики говорят: не трогайте Иуду, только Бог ему судья. А вот судьбы его бойтесь, ведь каждому из нас дано право выбора, а у него такого права не было... Видишь, как монахи себя хоронили: могилы выкопаны крестом, и лежат они там раскинув руки.

– Представляю, как двенадцатый старик, похоронив последнего товарища, пошел один к людям.

– Вот такие люди и дают своим примером крепость нашей вере.

Войдя в часовню, они остановились у порога. Какая-то сила остановила их. Этой силой был взгляд, направленный на них с иконы.

Федул опустил на колени и, осеняя себя двуперстным знамением, стал молиться про себя, время от времени отдавая поклоны. Виктор продолжал стоять, он просто застыл в каком-то оцепенении. Глаза с иконы смотрели прямо ему в душу, от них невозможно было что-то утаить. Он чувствовал себя напроказившим ребенком перед строгим отцом, который знает все и перед которым испытываешь не страх из-за неизбежного наказания, а стыд за свою проделку. Что-то поднималось в нем и застывало у самого горла горьким комом, от которого хотелось избавиться. И вот этот ком нашел выход из его тела, хлынул слезами через глаза.

Виктор забыл, что с ним и где он, не видел рядом молящегося друга. Он чувствовал и понимал, что вот наконец-то пришел туда, куда лежал его путь, завещанный ему кем-то с самого рождения.

Он плакал, и эти слезы были как та освежающая гроза над тайгой, что смыла с нее все ненужное, осевшее на нее пылью.

С этими слезами его душу покинул страх. Страх перед жизнью и от жизни. Вся его прошлая жизнь показалась такой неправильной и ненужной.

А глаза с иконы смотрели на него с любовью и пониманием, и что-то новое рождалось в душе. И было оно огромным, понятным и близким.

...Ночевали в большой избе, которая была разделена перегородкой на спальню и мастерскую. В мастерской лежали на столах кипы рукописных книг; отдельно в углу стоял стол, за которым работал иконописец, здесь находились заготовки для икон, а на стене висели готовые иконы. На одной был изображен огненный шар, летящий по небу, и три маленьких шарика, стремящихся к нему; направление указывали огненные хвосты за шарами.

Федул рылся в книгах, и одна его очень заинтересовала. Это была летопись скита. Просмотрев бегло старославянские письмены, он сообщил Виктору, что здесь описана жизнь в Беловодье двенадцати скитников, пришедших сюда в девятнадцатидвадцатилетнем возрасте и проживших здесь до ста тридцати и больше лет. Особое внимание Федула привлекло описание знамения, случившегося на второе лето их жизни в Беловодье, и он прочел это место вслух: «С востока, яко огненная колесница, пронесшись по небу, с земли была ударена и разорвана тремя пылающими, как глаза смерти, шарами. Многие братья склонялись к тому, что это пришествие Иисуса, описанное в Библии. Но оное признаками своими не совпадало с ним. И бед оно наделало немало».

– Как эти люди могли прожить до ста тридцати и больше лет? – спросил Виктор.

– Староверы живут долго, сто лет для них обычное дело. Ведь мы не принимаем в себя дьявольского зелья и избегаем греха. Но здесь есть еще что-то. Мельком указано, что белая вода излечивает и дает силы больному и здоровому.

– Нужно обязательно найти эту воду.

– Вот завтра и пойдешь искать, а я буду читать эти книги, меня они очень интересуют.

В спальне вместо кроватей стояли деревянные лежаки с высокими бортами.

– Странно, словно гробы! – поразился Виктор. – Как они могли спать в них?

– Обыкновенно. Зовется «домовина», у нас дети, как рождаются, в таких же спят. Подвешиваем на веревки, чтобы качать можно было ребенка. Жизнь – это время от домовины до домовины, хороним мы в такой же колыбели. Ничего здесь странного нет. Спи себе спокойно.

Действительно, сон Виктора был на удивление спокойным и крепким.

6.

Утром он отправился по заросшей тропе дальше в сосновый бор. Еще не прогретый солнцем, воздух вливался в легкие опьяняющей прохладной силой.

– Держись тропы и выйдешь к воде, должны же были скитники где-то ею запастись, – посоветовал Федул.

Пройдя с километр, Виктор вышел в небольшую долинку, окруженную тремя горами. Она хорошо просматривалась с тропы, спускающейся вниз. Рядом с тропой была установлена скамья из половинки расколотой длинной чурки: видимо, здесь отдыхали монахи, поднимавшиеся в гору из долинки.

Виктор сел и осмотрелся. Вид отсюда был чудесный. Идеально круглая воронка, поросшая лесом, имела только один выход – через узкую ложбину. В ней и была протоптана тропа.

Со скамьи хорошо были видны три ручья, стекающие в небольшое озерцо, и четвертый, вытекающий из него и бегущий по ложбине, а потом теряющийся в том самом огромном моховом болоте, по которому они пришли.

Виктор сидел и слушал журчание ручейков, напоминающее разговор маленьких детей – с их неподдельным возбуждением и смехом. Этот веселый гомон не заглушали даже песни многочисленных птиц, слетевшихся в долинку.

И вдруг возле одного из ручьев Виктор вновь увидел Седого волка. Тот стоял и лакал воду, потом зашел в ручей, лег. И вода, омывая его, становилась белой, как молоко. Это молоко бежало дальше и, смешиваясь с водой других ручьев, делало озерцо мутноватым. Но вытекала вода из него уже совершенно прозрачная, видимо, как-то отстоявшись.

Волк поднялся на лапы и отряхнулся от воды. Тысячи серебряных капель разлетелись во круг и заискрились, заиграли на солнце всеми цветами радуги. А волк повернул голову и посмотрел прямо в глаза Виктору. И тот узнал этот взгляд. Те же глаза, что и на иконе в скиту, смотрели на него. Виктор почувствовал, что они зовут его туда, где стоял волк, они говорят, чтобы он напился этой воды и искупался в ней.

Он направился к ручью. Волка там уже не было, но вода до сих пор текла беловатая, словно известковая. На вкус она была горьковатой, как настой рябины. Но, выпив несколько глотков из пригоршни, Виктор почувствовал, что ему хочется пить эту воду еще и еще.

Напившись, он прилег на берегу и стал смотреть в небо. Вдруг все поплыло перед глазами и тело стало содрогаться судорогами рвоты. Его буквально выворачивало наизнанку. Зато вместе с рвотой выходила из него вся та черная немочь, что съедала его клетки, грызла кости и давила на душу невыносимой тоской.

Виктор разделся догола и лег в ручей. Вода была прохладной и ласковой. Струи, журча, перекатывались через него, а он ловил их ртом и глотал. Наконец, выйдя из воды, он почувствовал себя необыкновенно бодрым, исчезла слабость и сосущая боль в теле. Какое-то новое ощущение своего присутствия в этом мире наполняло его. Он вдруг осознал родство с окружающими его деревьями, травой, цветами, птицами, что так радостно щебетали в кустах.

– Я живу! Я частичка этого мира, который нужен мне, а я ему. Я люблю этот мир! Люблю, люблю, люблю! – кричал Виктор в небо без единого облачка.

– Люблю, люблю, люблю... – отвечала ему эхом тайга.

Одевшись, Виктор спустился по ручью до озерца. Здесь у берега он тоже обнаружил скамью, а еще берестяной туес с ручками. Набрав в него вытекающей из озера воды, Виктор двинулся по тропе назад к скиту. Радостное настроение не покидало его, он совсем не чувствовал тяжести полного туеса, хотя раньше наверняка уже не раз остановился бы отдохнуть.

Придя в скит, Виктор увидел, что Федул по-прежнему сидит за книгами. Насвистывая, он стал готовить обед.

После обеда Федул вновь двинулся к книгам, но Виктор остановил его:

– Расскажи, что успел узнать о ските. Откуда здесь белая вода и что это за странный волк, что нас постоянно преследует?

– Я прочитал почти всю летопись скитников, но загадки твои она не раскрывает, хотя рассказывает о них. Я перескажу тебе все, что узнал из книги.

В 1906 году двенадцать старообрядцев с берегов реки Чулым отправились на поиски Беловодья. В их Назаровской волости в те времена было много староверческих деревень различных толков: беспоповцы и церковники, много было рябинового толка. И вот двенадцать человек были собраны от различных толкований и отправлены на поиски райского места на земле, где текут молочные реки и нет людских пороков, особенно самого страшного – зависти.

Путникам была дана икона, на которую молился еще Андрей Первозванный. Старики сказали молодым искателям, что сей образ Спасителя сам укажет им место для будущего переселения.

Переправившись через Енисей, будущие мо-нахи-скитники пошли прямо на восток вдоль Ангара и пересекали множество рек, в нее впадающих. Однажды они встретили Седого волка, и тот стал сопровождать их. Много лет после они видели его, привыкли к нему, но никогда волк не подходил к людям близко.

Именно Седой волк привел их в небольшую долину с тремя ручьями, впадающими в озеро. Вода в ручьях была белой и необычайно вкус-ной, она лечила раны и язвы. Искатели решили поставить скит прямо в долине, но ночью многим

из них было знамение, что скит нужно ставить восточнее.

Тогда они открыли лик иконы, пошли – и вот на этом самом месте, где мы сейчас находимся, образ засветился серебряным лунным светом. Здесь и поставили церковь-часовню.

Тайга в изобилии давала скитникам ягоды, орехи, в реках было полно рыбы; мясо они в пищу не употребляли, от любых болезней лечились водой из озера.

В 1908 году они стали свидетелями небесной катастрофы, названной после падением Тунгусского метеорита. Монах-иконописец запечатлел это событие: три шарика взрывают четвертый большой шар.

После этого взрыва в тайге вымерло много животных, в кочевых племенах тунгусов люди болели, покрывались язвами и умирали. У скитников тоже многие братья стали страдать от неизвестной болезни, что вошла в них с огненным светом от взрыва. Монахи лечились белой водой, купались в ней и пили – только это спасло их от смерти...

– Федул, я видел эти ручьи, видел волка, как он купался в них. После я сам долго лежал в белой воде и теперь чувствую себя заново родившимся, сильным и здоровым. Может, и меня вылечит эта вода?

– Конечно, ты непременно вылечишься. Ведь вылечила вода скитников, значит, и тебя вылечит. Мы задержимся здесь на неделю, на месяц, если нужно будет.

Прошло три дня. Виктор с утра уходил в долину, пил воду и купался в ней, Федул читал книги. На четвертый день он предложил Виктору остаться в скиту дня на четыре, пока он съездит домой.

– Тебе нужно продолжать лечение, а я не знаю, что делать с книгами и иконой. Везти с собой в деревню или оставить здесь? Съезжу и спрошу стариков, два дня туда и два обратно. Не забоишься один в тайге?

– Да вроде бояться здесь нечего, поезжай, ты правильно решил.

Через два дня после его отъезда Виктор вновь был на ручье. Он лежал в воде, когда услышал треск сучьев и сопенье пробирающегося сквозь кусты животного. Чуть выше по ручью на берег вышел огромный старый медведь. Он ковылял на трех лапах. Почуввав человека, зверь повернул голову в сторону Виктора. Его глаза слезились, и в них затаилась боль.

Подойдя к одежде человека, медведь обнюхал ее и, словно жалуясь на свое недомогание, дружелюбно заворчал. Потом двинулся ниже по ручью и улегся в него, найдя подходящую для себя яму.

Виктор все это время лежал в воде и даже не успел испугаться. Видя, что медведь тоже пришел лечиться и улегся в воде, довольно похрюкивая, он подумал: «И я, и медведь перед природой равны. Она дала нам жизнь и вот сейчас лечит нас, как мать лечит своих детей. Было бы неразумно драться и требовать от нее большего внимания к себе, доказывать ей, что я лучше другого ее ребенка. Медведь хорошо это понимает.

Жалость к другой живой душе рождает любовь. Любовь приходит через сострадание. «Она меня за муки полюбила, а я ее за сострадание к ним» – кто это сказал? Да, в общем-то, и неважно кто. Каждому человеку нужно до этого дойти своим умом и своей жизнью.

Вот говорят, что любовь человеку нужно прививать с детства. Может, это и верно, но разве любовь можно пересадить в душу простой прививкой? Взял некую сыворотку любви – и вот уже человек любит все и вся. Какой-то идиот получается...

Нет, наверное, любовь существует в каждом человеке со дня его создания. Мужчина и женщина, полюбив друг друга, соединив свои клетки, создают и нового человека, вложив в него свои частички любви. Значит, в каждом человеке есть любовь. Но почему тогда люди ненавидят друг друга, убивают себя и любовь, что живет в них? Самоубийство, убийство другого человека, убийство животного – все это убийство любви.

Если поверить, что Любовь есть Бог, то получается, что человек постоянно убивает в себе Бога.

Вся жизнь на земле – борьба Зла и Любви, а люди в этой борьбе носители той или иной силы. Вот только животные не участвуют в этой борьбе, их оберегает природа, от которой люди давно ушли.

А есть ли во мне любовь? Любил ли я кого-нибудь из людей? Да, любил отца, маму, а еще Юлию. Хотя с Юлией не все еще понятно. Если я ее любил за то, что она меня любила, то какая-то странная любовь получается. «Заплати налоги и спи спокойно»... От любви двух людей получается третий, а у нас на этот счет даже мыслей не возникало. Наверное, это была просто привязанность одного человека к другому, которая со временем исчезла. Она живет в своем мире, я – в своем».

Виктор не спеша поднялся из воды, оделся и пошел к тропе. Проходя мимо медведя, увидел, что тот лежит в воде, зажмурившись от удовольствия. На какое-то время глаза его открылись, глянули на человека и снова закрылись.

Через три дня вернулся Федул. С ним был его отец Савелий и еще один незнакомый старовер. Савелий обнял Виктора и молча погладил по голове.

— Виктор, знакомься, это Ксенофонт. Он теперь здесь в скиту жить будет, — сказал Федул. — Старики так решили: икону не трогать, а моления здесь проводить. Уже на Байкал своим сообщением отправили. Теперь сюда паломники из нашей веры приходить будут, может, кто и рядом отстроится, поселится жить.

Вечером в часовне мужчины-староверы проводили молебен. Виктору там находиться запрещалось, он сидел во дворе скита и смотрел на садившееся в тайгу солнце. На душе у него было спокойно, его переполняла уверенность в том, что все будет хорошо.

7.

Прошло больше недели. Виктор жил в новой деревне староверов. Он никак не мог привыкнуть к их обычаям, хотя уже понял, что все эти правила созданы поколениями, продуманы и направлены на сохранение не только веры, но и самой общины.

Однажды в разговоре с Савелием он упомянул о тополином толке, о стариках, что измывались в общине над единоверцами. Об этом он прочитал в книге «Черный тополь».

Всегда добродушный и спокойный, Савелий вдруг изменился, взгляд его стал стальным:

— Никогда больше не вспоминай тополевец при мне! Отойти от веры может любой христианин, но если это встречается среди наших единоверцев, то, значит, живут они по наущению нечистого!

Виктор и сам видел, что у людей в деревне нет фанатизма в вере. Они жили, работали, отдыхали и веселились, а когда обращались к Богу с молитвой, то совсем без лицемерия. Это была часть их жизни. Точно так же перед началом строительства собственной избы молодые парни обращались к отцу: «Тятя, благослови меня на работу, попроси Всевышнего помочь мне». И это было естественно и буднично. Так жили их деды, отцы, и теперь их очередь прожить в правильном согласии свою жизнь.

Здесь дети были как любые другие дети — шустрые и непоседливые. Но эти ребята с малых лет понимали, что такое труд, старались помочь родителям. Даже в их среде лень высмеивалась, а труд не считался тягостью, был почитаем.

Почти все старики-староверы в свои молодые и зрелые годы работали «на власть» — кто лесником, многие штатными охотниками и рыбаками; почти все служили в армии, многие были фронтовиками и имели награды, но ни один из них не получал пенсию. Они отказывались от нее, искренне не понимая, почему государство должно их кормить в старости при живых детях.

Уважение к старикам было обязательным и опять-таки искренним. «Почитай отца своего и мать свою», — учили дети по древним книгам, и эта заповедь усваивалась ими беспрекословно, но органично.

Мать у староверов вообще считается самым родным человеком, все дети, невестки называют ее «маменькой», и авторитет ее непререкаем. Женщины у староверов рожают по десять и больше детей; когда старшие женятся или выходят замуж, младшие еще бегают под столом.

У Савелия старшие дети уже имели свои семьи и жили отдельными домами. Федул должен был осенью идти в армию и ждал этого с нетерпением, хотел получше узнать мир. По натуре своей он был очень любознательным, любил читать, особенно много знал из истории раскольников. Это от него Виктор услышал о Никоне и протопопе Аввакуме, о том, что в детстве те вместе играли на одной улице, а после раскола церкви Никон сослал Аввакума в Братский острог на Ангару.

Федул решил срубить себе дом до своего призыва, чтобы сразу после армии привести в него жену. У него была невеста Софья; она приходилась ему родственницей в третьем колене, но невест в общине не хватало, и родители давно сговорились на их женитьбу.

Виктор жил у Савелия, спали они с Федулом в одной комнате, ел он за общим столом, но из своей посуды.

— Так заведено испокон веку, — рассказывал ему Федул. — Я читал, что, когда на Россию пришла чума, многие бояре, купцы несли своих детей в семьи старообрядцев: считали, что там их спасет Бог вместе с теми, кто не предал веру. Бывало, что сами они умирали, а дети выживали и становились староведами.

Жена Савелия Секлетей, женщина строгая и вечно занятая, к Виктору относилась доброжелательно.

тельно и с жалостью, заставляла его выпивать каждое утро кружку парного молока, говоря, что оно победит любую хворь.

Мария, девушка на выданье, скромная, трудолюбивая, настоящая русская красавица с толстой косой по спине, помогала матери в домашней работе, приглядывала за младшими девочками, обучала их шитью, грамоте. К Виктору она тоже относилась хорошо. От Марии он узнал многое о быте староверов. Например, питьевую воду в доме хранят только в «чистом ведре», и она всегда должна быть накрыта крышкой или просто положенными крест-накрест лучинками.

Домашняя утварь разделялась, как и посуда, на «чистую» и «нечистую». Баня считалась местом нечистым, стояла на отшибе у ручья, впадающего в речку; считалось, что в бане среди смываемых с тела грехов живут бесы. Поэтому нельзя заходить в нее с чистым ведром, для бани были свои ведра.

Полушутя Мария рассказывала Виктору, что старообрядческие женщины особенно чистоплотны: не вымыть посуду сразу после еды – такого просто не бывает.

– Ведь в грязной посуде и среди любой грязи заводятся бесы, которые нерадивую хозяйку ночью могут утащить за волосы к себе в пекло. Потому-то многие женщины у нас спят в платках, боятся бесов.

– Так легче посуду вымыть, чем спать в платке!

– Мыть все моют, а все одно боязно. А еще бесы любят тех женщин, что ругливые и подруг своих судят. Поэтому женщины у нас ведут себя прилично, не сплетничают и не судят других.

Часто к Марии забегала ее подруга – будущая жена Федула Софья. По характеру они сильно отличались: Мария – молчаливая и рассудительная, а Софья, наоборот, веселая, смешливая девушка.

– Ничего, замуж выйдешь, дети, хозяйство появятся – некогда будет веселиться. Я тоже в девках веселилась, – говорила ей Секлетей.

Софья часто подшучивала над Виктором, постоянно находя в нем что-то забавное.

– Виктор, а зачем ты бороду бреешь? Боишься, что на тебя девки смотреть будут?

Виктор, обычно неробкий с девушками, в таких случаях терялся, и тогда Федулу приходилось вступаться за него. Сам Федул вел себя с Софьей с добродушной насмешливостью, и та отвечала ему таким же легким отношением.

– Ты почему на нее смотришь как на сестру? Пора тебе в ней будущую жену увидеть, – говорила Секлетей сыну.

– С детства вместе, по-другому непривычно даже. Вот после армии приду – может, за то время и отвыкну от нее.

Через две недели Федул поехал в Иркутск в военкомат, с ним собрался и Виктор. Он хотел пройти обследование в онкологическом диспансере. За все дни после посещения старообрядческого скита он ни разу не испытал тех проявлений болезни, что мучили его раньше.

Проверив его анализы, врачи долго совещались и спорили. У Виктора не оказалось даже признаков лейкемии. Назначили повторное обследование через месяц. Виктор из Иркутска сразу позвонил маме, чтобы порадовать ее. Договорился, что через месяц позвонит снова, и выехал обратно в деревню.

Теперь, когда пришла уверенность в чудесном исцелении, Виктор стал думать о будущем. Спросил Савелия, можно ли остаться жить в их деревне.

– Живи. Если привыкнешь, то, может, примешь нашу веру, окрестим тебя в реке, а не обливательно в кадушке. Глядишь, и жену себе найдешь среди наших девушек, дом тебе поможем срубить.

И Виктор стал вживаться в новую для него, подаренную судьбой жизнь.

Он решил отрастить бороду.

Первой обратила на это внимание Софья:

– Ты что, бритву потерял?

– Нет, просто решил перейти в мужскую половину, а то некоторые меня с женщиной сравнивают.

– Так мужчина от женщины не только бородой отличается. Некоторые и бороду имеют, а в пору им юбку носить.

– И какой же, по твоему мнению, должен быть мужчина?

– Во-первых, жену любить и своих детей, дом построить и землю вспахать, от веры нашей не отступаться и Бога любить – потому как через мужчину благодать в дом от Него идет.

– Тогда мне еще долго становиться мужчиной...

Прадед Софьи был беглый белогвардеец, принявший веру старообрядцев, и община скрывала его от красных. Дети переняли от него неприязнь к любой власти. Климент Онисимович, дед Софьи, не признавал никаких документов, считая их печатью нечистого, от призыва на фронт скрывался в тайге, туда же уходил, как только в деревне появлялся кто-то из официальных органов.

Сейчас он жил у старшего сына, отца Софьи. Было Клименту Онисимовичу уже за восемьдесят, но этот сухощавый подвижный старик еще всю старшинство в доме и выполнял многие обязанности по хозяйству.

Познакомившись с Виктором, он расспрашивал его о том, что творится в мире. Сам он, когда семья жила еще на Бирюсе, в Бурном, повидал несколько «изобретений Антихриста».

— Визор — самое отвратительное изобретение! — говорил он. — Там бесы двигаются и поют в ящике за стеклом. А еще холодильник: на улице жара, а в нем мороз. Разве это не бесы его там делают?

— Телевизор, конечно, дрянь, это уже многие поняли, через него промывка мозгов идет. Но вот холодильник — нужная вещь для людей, в нем можно хранить любые продукты от порчи, — пытался спорить Виктор.

— А ледник что, лень выкопать и льдом набить? Да в нем все лето рыба не портится. Молодые, конечно, привыкают к новому, а после трудно от него отказаться. Вот и мы когда-то на лодочные моторы перешли, тракторы, мотоциклы завели, но все одно бесы их двигают. Можно и бесов заставить на себя работать, только с молитвой нужно это делать... А ты, значит, в нашу веру решил податься?

— Решил, Климент Онисимович.

— Это ты правильно решил. Я за свою жизнь столько разных людей перевидал в наших общинах. У нас ведь как: не ужился человек с властью, не захотел ее законы на себя, как хомут, напяливать — побег в тайгу. Бывало, и разбойников-уркаганов мы принимали. Некоторые из них людьми хорошими стали, семьи завели, а другие, жизни трудной испугавшись, в тюрьму возвращались. Бог — Он всем шанс на исправление дает.

Старообрядцы — это корень русского народа, его совесть и свобода. Уйдет такой русский мужик в самое необитаемое место, ковырнет в руку землю, посмотрит, понюхает, оглядится и начнет избу рубить. А через несколько лет уже деревня там, детишки бегают, хлеб колосится.

Ты, парень, заходи до нас, не стесняйся. Вижу я, что ты и Софьюшке по сердцу пришелся.

Работы летом в таежной деревне много, нужно к зиме основательно подготовиться. И дров запасти, и для скотины корма наготовить. И конечно, убрать урожай. В общем, расслаживаться праздну некогда. Но все же находят молодые парни и девки часок на то, чтобы посидеть где-нибудь и поговорить о своем.

Виктор, Федул, Мария и Софья сидели возле дома Савелия и смотрели на новый сруб, что уже подвели под стропила. Сруб белел своими бревнами в лучах заходящего солнца. Место для дома Федул выбрал на пригорке, и опускающееся солнце словно садилось в него.

— Федул, солнышко в твой новый дом в гости пришло, — сказала Мария.

— Может, и не мой дом будет, строим-то его вместе с Виктором. Вот найдет он себе жену, пока я в армии буду, и пусть занимает его. Главное, чтобы любовь в доме жила. Дом — он вроде человека: вот родился, как ребенок — белый, голенький, склизкий; потом взрослеть начнет, стены потемнеют, потрескаются, трещины, словно морщины, его украсят, и жить в нем будет не одно поколение. Я люблю дома, которые уже почти иструхли, а в них все одно хозяева живут, не оставляют родные стены. Не могу смотреть на покинутые еще крепкие дома: они как старики, которых бросили дети.

— Умный ты, Федул, и красиво говорить умеешь. Ты мне милее родного брата и про любовь правильно сказал: нужно, чтобы в доме дети от большой любви рождались, тогда и Богу это приятно будет, — сказала Софья.

Вот тогда впервые и подумал Виктор, что такое дом и семья, а главное, какая должна быть жена. Она должна любить мужа, как и он ее, и только от такой жены будут любимые дети. Он смотрел на Софью и представлял ее женой в своем доме.

Рядом сидела Мария, красавица и умница, но его притягивала Софья. Он испытывал к ней новое, неведомое прежде чувство. И было оно тревожное и близкое, радостное и волнующее. И потерять его было сродни потере жизни — то, что он уже знал.

Федул с Виктором еще раз побывали в Иркутске. Повторные анализы показали, что Виктор совершенно здоров. Потом они ходили по магазинам, покупая то, что им было заказано, а также подарки родным.

— Посоветуй: что мне купить Софье? — спросил Виктор друга. — Марии я купил бусы, какие она хотела, а что нравится твоей невесте?

— Купи ей платок на свой вкус, я думаю, она обрадуется, — ответил Федул.

Приехав домой, раздали подарки. Софья, получив платок от Виктора, растерялась, взяла его и убежала. Секлетей, переглянувшись с Марией, проворчала что-то и вышла в кухню. Вновь прибежала Софья, протянула Виктору поясоч ручной работы и, покраснев, убежала.

– Вот и ладно все решилось! – сказал Федул.

– Что решилось? – спросил Виктор.

– Вы теперь с Софьей жених и невеста. По старорусскому обычаю парень дарит понравившейся девушке платок, покрывает ее волосы покровом, а девушка дарит парню пояс, чтобы он не был более распоясанным. Пояс символизирует круг, законченность, его боятся бесы, а еще он символ крепкой любящей семьи. Я рад за вас, Виктор, мне вы с Софьей как брат с сестрой. Но вот родители, наверное, будут недовольны...

Недовольными оказались только мать Софьи и Секлетей.

– Какая самовольная! Не слушать родителей – разве положено так?! – говорили они на семейном совете.

– Ты-то чего молчишь, ведь от твоего сына отказалась девка! – обратилась Секлетей к Савелию.

– Они оба мне сыновья, – ответил тот. – И если Федул решил все сам, значит, так оно правильно.

Последнее слово сказал Климент Онисимович:

– Мы предполагаем, а Бог располагает. Значит, так оно и должно быть. Любовь промеж них, и становиться на ее пути – грех большой. Будем играть свадьбу.

Прошло лето. Наступила в тайге золотая осень. Желтый лист, опадая, укрывал землю и потемневшие стога с сеном, золотя их в лучах осеннего солнца. Терявшие летний наряд дере-

вья становились прозрачными и делали весь мир просторнее.

В деревне староверов тоже произошли изменения. Переехало сюда еще несколько семей. Строили дома старообрядцы с Байкала, прослышавшие о здешнем чудесном ските и Беловодье.

Федул уехал и уже прислал письмо с Тихого океана, где служил на подводной лодке.

Виктор с помощью Софьи обустроивал новый дом. Он принял водное крещение в реке и собирался съездить с будущей женой в Красноярск. Надеялся, что вместе у них получится уговорить маму переехать к ним в тайгу.

Виктор сидел на пороге своего нового дома и смотрел на реку. Рядом, прижавшись к нему, была Софья.

От воды зарождался туман, и она казалась белой, молочной. Виктор смотрел на реку и думал о своей прошлой и будущей жизни. И вдруг понял, что все вокруг и есть сказочное Беловодье.

Это все реки Сибири, бывающие иногда белыми от всплывающих из воды ключев тумана. Это тайга, огромная и принимающая любого человека, который готов жить своими трудами и беречь ее, как мать.

Как же трудно осознать это и как труден путь к этому осознанию!

В поднимающемся тумане на другом берегу реки показался знакомый силуэт Седого волка. Повернув голову, он смотрел в сторону Виктора. И взгляд его подтверждал, что этот человек все делает правильно, что он нашел свое Беловодье.

**Ирина
СИДЕЛЬНИКОВА**

В ЛУЧАХ ЗАКАТА ПЛАНЕР

* * *

Смущая птиц, парит в лучах заката планер.
И под ладонью пацана взгляд будто замер.
Под звуки скрипки

крыльев тень плывет по небу.
Да может ли такое быть иль это небыль?

И, оттолкнувшись от струны легко и смело,
летит мелодия луны в небес пределы.
И, крыльями ложась легко на звуки скрипки,
взлетает планер высоко, качаясь в зыбке.

Танцует в пене облаков, изящен, тонок.
Весь из теней, полутонов – небес ребенок.
По крыльям острый луч лизнул,
мелькнул как пламя;
к земле доверчиво прильнул и замер планер.

Оркестр аккордом завершил
балет небесный
и вместе с солнцем погасил полета песню.
Мальчишка все стоял и ждал,
как будто кто-то
ему тихонько напевал мотив полета.

* * *

Не учили молиться нас,
не умею общаться с Богом.
Но выплескивала не раз
в неуклюжих словах тревогу.

И хулит нас не зря молва,
мы безбожного времени дети.
Но вот в песне звучат слова:
«Дай мне, Боже, любви на свете!»

Бог простит, я была не права,
«Отче наш» припомню едва ли.
Задержались в душе слова
доброй песни – молитвой стали.

И опустится ночь едва,
знаю, небо мне не ответит.
Снова к звездам летят слова:
«Дай мне, Боже, любви на свете!»

* * *

Капли били меня по щекам,
били больно и колко.
Дождь хлестал по открытым рукам,
влипла в тело футболка.

Дождь наказывал будто меня,
сжалась я от пощечин.
Моего уходящего дня
было жаль, жизни жаль было очень.

* * *

Улица Весенняя, бывшая Кулацкая,
сиротливо ставнями сорванными клацает.
Дворики уютные полонил бурьян.
Ветер бьется с избами, от свободы пьян.

СИДЕЛЬНИКОВА Ирина Владимировна родилась 5 октября 1960 года в Омске. Окончила филфак Кемеровского государственного университета. Сельский библиотекарь в третьем поколении. Вся трудовая деятельность прошла в с. Подгорном Ленинск-Кузнецкого района. Автор книг стихов «По бездорожью», «В объятьях сумерек». Публиковалась в сборниках, альманахах «Образ» и «Кольчугинская осень», журнале «Огни Кузбасса». Живет в с. Подгорном.

Спит изба, застужена, на угол припав,
и скрипит сконфуженно средь дурмана трав.
Верный пес облапал ей старое крыльцо,
с крыши время капает сеткой на лицо.

Тянет прелью склеповой из пустых глазниц.
Не живет, нелепая, даже пеньем птиц.
В стены бьется, мается
дождь тоской немой.
Медленно смывается кулака клеймо.

ОСЕНЬ

(без любви)

Стылая, промозглая, несчастная,
серая, унылая, ненастная.
Злая, нелюбимая, неладная,
голая, шальная, листопадная.

(с любовью)

Рыжая, хмельная, озорная,
ветреная, мокрая, родная!
Пляшущая, плачущая, светлая,
теплая, желанная, рассветная!

* * *

Пишет книгу старик,
вызывает из прошлого тени.
И охотно они выплывают из темных углов.
Вот опять чей-то лик
из тумана возник на мгновенье,
из разбуженной памяти
или несбывшихся снов.

Пишет книгу старик –
это все, что осталось от мира.
И стекает печаль
с нервных пальцев на кончик пера.
Сохрани этот миг,
не угасни, капризная лира.
Изольет пусть щемящую нежность
больного «вечера».

Пишет книгу старик;
пламя свечки, неровно вздыхая,
лихорадит несмелые строчки
вчерашних потерь.
Сумрак ночи приник,
влажных окон ланиты лаская,
время вспять обращая,
венчает «тогда» и «теперь».

Пишет книгу старик,
возрождая минуты улады.
Вспоминая их нежность,
он снова и снова живет!

Пишет книгу старик.
Значит, время пришло и так надо.
И неважно уже, кто его откровенья прочтет.

* * *

В путанице дорог
нет дороги к тебе.
В путанице тревог –
все о твоей судьбе.

В нитей цветных клубке
есть Ариадны нить.
Сотни дорог в руке,
нужной не ухватить.

Я уже и не тщусь
путь к тебе отыскать.
Но и не прекращу
нити перебирать.

* * *

Трудно проснуться. Лучам не пробиться
в сырость тумана, промозглую осень.
Сердце тревожное бьется как птица,
просит тепла и прощения просит.

Жаркой ладонью – к заплаканным окнам.
Зябко в миноре осеннего утра.
Взгляд увяданья за окнами блекнет,
то вдруг теплеет, печальный и мудрый.

Осени мудрость всегда одинока,
гонит меня от заплаканных окон.

* * *

Одиночество в толпе –
состояние привычное.
Будто в дебрях по тропе
на поляну земляничную.

Будто в поле, среди трав;
только ветер гладит волосы...
Кто тут прав, а кто не прав?
В хоре нет живого голоса.

Одиночество в толпе –
состояние уютное.
Кто умнее, кто глупей –
заблуждение минутное.

Выплываю наугад
против бурного течения.
Ни один не дрогнет взгляд,
ни тепла, ни огорчения.

Как студеная вода –
мимо взгляды равнодушные...
Одиночество – беда,
и от мысли этой душно мне.

* * *

Не вышла рожей для принцесс –
вот мажу сажей нос!
Ну где тут рост? И где прогресс?!
Какой уж год Барбос!

Сыграла с блеском роль свою
и гордости не скрою!
Я перед зеркалом стою,
нос мою, тихо вою...

Признаюсь, выйти не могу
из роли до сих пор я.
Могу облаять на бегу,
со мной уже не спорят.

Собаки брешут, говорят.
Но я совсем не лгуныя.
Я гавкаю на всех подряд
и вою в полнолуние.

Котов гоняю я как зверь.
И затеваю драки.
И мне сочувствуют теперь
и люди и собаки.

О Станиславский, мой король!
Актрису пощадите!
Я поняла, войти как в роль...
Мне выйти помогите!

* * *

Безрадостна гризайль преддизимья,
как одиночество, мудра.
Ты слово горькое прости мне,
сединомудрая пора.

Прозрачных веток паутиною
ты простываешь на ветру
и снова четкою картиною
мне строишь мысли поутру.

Природа строгая и гордая,
и я рисую не спеша –
для веток хватит мне лишь твердого,
холодного карандаша.

А паклю туч, дождем измотанных,
ласкает кисть, и мокнет лист.
И капли слез – ах, да уж вот они! –
по голым веткам растеклись.

И настроенье черно-белое
мне душу высосет до дна.
Вся погружусь – зачем, не ведая, –
В гризайли серые тона.

Надежда
ДУБРОВСКАЯ

ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

*

С ветки на ветку прыгает давление.

*

На грядках пахать одному –
Горькая доля вдовца.

*

Весной мы пьем сок из раны доверчивой березы.

*

Вставила новые окна.
Мороз не рисует узор на оконном стекле.
У него аллергия на пластик.

*

Когда из сердца уходит нежность,
Отцветают синие глаза.
Все в человеке становится стальным.

*

Снег буквально таял от солнечного тепла,
Он не знал слова «коварство».

*

Все снежинки непохожи друг на друга,
Но в сугробах это незаметно.

*

Прошлогодний лист рассказывал зеленому ли-
сточку, что все преходяще,
Но тот не хотел ему верить.
Он был еще совсем зеленым.

*

Подушка хвасталась, что умеет рассказывать
волшебные сказки, слушая которые все легко
засыпают.
– Но, к сожалению, все это сказки! – вздыхала
бессонница.

*

Весной даже две галочки из тетради преврати-
лись в галок и улетели вить гнездо.

*

Зеленый огонек светофора игриво мне подмигнул,
И я смело шагнула на пешеходный переход.
Красные вошли в город и победили.

ДУБРОВСКАЯ Надежда Анатольевна родилась 18 июля 1957 года в деревне Малая Черемшанка Новосибирской области. Окончила Кемеровский государственный институт культуры, библиотечный факультет. Работала в Кемеровском высшем военном командном училище связи библиотекарем. Публиковалась в журналах «Фантастическая среда», «Союз писателей», «Огни Кузбасса», в альманахах «Поэт-кафе» (Красноярск), «Чеховская осень – 2020» (Ялта), «Кемерово, мы с тобой». Автор книг «Дождались», «С улыбкой», «Здоровья желаю!». Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

*

Одинокая Луна
В окружении миллиардов поклонников.
Высокая планка.

*

У магазина сидела жаба и кричала:
– Налетай! Подешевело!

*

Все лето в пути, словно маятник:
Дом – дача,
Дача – дом.
Скорей бы моя остановка –
Зима!

*

Ад – это темные пятна на Солнце.

*

Сегодня, глядя на помидорную рассаду, вспом-
нила, как я на даче в прошлом году разрежала
первую красную помидорку, похожую на сердце,
и подарила ее своему первому мужу. На проща-
ние. Больше мы с ним не виделись. Он умер ны-
нешней весной.
Для кого ты зреешь, первая помидорка в этом
году?

*

Весело поют птицы в моем саду,

Но молчит многострадальная душа в ответ.
Порвали ее струны «окаянные дни».

*

– Кукушка, кукушка, сколько лет мне осталось
жить?
Замолчала лесная вещунья.
– Спасибо...

*

Почки березы набухали, набухали и набухались.
А потом распустились и брали только зеленью.

*

Солнце взасос целовало лужи,
Оставляя вместо них лишь мокрые пятна.
– Зачем вы, девочки, красивых любите? – весе-
ло напевало светило.

*

За счет меда его речей
И лапши со своих ушей –
Выживала.

*

Капельки дождя
Вышивали на кладбище.
Крестиком.

*

– Нет дыма без огня! – с надеждой произнес пе-
щерный оптимист.

**Вера
ЛАВРИНА**

СЛОВОТОЧИЕ

ремонт – под голубыми
остатки зеленых обоев –
первенец садик школа

окна в морозных узорах
и он собрался цвести
старый кактус

старые подруги
за столом не кончаются
названия лекарств

вспорхнул воробей
с ветки
медленно иней слетел

английский
полосатый британец уснул
на двух словарях

снежинки
тают на лепестках
первых нарциссов

запоет
и тут же замолкнет птаха
долгий ночной дождь

вид из окна
по-старушечьи ковыляет
ровесница

все листья
опали у старого вяза
торчит воронье гнездо

ледоход
уносит Томь на север
последние снега

заброшен мяч
гоняются за одуванчиками
маленькие футболисты

сошла с асфальта
послушать шуршанье
опавших листьев

95

ЛАВРИНА (Правда) Вера Леонидовна родилась в Казахстане, в с. Лавровка Кокчетавской области. Окончила исторический факультет Томского университета. Стихи и проза публиковались в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «Дружба народов», «Наш современник», «Врата Сибири» и др. Автор более двух десятков книг стихов и прозы, учебников. Член редколлегии журнала «Огни Кузбасса». Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

Яна
ГРИШИНА

О ДНЕВНИКАХ ПРИШВИНА 1932–1935 ГОДОВ

По мере публикации литературного наследия Михаила Пришвина становится очевидным, что его дневник – едва ли не самое масштабное и неожиданное произведение русской литературы первой половины XX века. В нем соединяется отечественная литературная традиция писательского дневника, в котором личная жизнь и творчество писателя предстают в сплетении постоянной авторефлексии с русской летописной традицией – погодовой хроникой происходящих событий в течение пятидесяти лет. И сама фигура автора, творчество которого по разным причинам еще до сих пор не осмыслено, выступает в несколько ином свете, чем представлялось до сих пор.

В 1932–1935 годах Пришвину удастся не противопоставлять себя современности и участвовать в жизни, публикуя свои произведения, но в то же время оставаться независимым и свободным (*«Быть везде, все видеть и не покидать пустыни, чтобы не сорваться и не отдать первенство за чечевичную похлебку»*). По его мнению, сохранить универсальность миропонимания ему удастся благодаря «приобщенности» к европейской культуре: образованию, которое он в начале XX века получил в Германии, и немецкой культуре, влияние которой (в частности, Ницше и Вагнера) он испытал в полной мере (*«Почему же писателя кормят какими-то тенденциозными вытяжками из европейско-американской культуры... и не дают ему возможности... быть в курсе «технологии» мирового общения в вопросах искусства слова. Лично я не очень нуждаюсь... в этом общении, потому что смолоду был приобщен, и на всяком месте при всяких условиях от этого заряда... воспринимаю все универсально»*).

Характер дневника в эти годы остается прежним: Пришвин стремится понять смысл новой жизни, оценить ее достижения, осознать степень цинизма власти, обнаружить способы существо-

вания, вернее, спасения личности. Писатель по-прежнему остается в дневнике предельно открытым; общий страх, который уже проникает в повседневную жизнь, никак не сказывается на его ежедневном общении с самим собой – в этих драгоценных тетрадках. А жизнь оставляет все меньше надежд на нормальное человеческое существование (*«Слышал там о Флоренском, что его выслали и будто бы семье сказали – куда-то близко, а письмо получено из Свердловска, на пути в г. Свободный: где же находится г. Свободный, точно не знают, будто бы на Амуре»*).

Писатель не просто оценивает новую жизнь в России с точки зрения идеологии или изменения жизненного уклада, он пытается понять ее и с точки зрения культуры: революция вписывается в контекст культуры как европейской, так и русской, в контекст кризиса гуманизма, в центре которого оказывается ницшеанский тезис о преодолении человека – низкого в человеческой природе, создании сверх- (читай «нового») человека.

В 1933 году на Беломоро-Балтийском канале Пришвин воочию убедился в том, что одной из важнейших целей этого строительства тоже была «перековка», переделка человека (конечно, без всякой философской подоплеки); это была пропаганда идеи превращения заключенного в идеального, социально ориентированного человека нового общества, который должен был появиться в процессе строительства канала (*«Перековка» человека в лагерях состоит в том, что бродяга, анархист или мелкий собственник, крестьянин или собственник [специальных] знаний заключается в систему действий, непосредственно полезных для советского государства. Предполагая, что принципы сов. государства являются лучшей целью всего человечества, все равно как раньше было Бог, заключение человека в дело осуществления этих принципов тем самым является и делом исправления»*). Как бы иронически ни звучала эта запись – ясно, что писателя не привлекает и не восхищает эта гибельная идея, – одной иронией Пришвин не может удовлетвориться, он пытается понять, что испытывает человек, оказавшийся на канале, и что ему теперь делать.

С некоторыми людьми он сумел поговорить во время своей поездки на Беломоро-Балтийский канал в июле-августе 1933 года (*«Вечером концерт с Михайловой: певица говорила: я не*

говору о карьере: голос пропадает, кашляю, кровь... – пусть! но ребенок, свидеться с ребенком»), о других ему рассказали. По дневнику рассыпаны краткие записи о людях, иногда просто отметка – кто есть в этом лагере («Отказчики, религиозники, студент-китаец (троцкист), венгерка-певица (шпионаж), художник Курбатов, актер Полковников, писатель Виленский, биолог Кишкин, кореец-шпион, ущемленец, капельмейстер Поп, крестьяне, урки, цыганка Кармен, геолог, врачи, монашка, монах, профессор, еврей, латыш, инженер, анархист, ученый, мелкий собственник, ксендз»). Позднее, спустя несколько лет после поездки, он запишет: «б/д 1937. Тут была вся Россия»; «18 июля 1937. ...мы все строим какой-то канал»; «21 июля 1937. С этим каналом я как писатель, в сущности, сам попал на канал».

Спасением (вернее, попыткой сохранить себя) для каналармейцев становится... работа. Пришвин знакомится с человеком, который освобожден и теперь работает вольнонаемным – на канале эта практика применялась широко («несмываемое оскорбление... и снова красные петлицы, а между тем себя самого нет: петлицы вернулись, а сам себя потерял, и ноет, болит несмываемая обида... То же самое инженер... готов в любое захоlustье на голод, лишь бы “свободным”, т. е. смыть обиду (плен)»). Нет выхода и нет спасения, но героическая модель поведения никак не вписывается в эту абсурдную реальность и, по Пришвину, не может быть способом борьбы с ней, потому что любому сопротивлению противостоит смерть. Господство зла как такового, с которым невозможно открыто бороться, – что можно противопоставить этому, кажется, нереальному существованию?

Пришвин обращается к идее внутренней свободы как к поведенческой норме, единственному реальному способу для человека сохранить свою личность («Теперь никто не спрашивает о моральной мотивировке поступков, лишь бы поступки эти согласовались с генеральной линией партии и давали бы продукцию в количественном и качественном отношении. Именно вот это и определяет наше время: про себя живи, как тебе только хочется: властвует затаеннейший человек»). Пришло страшное время, и идея роста внутренней свободы в условиях утраты внешней стала задачей повседневной жизни. Только сохраняя внутреннюю свободу, можно было выжить на канале (это Пришвин

знал по себе: все послереволюционные годы дневник был для него способом сохранить в себе способность мыслить, любить, радоваться – то есть жить вопреки всему), и здесь это возможно только посредством труда («21 июля 1937. ...я представил себе, что я сам на канал попал, хотя бы по культурно-просветительской части работал. И, конечно, я бы работал: “Канал должен быть сделан”»). Пришла безумная жизнь, и оказалось, что все равно приходится жить.*

Как техническое сооружение канал тоже не производит на Пришвина сильного впечатления, он и тут остается трезвомыслящим человеком («Плотину в Надвоицах можно понимать по сравнению с подобными плотинами в капиталист. странах, и тогда эта плотина ничего не представляет особенного»).

На самом деле очерк «Отцы и дети», который Пришвин написал в результате поездки, никак не вписывается в сборник, прославляющий труд заключенных. К примеру, он приводит свой дорожный разговор со стариком, бывшим заключенным («– Мне дали катушку. <...> – Я не понял.

97

* Ср.: «Дневник М. Пришвина был опубликован посмертно. Писатель не принимал участия в экскурсии, но посетил канал за месяц до нее. О преследовании «кулаков» и прочих ужасах еще в 1930 году он высказывается критически. Однако в его дневниковых записях о Беломорканале дистанции почти уже не чувствуется. <...> В последующие годы Беломорканал становится одной из главных тем пришвинского творчества; в своем романе «Осударева дорога» он излагает историю канала именно так, как это от него ожидалось. <...> С точки зрения перевоспитавшегося писателя, ужасы Беломорканала остались очевидными. Но эти ужасы не должны стать предметом его изображения. Как становится ясным из формулировок Пришвина, критерием для него служит не доктрина социалистического реализма, а более старое учение о произведении искусства как воплощении красоты и добра – пусть и не правды» (Клейн Иоахим. Беломорканал: литература и пропаганда в сталинское время // Новое литературное обозрение, 2005, № 71). Определив Пришвина как «перевоспитавшегося» писателя, И. Клейн в своей статье даже не пытается ответить на несколько важнейших вопросов. Например, почему Пришвин поехал на канал один, а не вместе с группой писателей? Почему его очерк не взяли в сборник о канале? Почему его роман «Осударева дорога», написанный «как от него ожидали», не был опубликован при жизни писателя? И почему редакторы требовали от Пришвина бесконечных переделок, вплоть до переноса действия романа в другое место, но он на это не соглашался?

Он сказал по-другому: – Червонец. – Это я кое-как понял: он был осужден на десять лет. Другой пассажир, помоложе, спросил: – Вы получили катушку через вышку? – Это значило: десять лет взамен высшей меры»). В истории этого человека нет ничего пафосного и радостного; после досрочного освобождения ему некуда податься («Ехать мне больше уж некуда, родину свою я потерял»), остается только работать тут же, на канале, теперь «добровольно». Или процитированные другим пассажиром, «тоже, вероятно, когда-то отбывшим срок заключения», стихотворные строчки: «От сумы и тюрьмы / Не отказывайся! / Приходящий, не тужи! / Уходящий, не радуйся», после чего авторский комментарий показывает пропасть между государственными декларациями о «возвышающем» труде и реальной трудовой деятельностью на канале сотен заключенных: *«Многим в вагоне эти стихи оказались не только хорошо знакомыми, но и внутренне очень понятными. Я тоже одобрил это умное, чисто восточное приспособление к жестокости жизни и превратностям судьбы. Но потом мысленно сопоставил этот старый тюремный стиль с новой, социалистической этикой: “Труд – дело чести, дело славы, дело доблести и героизма”».*

Как это нередко бывало с текстами Пришвина, цензура поняла, что в сборник этот очерк пойти не может, но не поняла главной «опасности» размышлений писателя. Литературный язык Пришвина тяготеет к народному разговорному языку, народному не столько по форме, сколько по противоположному власти стилю мышления и общения. Это доверительный тон, открытость; не утверждающая, а рассуждающая манера, диалогическая, а не монологическая речь: в дневнике Пришвина десятки «чужих слов», записанных и включенных в авторский дискурс. Этот язык – для «имеющих уши», которые услышат, поймут и додумают, это сообщение для своего читателя, которого автор недаром часто именует и считает другом. Цензура слышит «за или против» (М. Рыклин), а пришвинский текст как будто на другой территории: свой читатель сразу понимает, что, к примеру, повесть «Жень-шень» вовсе не о том, что какие-то особенные люди строят социализм, речь в ней идет о самой сути человека, о том, кого он любит, о чем думает и как живет.

Кстати сказать, год спустя после выхода сборника о канале Пришвин с удивлением запи-

сывает, что сами писатели – Б. Н. Агапов, Шкловский, Ставский – оказались на его стороне (*«Третье лицо Шкловского: такой-то человек и вдруг прославляет меня за очерк, не напечатанный в “Канале”»*).

В эти же годы, судя по дневнику, медленно, из глубины собственной души возвращается Пришвин к Богу. Его раздумья на эту тему всегда выражены предельно просто, очень честно и свободно (*«Бывает, чтение книг о человеческом опыте... утверждает вас в правильности вашего пути. <...> Мне кажется, я нахожу эту радость в чтении и своем личном толковании Евангелия»*). *«Так хочется иногда стать на молитву, так от мысли этой мелькающей делается легче. <...> Какой-то внутренний облик того, что называют Богом. Я своею деятельностью этому облику и так молился, и лучшее мое явилось отсюда. Мое писание исходит оттуда: там оно зарождается, там его природа, но люди почему-то необходимы тоже: это они вызывают сойти в жизнь, бороться, отстаивать себя. Очень погано! а надо»*).

Необходимость «сойти в жизнь» и участвовать в жизни Пришвин всегда чувствует: надо быть во времени, если ты писатель; ты должен чувствовать современность и понимать ее. Много не нравится Пришвину в новой жизни, многого он не может и не хочет принимать и понимать, но он видит, что прежняя жизнь со всем ее укладом прошла, канула в Лету и уже невозможна (*«Говорят, что на Козьей Горке назначено великое военное строительство. И уже сейчас пятитонные машины начали поднимать пыль, и окно приходится закрывать, а вот скоро трамвай пойдет, а там этот завод... В этом и есть главное отличие прежнего жизнеощущения и нынешнего: тогда казалось, все прочно вокруг и я лично устраиваюсь на всю жизнь; теперь никак нельзя прочно устраиваться. Многих прежних людей это и губит: без этого им жизнь не в жизнь»*). Сам он по своему складу, по интересу и любви к жизни, по стремлению в любой ситуации искать и находить выход жить прошлым не может (*«Неужели же мне среди новых людей жить, как все обыватели страны, воспоминаниями прекрасного прошлого? Нет, я надеваю очки и снова все вижу как юноша»*).

Процесс индустриализации и урбанизации сопровождается массовым разорением деревни, перемещением сельского населения в город

(«Москва – это деревня по человеческому своему составу»). Все это происходит одновременно, и в дневнике писателя все перемешано, как в жизни: серьезное («Машина и электричество ставят новые задачи перед личностью: овладеть этой силой») и нелепое («В городе уже все знают. Машина – это все равно что власть, чин генерала и т. п. Машина, значит, большевик, это разрыв со старухами. В то же время все хамье из местного начальства становится почтительным, ведь хамья-то больше, и в общем плюс»), безысходное («Куда ни пойдешь (рыбные пруды, пашня, лес, огороды, птичий трест и т. п.), везде совершена работа, и вся она сделана массой полуголодной (из Саратова за фунтик хлеба). Все делается под страхом голодной смерти, и потому узнать себя в своих делах человек не может... Все рассчитано на массового человека, который в среднем за кусок хлеба при голоде готов на все») и то, что каким-то образом оказывается как будто и положительным («По хамству человека или по закону приспособления тот же тюль переиначивается в “достижение”: были грязь, мужик, вши, вонь, матерное слово, и вот тюль, и цветы, и герань»).

Но, как бы там ни было, смысл времени – новой эпохи, XX века – Пришвин безошибочно почувствовал и понял абсолютно верно («Мне кажется, я угадываю теперь уже верно характер исторического момента нашего государства: и только теперь я понял! а между тем давно уже видно было, что разрушительная миссия интеллигенции, идеалы высшей свободы и пр. кончились и начинается время культуры верных государству людей («кадры решают»). Маркс, Энгельс, Ленин – это люди деловые, это «практики», а мы привыкли питаться от мыслителей... Но время подошло к практикам и действию. Мы ждали пророков, а пришли экономисты»; «теперь новая эпоха строительства началась и будет продолжаться именно так, пусть даже иностранцы придут и даже возвратится монархия – все равно! иностранцы, или монархисты, или социалисты, те или другие будут заниматься не расширением, а строительством»). И в свете этой новой реальности он видит новую литературу («Еще мы говорили о том, что вместе с добродушием эпохи кончилась эпоха писателей-моралистов, какими были до революции все крупные писатели: Толстой, Гоголь, Достоевский...»).

При том, что дневник Пришвина ежедневный, в нем не воссоздается цепь событий день за днем, нет бытового реализма; будь то факты его творческой или личной жизни, будь то общественные события, они всегда включены в поток авторской рефлексии. Беглая зарисовка или мысль, афористически аккумулирующие в себе суть времени, становятся штрихами в картине мира, которую дневник писателя и создает: «Беда: машин наделали, а людей нет. Для машины необходим цельный человек, не издерганный в собраниях». Или пометка: «Коварное лицо... испр.: Коварная личина времени». Или: «В... РИКе с лестницы на лестницу бегали черти с папиросами в зубах, в штанах галифе».

В то же время, несмотря ни на что, Пришвин отмечает события, лично для него существенные, важные, к которым он возвращается вновь и вновь, начиная с детства. В дневнике формируется сложный пласт авторефлексии писателя, который выстраивает целый мир, наполненный мифами: его взаимоотношений с природой, с женщинами, с властью; это мифология собственного детства, марксизма, своей Германии, Америки и, наконец, творчества.

В XX веке автомифологизация сохраняет свою знаковую роль и, кроме того, приобретает особое дополнительное значение скрытого смысла оппозиции правящему режиму. По крайней мере, к мифологизации образа писателя-охотника Пришвин, безусловно, приложил руку – он сам любит этот свой образ, в нем он свободен, в нем он естественен, в нем он неуязвим.

В 1932 году, впервые оказавшись на медвежьей охоте, Пришвин проверяет себя прямо «гамлетовским» вопросом («И не эти ли самые елочки маячили мне, когда я в глубоком снегу продвигался к челу, и говорили: быть или не быть охотником?»). Именно охотой он испытывает на подлинность свое писательство и даже саму жизнь («А может быть, я с этими своими птичьими охотами только представлялся охотником? Что, если все это было только для литературы... и сейчас все узнают, что я бумажный охотник? Что, если и мое словесное искусство тоже обман... и так вся жизнь обман на обмане?»). Без этого трудно понять Пришвина: он должен быть сам абсолютно уверен в том, что он настоящий – охотник, писатель, человек...

Пришвин-охотник в пронизанном солнечным светом пространстве круга, очертившего берлогу, живет по иному времени («Неужели всему

этому огромному времени мерой была наша секунда?»). И все это настоящее. Тут не слухавишь, не обманешь, не проведешь: цена – жизнь или смерть, настоящая опасность, традиция, уводящая в глубину человеческого и природного естественного противостояния (природы и культуры) – испытание, уважение к природе и ее силе, понимание, что это проверка тебя на прочность, честная проверка. Это и есть пришвинская охота. В образе писателя-охотника он бесстрашно и уверенно противостоит не просто «вредителю», а «Кашею-вредителю», то есть вредителю самого высокого ранга, – и побеждает («с тех пор я как писатель “разъясненный” и устранен от читателя... и охотничьих моих рассказов больше нигде не печатают... Ну, ладно же! Если новых писать нельзя, я возьму старые, признанные классическими, общеизвестные, школьные: “Ярик”, “Нерль”, “Ленин на охоте” и множество других, соберу все в том “Записки охотника” – вот будет хрестоматия-то»).

В 1932–1935 годах Пришвин чувствует, что хронотоп революции («Революция движется линейно, события и лица проходят... без ритма») вступает в какое-то неразрешимое противоречие с хронотопом человеческой жизни (*100* «время общей жизни мира (солнце всходит и заходит) идет ритмически»). Циклическое время природной и человеческой жизни сталкивается с линейным временем революции («все революционное движется по линии (не по кругу)... все является и [пропадает] без возвращения: усвоили и бросили, как выжатый лимон... умерших и больных выбрасывают без слез... Родину, мать, отца, друга – все ради движения вперед без возвращения») – движение вытесняет жизнь и создает иллюзию жизни (ее метафорой становится «выжатый лимон»); в этой выхолащенной жизни ничего не может родиться, ее главное содержание – скорость и беспамятство, жизнь не творится, а нудится («Жизнь такая ужасно нудная»). И какой замечательной представляется ему в эти годы обыкновенная человеческая жизнь без идей и рассуждений («я подумал вообще о счастье того множества, которое в данный момент совокупляется: как это хорошо!»).

Пришвин не исследует русскую жизнь – он живет ею и «поэтически описывает». Он также не изучает русскую мысль – он сам мыслит, и его

интересует в окружающем мире и встречающихся людях способность мыслить, сама русская мысль в действии, в развитии, в современной жизни. Она ведь не исчезла, не утонула в навязанном обществу советском образе жизни, она затаилась и прорывается в интимном дружеском общении, во встрече двух «на одной тропинке», в слове писателя; Пришвин находит живые ростки мысли, и для него это самое важное. Он верит, что «ненужное», «лишнее» сейчас (включая и его собственное творчество) понадобится, именно оно-то и понадобится (в позднем дневнике он запишет: «б/д. Вокруг меня идут люди, бросившие все свое лучшее в общий костер, чтобы он горел для всех, и что мне говорить, если я свой огонек прикрыл ладошками и несу его и берегу его на то время, когда все сгорит, погаснет и надо будет зажечь на земле новый огонь. Как я могу уверить моих близких в жизненном строю, что не для себя лично я берегу свой огонь, а на то далекое время?»); он уверен, что понадобится природа, его галки и муравьи, собаки, разные мелочи жизни – и человек, который живет здесь и сейчас и, конечно, меняется. Пришвин тоже за нового человека, за то, чтобы творчество проникало во все, чем занимается на своем месте каждый, но он уверен, что для этого не надо никого «перековывать» («Люди жить хотят – дайте им жить!»).

Полярно противоположна и удивительна своей принципиальностью государственная идея уничтожения личности – превращения живого в неживое («Я думал о “живом человеке”, о котором соскучилось теперь наше государство. <...> Живой человек... которого государство хочет приспособить себе на пользу (“Ты дашь мне Пришвина, а я тебе переброшу Толстого”) и превратить в учреждение (Горький: не поймешь – человек это, город, улица, ведомство»)). Этические нормы, принятые в государстве, противоречат человеческим представлениям о добре и зле и в большой мере определяются антихристианской парадигмой («Герой современности – это сын, который своего родного отца, как нечто личное и прошлое, приносит в жертву обществу. Сын против отца вплоть до оправдания отцеубийства»). Очень существенно, что подобная ситуация исключает саму возможность мирного разрешения конфликта: даже в случае раскаяния «блудному сыну» некуда возвращаться... Эта логика уже проникает в со-

знание («к отцу... бедному человеку, привезли три сажени дров, свалили, и их нужно было переложить в сарай. Отец за Витьку, и тот приезжает в автомобиле, раздевается и [перекладывает] дрова. – Это случайность... его скоро выпрут. Партия таких хороших не терпит. В чем дело? В том, что поступок этот, глубоко "личный", "хороший", "вольный", но никак не советский-партийный, характеризует скорее добрые отношения сына с отцом где-нибудь в Америке... что нам, детям (буржуазной) культуры, представляется хорошим – это в лучшем случае безразлично пролетарскому моралисту»). И все же писатель верит в то, что человек по своей природе не может бесконечно жить во зле – «добро перемогает зло» («человек по природной сущности своей держится за жизнь и предпочитает лучше рожать, чем убивать»); и даже это новое государство, в котором все так трудно и жестоко складывается, по Пришвину, когда-то должно... переродиться («Если только нашему Союзу предстоит жить, то рано или поздно непременно должна начать формироваться и утверждаться в своих правах личность»).

В 1932–1935 годах Михаил Пришвин продолжает жить в Загорске. Его образ жизни не изменился – это выражается как в круге общения, внешнем облике, стиле мышления, так и в способе работы и отношении к творчеству («Мне хочется писать не то, что надо бы, а что пишется. И так это хорошо!»). Ему это по-прежнему удается, хотя именно в эти годы окончательно определяется стиль взаимоотношений власти и литературы: формулируются принципы социалистического реализма, писателям предлагается свой стиль «сверять» с пролетарской идеологией, с задачами классовой борьбы пролетариата, с потребностями генерального наступления социализма и культурной революции.

23 апреля 1932 года появляется постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». Ситуация, которая возникла в связи с этим постановлением, упразднившим ассоциацию пролетарских писателей, для Пришвина оказалась спасительной, поскольку с властью (напрямую, без посредничества литературных объединений – «Перевала», РАППа) он не сталкивался, а рапповцы начиная с 1930 года то и дело подвергали творчество Пришвина критике.

Конечно, нельзя сказать, что с этого момента положение Пришвина заметно улучшилось («Освобождение писателей от РАППа похоже на освобождение крестьян от крепостной зависимости и тоже без земли: свобода признана, а пахать негде, и ничего не напишешь при этой свободе»), но все же именно в это время им была написана поэма «Жень-шень», или «Корень жизни», опубликованная в 1933 году.

Первый съезд писателей свободы не прибавил («съезд проваливался: докладчики, начиная с Горького, читали по напечатанным докладам... меня запросили на съезде, о чем мог бы я сказать со съезда по радио, и я ответил: – Скажите, что мы ждем от правительства второго шага: первым шагом было 23 апреля. – Мне ответили, что так нельзя»). С одной стороны, Пришвин понимает, что «условия писания явно улучшаются» и как будто «нечего вовсе и говорить», с другой стороны, признает, что Чуковский и Эренбург попробовали «покрытиковать», но съезд это не оживило («Съезд похож на огромный завод, на котором загадано создать в литературе советского героя»). Пришвин даже как-то с удивлением отмечает, что его не выбрали в президиум («64 чел. президиум: меня не выбрали: и хорошо, и неприятно: хорошо, что я в оппозиции, что я свободен и могу всегда исчезнуть незаметно, плохо же...»). Самоирония спасает его от того, чтобы слишком близко принимать это к сердцу («Уважения не нужно, а не уважают – обидно»), он чувствует какую-то общую «линию политики» не только в отношении себя. Может быть, потому, что ему на самом деле до последнего предела чужд этот стиль – советский – ни к чему не ведущих разговоров и хочется исчезнуть, не участвовать («Болтовня на съезде, интервью, снятие... я решил на день-два сбежать в Загорск. <...> Ясный прохладный день. Тишина... Счастье вернуться к себе. <...> А съезд все идет»). Кстати сказать, Пришвин совсем не считает себя героем и записывает, что сам «струсил даже того, что сказал организатору радиомитинга» об ожидании от правительства следующего шага, но в то же самое время он знает в себе одну черту, которая никогда его не подводила. Позднее он запишет о себе: «храбрый заяц» («всегда понимая себя как труса, на деле, когда подходило в упор что-нибудь, я всегда оставался на высоте, только редко это случалось»).

Считается (и вполне справедливо), что именно с поэмой «Жень-шень» Пришвин триумфально вошел в советскую литературу. И это при том, что повесть не отвечала большинству предъявляемых в то время к литературе требований. Безусловно, тема организации заповедника соответствовала современному пафосу строительства и использования природных богатств, однако в «Жень-шене» строится совершенно противоположная господствующей модели развития – модель, воплощение которой в реальной жизни было абсолютно невозможно.

Работая над своими дальневосточными материалами (поездка на Дальний Восток состоялась в 1931 году), Пришвин еще и не подозревает, что поэма «Жень-шень» станет почти фантастическим результатом его, прямо скажем, странной, невозможной, но все-таки сработавшей литературной стратегии («Я всегда начинаю свое дело, как мне велят, но вещь выходит всегда не такой, как мне велят») и упрямой, вопреки всему очевидному, манеры его творческого поведения («за поэзию нельзя давать ордена и чины. Декадентство именно и стоит на том, что поэзия – «сама по себе» (не есть ли мое настойчивое стремление быть самим собой – требование поэта: разрешение быть самим собой – вот все, что может поэт искать у граждан для себя, на всяком месте оставаться поэтом – вот его долг и его гражданственность»)). Именно «Жень-шень» станет вехой, которая отметит окончательную интеграцию Пришвина в советскую литературу*. И самое главное, что произойдет это не потому, что он в чем-то кому-то или чему-то уступает, в том-то и дело, что ему удастся оставаться самим собой («Некоторые... пробуют каяться в своей интеллигентской совести в надежде доказать до пролетарской, но это им никогда не удастся, потому что в совести пролетарской нет ничего – пустота, в которую... врывается иное историческое содержание <приписка: во всяком случае, не гуманитарного характера>»).

* Что отнюдь не будет означать укрепления его положения в советском писательском сообществе и упрощения процесса публикации его последующих вещей: к примеру, ни одно из трех послевоенных произведений Пришвина не было опубликовано при его жизни; но до этого еще далеко.

Мир поэмы «Жень-шень» одновременно и реальный, географически конкретный и условно-поэтический; в поэме возникает почти научно-достоверное изложение связанного с растением женьшень и с пятнистым оленем знания, благодаря которому очевидна возможность и необходимость изготавливать из них лекарство; но на это наслаивается (стилистически не противореча) сюжетная линия, связанная с внутренними переживаниями главного героя (любовь, расставание, ожидание).

«Жень-шень» – это повесть о любви, в которой не обсуждается, за или против революции ее герой. В ней обсуждаются две модели поведения, соответствующие двум моделям отношения человека к природе: первобытно-родовая («Всякий охотник поймет мое почти неудержимое желание схватить зверя и сделать своим») и современная, соединяющая поэтическое («Прекрасное мгновение можно сохранить только не прикасаясь к нему руками») с прагматично-рациональным, доказывающим важность организации заповедника с целью добычи оленьих пантов для изготовления лекарства. Охотник противостоит поэту – но поэту, способному к осуществлению реального дела, органично соединяющему в отношении к природе традицию (культуру) и современность (цивилизацию).

Кроме того, в повести «Жень-шень» Запад в лице главного героя (сложный, сомневающийся, рефлексирующий человек «фаустовского» типа) и Восток в лице китайца Лувена (простой, органичный, традиционный, чувствующий и понимающий жизнь человек) не противостоят друг другу, но творчески взаимодействуют, дополняют друг друга, вместе осуществляя задуманный проект организации заповедника. В художественном мире повести этот проект становится моделью мира, в котором снимаются оппозиции «Восток – Запад», «природа – культура», «культура – цивилизация», поскольку осуществление вполне прагматичной цели, стоящей перед человеком, требует и умения, и трезвого расчета, и знания, и поэзии, и мудрости, и любви («Другой раз подумаешь в отчаянии, что не стоит и жить. Но вот написалась же в этих условиях эта вещь «Олень-цветок», такая милая вещь в такое-то время! И она останется, и ради того, чтобы оставалось после себя, и следует жить, и в этом одном опора и начало спокойствия даже и во время эпидемии и войны»).

Поэма «Жень-шень» противостоит новой культуре и по языку. К этому времени новояз заполняет газетное, журнальное и пр. официальное пространство, проникает в художественную литературу; мертвящий, холодный язык унифицирует жизнь, обходит все подробности, частности живой жизни, ведет к единому нормативному сознанию. Для Пришвина это невозможно, он по-прежнему и в дневнике, и в художественных произведениях сохраняет живой разговорный язык, но при этом понимает острую для современной литературы необходимость выхода к универсальному («Для меня как писателя весь труд состоял в преодолении своего провинциального и выходе моего родного личного, мохового, елецкого слова в мир общего понимания... Путь провинциального слова к универсальному проходит по следу нарастающей индивидуальности, и когда данный индивидуум становится личностью, в этом самом процессе и слово родное делается словом универсальным»; «универсальная литература, а не как теперь советско-провинциальная»).

Надо заметить, что поэма «Жень-шень» уже в 1935 году была переведена на английский язык – пришвинское слово «вышло в мир общего понимания».

Успех повести, хотя рецензий о ней нигде не было, стал для Пришвина прямым доказательством того, что можно переиграть эту власть, можно прорваться к читателю со своим словом («Читаю “Жень-шень”, удивляюсь себе и думаю: нет, никто у нас не запрещает человеку оставаться самим собой»).

Однако в том же 1933 году Пришвин понимает, что находится вне официальной писательской конъюнктуры («Эх, если бы не “враг”, то какую бы вещь я мог бы еще написать! Какие дремлющие силы развернулись бы, и, конечно, я бы взялся за пьесу, и какую бы пьесу-то написал! Но враг начеку...»). Тем не менее свое 60-летие в 1933 году он решает отметить юбилейным вечером на краеведческой секции оргкомитета Союза писателей («меня чествовали искренно, как никого из писателей не чествовали за все 15 лет сов. власти»). Вскоре после вечера Пришвин узнает о недвусмысленной, резко негативной реакции Л. Авербаха (бывшего ответственного секретаря РАППа, в октябре 1932 года введенного в оргкомитет Союза советских писателей) на это событие: «Пришвину на-

до не юбилеи устраивать, а назначить пересмотр его сочинений». Он принимает такое отношение к себе как неизбежное, с чем нельзя не считаться; это отношение определяет его «тактику борьбы», но не касается творческих планов. Напротив, в чем писатель уверен – так это в своих книгах, которые, надо сказать, в это время широко издаются («видел корректуру “Скорая любовь”... набирают “Корень жизни”... “Жур[ав-линую] родину”. Дело идет!»); он также уверен в своем читателе, который прочтет и все поймет («Оргкомитет у писателей называется Моргкомитетом... Тактика борьбы: как можно меньше попадаться ему в поле зрения. Все дело в выгрыше времени: книги мои свое дело делают, они завоюют публику, а “Морг” тем временем сам как “морг” попадет в поле зрения “всевидящего ока”, как попал в свое время “РАПП”. Тем только и хорошо в нашей жизни, что все скоро меняется...»).

А несколько дней спустя в дневнике появляется такая запись: «Наступил конец либерализма, питавшего старую революцию». Причину краха либерализма писатель видел «в распаде слова и дела»: слова, не подразумевающие нормальной человеческой жизни, уводящие в пафосные утопические дали, в реальности вели в тупик, к абсурду насилия (классовой борьбы) и уже сами по себе становились лишними, ненужными в той жизни, к которой вели («Троцкизм» – это соц. словесность, подобная керенщине, с той разницей, что керенщина в вопросе распада слова и дела глуповата, а троцкизм в этом до того дошел, что производил впечатление сознательно подготовленного вреда коммунизму. И чтобы спасти революцию, понятно, надо было сбросить последний балласт гуманизма и дать ход классовой борьбе... Прямо противоположен классовой борьбе «гуманизм» (керенщина, троцкизм, троцкизм – это доведенный до своего абсурда гуманизм)... Классовая борьба (слова человеческие, а дело звериное)... зажигает против себя две силы: в защиту человека зажигает религию, а в защиту зверя... поднимает против себя... силу земли (и то и другое существует и, возможно, растет... но гуманизм (либерализм) абсолютно разбит...»).

Оппозиция «слово – дело» в новой культуре не только не находит разрешения, но углубляется, однако в то же время парадоксальным образом провоцирует появление спасительных рост-

ков культуры и природы. Эти ростки Пришвин повсюду обнаруживает постоянно, и оказывается, что жизни, абсолютно лишенной смысла, для него не существует. И он не «потому что», а «вопреки» страшной логике современной жизни ни за что не отдаст этот смысл на поругание, на уничтожение, этот смысл таится и будет таиться до самого конца в каждом его слове, в каждом произведении, как соломинка, за которую можно ухватиться (*«Ничего не могу сказать вам о том, как мне после Севера показалось в нашем березовом лесу с высокой цветущей травой: это счастье пришло. А когда счастье приходит – уходят слова»*).

Он понимает: жизнь отнять, свободы лишить могут (и чемоданчик с бельем у него уже наготове), но вот это необъяснимое чувство счастья в лесу – другими словами, смысл и радость бытия, которые он стремится сохранить и передать в своем слове, – этого никто и никогда не сможет у него отнять.

Ломка привычной системы ценностей, угроза голода, все более и более проникающие в повседневную жизнь признаки террора – все это приводило к утрате всех сколько-нибудь известных жизненных ориентиров. Картина небывалой страшной жизни свидетельствует, как мы сейчас говорим, о новых вызовах, на которые культура должна была искать новые ответы, и писатель это понимает (*«Человек до того несчастен, что перестал уже о себе думать как о человеке, забыл себя: разговаривают все о картошке. Поверх сознания мчится жизнь фантастическая, непонятная... она выше понимания нашего... Мне вдруг стало понятно, что редактор попросил взять из сборника «Скорая любовь» рассказ «Белая собака», в котором упоминается неодобрительно паспортная система. Я понял вдруг, что... в то время, когда люди принуждены забываться в деле добывания мороженой картошки и разговорах о ней, неприлично напоминать им о свободе. Вернулся паспорт. Запретили аборт. И половую жизнь скоро тоже загонят в твердые берега»*). Не сама по себе отдельно от реальной жизни взятая «свобода» и не «необходимость» сама по себе, а какое-то иное соотношение свободы и необходимости, «хочется» и «надо», личности и общества – об этом Пришвин думает постоянно (*«Да, Авербах прав: надо Пришвину не юбилей устраивать, а назначить пересмотр его сочинений... Мои кни-*

ги действительно устарели. Надо искать в творчестве нового русла»).

Эта запись была сделана 15 марта 1933 года. Разве мог знать писатель, что поездка на Север (Соловки, Беломорканал), куда он отправится несколько месяцев спустя, летом того же года, на самом деле станет началом нового этапа в его творчестве, приблизит к работе, в которой он будет говорить о самой главной проблеме современности. И для этого ему действительно придется напряженно искать «в творчестве нового русла» – новой формы романа. Желание написать роман на современную тему приведет Пришвина к жанру сказки или мифа. Роман-сказка – так определит писатель жанр произведения, над которым будет работать до конца жизни.

В 1933 году Пришвин узнает, что Беломоро-Балтийский канал им. И. В. Сталина, соединяющий Белое море с Онежским озером, проходит по части «государевой дороги», проложенной Петром I во время Северной войны в 1702 году. Актуализация исторической ретроспективы для писателя усугублялась тем, что свое первое путешествие в 1906 году он совершил в те же края: след «государевой дороги» Петра Пришвин тогда еще застал и сфотографировал. Там же он услышал, что за работавшими на строительстве крестьянами везли виселицу... Не поехать на канал и не посмотреть на все своими глазами писатель просто не мог.

После поездки он приступает к работе над романом о свободе и необходимости (в его терминологии, «хочется» и «надо») и определяет географическое и историческое пространство произведения. В течение всей творческой жизни Пришвина только ленивый не упрекал его в безыдейности и равнодушии, в том, что он «подходил к современности исподволь, осторожно», шел «боковой тропой», смотрел на жизнь «с какой-то башни крепости, куда не доносится реальный... шум» и пр. Этот «благостный, умиротворенный Пришвин», «замкнутый и сознательно отчужденный», стремящийся «уйти в «непуганую» страну, укрыться там хотя бы на время... отделиться от людей и сбросить с себя нагрузку общей участи», в 30-х годах не уклоняется от труднейшей современной темы, которая только в наши дни получила название лагерной, а в то время была даже не запретной, а просто невозможной, невыносимой.

Пришвин берется за предложенную ему (как и многим другим) для участия в сборнике «Канал имени Сталина» (М., 1934) тему, совпадающую с его творческими планами, и начинает работать. Однако пафос строительства получает у Пришвина сначала в очерке, предложенном им в сборник, а затем и в романе совершенно иное – не идеологическое – измерение; ориентиром оказывается не пафос построения социализма, а труд сам по себе, не полезность сооружения, а сопровождающее сооружение столкновение идей. При этом славословящий канон отсутствует («Я... всегда начинаю дело приблизительно так, как мне велят, но вещь, сделанная мною, всегда выходит не совсем такой, как мне заказывали, и что самое главное, вот эта разница против заказа неустранима из вещи <зачеркнуто> и является свидетельством моей личности»).

В этот раз Пришвин знает, куда едет, на полях дневниковой тетради в эти дни пометка: «ГУЛАГ». И никаких иллюзий по поводу того, как осуществляется освоение нового края и как ведется строительство, после поездок на Урал-маш и Дальний Восток (1931) у него не осталось. Революция изменила ход истории, создала совершенно новую жизнь в России, насильственно выдавила из человека его творческие силы, заставила осуществлять свои проекты; новая шкала ценностей создала такую атмосферу жизни, к которой невозможно было привыкнуть («Опять тупое время: вся страна гниет, если не сгнила, за "идею"»), но с которой нельзя было не считаться. Так или иначе, революция интегрировала Россию в ряд индустриальных держав; новая культура, связанная не только с индустриализацией, но и с сопутствующей этому процессу урбанизацией, с ростом уровня образования (да просто грамотности), ставила перед художником небывалые задачи*.

* В конце 1930-х писатель из совсем другой страны осознает те же тектонические сдвиги в культуре и почти теми же словами, что и Пришвин, о них говорит: «Мы едва начинаем осваиваться среди шахт и электростанций. Мы едва начинаем обживать этот новый дом. <...> Вокруг все так быстро изменилось: взаимоотношения людей, условия труда, обычаи. Да и наш внутренний мир потрясен до самого основания. Хоть и остались слова... но смысл стал иным... мы еще не успели создать себе отчизну. <...> На время гонка сама по себе становится важнее цели. Так бывает всегда. <...> Упиваясь своими успехами, мы служили прогрессу – прокладывали железные дороги, строили заводы, бурили скважины. И как-то забыли, что все

В России ситуация многократно осложнялась тем, что структурные изменения в обществе происходили в рамках революционной парадигмы: жизнь оказывалась сплавом технического прогресса и варварства по отношению к человеку («Один из этапных сегодня пробовал убежать. Стрелок попал ему в голову»). Грех «либерализма XIX века» зеркально отразился в новой культуре, «слово» и «дело» поменялись местами: поставленное во главу угла «дело» поглощало смысл и ставило человека со всеми его чувствами и мыслями («слово») в положение жертвы. Новым и небывалым был грандиозный масштаб как «дела» («водопад: он теперь ручной»), так и человеческой трагедии («имена этих тружеников распыленно исчезли в громаде строительства»).

Перевернутый мир, в котором писатель пытается обозначить какие-то приоритеты, нащупать те невидимые смыслы, которые, несмотря ни на что, заставляют человека жить и работать – в частности, на канале, там, где сама жизнь, кажется, невозможна... Но в том-то и дело, что никогда и нигде не расстается он с верой в то, что «для личности всегда есть выход»**...

В эти годы Пришвин, о котором уже современный автор пишет как о пытающемся «примирить "надо" и "хочется" и сочинить свою утопию», уходит, кажется, на противоположный любой утопии полюс: он опускается на самое дно народного сознания, которое веками инстинктивно вырабатывало способы защиты от всегда враждебной власти, даже лексика приходит из глубин русской истории, русской коллективной души: завоеватели, барин, работник («Я принадлежу к массе русских людей, которые подчинились завоевателям и стали работать с ними в ожидании, что рано или поздно завоеватели принуждены будут считаться с интересами завоеванных...»; «Мы начинаем к злу привыкать, как

это для того и создавалось, чтобы служить людям. <...> Надо вдохнуть жизнь в новый дом, у которого еще нет своего лица». Это Антуан де Сент-Экзюпери в повести «Планета людей».

** Сейчас мы знаем, что люди в заключении не просто работали, а бывали счастливы, если выпадала возможность работать, да еще по своей специальности... Человек уже там, в заключении, внутри ада, начинает этот ад осваивать и в аду становится свободным – вот что означает эпиграф, который Пришвин завещал к своему роману: «Аще сниду во ад – и Ты тамо еси».

к барину. Сейчас он бесится, но мы знаем: не надо на глаза попадаться, а когда перебесится, мы опять будем работать: без нас, работников, ему все равно не обойтись. Даже и так, что чем злей он, тем лучше, тем скорей перебесится»). И Пришвин подчиняется власти в тех рамках, которые сам для себя определяет, но отстаивает право на свободу личности и вот уж за это стоит до последнего («В печи революции не до искусства... Для государства искусство есть лишь один из приемов агитации, между тем искусство – это сами люди, сцепленные, слитые в одно, как капли в воде: искусство, как дождь из облака, падает на землю и течет рекой по земле в берегах: государство и занято этими берегами, но как земля и вода, косная и живая стихии не могут слиться в одно, быть одним и тем же, так не может слиться между собой искусство и государство. Так вот точно и общество с личностью должны быть в постоянной борьбе: личность всегда остается сама, и если она сливается с обществом, то, значит, она умирает»).

Так, расправившись с либерализмом XIX века с его «распадом слова и дела», Пришвин начинает строить модель мира, в центре которой, как и встарь, находится свободная личность с ее правом на творчество («Какое бы ни было общество, социалистическое, капиталистическое и какое хотите, личность всегда должна противопоставляться массе... Какое же ужасное состояние общества должно быть, если всякую попытку личности противопоставить себя «массе» принимают как контрреволюцию?»); но слово и дело в этом мире связаны по-иному («слово ценою дела»).

Усиление государственной власти, террор в еще невиданных формах оставляют человеку единственную возможность: отстаивать внутреннюю свободу. Рост внутренней свободы оказывается в такой ситуации не только способом спасения, но и способом борьбы с властью, с ее обезличивающей силой («Могучая сила поднимает города, но лиц нет»); внутренняя жизнь человека, так или иначе, развивается и создает не однообразную, а многообразную структуру жизни, тотальной уравниловке противостоит личность, с которой связывается все то, что целенаправленно уничтожается в человеке и в обществе. Пришвин, с одной стороны, твердит свою «подзаборную молитву» («прошу у Бога

дать силы не простить»)*, а с другой – ставит перед собой труднейшую задачу («как устроить свою жизнь, чтобы неизменно смотреть по-хорошему и в то же время понимать и ясно чувствовать всю ту бездну горя, через которую пронесишь хорошую весть... Необходимость подвига (только не по книге, хотя бы самой священной, а в своем собственном дне и по себе)»).

Таким «подвигом» в жизни и творчестве Пришвина стал его «лагерный» роман, который он заканчивает в 1948 году, а потом до конца жизни (1954) мучительно перерабатывает.

Известно, что в ходе работы сменилось несколько названий романа («Быль», «Былина», «Падун», «Школа радости», «Царь природы», «Педагогическая поэма», «Повесть о том, что было и чего не было», «Канал», «Новые берега» и, наконец, «Осударева дорога»), а также три эпиграфа («Ужо тебе, строитель!»; «Да умирится же с тобой / И побежденная стихия»; окончательный – «Аще сниду во ад – и Ты тамо еси»).

Несмотря на многочисленные замечания рецензентов и близких друзей, Пришвин считает, что этот роман – значительное художественное произведение, однако сомнения не оставляют его. Пять редакций романа подтверждают это – все они представляют собой попытки мучительного приспособления к требованиям редакторов, вплоть до изменения места действия. Но только о первой редакции Пришвин пишет в дневнике с уверенностью: «Свидетельством моего художества останется непереработанный экземпляр». Жене и своему литературному наследнику Валерии Пришвиной писатель завещает осуществление публикации романа в первой редакции с библейским эпиграфом. Валерия Дмитриевна смогла сделать это в 1957 году, но текст романа подвергся тогда существенной редакторской правке, был опубликован без эпиграфа (правда, В. Д. Пришвина смогла дать его в комментариях) и с более поздним (1952) вступлением. В таком виде роман неоднократно переиздавался**.

* Ср.: «Да, я русский кроткий, незлобивый человек, но я, кажется, теперь подхожу к последней черте и молюсь по-новому: Боже, дай мне все понять, ничего не забыть и ничего не простить». Из письма к А. Блоку, 1918 г.

** Впервые именно в первой редакции (авторская машинопись 1948 г.) роман был опубликован в Собр. соч. 2006 г.

Однако не только поэтому до сих пор «Осударева дорога» вызывает у многих читателей и критиков неприятие и многочисленные недоуменные вопросы. По-видимому, это произведение, жанр которого сам Пришвин определяет как роман-сказку, нужно рассматривать в свете неомифологического сознания. «Осударева дорога» имеет ряд существенных признаков неомифологизма, которые нельзя не принимать во внимание. В роли мифа в романе выступает не мифология в узком смысле слова, а библейская мифология, исторические предания, бытовая мифология, историко-культурная реальность предшествующих лет, известные художественные тексты прошлого – все это, по определению В. Руднева, характерные черты неомифологического сознания. Все это управляет динамикой построения сюжета, и само произведение уподобляется мифу: грань между текстом и реальностью, которая его окружает, стирается...

Пришвин очень хорошо понимал направление своего художественного поиска. В 1948 году в дневнике появляется такая запись: «В № 18 журнала “Америка” прочитал статью Ньютона Арвина о ближайшем будущем американской литературы. Вот его заключение: “...не документальная точность, а мифичность – вот что, весьма вероятно, даст нам литература ближайшего будущего”. А между тем я этим 107 занимаюсь уже полстолетия, и никто не хочет этого понимать. “Осударева дорога” – высшее выражение этого моего направления».

«Осударева дорога» при всей своей кажущейся простоте – сложный современный роман, требующий расшифровки и толкования. Произведение переполнено историческими, этнографическими и религиозными преданиями, античной, библейской мифологией, аллюзиями на художественные тексты.

Кроме того, трагизм происходящего на канале выражается в бесстрастно-остраненной форме, характерной для творчества Пришвина, начиная с первых его произведений (не это ли имела в виду в статье «О “Я” и “Что-то”» (1913) З. Н. Гиппиус, когда называла Пришвина «легконогим и ясным странником с глазами вместо сердца»?)). В «Осударевой дороге» столкновение содержания (современная трагедия) и формы очевидно.

«Осударева дорога» таит в себе целый ряд дискурсов. Строительство Беломоро-Балтийского канала включается не только в исторический

дискурс. В романе канал – метафизический символ насилия над природой, историей и человеческой личностью, имеющий, соответственно, географическую, историческую, религиозную и культурную подоплеку. Географические и исторические реалии для Пришвина чрезвычайно важны: перенести действие романа в какое бы то ни было другое место, как предлагают ему рецензенты, он не хочет и не может. Реалии делают роман исторически и социально конкретным, но они существуют в границах той модели мира, которую строит писатель: процесс десакрализации жизни, ориентирующий религиозное сознание на творчество жизни, символически указанный в главе «Сказанье о венике», приводит к победе той силы, для которой сакральности не существует вообще.

Работая над «Осударевой дорогой», Пришвин не писал анти- или просталинский роман. Тоталитарная культурная модель, характеризующаяся подчиненностью художественных задач внехудожественным идеологическим целям (определение М. Рыклина), не строится. Дело, по-видимому, в том, что роман представляет собой деконструкцию идеологии, но не в узком политическом смысле как критику определенной системы идей, а в широком смысле: по существу, «Осударева дорога» является как бы иронической деконструкцией соцреалистического дискурса, глубокой полемикой с социалистическим реализмом. Роман ежеминутно сворачивает куда-то с проторенной, вроде бы прямой идеологической дороги (что тоже прочитывается, к примеру, в организации событийного ряда: строительство, аврал во время аварии, героические действия заключенных, героическая смерть во имя дела – жертва, победа). И вот этот событийный ряд, легко узнаваемый в русле соцреалистической традиции, снова и снова рассыпается, поскольку все акценты смещаются в сторону общечеловеческой проблематики. То есть на самом деле речь в романе идет о неискоренимой тяге человека в любой жизненной ситуации вырваться за пределы исторического времени к общечеловеческим смыслам. Положительное изложение событий строительства канала разрушается самим текстом, как-то бесконечно осложняется, обрастает подробностями жизни – человеческой и природной.

В 1939 году у Пришвина появилась идея создания «книги о книге» (термин М. Бахтина), то есть идея о романе, встроенном в структуру

дневниковых записей, которые он называл «ле-сами» к роману. Именно в контексте дневника очевидной становится связь пришвинского романа с текстами предшествующих культурных традиций. Это прежде всего «Медный всадник» Пушкина, «Фауст» Гете, «Антигона» Софокла, «Божественная комедия» Данте.

Основной мифологический символ в романе – вода, живая стихия, организующая жизнь и отражающая ее, а также таящая в себе образ мира. В водопаде стихия падающей воды заключает в себе образ неведомого человека, «шагающего все вперед и вперед», в упорядоченной стихии – «плененной воде» – тоже скрыта неизвестная «волшебная» сила воздействия на окружающий мир, придающая бытию новое качество призрачности или подобия («новая плененная вода стала все вокруг переделывать, как иногда в сновидениях... все что-то кажется и то и не то»). А вот в маленькой главке под названием «Победа» вода предстает совершенно в иной ипостаси: «свободные капельки» не только символизируют победу («капельки больше не падают, а поднимаются вверх», «уходят вверх, к себе», «образуют легкие свободные облака»), но и свидетельствуют еще живущим об этой неминуемой победе («Мы на досуге, вглядываясь, узнаем в облаках свою жизнь»). Таким образом, пушкинский эпиграф к этой главе вносит в роман идею «умирения», правда, не в земной жизни, а в небесной. Но и это не все. Канал – стержень этого мира – стержень мифа: у него есть почти имя – *ладун*, которое не исчезло после того, как строительство закончилось и камень, на который падала вода, убрали в музей. Вода продолжает бежать по иному пути, и падун продолжает жить своей жизнью, это не просто гул падающей воды – весь смысл его в том, что в этом гуле водопада снова, как и было от века, слышен «мерный шаг человека: весь человек идет все вперед и вперед», и ничего невозможно с этим поделать. Так сквозь линейное историческое время проступает цикличное время вечности, неустранимое, неуничтоженное.

Главный герой романа – мальчик Зуек. Его поведение определяется внутренним конфликтом с начальником строительства Сутуловым, причем как в борьбе за власть, так и в борьбе за любовь – именно эта ситуация определяет начало его жизненного поиска. В образной структуре романа Зуек занимает особое место, обу-

словленное не только возрастом, но и событием второго рождения, определившим его особую судьбу: «Его душа теперь была, как это часто бывает у тех, к кому возвращается жизнь: душа его была как вся земля, как вся природа, и он в ней как свой, и все тут было свое, близкое, знакомое, прекрасное и понятное». Этот художественный прием позволяет Пришвину сделать своего героя символом универсальной судьбы человека. В поисках пути Зуек проходит архетипические искушения, возникающие перед личностью человека на его жизненном пути: властью (Сутулов), своеволием (Куприяныч), миллионом (Волков), преступлением, уголовным миром (Рудольф), любовью (Маша Уланова). В романе присутствует библейский и античный мифы (аврал – «время остановилось, как в древней битве Израиля... Солнце остановилось», плавина – Ноев ковчег, костер на плавине – Прометей), выявляющие глубинные смыслы того, что происходит с мальчиком. Однако Зуек совершает свой путь в пространстве, очерченном строительством канала, что и предопределяет результат поиска: «голубые знаки» татуировки, принципиально отделяющие уголовный мир от культурного, вносят в идиллию возвращения Зуйка к чекистам черту подлинной характеристики этого мира.

Образ Сутулова, олицетворяющий в романе власть, почти лишен живых черт личности. Его речь, поведение и образ мыслей во всех ситуациях предельно идеологизированы и прямолинейны. Природа и человек интересны и понятны ему тогда, когда они могут быть использованы для дела, но непонятны и неинтересны сами по себе. Именно через Сутулова постулируется принципиально безбожный мир строительства и отвращение к жизни отцов и дедов, причем не только принципиальное, но и обыденное – «к ситчикам и платочкам», а также к «сумасшедшим», не желающим подчиняться «старухам».

Существенное место в художественном мире романа занимает сказочная символика. Мать Марья Моревна – сказочный образ невесты, обладающей несказанной красотой и мудростью («как могла она из сказки выйти сюда»). В силу использования сказочной и библейской традиций образ Марии Улановой не исчерпывается ее социальной ролью, а приобретает черты мудрости и красоты. Символом раздвоения личности оказывается «волшебное зеркальце» Зуйка, хранящее ее в образе Марьи Моревны. Хотя эта

двойственность смягчает жесткость ее позиции, Уланова, как и Сутулов, остается олицетворением лагерной власти. Тем не менее в романе воспроизводится жизнь обычных людей, вовлеченных в страшную историю, к которым относятся и исполнители-чекисты; они тоже ведут между собой диалог-спор о поведенческой норме (Уланова – Сутулов). Пришвин использует советские штампы, но, существуя вне обязательного идеологического контекста, они теряют свою силу и парадоксальным образом выражают едва ли не противоположный смысл. Выбор Улановой между любовью и идеей («я любимого человека отрезала от себя», он «губил все дело наше общее... я его, любимого, сама отдала под суд») оказывается неокончательным и неабсолютным, поскольку окружающий ее мир не восполняет потери («пять лет... хранила втайне надежду на его возвращение»).

Творческая деятельность человека оказывается не на стороне человеческой личности и сознания, а на стороне власти. Отделение творчества от существа жизни в условиях насильственного отношения к бытию идеологизирует творчество и обесмысливает результат: подлинной целью оказывается не строительство канала, а идея «перековки» человека («Мы не столько строим канал, как человека собираем, всего человека ждем и куем» (Уланова), «канал – это придумка, это предлог, чтобы замучить и покончить с человеком свободным» (заклученные). Слово в романе становится ареной борьбы староверов и чекистов: традиционное слово и предание используются в чуждом для староверов контексте безбожного мира и оказываются в нем соблазном. Так, для Сергея Мироновича «крест от проволок не пострадает» из-за присутствия в нем Божественной силы, а для Сутулова – из-за полного ее отсутствия, но обоим одинаково кажется, что кресту «ничего не сделается».

Выбрав для своего многострадального романа библейский эпиграф «Аще во ад сниду – и Ты тамо еси», Пришвин тем самым обозначает пространство строительства как ад и вносит в произведение идею безусловного присутствия Бога – идею спасения. Такой выход никому не приносит внешней свободы, но открывает возможность роста свободы внутренней, связанной с тайной личности, которую никто не может у человека отнять. А другого выхода для своих героев – так же как для своих современников и для самого

себя – Пришвин не видел. И пусть он сам понимает, что получившийся роман «не кристалл, подобный “Жень-шеню”», и здесь на самом деле, быть может, много провалов и ошибок, но в данном случае писатель был первопроходцем, и ему удалось пройти этот путь «страдающей личности» до конца*.

Поездка на Беломорский канал в июле 1933 года (за месяц до организованной Горьким поездки 120 писателей) была для Пришвина возвращением к началу его писательства (о Надвоицком водопаде Михаил Михайлович писал в своей первой книге «В краю непуганых птиц»): «...узнавал долго и вдруг увидел: черные неподвижные камни как беззубая почерневшая челюсть... а тогда было как белые зубы. И так за 30 лет народ русский: то русло почернело... а вода бежит по иному пути». Подобные картины всегда были для Пришвина доказательством неиссякаемости жизни: после революции соловьи весной прилетели в разоренные усадьбы, чтобы снова, несмотря ни на что, петь, а здесь – вода, которая продолжает свой бег по новому руслу, и снова птицы, которые возвращаются на старые места, где все по-другому. У людей все намного сложнее, но результат похожий – жизнь идет («Пришли люди и трудились: не хотели, а надо»).

В 1935 году Пришвин совершил еще одну поездку – в северные леса на Пинегу («нас внедрили в Дом колхозника, выселив из номера трех несчастных. Грязно, клопы, но отношение начальства прекрасное, и вера, что мы доберемся до Пинеги»). Это было трудное путешествие, в котором Пришвин был одержим идеей увидеть нетронутый лес, настоящую Чашу. Он передвигался пешком, на лодке, на лошади, преодолевая боль в спине с непривычки ездить верхом, терпел бессонные ночи, плохую еду («так работать нельзя: то жилище клопиное и невозможное, то пища голодная, никто не хочет помогать») и свое «хлестаковское положение»: нет ничего, а попросишь – и находится. Но главное переживание – боль за гибнущий лес, рубка и сплав которого производится без смысла и порядка («Ни одного партийца, занятого на Се-

* «10 ноября 1937. Кто же будет у меня Распятый? Личности не будет, но весь человек, работающий на канале, есть распятый человек, и “надо” будет ему крестом».

вере лесосплавом, я не встретил такого, кто не разделял бы мою поэтическую жалость к лесу, который не столько берут, сколько бросают в лесу на сгнивание и на заражение короедом здорового леса»). Эта поездка отзовется в последней повести Пришвина «Корабельная чаща» (1952).

Пришвин не чувствует себя жертвой времени и вообще жертвой... Совершенно очевидно, что и при другом режиме его так же мучила бы история его первой любви, он бы так же охотился, любил бы природу, собак, вглядывался бы в небо и звезды, путешествовал. Он бы точно так же бесконечно раздумывал о судьбе России, о культуре, литературе и Боге. И точно так же вел бы дневник, потому что однажды, в далеком 1905 го-

ду, почти случайно записанные на листке перипетии его «парижского» романа принесли неожиданное облегчение и он понял свое призвание к слову. И уж точно он обязательно был бы мастером короткого рассказа (*«Маленькие рассказы у писателя – это знаки его личной жизни и непосредственного участия в жизни. В кабинете, как роман, их нельзя написать, если так их будешь писать, выдумывая – они будут вялыми. <...> Хороши эти рассказы, когда, кажется, сама искрящаяся жизнь их дает и автор на ходу схватывает эти искорки...»*). Но, может быть, в другую эпоху никогда не появилась бы в дневнике Пришвина такая запись: *«Страшно увидеть себя в зеркале страшного времени»*.

**Матвей
ХИСМАТУЛИН**
ЗАБОРЫ*

ПРОЛОГ

Все началось с того, что активисты объединения «Спасение России» выступили с инициативой о восстановлении храма святой Варвары Илиопольской, разрушенного в 1925 году. Восстановить предложили именно на историческом месте: ныне там запущенный парк имени Кирова.

В приемной мэра города N инициативную группу, состоящую из настоятеля храма диакона Василия Семенова, а также трех прихожанок – одинаково неброско одетых женщин, вежливо попросили подождать, предложив всем чаю и сосательных конфет вприкуску. Когда чай уже был выпит, а брать еще конфеты стало как-то неловко, дверь в кабинет мэра открылась и он лично пригласил ожидавших к себе.

Диакон сразу обратил внимание на стоящую на полке за креслом мэра сувенирную тарелку с изображением ангела и надписью: «С днем ангела».

«Хороший знак», – подумал диакон. Он выбрал место за столом поближе к мэру, после него расселись и прихожанки. Без лишнего политеса, напрямую, диакон спросил у мэра, верит ли тот в Бога. Мэр ответил, что верит. «Тогда вам, как человеку верующему, будет понятна просьба прихожан о восстановлении уничтоженного в угаре революции храма – на месте, которое зарастает бурьян-травой и где сейчас собирается неприкаянная молодежь». Рядом в парке предлагается сделать спортивную площадку, добавил диакон, чтобы молодые направляли свою энергию в правильное русло. Особо подчеркнув, что постройку храма частично можно финансировать из пожертвований, проситель передал градоначальнику уже составленный проект. Мэр полистал бумаги, остановив взгляд на итоговых цифрах; сказал, что такое серьезное дело нужно хорошо обдумать, обсудить, но инициативу он считает полезной для города.

* Отрывок из повести.

Так случилось, что проект этот появился в нужное время и в очень нужном месте. Ни один прежний глава города не обходил стороной вопрос о судьбе парка. Кто-то обещал восстановить аттракционы, которые уже давно растащили на металлолом, кто-то – создать современный спортивный комплекс, кто-то просто обещал «обустроить», что бы это ни значило. Но каждый раз выполнение обещания сталкивалось с какой-то непреодолимой проблемой. Сейчас же оставалось только немного скорректировать готовый проект, исторически строительство вполне обосновано, запрос поступил снизу, а это тоже плюс. И мэр уже представлял, как он разрезает ленту на открытии храма, как произносит благодарственную речь...

Но что-то пошло не так.

1

– Вы серьезно?! – напугав родителей, крикнул Олег. – Мало того что вы в этом цирке участвуете, так еще и за голосуете?!

– Сынок, ты не пугай так нас с мамой. А то придется тебе там, в этом храме, за нас свечки ставить, – улыбнулся отец.

Он рассчитывал, что сможет этим успокоить сына.

– Ваня! Ну что ты за глупости говоришь? Свечки какие-то... Это папа так шутит неудачно. – Женщина, нарочито нахмутив брови, посмотрела на мужа, ожидая уже годами отработанной реакции на это. – Да, папа?

– Да ладно, Ань, ему же не пять лет. Что он, сам шутку понять не может? Тем более у человека гражданская позиция начинает просыпаться, да, Олег?

– Да о чем вы говорите вообще?! Вы же в церкви раз в десять лет бываете, зачем вы за голосуете?

– Олег, какая разница, бываем мы там или нет? – возразила мама. – Не мы, так другие будут. Это важное, полезное дело, это наш гражданский долг. Я вот вообще мечтала, что, когда ты вырастешь, будешь иконы писать или фрески в церквях. Это же так красиво. – Она вздохнула. – А ты пока молодой, многого еще не понимаешь...

– Мам, я все хорошо понимаю, вы просто подумайте, сколько денег уйдет сначала на расчистку территории, сколько деревьев вырубят. А потом – сколько денег уйдет на строительство? Это же миллионы! Просто в никуда! Нам что, в городе храмов мало, что ли? За каждым углом уже по церкви отгрохали, лучше бы на эти деньги нормальную дорогу сделали!

– Так, сын! – вступил отец. – Во-первых, не повышай голоса. А во-вторых, по-моему, постройка наполовину будет пожертвованиями финансироваться.

– Это еще хуже! Я просто не понимаю, как можно быть такими недалекими! Сейчас двадцать первый век на дворе! Дарвин, теория эволюции, интернет – нет, не слышали? Вы сами подумайте: да у нас, если просто купола с церквей переплавить, хватит и на приюты, и на бесплатные обеды, и еще, наверно, на айфон каждому останется! А вы продолжаете лбами об пол стучать!

– Олег, это традиции. Нельзя так к традициям относиться, это же тысячелетняя история!

– Папа, вот об этом я и говорю! Мы и живем как отсталые, отставшие на тысячу лет. А моя история – вон, на заборе написана! Я просто поверить не могу, что вы в таких розовых очках живете! Нет бы настоящими проблемами заняться, а вы в их балаган играете!

– Да что с тобой, Олег? Постой...

Но Олег уже не слушал. Бубня под нос: «Офигеть!» – и мотая головой, он быстро вышел из дома. Мать хотела было задержать сына, но отец жестом остановил ее. Сказал спокойно: «Пусть погуляет, я такой же был».

Здесь, наверное, стоит рассказать о самом парке. Если бы он был человеком, то можно было бы сказать, что жил он сейчас как постаревший популярный артист: беден, забыт, брошен всеми и станет интересен, только когда умрет, и то ненадолго. Да, в молодости он был хорош, всем известен и всегда с ним происходило что-то важное: то он на переднем плане во время многотысячного митинга, то цветами встречает космонавтов. А по вечерам устраивал танцы. О, сколько красивых девушек повидал он за свои годы! Но в один момент все пропало. Он будто перестал следить за собой: сначала оставил танцы, потом зарос колючей щетиной, люди стали его бояться, обходить стороной. А те, кто помоложе, вообще не знали, кто это: подумаешь, бомж какой-то, сколько их вокруг! Тьма! Пусть погибает, сам виноват!

В общем, сейчас парк выглядел совсем неважно. Асфальт на дорожках потрескался, к середине лета вдоль них свешивались спелыми гроздьями соцветия лебеды, и стоило прохожему коснуться этих гроздей, как серая маслянистая пыльца покрывала всю одежду.

В самом центре парка расположилась сценическая площадка. Огражденная забором из металлической сетки, она объединяла большую сцену с треугольной крышей и несколько рядов скамеек для зрителей. Когда здесь перестали проводить танцы, площадка долго простаивала без толку, уложенные на землю плиты повело, углы торчали в разные стороны, как после землетрясения, между ними пробивались сорняки. И продолжалось бы это еще неизвестно сколько, если бы сцену не облюбовала активная творческая молодежь. Скамейки покрасили в разные цвета, сорняки выдрали, даже плиты как-то выровняли. Здесь начали показывать самопальные спектакли, потом стали выставлять свои работы разного рода художники. И постепенно в городе вышло так, что каждого, кому было что сказать или кому этого очень хотелось, можно было найти на этой площадке. Тем более что плату за аренду никто не требовал.

2

Парк как раз со стороны сцены примыкал к частному сектору. И местным жителям не нравилось такое соседство: молодежь шумела, гремела своей музыкой и потом шаталась по окрестностям. Вот и стали на ближайшей к парку улице вырастать высокие заборы. Скоро здесь уже все, кроме деда Кузьмича, постарались укрыться за плотным ограждением. Леха, его сосед по участку, таксист, первым поставил сплошной дощатый забор. Кузьмич тогда достал ему гвоздей с завода, и теперь Леха при каждой встрече спрашивал у деда, не надо ли ему куда. Довезет бесплатно. Славный малый.

С другой стороны Ваня, электрик на водоканале, поставил забор из профлиста. Весь отпуск он провозился с каркасом, а листы прикручивал в последний день, до самой темноты. Дальше шел забор из списанных бетонных плит, огороживший участок бывшего главного инженера ЖилСтройИнвеста. Потом появилось еще много разных заборов. У Кузьмича же по-прежнему стоял жиденький посеревший штакетник. Ставили они его с сыном много лет назад, еще когда тот учился в школе. Дед дорожил им как памятью; бывало, глянет на забор и вспомнит, как приятно жить было раньше, так светло и уютно, и столько, казалось, ждет еще впереди...

На самом деле дед Кузьмич не так уж и стар, всего год как вышел на пенсию. Сам еще не успел привыкнуть к своему счастью, хотя в по-

следние лет десять только и думал: «Поскорей бы». Не вставать по утрам, не дожидаться, когда стрелки часов перемахнут за пять, не толпиться на проходной, не чувствовать этой безнадеги по воскресеньям, когда, как бы ты ни старался, время все равно ползет к понедельнику и все опять начнется по новой. Наверное, люди вокруг это чувствовали, потому и начали называть его дедом, или по отчеству Кузьмичом, или просто старым. Даже жена звала его дедом (или дедулькой – при внуках). Кузьмич смирился с этим и превратился в старика еще до пенсии.

Поскольку на всей улице двор было видно только у него, то и внимания к нему было больше всего. Кто-то приходил и просил вынести воды попить, другие, обычно по темноте, с фонариками искали что-то по кустам, а однажды даже пришли два архитектора и допытывались, какой тут тип постройки – волжско-камский или четырехугольный открытый двор в южнорусском стиле? Дед всех прогонял, зная при этом, что приходиться будут и дальше. Поэтому он и решил все же взяться за забор. По старой памяти договорился на заводе о трубах для каркаса (их, без дела ржавеющие, он заметил, когда еще работал). Потом подсчитал, что будет дешевле – профлист или доски, а после в две ходки привез на крыше своей старенькой кашляющей «четверки» нужное количество профлиста. Во время второго рейса разыгрался ветер, и Кузьмич боялся, как бы его металл не стал парусом и не прилетел кому сзади.

Забор он ставил с умом и основательно: заливал столбы бетоном, вкапывал раму для ворот, варил уголки для жесткости – словом, вкладывал душу. Когда все было готово, тщательно проверил, как закрывается дверь и надежен ли замок, смазал петли отработкой. И потом еще долго любовался на новую защиту от угроз, глядя в окно из дома, довольный, что у него получился такой ровный, блестящий со двора красавец-забор.

3

Олег с грохотом захлопнул за собой калитку и пошел в сторону парка. Оттуда доносился шум веселья. Олег проходил мимо заборов и не мог отделаться от мысли о родителях. Почему они не понимают столь простых вещей? Почему для них, переживших пустые полки магазинов, отключения света и воды на полгода (во всяком случае, по их рассказам), такой ценностью ка-

жется этот обман, длящийся уже две тысячи лет, и они так сильно его поддерживают? Родители, которые всегда говорили ему, что и как делать правильно, оказались не такими всезнающими, если не смогли разглядеть очевидных вещей и продолжают потворствовать этому мракобесию!

Он шел по старому асфальтированному тротуару. С одной стороны были заборы, а с другой – кривые ветки деревьев, чернеющие на фоне необычно светлого неба. Ветер шумел в листве, и, несмотря на отголоски музыки из парка, Олег чувствовал себя одиноко. Казалось, он один на всем свете, и от этого было немного страшно. Но когда он вышел на центральную аллею парка, единственную освещенную в темное время суток, все пугающие глупые мысли исчезли, и он с радостью поспешил к площадке.

Там, как всегда, было шумно. Портативные колонки звучали не хуже «Фендера», но в основном шумела не музыка, а люди. Они громко смеялись, перекидывались друг друга или просто кричали – ради веселья или от счастья. Олег аккуратно проходил через толпу и периодически спрашивал разрешения пройти, чего никто не слышал. Так он добрался до своей компании, где его встретили громкими приветствиями и объятиями.

Они пели песни. Гитару взял с собой Андрей, но играл на ней Митя. Вместе с Лизой, девушкой, что была с ними, спели несколько хитов «Сектора Газа». Потом долго смеялись, пили пиво. Успели поговорить еще о кинематографе новой волны, потом о кризисе в кино, о кризисе в изобразительном искусстве, кризисе в литературе, кризисе в музыке. Сошлись на том, что в музыке кризис самый неявный, но все равно он там есть.

После часа ночи площадка стала постепенно пустеть, молодежь обнималась на прощание и разбредалась по сторонам. И чем меньше становилось людей вокруг, тем громче был слышен стрекот сверчков, под конец уже приходилось перекидывать их, а не голоса и музыку. Но некоторые ребята даже не думали расходиться.

– Братья мои! – вдруг крикнул Андрей, забежав на сцену. – Я хочу сделать объявление. Внимание, внимание, пожалуйста! – И разговоры вокруг действительно стихли. – Сначала я хочу сказать вам всем спасибо – за то, что приходите сюда, за то, что мы приходим по вечерам сюда вместе с вами! Мы оживили это место! Спасибо вам!

Друзья звали Андрея спуститься, но его это не останавливало:

– Да все нормально со мной, че вы? Я хочу ска... Олег, дай сказать, отойди. Так вот, я хочу сказать, что мы сами делаем то, что нравится и нужно нам, без чьей бы то была... бы то ни... В общем, без помощи! Вот кто мне скажет, что здесь было до нас? А? Ну, смелее! – Андрей отбил от скромных приятелей и расхаживал по сцене.

– Дерьмо! – крикнул кто-то из толпы, и все засмеялись.

– Правильно. Дерьмо. Сплошное. А сейчас у нас есть место, где так хорошо собираться вместе. И это сделали мы! Вот этими вот руками.

Он задрал рукава и стал показывать свои руки, но зрители, похоже, уже теряли интерес к его речи.

– Ты че хотел сказать-то?

– Да погоди ты! Ща скажу. Сейчас у нас появилось такое место – и у музыкантов, и у художников, и у... спектаклей. Появилось место, где мы можем делиться частью себя с миром.

– Ну и что? – опять выкрикнули из толпы.

– Что-что! А завтра или послезавтра у тебя его отберут! Я что и хочу вам сказать, братья...

– Не брат ты мне! – процитировал кто-то известную реплику из фильма, и толпа засмеялась.

А Андрей улыбнулся и продолжил:

– Да без разницы... Только если мы ничего сейчас не сделаем, то через завтра, или через неделю, или через месяц...

– Или через год, да?

– Спасибо. Или через год тут будет стоять вместо нас с вами здоровенная каменная хреновина с куполами. А мы опять будем по дворам ныкаться. Вам хочется? Мне – нет. Поэтому давайте что-то делать!

Тут Андрей оборвал свою речь и быстро прыгнул со сцены. В черноте ночи он увидел мигающие красно-синие огни.

– Че, опять вызвали? – спросил он Олега.

– Не знаю, валим, валим!

Олег схватил Андрея за руку и потянул к выходу. Там уже образовалась толпа. При виде людей в форме какая-то девушка громко взвизгнула.

– Гражданка девушка, не кричите! Старший сержант Попов. Поступила жалоба на громкую музыку, прошу... Гхм... – Полицейский заговорил громче: – Прошу всех покинуть танцплощадку!

– А как же на танц... – простите – площадке без музыки, а? – выкрикнул вдруг Андрей и вышел вперед из толпы.

– Андрей, да куда ты? Простите, товарищ полицейский, – заволновалась Лиза.

– Старший сержант Попов.

– Да, товарищ старший сержант, как в песне прям... Простите, мы сейчас уходим уже.

– Подожди, Лиз. А что мне делать, если я хочу потанцевать? – Андрей скрестил руки на груди и подошел ближе к полицейским, так что стало видно его охмелевшее лицо.

– Хотите танцевать? Идите в специально отведенные для этого места. С двадцати трех ноль-ноль действует закон тишины, который всем надлежит соблюдать.

– То есть то, что хотят люди вон там, – Андрей показал в сторону домов, – важнее, чем то, что хотим мы вот здесь? Почему?

– Послушайте, а вам сколько лет, гражданин? Вы пили спиртное?

– А какая... – начал Андрей, но Олег, обняв его, потащил подальше от полицейских.

– Извините, мы уходим, – сказала им Лиза.

– И друга своего домой отведите. Или заберемя его к нам на ночь. Для профилактики.

– Не надо, не надо. Мы сами отведем его. Спасибо.

Патрульные еще несколько раз громко объявили: «Расходимся. Все по домам!» – и толпа быстро разошлась. По дороге домой Андрей жалел, что его остановили, говорил, что с «ними» надо не так, надо отстаивать свои права. Ребята соглашались и вели его под руки дальше. Возле подъезда Андрея все обнялись, а потом разошлись по домам.

4

– Теперь ты их вызвала? Че, мы сами не справимся? – спросил у жены Кузьмич.

– А то ты справлялся всегда! Эти же вообще ничего не боятся. Обматерят с ног до головы и еще на смартфоны свои снимут, чтоб потом в интернете глумиться.

– Интернете, Маш.

– Какая разница? Ну что за люди пошли?

– А это сейчас поколение такое. У них только гаджеты эти на уме, своей головой совсем не думают. Но полиция – это все равно последнее дело, Маш, такие дела всегда без них решались. Чтоб от тебя я такого больше не видел, ясно?

– Ой, да иди ты. Когда хочу – тогда и вызову! Я же как лучше делаю, у нас вся улица покоя от них не знает. А ты будто в первый раз видишь, как полиция сюда приезжает? И Петровы уже

сколько раз вызывали, и Малышевы, а они всё продолжают свои гулянья по ночам.

– Какая разница, кто там вызывал? Я говорю тебе, что не надо больше!

– Значит, буду просить, чтоб Любка Петрова вызывала, раз тебе так легче будет!

– Ну вот и проси!

Кузьмич с женой, лежа в постели, попрепирались еще немного, а потом отвернулись друг от друга и уснули.

От скуки Кузьмич примерно раз в неделю ходил на работу. Приходил к концу смены и играл с мужиками в карты. После этого они иногда шли в пивную, брали по литру и продолжали игру в парке.

– Кузьмич, вот ты не обижайся, но мне правда интересно. Ты уже год на пенсии, а все к нам ходишь. Тебе что, делать больше нечего?

– А ты, Витька, чем вопросы дурацкие задавать, лучше б за картой следил. На меня же ход открываешь. Видел же, что он бубей козырями крыл, на черта ты тогда ему пику кидаешь? У тебя же дама бубновая есть.

– Старый, тебя не жена, случаем, выгоняет? – Витя улыбнулся и легко похлопал Кузьмича по плечу.

За столько лет на заводе они и не такое говорили друг другу.

– Да тебя, дурака, в карты играть научить хочу.

– Да ладно, это же поддаюсь я, специально.

– Так вот и мне интересно, на хрена ты в моей команде поддаешься?! – Кузьмич с силой бросил на стол свою последнюю карту. – Ну все, я вышел.

Они взяли всего по пол-литра пива («Потому что среда», – строго сказал Витя) и пошли по парку. Плечистый, с загорелым лицом, Витя был на голову выше Кузьмича. Работницы завода дивились: как такого хорошего, работающего мужика до сих пор никто не заграбастал? И многие до сих пор ждали от него хоть самой малой активности, даже намека, а там бы уж с ним живо управились. Пока же он в свои тридцать пять так и ходил холостяком, привык к этому и не имел желания что-то менять.

– Слушай, старый, а ты в курсе, что у вас тут в парке церковь ставить будут?

– А как же, конечно, в курсе.

– Ну и что думаешь?

– А что тут думать? У меня эти малолетки с площадки уже в печенке сидят! Вчера опять менты их выгоняли. А так собираться перестанут – хоть тише будет.

– Ну, это, конечно, хорошо. Только я вот думаю, что лучше бы они поважней делами занялись. Ты же помнишь, цех у нас столярный загибался?

– Ну.

– Так вот, загнулся он почти, заказов нет, месяц мужики на пол-оклада сидели. А как вот раньше было: здесь заказов нет, зато у соседей нехватка, так мы для них делаем. Все лучше, чем закрывать все подряд. А как понадобится, кто заново открывать будет?

– В Китае закажут, – сказал Кузьмич, и оба засмеялись.

– Ну да, ну да. Так вот, мужики за голову когда взялись... мастера помнишь там? сутулый такой? Он, значит, узнал, что в районе церковь деревянную ставят, сам поехал туда и договорился на заказ, прикинь. Только так сейчас и можно, а директору нашему как будто все равно – есть работа, нет работы. Лишь бы сидеть ровно. Ты поэтому, Кузьмич, если хочешь эту шпану разогнать перед домом, ты тогда на месте не сиди. Обратись хоть куда-нибудь, что ли.

Пиво закончилось быстро, но, как Кузьмич ни уговаривал, за второй не пошли. Витя отправился домой, а дед еще долго сидел на облезшей скамейке.

«Красивое нынче бабье лето», – думал он, наблюдая за поблескивающими паутинками и сорванными, подхваченными ветром листьями. Во всей этой картине чувствовал Кузьмич спокойствие, тихую осеннюю безмятежность, и ему так не хотелось возвращаться домой.

Вот тут-то и пришла к нему смелая, неожиданная мысль...

5

Олег допивал облепиховый раф. Он сидел на мягкой подушке на подоконнике в кофейне.

Митя, тот, что играл ночью на гитаре, читал статью о протестах в мире и предлагал варианты Андрею:

– Смотри, прикольно, в Еврейском музее Берлина были «живые экспонаты, сидящие в стеклянных кубах».

– Митя, дорогой мой, кто нас туда пустит, скажи? Тем более кто тут из нас еврей?

– А зачем нас куда-то пускать? Мы вон и на улице можем, да даже в парке – вариант!

– И что толку? Ну, сидим мы в прозрачном кубе – а его еще поставить надо! – и что дальше? Кто вообще на нас внимание обратит?

– Ну, тогда ты предлагай, че ты на меня-то?

– Я думаю, а ты, чем чужие идеи тырить, лучше свои предлагай.

– Давайте нарядимся в рясы и пройдем по городу под, не знаю, песни «Рамштайна».

– Рясы найдешь?

– Не, а че я? Моя идея – вы ищите.

– А ты как всегда, Митюня: моя хата с краю. Настоящий такой, типичный россиянец. Я вот удивляюсь: как ты нас еще не заложил, а?

– Да пошел ты! – Митя кинул в Андрея подушкой.

– Эй, тише! Кофе разольешь!

– Ой, ребята, слушайте! А может, возьмем костюмы животных, у меня знакомый в ТЮЗе есть, а Митя вон охотником будет, типа, нас расстрелял! – предложила Лиза.

На несколько секунд все замолчали и стали переглядываться.

– Еще идеи? – сказал Андрей, и все захохотали.

– Неандертальцы! – обиделась Лиза. – А вы знаете, что в Дании уже открыли завод по переработке мусора полностью безотходный? Я читала. Пепел идет на удобрения, энергии от сгорания мусора хватает на обогрев целого района, сам завод построен в стиле органической архитектуры, с зеленой лужайкой на крыше. Вот где настоящая жизнь, вот где настоящие люди живут, которые заботятся о своем будущем! – Она вздохнула. – Не то что здесь...

До самого вечера они сидели в кофейне и обсуждали, как выразить протест, чтобы он стал заметным. За это время Лиза еще успела предложить надеть береты, собрать весь реквизит – мольберты, палитры, потом обмазаться искусственной кровью (ну, или кетчупом, если денег не хватит) и лечь перед администрацией, символизируя смерть художников в этом городе. Потом еще добавила деталь: чтобы человек в рясе ходил над убитыми художниками с кадилом и читал молитвы. Митя сказал на это, что столько камикадзе в одном месте не собиралось со Второй мировой, а потом предложил свой вариант: выложить презервативами слово «НЕТ», или «ВОРЫ», или «ИДИОТЫ». Ребята долго смеялись, но на вопрос, где выложить, Митя только развел руками.

– Ну хорошо, а где ты столько презиков возьмешь-то?

– Ну, тут нам придется постараться, – сказал Митя и приобнял Лизу.

– Дурак! – крикнула она и отсела подальше, а пацаны смеялись, чувствуя себя при этом крепким мужским братством.

Потом слово взял Олег. Он сказал, что нельзя терять время. Пока они придумывают акцию, люди должны узнать, что что-то готовится, нужно подогреть интерес. С этим все согласились, а Андрей предложил не изобретать велосипед, когда есть годами отработанные способы привлечения внимания – наружная реклама. Митя тут же придумал растянуть баннер «с челом в рясе и с головой коня». Но в итоге сошлись на том, что начнут с надписи на заборах и стенах: «ЗАЧЕМ БОГУ ЕЩЕ ОДИН ОСОБНЯК? ОН ВРОДЕ ЖИВЕТ В СЕРДЦЕ». Митя должен был писать строго только то, о чем условились, остальные же договорились между собой, что если придумают что-то получше – можно импровизировать.

Начать решили сегодня же поздней ночью, точнее под утро, когда патрули уже спят, а народ еще не проснулся. Разойтись по домам пришлось пораньше – чтобы выспаться, акция-то намечалась серьезная. Всеми овладело чувство большой цели; тревога от предстоящего испытания сменялась гордостью за будущее дело, дело не для себя, а ради общей пользы. Каждый понимал, что ему предстоит взвалить на себя тяжелую ношу борца за справедливость, и с этим трепетным огоньком внутри не терпелось начать поскорее.

6

– Тебе что, моча в голову ударила, старый? – намывая тарелки, говорила Мария Ивановна.

Ей самой было удивительно, как изменилась она с возрастом. В свое время свысока смотрела на «старух всяких», смеялась над их забывчивостью, обижалась на их брань и придирки и потому дала себе зарок: не превратиться в старуху. Она собиралась долго оставаться такой же веселой и приятной, как в молодости, а позже превратиться в добрую бабулю, что раздает правильные советы и леденцы и обращается к молодым не иначе как «сынок» или «дочка». Но вот уже сама сварливо выговаривает мужу и остановиться не может:

– Ты откуда слова такие взял: «нижеподписавшиеся», «близлежащих»? О, или вот: «Ссылаясь на недостаток полномочий...» Дед, ты заболел, что ли?

– Маш, ну что ты лезешь, а? Дай сюда. – Кузьмич выхватил бумаги у жены из рук и быстро засунул их в свою сумку, которую уже надел на плечо.

– А-а-а, так вот ты чем всю ночь занимался! А я-то думаю...

– Ну занимался, и что? Тебе жалко, что ли?

– Дед, при чем тут жалко? Тебе заняться нечем? Ну так занялся бы чем-то полезным. Вон в дровнике крыша течет, дверь входная у нас – уже сколько я тебе говорю, что скрипит? А ты все: «Не скрипит. Некогда. Сама помажь». Вот нечего делать – займись!

– Да у тебя, кроме дверей твоих да сарая, нет нужд никаких! Маша, пора уже о ком-то кроме себя подумать. Я полезное для общества дело хочу сделать. Да мне вся улица потом благодарна будет! А ты тут со своей дверью суешься.

– А обо мне кто подумает? А? Кто мне потом – соседи крышу чинить будут?

– Да сдалась тебе эта крыша! Ты же сама недавно, когда наряд вызывала, все о соседях говорила, что помогать надо.

– А ты не путай тут одно с другим. Вызывать – это одно, а ходить по домам с этой бумажкой своей – совсем другое. А люди о нас что подумают? И вообще, – продолжила она после паузы, – о семье своей нужно думать, а не бегать какие-то подписи по домам собирать! Хоть на старости лет, думала, ума добавится, так нет же – как дите малое! Да кому они вообще нужны, подписи твои?

– Нам всем они нужны, только ты пока этого не поняла! – сказал Кузьмич и закинул сумку с бумагой за спину.

Потом щелкнул взятой с собой шариковой ручкой, проверяя ее. Стержень вылез наружу, и это убедило его, что все в порядке. После этого он решительными шагами двинулся за подписями.

Впрочем, выйдя за забор, Кузьмич остановился, достал из сумки петицию и еще раз на всякий случай прочел ее:

Уважаемый Борис Игнатьевич!

Я, Таранов Анатолий Кузьмич, 1956 года рождения, проживающий по адресу: Парковый переулок, дом 7, и все жители Паркового переулка и близлежащих улиц, подписавшиеся ниже, настаиваем на том, чтобы подготовка к строительству и постройка нового сооружения на месте заброшенной сцены в ПКЮ им. Кирова были начаты как можно скорее. Это место давно превратилось в площадку для распития алкоголя, в том числе несовершеннолетними, и рассадник хулиганских, ненадежных элементов. Они шумят громкой музыкой, пристают к

прохожим, а иногда даже вламываются на придомовые участки с неизвестными целями.

Об этих инцидентах неоднократно сообщалось в полицию. Ссылаясь на недостаток полномочий, сотрудники полиции ограничивались разгоном собравшихся, чего было недостаточно для исправления ситуации. Мы считаем, что только ограждение и переустройство этой территории может предотвратить будущие преступления и, возможно, даже спасти чью-то жизнь, а также сохранить покой для жителей Паркового переулка и близлежащих улиц. Со своей стороны, коллектив жителей готов оказать посильную помощь в подготовке к строительству и последующих работах.

С уважением Таранов А. К.

Первым Кузьмич зашел к Ване, электрику. Тот был дома, как всегда улыбался, предложил чаю, хотя жена его явно дала понять, что не ждала гостей. Кузьмич, видя это, вежливо отказался. Он коротко рассказал, чего хочет, и Ваня, даже не дослушав, поставил свою фамилию и подпись. А вот жена отказалась, сказала, что хватит и мужа подписи, они же одна семья. И дед с этим согласился.

Перед его уходом Ваня сказал: «Нужен будет электрик – обращайся». А когда уже закрывал дверь, добавил: «Хорошее дело ты делаешь, Анатолий Кузьмич, всем бы в твои годы такую энергию». Похвалу Кузьмич любил, но только заслуженную, и от таких слов ему стало приятно на душе. Он понял, что пошел правильным путем.

Дальше он направился к Лехе, таксисту. Негромко постучал по забору и в ответ услышал ленивый собачий лай. Но никто не вышел. Он постучал сильнее, собака залаяла активнее, но по-прежнему никто не выходил. Тогда Кузьмич подумал, что лучше будет докричаться до соседа. «Леха! Леха!» – позвал он, собака ему ответила. Если бы Леха не вышел, так бы они и перекликались, потому что настроен дед был очень серьезно и не хотел пропустить ни одного дома. Заспанный таксист извинился, сказал, что после ночной смены не слышал стука, и позвал к себе. Во дворе на натянутых веревках сушились банные веники, и запах здесь стоял даже приятнее, чем в лесу.

– А веники не нужны? Недорого отдаю, – не навязчиво предложил Леха.

– Спасибо, но я не по веникам. Тут серьезное дело, слушай. – И Кузьмич рассказал Лехе о своей затее.

– Да разворуют же, Кузьмич! – сразу убежденно сказал Леха.

– Кто разворует? Мы не дадим! Тем более кто же с такого дела воровать будет?

– Будут, будут. У нас везде воруют. Вон недавно в парке у нас, на стоянке, шеф две фуры пригнал на время, не знаю, свои ли, чужие. Так они и два дня не простояли, как с одной соляру всю слили. Сторож спал, поди, или бухал, не знаю, но факт в том, что меня за солярой отправили, а у меня канистр же нет, вот и пришлось по всей стоянке искать.

– И как, нашел?

– Нашел, конечно, одолжил там на время. Потом вернул. Никто даже не заметил. А дело ты, конечно, хорошее предлагаешь, мне тоже эти тусовки вот уже где сидят. Только боюсь я, чтобы тут не развели они на десять лет стройку, пока не нахватаются! – Леха ненадолго задумался. – Ну ладно, давай, подпишу. Верить же в лучшее надо, правильно?

– И не только верить, Леш, делать тоже надо. Я вот дожил до годов своих и стал понимать это все.

Леха еще успел предложить деду зимнюю резину и жидкость – омыватель стекол, тоже недорого, но Кузьмич от всего отказался. Душистый запах березовых веников проводил его до забора.

До вечера он обошел всю улицу и собрал восемнадцать подписей. Почти все, у кого побывал, подписали его письмо. Все, кроме Лидии Михайловны, учителя русского языка на пенсии, хотя она была единственной, у кого Кузьмич остался на чай. Они долго разговаривали; Лидия Михайловна была очень рада рассказать про развал системы образования, про падение нравов и про то, что дети совсем перестали приезжать к ней погостить. А причина для отказа подписаться у нее была одна-единственная: ей не хотелось слушать колокольный звон «круглыми сутками». Перед тем как расстаться, она то ли в шутку, то ли всерьез пообещала, что, если начнут строить, сама пойдет с таким письмом, но уже против строительства.

Бывший главный инженер ЖилСтройИнвеста, к которому Кузьмич пришел следом, даже предложил взять в помощь своего «непутевого» сына, на что дед ответил, что пока справляется

сам. Вообще, те, кто знали Кузьмича, обычно удивлялись его затее, спрашивали, зачем он решил на такую авантюру, а иногда еще осторожно полупшепотом уточняли, не попросил ли кто его. В этом случае Кузьмич строго отвечал: «Я сам решил. Вдруг понял, что не могу больше сидеть сложа руки». Такой ответ всех устраивал и даже вызывал уважение к старику.

Давно Кузьмич так не уставал и одновременно не был так воодушевлен, как в этот вечер. С улыбкой и осознанием того, что начал нужное и правильное дело, он лег спать.

7

Сначала Олег честно пытался заснуть, но потом ему надоело то и дело тянуться к телефону, чтобы посмотреть время, и он переключился на ленту «Контакта».

Будильник в лежащем на груди телефоне зазвенел ровно в два тридцать. Зазвенел так громко, что Олег испугался, как бы не проснулся кто из домашних. Он быстро сунул телефон под подушку и на ощупь отключил звонок. В ночной тишине, пока он собирался и выходил из дома, вообще каждый производимый им звук казался невыносимо громким.

К месту сбора опаздывал только Митя. Раздраженный Андрей уже собирался начать без него, но наконец-то увидел темную фигуру, вальяжно шагавшую к ним. Вчетвером собравшись в кружок, они распределились по районам. Район, где жил Олег, достался Мите.

– Ты же знаешь, где я живу? – спросил у него Олег.

– Ну да.

– Адрес назови.

– Ну... Парковый переулок...

– Нет, Парковая улица, одиннадцать. Запомнил?

– Канеш, ты за кого меня держишь? Думаешь, я адрес забуду?

– Нет, Мить, я думаю, ты мне назло забор изгадишь и потом скажешь, что забыл адрес. Поэтому я подготовился. Иди сюда.

Олег достал стикеры с написанным адресом и приклеил их скотчем к баллонам с краской. Один остался, и его Олег протянул Мите:

– На, в карман положи, чтоб точно не забыть.

– Готово? – спросил Митя. – Теперь я точно твой забор не пропущу. Напишу там: «Продам девственность. Олег». Пойдет?

Все, кроме Олега, засмеялись, но быстро взяли себя в руки, особенно когда зашипел Андрей.

Перед тем как разойтись, вчетвером повторили жест мушкетеров.

— Если мы с вами больше не увидимся, — выскопарно произнес Андрей, — запомните меня гедонистом!

Олег и Лиза улыбнулись, а Митя не стал спрашивать, что это значит. Вскоре все разбежались по своим районам. Олег должен был работать в районе вокзала.

Большое здание железнодорожного вокзала стояло через пару кварталов от парка, с противоположной от Парковой улицы стороны. Чем ближе Олег подходил к вокзалу, тем громче был шум проходящих поездов, визг гудков и тем громче звучал голос диспетчера, но разборчивее от этого он не становился.

Площадь перед вокзалом и сама станция ночью освещались очень хорошо, остаться здесь незамеченным было невозможно. Но сразу после спуска с виадука начинался привокзальный район, где покосившиеся фонари уныло светили только через один. Это был район сталинских двухэтажек, навечно выкрашенных в желтый либо желто-розовый цвет, и двухэтажных бревенчатых барачков, из которых людей понемногу переселяли в новостройки.

Надвинув капюшон пониже, Олег быстрым шагом шел через освещенную площадь к виадуку.

Вдруг кто-то его окликнул:

— Молодой человек!

Олег сделал вид, что не слышит, и шел дальше. Но обращение к нему повторилось:

— Молодой человек с рюкзаком! Будьте добры, на минутку!

Он обернулся и увидел, что его подзывает человек в полицейской форме.

— Да, что такое? — с трудом сдерживая дрожь, отозвался Олег.

— Вы на электричку?

— Эм... Ну да.

— На три пятьдесят пять, да?

— Да.

— Пойдемте сюда.

Олег застыл и не мог ни ответить, ни пошевелиться.

— Пойдем сюда, говорю, не бойся.

С опаской, чуть не крадучись, Олег подошел к будке.

— Могу вас попросить передать? Вот. — Полицейский протянул ему пакет, пахнущий выпечкой. — Можете передать в третий вагон? Вас там встретят. Женщина такая, в очках, тол... Ну, пол-

ная такая будет. Зовут Лидия Федоровна. Она вот сейчас уже едет, в третьем вагоне, вы увидите. Четырехчасовая почти пустая туда едет, не пропустите.

Олег боялся, что из-за этого пакета не успеет сделать то, ради чего он не спал всю ночь. Но еще больше он боялся вызвать подозрение и вообще провалить дело.

— Ну хорошо. Я передам... А... — Он хотел спросить, во сколько прибывает электричка, но полицейский его перебил.

— А это себе возьмите, — сказал он, передавая Олегу сверток поменьше.

— Что это?

— А это тоже пирожки, вам перекусить. Спасибо.

— Да не за что. — Олег положил сверток в пакет.

— Не-не-не, это вам, это передавать не нужно. Положите в рюкзак.

— Да нет, я потом переложу, спасибо.

— А, ну хорошо, смотрите. Они правда очень вкусные. Тебя как звать?

— Меня? Меня Миша зовут.

— Очень приятно. Игорь. — Полицейский протянул Олегу руку. — Ты только, пока не передашь, не пробуй, а то не оторвешься! — Он улыбнулся. — Ну, давай, скоро уже прибывает.

С чувством облегчения, но и какой-то неловкости Олег зашел в фойе вокзала. На электронном табло он прочитал, что электричка прибывает в три пятьдесят на пятый путь. Стоянка пять минут, за это время ему нужно успеть передать пакет и не уехать в Кирпичовку.

Из светлого и теплого вокзала Олег спустился в холодный и сырой подземный переход к платформам. Стены здесь были расчерчены ржавчиной, вдоль одной стояло несколько ведер, которые ловили непонятно откуда взявшуюся воду. Диспетчер сделал скворчащее объявление о прибытии электрички. Олег выбежал на перрон и увидел, что вагоны не пронумерованы. Он заскочил в ближайший, но в нем не оказалось ни одного пассажира, только два кондуктора в серых мешковатых куртках стояли в проходе.

— Подскажите, а это какой вагон?

— Это четвертый. Ваш билет, молодой человек.

— А третий где?

— Молодой человек, ваш билет или проездной документ, — чуть громче сказала сонная, с усталыми глазами женщина.

— Да мне только передать, там в третьем вагоне женщина должна ехать, не видели?

— Кто-то ехал, давайте передавайте быстрее, мы через минуту отходим.

Олег развернулся и рванул в следующий вагон.

– Стой! Куда в пятый побежал? – крикнула кондукторша. – Третий в другой стороне!

Раздвижная дверь в третий вагон сошла с рельса и чуть не упала, когда Олег резко отодвинул ее. Ругаясь и крича, он вставил дверь на место, но время было упущено. В вагоне сидело три человека, и они с любопытством наблюдали за его суетливыми действиями. Одна девушка даже сняла наушники, чтобы не пропустить еще что-то интересное, но представление уже закончилось. Олег увидел сидящую у окна полную женщину в очках, с разноцветным ярким платком на голове.

– Извините, – подошел к ней Олег и вдруг понял, что забыл, как зовут адресата посылки. Вспомнил только отчество: Федоровна. – Вы же... Меня просили вам передать. Вам же?

– Что передать? А вы кто?

– Я Ол... Миша. От Игоря. Вам передать пакет нужно, правильно?

– А-а-а, – женщина сразу разулыбалась, – да-да. Мне звонил Игорь. Да вы садитесь, не стойте, сейчас поедем уже.

– Простите, но я спешу.

– Куда же вы в четыре ночи спешите, молодой человек?

– Да я, это...

В этот момент поезд тронулся, и Олег схватился за сиденье. 120

– Осторожнее, держитесь. Садитесь, молодой человек, нам теперь с вами как минимум до Фрунзе-1 ехать.

Олег послушно сел.

– Так куда же вы спешите?

– Да нет, никуда.

Этого ответа хватило, чтобы женщина переключилась на полученный презент. Засунув в пакет чуть ли не всю голову, она шумно вдохнула запах и пояснила, что этот пирог испекла ее золовка. Потом Олег узнал, что золовку зовут Снежана, ей пятьдесят, живет она в Москве, а когда приезжает погостить, женщина, имя которой Олег не запомнил, просит ее приготовить фирменный пирог с баклажанами. Дальше он узнал, что у Снежаны никогда не пригорает корка, а у этой женщины пригорает. Но вообще, после переезда в Москву золовка совсем изменилась, узналась...

И тут же, без перерыва, женщина спросила:

– А вы сами откуда? Местный?

– Да, местный, – тихо ответил Олег.

– А вы из какого района? Я двадцать восемь лет проработала в школе, у вас лицо очень знакомое.

– Из Заводского.

– Ну, нет, там я не преподавала. А в какой школе учились?

– Я-то?.. – Олег пытался вспомнить хотя бы одну школу из Заводского района. – В семнадцатой.

– Хорошая школа, я директора там знала, хороший был, золотой, знаете, человек. Год назад похоронили... Все хорошие люди потихоньку уходят. – Она глубоко вздохнула и посмотрела на черноту за окном. Потом спросила: – Михаил, а вы за новостями городскими следите?

– Ну, немного.

– Мне было бы очень интересно узнать, что молодежь сейчас думает по поводу реконструкции парка Кирова.

– А что тут думать? – вдруг устав играть, начал Олег. – Я и мои друзья совершенно не согласны с тем, что надо тратить бюджетные деньги на строительство еще одной церкви, которых уже полно. Там в пятистах метрах, на Дзержинского, стоит уже большая церковь – ну куда еще? Тем более когда это делается за счет единственного места в городе, где у творческой, активной молодежи есть открытая площадка.

– Миша, мне очень обидно, что такой приятный молодой человек, как вы, оказался на той, совсем потерявшей связь с историей стороне. Как же все-таки уже велико это влияние Запада на наших детей, раз даже такие, как вы, думающие молодые люди поддерживают эту русофобию!

– Да русофобия тут ни при чем!

– Ну, может быть, вы так считаете. А тем временем вами оттуда, как пешками, играет чужая рука. Я вам признаюсь, я одна из тех, кто выступил с этим проектом у мэра города, и он нас, кстати, очень поддержал тогда. Жаль, конечно, что вы так нехорошо думаете о церкви, а в парке Кирова, кстати, будет храм, причем восстанавливать его будут на историческом месте, то есть там, где он и должен быть. А вот площадка эта, насколько мне известно, используется для чего попало. Там и пьют по ночам, и выставки какие-то похабные проводят, там же и танцы, и наркотики, и все-все-все.

– Да откуда вы знаете? Вы хоть раз там были?

– Была, вы так не горячитесь, Миша. Была я там и видела: бутылки кругом, окурки, скамейки через одну стоят. И защищать такое место – это, уж простите меня, либо себя не уважать, либо откровенно поддерживать тех, кто желает нам зла. И вам в том числе, Миша, а вы их еще и поддерживаете.

– Я поддерживаю только тех, кого лично знаю! Никаких злодеев среди нас нет. Вот пока вы не узнали мое мнение, вы и меня считали хо-рошим человеком...

– Я и сейчас считаю, просто вы заблуди-лись...

– Это вы, вы совсем заблудились! Вы забы-ли, что среди всех этих храмов, Крымов и космо-сов у нас есть разбитые дороги, закрытые боль-ницы, школы, копеечные пенсии. А вам – таким, как вы, – на это наплевать, лишь бы новый храм золотом отделать и ходить там до посинения свечки ставить!

– Миша, постойте, вы сейчас разные вещи смешиваете. Вот если у вас отключили отопле-ние, разве это повод разводить костер в кварти-ре и сжигать всю мебель?

– Какое отопление? О чем вы? Мне даже го-ворить с вами не о чем. За столько лет это мра-кобесие у вас уже в крови, вот только с нами вам сложнее будет. Мы теперь открыты всем, мы ви-дим, что происходит в мире и что у нас, и мы видим разницу.

– А вы хоть раз были за границей, Миша?

– Был!

– Где вы были?

– Неважно. Сейчас есть такая вещь – интер-нет и, чтобы увидеть разницу, хватает и этого, поверьте. А теперь простите, моя остановка. Мне еще много нужно сделать, чтобы не дать вам опять запудрить нам мозги! До свидания!

Олег спрыгнул на мокрый перрон, взбешен-ный и полный желания как можно быстрее из-менить мир. Ему бы хотелось продолжить этот разговор, доказать свою правоту, но домой нуж-но было вернуться, пока родители спят.

Фонари уже отключили, и он шел по улицам в холодных сумерках. Проходил насквозь похо-жие друг на друга дворы. И что-то в этих дворах казалось ему жутким. Их пустота. От холода тряслись губы, и Олег уже не думал ни о разго-воре с женщиной в электричке, ни о своем за-дании, а хотел только поскорее добраться до-мой, в тепло, к свету лампы.

Он побежал сначала трусцой, потом бы-стрее. Глотал холодный воздух и сплевывал за-густевшую слюну. Солнце еще не взошло, но не-бо уже светлело, слегка голубое, больше белое, оно после ночной темноты стало излучать столь-ко радости и надежды, что Олег ощутил что-то сродни счастью. Он чувствовал, что все заботы, горести, обиды, споры, глупые люди и затеи –

позади, далеко от этой секунды, и можно просто бежать на свет и глотать свежий утренний воз-дух, и это самая настоящая, самая естественная свобода!

Он пробежал парк, не встретив никого. На часах было пять тридцать. Уже загорался свет в окнах многоэтажек. Добежав до Парковой, он остановился, вглядываясь вперед. До самого конца улицы по одну сторону стояли темные де-ревья, а по другую тянулись разноцветные, из разных материалов, разной высоты заборы. И Олег снова вспомнил про парк, про свое зада-ние, про свою борьбу, про оголтелую женщину из электрички. И счастье ушло...

Он подошел к ближайшему забору, осмо-трелся по сторонам, поставил рюкзак на землю и достал из него баллон с краской.

«НЕ ЗАБИРАЙТЕ НАШЕ СЧАСТЬЕ!!!» – зер-нистыми буквами осталось чернеть на серебри-стом заборе, когда Олег рванул по ухабистой Парковой улице домой.

8

Кузьмич проснулся в хорошем настроении. Ему снилось, что он молодой, даже мальчик еще, и они с дедом косят сено. Синее небо, зе-леная трава, он собирал землянику и ловил куз-нечиков. А потом они с дедом пили квас. Кузьмич был очень рад увидеть своего деда, тем более сейчас, когда уже начал забывать, как тот вы-глядел.

На Парковой улице он собрал все подписи, что мог. Сегодня по плану была улица Восьмого Марта и еще Розы Люксембург, если успеет. Ма-рия Ивановна уже не бранила мужа, ей стало нравиться, что он наконец нашел себе занятие: все лучше, чем просиживать перед телевизором или заливать пивом. Когда дед выходил, она даже почувствовала гордость за него, за его большое дело.

– «Не за-би-рай-те на-ше счас-тье!» – вслух прочел Кузьмич. – Это еще что за хреновина?

Он огляделся, хотя понимал, что тот, кто это сделал, уже давно далеко. Какое-то время дед еще постоял и подумал, что делать дальше: за-крашивать забор или пойти собирать подписи? Решил все-таки пойти за подписями и заодно по-спрашивать: не видел ли кто чего?

Улица Восьмого Марта почти не отличалась от Парковой – тоже уже обзавелась разномаст-ными высокими заборами. Но на этой улице Кузьмича встречали уже не так радостно и не так

охотно звали на чай, что деду было немного обидно. Да и знал его тут не каждый. Тем не менее еще пять человек поставили под его обращением свои подписи.

Дед уже собирался домой, на обед, как в старые времена, но перед этим решил заглянуть еще в один дом. На деревянном заборе у которого он увидел похожую надпись краской из баллончика: «Не отдавай парк ворам!», только здесь внизу была еще и подпись: «Индифферентный протест». Слово «индифферентный» Кузьмич прочитал по слогам, потом добавил: «Дебилы малолетние» – и постучал по забору. Калитка была открыта, и он, не дожидаясь ответа, зашел во двор.

Двор был небольшой, но очень ухоженный. Дорожка к дому, выложенная из камней, обрамлялась белыми бордюрами, под окнами ровно высажены цветы, сбоку к дому примыкал гараж со свежевыкрашенными металлическими дверьми.

«Наверное, немцы», – подумал Кузьмич. Но отчего тогда такой контраст между наспех поставленным деревянным забором снаружи и всем обустройством и аккуратностью двора внутри?

– А ну, стоять! Ты кто такой? Чего надо? – Из дома вышел мужчина в камуфляжной майке и с

двустволкой наперевес.

– Мужик, ты чего? Я сосед твой, спросить про надписи на заборе пришел.

– А чего тут спрашивать?

– Мне сегодня тоже написали, вот я и хотел

узнать: не видел ли кого? Кто мог сделать?

– Ты на какой улице живешь?

– На Парковой.

– Гм, заходи! – скомандовал хозяин.

Они вошли в дом.

– Только обувь на улицу!

Это было сказано очень строго, и Кузьмич выставил свои ботинки за порог. Они сели в кресла перед круглым журнальным столиком. Кузьмич успел мельком изучить окружающую обстановку: в мойке груда посуды, на полу сор, а по всему дому расставлено множество горшков с цветами, причем некоторые уже начали желтеть.

– Цветы любите?

– Жена.

– Что жена?

– Жена. Любит. А у меня от них в глазах. Рябит.

– А где она?

Хозяин не ответил, начал рассказывать:

– Сегодня ночью, часа в четыре, слышу – ходит кто-то у забора. Думаю – опять наркоманы. С весны я их отучил закладки тут свои искать. Значит, либо новые, либо те же, осмелевшие. Соли дуплет зарядил – и к нему. Гаденыш ушастый попался, я когда калитку открыл, он уже метров на двести ушел, а у ИЖ-39, начиная с пятидесяти метров, прицельная планка закрывает обзор. Утром вышел – весь забор, сука, расписал! Оказывается, это не наркоман, а художник хренов был. Тебя как звать?

– Толя.

– Женя. – Хозяин протянул Кузьмичу широкую ладонь. И сразу продолжил: – Толя, а вот ты в курсе, что после того, как американцы вошли в Афганистан, производство опиумного мака увеличилось там на три тысячи двести процентов? Три тыщи двести! И это официальные цифры ООН!

– Это наркотики, что ли?

– Это – героин. Вот и идет эта гадость от них сюда к нам. А потом мразь эта обколотая детей насилует!.. Ах да, ты про жену спрашивал? Женя давно уже нет, – Женя глубоко вздохнул, – цветы вот только свои оставила. Я их, бывает, даже поливать забываю, а все стоят.

– Соболезную...

– Да ты че, сосед?! На даче она, неделю уже там колупается. А толку-то, картошку все равно покупать будем! Значит, так, Толя. Говоришь, ты с Парковой улицы?

– Ну да.

– Пойдем, кое-что покажу.

Хозяин отвернул край ковра в кухне, там в полу был вырезан квадратный люк. Женя потянул за блестящее медное кольцо и поднял крышку.

Коротко распорядился:

– Спускайся!

Высота погреба позволяла даже выпрямиться в полный рост. На аккуратных полках стояли банки с соленьями и вареньем, лежали сетки с картошкой и высыпанный лук. А еще были какие-то канистры и бочки.

– Это стратегический запас, – гордо заявил хозяин, – на случай войны. А теперь пошли, еще что-то покажу.

Они вылезли из погреба, и Женя достал откуда-то пустой баллончик. На него была наклеена бумажка с надписью: «Парковая улица, дом 11. Бетонный забор».

– Смотри, что этот дебил оставил. Я поражаюсь, как за двадцать лет на этой американской

херне, на мультиках их дурацких, на этих фильмах, игрушках не нормальные люди выросли, а идиоты настоящие. Ну ты себя вспомни, ну вот ты подписывал бы баллон с краской? Это уму непостижимо просто. Убили нацию!

Кузьмич засиделся на добрых пару часов. За неделю без жены Женя соскучился по разговорам, хотя в данном случае был уже не разговор, а длинный монолог. Он рассказывал об отрицательном влиянии видеоигр на формирование собственного мышления у детей, о том, что неограниченный доступ к информации в интернете обесценивает ее, о том, что снижение рождаемости напрямую связано с ростом благосостояния и увеличением разделения труда. Оказалось, что он отставной военный. Вышел на пенсию полгода назад, решил отдохнуть с семьей немного. И вот неделю назад – уже отдохнуть от него – жена уехала на дачу, а дочка – в общагу...

Своей военной прямоотой и напористостью Женя даже располагал к себе, и Кузьмич не особо сопротивлялся его обработке. Да и торопиться ему было некуда. Перед уходом он забрал пустой баллон с адресом и теперь направился прямо к указанному дому. К дому бывшего главного инженера.

9

Первую пару Олег проспал дома, вторую – в универе и только к третьей более-менее пришел в себя. Основы черчения и проектирования – один из тех предметов первого курса, которые давались Олегу хорошо. С чертежом «земляного полотна на разных типах грунтов» он справился за полпары, препод похвалил его и отпустил домой. Олег пошел в кофейню.

Кофейня «В любое время» открылась недавно, но уже привлекала молодежи больше, чем маленькое «Антикафе» напротив. Теперь появилось четкое разделение: кому важнее было поговорить, продолжали собираться в «Антикафе» и выглядели еще страннее, чем раньше; остальные переключались во «В любое время».

У входа Олег столкнулся с девушкой. Она чуть не пролила кофе. Девушка сладко пахла цветами или ягодами, и Олег подбирал слова, уставившись на нее.

– А можно с вами познакомиться? – неожиданно начал он.

– Может, хоть извинишься сначала? – сказала девушка, держа подставку с двумя бумажными стаканами кофе, по которым стекали маленькие темные капли.

– Извини.

Они стояли на крыльце, заслоняя собой вход.

Вдруг кто-то, пытавшийся выйти, приоткрыл дверь:

– Ну, вы или туда, или сюда. Определяйтесь! Девушка отшагнула в сторону.

– Ненормальный, – сказала она, резко развернулась и ушла.

Олег так и не понял, в чем дело, пожал плечами и зашел внутрь. Зал был полупустой. Почти все столики свободны, из-за этого Олегу стало как-то неуютно, неловко. Занят был только тот, что у стойки, там парень с девушкой обсуждали новое интервью Дудя*. Но в дальнем углу, на любимом месте, уже сидели Митя, Лиза и Андрей. Олег видел их, однако не спешил подходить, он не хотел рассказывать о вчерашней ночи и о том, что облажался с разрисовкой заборов. Лиза сидела, опираясь спиной на окно, и, когда заметила Олега у кассы, энергично замала руками, подзывая к себе.

– Ты вовремя, как раз Лиза рассказывает, – сказал Андрей подошедшему Олегу. – Садись быстрее, сейчас самое интересное начнется. Продолжай, Лиз.

– Спасибо, Андрей, что бы я делала без тебя? Я продолжу, да? В общем, рисовала я стрелочки эти от самой остановки и до...

– Подожди, что за стрелочки? Ты Олегу-то расскажи. Да, Олег?

Олег в это время громко всасывал облепиховый раф через трубочку и не реагировал.

– Олег! – повторил Андрей. – Ты с нами?

– Да-да. Я слушаю.

– Че ты такой серьезный? Давай-ка нарисуй тебе...

Митя не успел договорить, потому что его перебила Лиза:

– Так, вы слушать будете? Помолчите пока. Повторяю для тех, кто не слышал. Пока я вчера шла к своим заборам, все время смотрела под ноги, светила фонариком и смотрела. И поняла, что заборы, стены и так далее – это то, что мы замечаем. А почему? Потому, что это нам мешает. Мешает пройти, мешает проехать, преграждает путь, короче. А вот то, на что мы внимания не обращаем, – чаще всего это то, что нам не мешает. Я вот, пока шла, все время смотрела под ноги – потому что не видно дороги, потому

* Юрий Дудь – журналист, видеоблогер. 15 апреля 2022 года Минюст РФ внес его в реестр СМИ – иностранных агентов.

что там может быть яма, лужа или что-то еще, что мне не даст пройти дальше. И мне приходилось обращать внимание на то, на что я да и все мы чаще всего внимания не обращаем. И тогда меня осенило! Я поняла, что должна оставить свое послание не на заборе, а на асфальте. Я нарисовала стрелками путь от нескольких останков до площади этой, ну, центральной в парке, а на брусчатке написала: «Надоело, что уже 2000 лет сравнивают с овцами? Присоединяйся». И хештег: «жизньпарку».

– Лизок, слушай, ну ты нас всех переплунула! – сказал Андрей, подсел к девушке и приобнял ее. – С такой любовью к асфальту еще никто не относился.

Все засмеялись, а Лиза только улыбнулась и заметила: «Дурак».

– Теперь вы, пацаны. Рассказывайте, че делали?

Митя рассказал, как возле одного из домов его чуть не застучали, как он успел убежать, а обернувшись, увидел силуэт с ружьем. Зная Митю, ему не особо поверили, но остроту опасности дела, которое они начали, ощутил каждый. Потом подошла очередь Олега. Он долго отшучивался, потом говорил, что ничего не сделал, и ребята думали, что он и тут шутит.

– Я правда почти ничего не написал. Рассказывать долго, да на самом деле я и сам сейчас понимаю, что это хрень какая-то. В общем, я уехал на ночной электричке от вокзала до Фрунзе-1, а оттуда бежал домой.

– «Он уехал прочь на ночной электричке», – пропел Митя.

– Ага. Добежал я до парка, а на улице уже светает, народ появился. Ну, и я только на одном заборе, и то по своей улице, написал. И все. В общем, так.

– Ну а что написал-то? – спросила Лиза.

– Я написал: «Не забирайте наше счастье».

– Круто. Так лаконично и в то же время так понятно. Очень крутой лозунг, надо его запомнить, – похвалила Лиза.

– А по-моему, можно уже начинать мерч с таким лозунгом продавать. Потенциал есть, – сказал Андрей и продолжил грызть зубочистку.

– Скажешь тоже! Мы это не ради денег делаем! – возмутилась Лиза.

– А может быть, в этом и проблема? – спросил Андрей.

– Что ты хочешь сказать?

– Ну, я не про тебя сейчас, а в целом, про людей. У нас же много кто не ради денег работает. Вот сейчас посади сюда двух человек (по-моему, даже где-то такой эксперимент проводили), не знаю, там среднестатистического учителя и, например, владельца этого «Антикафе», и кто счастливее будет? Ясно, что не учитель, если, конечно, он откровенно будет с тобой говорить. Ты наших преподав вспомни – вот кто точно не ради денег работает. Это здорово, благородно, но так тупо, если подумать. Где тогда вообще брать деньги?

Фраза явно задела Лизу. Она нахмурила брови и горячо бросилась доказывать, что не в деньгах вообще счастье и неважно, кто и сколько зарабатывает. Важно совсем другое. А счастье – в заботе о близких, в справедливости и свободе.

С этим спорить никто не стал. На том и порешили.

В кофейне просидели до самых фонарей. Расплатились по дружбе – кому сколько не жалко (больше всех не жалко было Лизе), а потом спокойно разошлись по домам. Результаты их ночной вылазки отслеживать было еще рано, а завтра всем нужно было на пары.

На крыльце своего дома Олег увидел чьи-то чужие запачканные ботинки.

«Что еще за гости? – подумал он. – Неужели меня кто-то видел ночью?» Он в нерешительности стоял на пороге, пока мама не увидела его в окно.

– А ты чего стоишь? Заходи давай, у отца с тобой серьезный разговор, – сказала она, открыв дверь.

От слов про серьезный разговор Олег занервничал. Пройдя в зал, он увидел отца, сидящего в своем кресле, а рядом пожилого мужчину с их улицы.

– А, Олег. Садись с нами, я хочу у тебя кое-что спросить.

– Да, что такое?

– Олег, скажи мне еще раз, как ты и твои друзья, гхм, по творчеству, – слово «творчеству» отец произнес медленно, будто сомневаясь, подходящее ли оно, – как вы восприняли новость о строительстве храма?

– Ну как, не очень.

– Что значит «не очень»? Насколько это серьезно их задело?

– Ну, – Олег старался как можно внимательнее подбирать слова, – это всем не понравилось.

– А почему, не расскажешь нам?
– Вы же всё знаете, зачем повторяться? А в чем дело?

– Ах, ну да, ты же говорил. А не слышал ты, чтобы кто-то из твоих друзей собирался сделать что-нибудь по этому случаю?

– А к чему эти вопросы? Не понимаю! Меня в чем-то подозревают?

– А что ты мог натворить?

– Ничего, я же ночью дома был.

– А почему ты решил, что вообще что-то произошло ночью?

– Пап, хватит детектива строить! – Олег понял, что все-таки сболтнул лишнее. И согласно принципам ораторского мастерства, ухваченным в каком-то ролик по харизме, чтобы перевести диалог, задал вопрос: – Говори уже, что случилось?

– Вчера ночью какие-то... отморозки разукрасили несколько заборов по Парковой и дальше вглубь. Вот Анатолию Кузьмичу тоже досталось.

– А что написали? – спросил Олег.

– А написали: «Не забирайте наше счастье», – не выдержал и вступил в разговор Кузьмич. – Нет, ну какое счастье, я говорю? Пить с утра до ночи и вот эти поделки свои показывать друг другу? Они же напьются, а потом еще и к людям в дома лезут. И ко мне сколько раз заходили. Это же ужас!

– И вы думаете, что это я, что ли, сделал?

– А ты что так занервничал? – спросил Олега Кузьмич.

– Никто на тебя не думает, Олег, – вмешался отец. – Но раз ты в этой среде варишься, то наверняка что-то слышал.

– Ничего я не слышал. Это все? Я пошел.

– Нет, не пошел! – Голос инженера зазвучал повелительно. – То, что ты не выдаешь тех вандалов, говорит о том, что ты их знаешь. Это, конечно, глупо, ведь они делают подлость, но хотя бы мужественно. А вот забор закрасить все равно кому-то нужно. Не им, так тебе. Поэтому завтра ты пойдешь помогать Анатолию Кузьмичу закрашивать то, что ваша компания там понаписала. Все понятно?

– Понятно, – не стал возражать Олег.

Несправедливо будет, если из-за забора Кузьмича пострадает кто-то другой. Поэтому он молча ушел в свою комнату.

10

– А ты тоже там, что ли, бываешь? – начал разговор Кузьмич, разводя серую краску для забора.

– Да я никого там не знаю, изредка только, когда делать нечего, хожу туда, – удивительно для себя легко соврал Олег.

– А вот ты мне тогда скажи, до сих пор не пойму: какого вы там нашли? Мы в ваши годы ходили на хоккей, в театр, на концерты ходили, в кино, даже на дискотеки, в конце концов! А вы... Ну, понимаю, что полезное бы там было или хотя бы интересное, а так... Ну вот чем вы там занимаетесь, когда собираетесь?

– Ничем.

– Пьете вы! Че я вас, не знаю?

– По себе судите? – спросил Олег и сам испугался своей дерзости.

– Это потому, что ты трудом не воспитывался, так себе позволяешь говорить. А вот попал бы ты в армию – там быстро правильный язык развивается.

Молчание продолжилось. Дед развел краску, достал два валика и одну большую кювету. Потом дал Олегу деревянный черенок и сказал: «Насаживай».

Олег покрутил его в руках. Ручка у валика была уже старая, заляпанная краской, но губка новая. Он засунул заостренный конец черенка в полую ручку, но та держалась некрепко, болталась.

– Красить умеешь? – спросил Кузьмич.

– Не знаю.

– Че не знаю? Ты либо умеешь, либо нет. Как можно не знать?

– Я же не пробовал, откуда я могу знать?

– Ну так пробуй!

Олег окунул валик в кювету целиком, тот напился краской и стал тяжелым. Кузьмич предусмотрительно сделал пару шагов назад.

Оставляя след из капель на земле, Олег смачно вlepил валик в забор, потом покатыл его вверх. С краев валика, не так плотно прижатых к забору, как середина, в него полетели холодные капли краски. Олег злился, но думал, что так и должно быть. А когда он повел валик вниз, тот слетел с черенка и упал на землю.

– Да кто ж так делает?! – взвился Кузьмич. – Так и говорил бы: не умею. Вам только кнопки нажимать, больше ни черта не можете. А мать твоя говорила еще, что художник. Тоже мне, художник! Еще и валик весь в земле. Давай убирай теперь, а то крошки на заборе все будут!

Олег взял валик и стал брезгливо смахивать с него черную землю.

– Все? – спросил Кузьмич. – Теперь смотри: краски берешь немного, чтоб не брызгало. Если взял много, раскатай тут, а то все на тебя полетит. Ведешь сверху вниз, а потом уже это раскатываешь. Вопросы?

Олег вяло помотал головой.

– Ну вот и хорошо. Забор должен быть однообразный по цвету. Был коричневый, теперь будет серый. Потому что коричневой краски на заводе не было... – сказал Кузьмич и рассмеялся. – Шучу, конечно. Просто коричневую не пронес! – Теперь он расхохотался уже во весь голос.

Олег тоже улыбнулся, но больше от высокомерия, потому что шутка показалась ему совсем не смешной.

– А теперь возьми вот этот саморез и вкрути его в дырку на ручке.

– А чем вкрутить-то?

– А ты смекалку включи. Смекалка – главное оружие русского человека. Вот ты русский человек?

– Пока да, – сквозь зубы процедил Олег.

– Что значит «пока»? Ты раз и навсегда стал русским человеком, когда здесь родился, хочешь того или нет. На шуруповерт, вкручивай.

Олег взял шуруповерт и стал неуклюже прицеливаться. Ему повезло, что к магнитной бите шляпка самореза прилипла сразу, оставалось попасть в крестовину. Олег надавил на пуск. Шуруповерт зажужжал, саморез закрутился, но никак не входил в черенок.

– Че он не вкручивается-то?! – вдруг громко, как первоклассник, спросил Олег.

– Ты, во-первых, дави хоть немного на саморез, – посоветовал Кузьмич.

Олег надавил так, что саморез вылетел в сторону, а бита шуруповерта разодрала палец в кровь.

– Твою мать!

– Вот тебе второй урок: посмотри, в какую сторону шурупер крутит.

– Как в какую? Откуда я знаю? – огрызнулся Олег и приложил палец к языку.

Кровь на вкус была соленая и металлическая.

– Ну, он может закручивать, это по часовой, а может раскручивать, это против. Нажми. Сейчас он куда крутит?

– Он быстро крутит.

– А ты послабже на кнопку дави.

– Против.

– Ну а что ты тогда хотел? Ты же раскручивал. Ты б его никогда не закрутил.

– И что дальше?

– Видишь, на рукоятке еще одна кнопка? Нажми ее, и ты поменяешь направление.

Олег все-таки вкрутил саморез в черенок. С трудом и криво, но все же.

– Ладно, боец, пока начинай красить, а я пойду пластырь поищу. Задача ясна? – спросил Кузьмич.

– Ага.

– Не ага, а так точно! Вопросы есть?

– Не-а, – уже назло продолжил Олег.

– Ну вот и хорошо. Ты начинай, я сейчас вернусь.

Вяло и нехотя Олег водил валиком по забору и думал: «Не нарисовать ли чего теперь, когда есть целое ведро краски?»

Металлические листы, из которых был составлен забор, оказались с бороздками, и Олегу приходилось надавливать на валик или водить несколько раз по одному месту, чтобы закрасить коричневую краску. Казалось, старика нет уже целую вечность. Олег хотел хотя бы узнать время, но вымазанными в краске руками доставать телефон не стал. Зато заметил несколько кистей, лежавших рядом с ведрами, и в нем проснулся художник.

126

Жены не было дома, и Кузьмичу пришлось самому искать пластырь. Он пошарил на полке в шкафчике, стоявшем в прихожей, куда бросали всякое барахло, вроде садовых перчаток и батареек. Потом порылся в шкафчиках на кухне, в гостиной, так и дошел до спальни. Полки в спальне были исключительно собственностью жены, поэтому он искал поначалу очень бережно, аккуратно перекладывая и отодвигая то, что было внутри. Но полок в большом шкафу с зеркальными дверцами было много, и Кузьмич, ворча под нос, шарил в них уже как придется. Аптечка нашлась в прикроватной тумбочке, а в ней целый рулон лейкопластыря. Успокоившись, Кузьмич не торопясь пошел на улицу к Олегу.

К тому моменту, как дед вернулся с пластырем, Олег уже забыл про свою рану, с головой уйдя в работу. Он даже не заметил, как за спиной появился Кузьмич. Сейчас он был полностью увлечен красками. Тонкой кисточкой Олег проводил линию за линией. Точные и ровные, они на глазах оживали, превращаясь из хаотичных полосок в яркий и узнаваемый силуэт. Кузьмич молча стоял сзади и улыбался.

Олег, обернувшись, вздрогнул:

– Ну вы меня напугали! Вы давно тут стоите?

– Немного. Все-таки не обманула твоя мама насчет художника, да?

Олег улыбнулся:

– Я просто увидел кисточки и решил немного украсить, а то совсем не очень было.

Он отошел на пару шагов и взглянул на то, что получилось: в пустоте парил космонавт, кислородная трубка как пуповина соединяла его с Землей, а из разбрызнутых валиком точек получились сверкающие звезды.

– Я пока не закончил. Пойдет? – Олег ждал ответа, а дед задумался. – Или брать валик?

– Так тут, наверно, еще зеленая и голубая нужны...

– А даже... – Олег чуть не сказал, что удобнее будет баллончиком, но вовремя остановился. – Даже желтой немного не помешает.

Кузьмич принес все банки с краской, что у него были, даже те, где краска засохла. Потом Олег попросил у него губку для мытья посуды и газету, ими он хотел придать текстуру. Но капельки краски быстро сливались друг с другом, и получался сплошной слой. Олег ждал, пока верхний слой схватится, и добавлял мелкие детали вручную, чтобы немного оживить Землю. Кузьмич замочил валики в растворителе и предложил Олегу кювету использовать как палитру.

Незаметно наступил вечер. Люди возвращались с работы, и среди них не было ни одного, кто не обратил бы внимания на работу Олега. Интересовало в основном три вопроса. Все ли у Кузьмича в порядке? Сколько стоит? И почему космонавт? Но были и необычные. Например, Леха, проходя мимо, спросил, не собирается ли Кузьмич открывать галерею и не нужна ли ему краска – подешевле, конечно. Тот ответил, что пока нет.

К тому моменту, как они закончили, небо осветилось последним на сегодня ярко-алым светом, подогревая кремовые, с красноватым отливом облака, а с другой стороны уже загорался полумесяц луны.

– Смотри, у нас Земля потекла, – сказал дед. – Надо было баллончиком. Да ладно.

– Не, я сейчас затру. – Олег взял губку с растворителем и убрал потек.

– Слушай, ну хорошо все равно получилось.

– Да, для первого раза даже очень неплохо. У меня не всегда на холсте так легко получалось.

– Ну вот, а ты говорил, что не рисуешь на заборах. Можешь сегодня отцу сказать, что теперь рисуешь.

Они посмеялись. Олег, отказавшись от чая, тепло попрощался с дедом и, насвистывая, пошел по Парковой улице домой.

11

Следующим вечером кто-то постучал прямо в окно Кузьмичу. Стучали настойчиво и сильно, казалось, вот-вот стекло треснет. Кузьмич взял кочергу и со словами: «Иду я! Хорош тарабанишь!» – пошел открывать.

За дверью никого не оказалось. Кузьмич высунул на улицу голову и осмотрелся. Тоже никого.

– Эй! Кто здесь? – крикнул он и вышел за порог.

Послышался хруст шагов, и дед вспотевшей рукой крепче сжал кочергу.

– Здорово, сосед! Ты че, кочергой меня хотел?

– Да я, это... Мало ли? – Кузьмич пожал плечами.

Только сейчас он узнал соседа с улицы Восьмого Марта, у которого был в гостях и который дал ему брошенный баллон с адресом. Кажется, Женя. Да, точно, Женя.

– Ну да, в наше время... Я еще утром хотел зайти, да думаю, спишь. На забор твой засмотрелся. Это что за Джоконда в космосе?

– Какой там... – начал Кузьмич, но его перебила жена:

– А что вы на проходе? Давайте заходите в дом. Заходите, заходите. – Она чуть не за руку повела гостя в дом.

Несмотря на протесты хозяйки, Женя разулся и оставил ботинки в узкой прихожей, заставленной банками с соленьями.

Далее следовала кочегарка, дверь в нее распахнулась, и Мария Ивановна, идущая первой, с трудом ее открыла, в оправдание пояснив:

– Я деду уже который год говорю: поменяй дверь. Да от него не дожدهшься же!

– Маша, не сейчас, – остановил ее Кузьмич.

Они вошли в зал. Под узорным ковром скрипели доски пола. У окна стоял стол, вдоль одной стены – недавно перетянутый диван и кресла, а напротив – польская стенка из цельного дерева, купленная по большому блату, с телевизором в центре. Пока доходил чайник, хозяйка расспрашивала гостя обо всем. Женя рассказал, что живут они здесь только первое лето, раньше дом принадлежал бабке жены. Та всю жизнь отпахала на железке и наравне с мужиками укладывала рельсы БАМа. И померла она из-за врачей нынешних, а вовсе не от старости... Тут все трое признали, что таких людей («стержневых», как выразился гость) нынче почти не осталось.

– А вы к нам по делу или так, в гости просто заскочили? – наконец поинтересовалась хозяйка.

– А я как гонорея – никогда не бываю «просто так», – сказал Женя и зычно засмеялся. – Я Кузьмичу – можно же, да, по батюшке? – Я Кузьмичу у себя на заборе показал, с позволения сказать, художества, а сегодня прохожу мимо – смотрю, у Кузьмича все чинно, со вкусом и никаких надписей как не было. Только бесстрашный русский космонавт с высоты смотрит на нашу необъятную родину и блюдет ее покой!

– А мне вот сначала не понравилось, вырви глаз просто, но сегодня уже начинает нравиться. Всяко лучше, чем каракули этих дебилов малолетних! – сказала хозяйка, ставя перед гостем кружку с чаем.

Чуть-чуть при этом пролилось, и кружка оказалась в лужице.

– Ой, извините! – смутилась женщина, но гость ее успокоил.

– Да ничего, я тоже весь на нервах после этих маляров! – великодушно сказал он. – Слушайте, а чай какой гарный у вас! Травяной какой-то?

– А это наш иван-чай, краснодарский. Как он появился, мы только его теперь пьем, это вам не шелуха из пакетиков.

– Слушайте, ну очень хорош чай!

Гость всем видом показывал, как по душе ему напиток, качал головой, прихлебывал и с наслаждением мычал.

– А вы знаете, – начал он, – что до открытия морского пути в Индию англичане с удовольствием пили наш, настоящий иван-чай?

– Хм? – удивился Кузьмич.

– Да, да! Но потом, конечно, им стало выгоднее брать почти забесплатно их чай, чем покупать хорошую вещь у своего противника. Всегда выгоду ищут, засранцы!

Пока не закончился чай, гость рассказывал о «Большой игре», борьбе между Англией и Россией за господство на Среднем Востоке, о крахе мировой финансовой системы, потому что она построена на финансовых пузырях, о том, что мир ждет большая война и приближается расцвет национализма на Западе, о глобальном потеплении и изменениях климата. В общем, о тех вещах, от которых сейчас все были бесконечно далеки.

– Слушай, это тебе без жены так скучно? – с улыбкой спросил Кузьмич.

– Да боже упаси! Мне без нее хоть и скучно, но свободно. А пришел я по делу.

– Та-ак.

– Кузьмич, нарисуй мне такую же красивую хиромантию на заборе!

– Не получится...

– Все получится. На дереве тоже нормально будет, если подкрашивать раз в год. Ты мне, главное, контуры обозначь. Только не космонавта. А вот товарища Сталина сможешь?

– Я-то? Точно не смогу.

– А Гагарина сможешь?

– Тоже нет.

– А как же ты его тогда нарисовал?

– Это мальчишка соседский такую красоту нам сделал, – не выдержала хозяйка. – Не всех еще задурили эти безделушки новые, появляются еще в хороших семьях дети правильные! – И, вздохнув, добавила: – На них вся надежда.

– Ваша правда. – Гость посмотрел на хозяйку. – Как вас, извините, по батюшке?

– Мария Ивановна я, Лепницкая в девичестве. – Ее голос вдруг стал благородно сильным. – Но вот уже тридцать два года как Таранова.

– Очень приятно, Мария Ивановна. – Гость встал, по-армейски расправил плечи. И, держа руки по швам, громко объявил: – Майор запаса Виноградов Евгений Константинович! – И поклонился.

От такой церемонности Мария Ивановна засмущалась и тоже ответила глубоким поклоном.

– Ну что, Кузьмич, одолеем мы все же с тобой эту гадость на заборе?

– Надо сначала с мальцом договориться, – ответил Кузьмич.

– Ой, я с его родителями, если нужно, могу поговорить ради такого дела! – вызвалась Мария Ивановна. – Все лучше, чем шляться где попало или в компьютеры утыкаться!

– Не надо, Маша, тебе ни с кем говорить, – сказал Кузьмич. – Я сам все сделаю.

– Ну, значит, завтра приводи этого самородка, будем личность, глыбу настоящую рисовать! – поднялся гость. – А потом и клопов, гадающих под заборами, изловим!

После его ухода Кузьмич весь вечер молчал.

Ирина АСЕЕВА

ТИХИЕ НАПЕВЫ НОЧИ

Луч луны на дне реки

Освещает камня глыбу.

На воде спят огоньки

Чешуей огромной рыбы.

Звуки в тишине ночной
Вьются, бьются мотыльками.
Пахнет тиной и травой,
Тайной, летними мечтами.

С ветром шепчется листва,
Карандаш блокнот щекочет:
Превращаются в слова
Тихие напевы ночи.

ГДЕ ЛЕТО?

Дождь шумит по кронам,
Лужи на дорожках,
И в саду у клена
Красные ладошки.

Пестрых листьев стаи
Ветер кружит, кружит,
Плавно опускает
На траву и в лужи.

Светят ярким светом
Желтые листочки.
Знаете, где лето?
Лето дремлет в почках.

КОТЕНОК

Котенок впервые лакал молоко,
И было котенку совсем не легко:
Упрямилась лапы, дрожал тонкий хвост,
Оно попадало порой прямо в нос!
Пусть белые капли текут по усам –
Довольный котенок мяукнул: «Я сам!»

ЕЖ-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Осень. Дождь в окно стучится:
Он весь день грустит по лету.
Еж решил стать легкой птицей:
Хочется лететь по свету!

В рюкзаке четыре сушки,
Параплан, очки, перчатки,
Ложка, вкусный чай, две кружки,
Книжка толстая с закладкой.

Если ежик друга встретит,
Угостит черничным чаем,
Их потом поднимет ветер –
С облаками покачает.

Будут в вышине кружиться,
Любоваться на закаты.
Кто сказал, что еж не птица?
У него душа крылата.

ЗИМА ШАГАЕТ

Дождь стучался в ноябре
Долго и устало.
Рано утром во дворе
Тихо-тихо стало.

Побелели липа, клен
И кустов семейка,
Видят белый-белый сон
Горка и скамейки.

И тропинки, и дома
Снегом укрывает.
Тихо! Слышишь, как зима
По земле шагает?

НЕУДАЧНЫЙ ДЕНЬ

День сегодня неудачный:
Я с утра порвал задачник,
Уронил на брюки кашу,
Чай пролил на кошку нашу.

Я разбил в столовой чашку,
Я сломал очки у Дашки,
Лямку рюкзака порвал
И перчатку потерял.

Бабушка, вздохнув, сказала:
– Наломал ты дров немало!
– Ты, бабуля, не права:
Я ломал, но не дрова!

ОБЛАКОШКИ

Высоко, по небесным дорожкам,
Каждый вечер скользят облаКошки.
Ветер их на ладошке качает,
Шубку гладит, хвосты удлиняет.

ОблаКошки гулять любят поздно:
Спят на месяце, смотрят на звезды.
Звезды катятся, ярко сверкая.
Кто их лапами с неба сбивает?

Екатерина ГОРЖ

БАБА АНЯ

— Мы поедem к бабе Ане, — нагнувшись, шуршит бабушка у окна.

В синюю сетку из плащовки бережно соскальзывают пакетики с узелками: оладушки, колечные огурцы с цветочками и важные помидоры собираются в дорогу.

Воздух на кухне тугой. Насыщенный печеным, жареным, вареным — обычное бабушковое утро. Гудит холодильник, тарахтит морозильная камера, шипит вытяжка, шкворчат оладьи, из крана льется вода. Я прокралась на кухню взъерошенная, прямо из кровати, в маечке и трусиках. Еще не проснулась толком, а тут все хлопочет.

— А может, не сего-о-одня? — протягиваю я и сажусь на островок прохлады: выбрала единственную не покрытую половичком табуретку. — Давай лучше на дачу? — робко предлагаю бабушке.

Сначала макая оладушек в сметану, потом в малиновое варенье и, жирными от оладьев пальцами взяв кружку, отпиваю уже приготовленный для меня сладкий чай.

«Не хочу к бабе Ане, ведь на даче третий день ждет дедушка: задержались мы в городе. Наверное, качели уже доделал... Вот бы покачаться! Да и баню затопить для меня он хотел, веники на прошлой неделе свежие заготовили с ним в лесу». Мысли лениво проскальзывают по жирной кружке, залипают в сладком варенье и тягучей дымке, которую я перестала уже замечать. Только утренней бодрости в этом вязком тумане с каждой оладушкой становится все меньше.

— Ой, вся взмокла! — разогнулась бабушка, сняла очки и много раз промокнула лоб полотенцем. — Фух, жарко как!

Она открыла окно, в кухню ворвался холодный влажный ветер, и свежесть начала бороться с туманом, а я — с квелостью. Зато бабушка полна энергии, снова надела очки и объяснила:

— Мы уже две недели у нее не были! Надо обязательно сегодня. Я вон и огурцы с дачи привезла, и оладьев напекла специально... Надо, чтоб не продумало, — рассудительно говорит она себе под нос и наполовину прикрывает окно.

Битва окончена — кухонное марево победило.

Мне только пять, но где-то в глубине, под майкой, я знаю, что по-другому невозможно: баба Аня — это ее мама. Моя прабабушка. К ней

нельзя не ездить. «Сегодня так сегодня», — смиряюсь я, но тяну время. Ем оладушки до «больше не могу», на блюде пальцем рисую розовым вареньем цветочки, долго мочу руки под краном, засмотревшись на струю воды, и только после этого медленно выкатываюсь из кухни собираться.

Даром что август, одеваться приходится тепло. Надо втиснуть ноги в уменьшившиеся после стирки колготки, они трещат и противно шоркают кожу. Ворот шерстяной кофты с перламутровыми пуговицами колет шею, зато не ношенный еще плащик так мило шелестит, а только купленные резиновые сапожки лоснятся, как самые натертые кастрюли.

У подъезда и бабушку с сетками, и меня, легкомысленную пятилетнюю особу, сдувает с ног. Сырой от ночного ливня ветер нагоняет песку в уши, в шею, в волосы, со свистом задувает под шерстяной воротник, прилепляет плащ и юбку к колготкам. Я то шурюсь, то иду спиной, чтобы спасти глаза, благо внизу на асфальте синяя блестящая резина держит за меня оборону против тюменских луж и грязи. Но по ногам над сапогами песок бьет больно! Так неохота было надевать эти колготки, а сейчас жалею, что не надела три пары. И жаль, что в августе шапка неуместна: она намного лучше спасала бы мои отваливающиеся уши от ледяных воздушных струй, чем когда по правилам заставляют носить ее под жгучим обеденным солнцем, «потому что еще апрель».

Залезаем в забрызганный до стекол оранжевый 15-й. В длинной гармошке обдаёт соляжкой и пылью. Особенно густо пахнет в такие водянистые дни в пустом салоне, когда можно уютно усесться куда захочешь и во всех деталях неспешно рассмотреть желтый поролон в дырке дерматинового сиденья, а если никто не видит, то даже потрогать пальцем его шершавую мякоть. В такие дни, после пережитой песчаной бури и перед выходом в новую, под гулкое мурлыканье, в тепле можно вдоволь наглядеться на проскакивающие по ухабам ДК «Юбилейный» и Центральный универсам, поглазеть вниз с моста Мориса Тореза на малюсенькие поезда, высмотреть за деревьями магазин «Стрела», налюбоваться на одноэтажную покосившуюся улицу Тракторную, всю в едва живых избах с наличниками. В мерном рычании и тарахтении проехать весь город и выйти на конечной.

Раньше баба Аня жила в деревне, а теперь в квартире, на улице Федюнинского, это почти на

выезде по Червишевскому тракту, на самом краю Тюмени. Здесь больше нет домов, только дорога на кладбище, в Червишево и в Курган. И еще купаться на Пышму тоже по этому тракту мы с дедом ездили, я знаю. Да и за грибами он всегда возит по этой дороге.

Сквозняка здесь нисколько не меньше. Еще бы, вокруг одни пустыри, только на той стороне стоят две серые девятиэтажки. Через дорогу, заросли травы и сквозь сырой песчаный ветер пробираемся к ним. Но не сразу в дом, сначала заходим в одноэтажный магазин: надо традиционно купить бабе Ане хлеб, молоко и пряники. Я рассматриваю бетонный пол с вкраплениями белых камушков, тщетно ищу в них ритм и рисунок, зато делаю маленькую передышку от песка и ветра.

Новый бабы-Анин двор выглядит старым. На проездах набросаны бетонные плиты в косую решеточку. Между ними дыры, рыжие железные крючки и песок. То ли не хотели, то ли не успели заасфальтировать, торопились закончить, говорили сердитые взрослые. Из песка торчит лебеда, одуванчики и толстая проволока. Ржавая железная горка, скособоченный грибок песочницы, качели без сиденья – вот и вся площадка.

Серая заляпанная дверь подъезда на удивление в этот раз не скрипит. Но внутри привычное дело: света нет, лампочки выкручены. Во всех щелях, дырках и неровностях бетонной лестницы и пролетов до второго этажа лежит песок. На ощупь звоним в черную железную стену и ждем.

Баба Аня долго идет. Слышим, как шаркают по клеенке в коридоре ее тапочки, как медленно открывается ключом первая деревянная дверь. Один оборот. Второй. Третий. Дверь толкают. Еще раз, и она с шумом поддается. Через железную дверь уже слышно kloкочущее дыхание.

– Кхто?! – зычно выкрикивает она.

– Свои! – весело и так же громко отвечает бабушка.

Еще два медленных шарканья, трижды гремит железный замок, и первое долгое мгновение баба Аня просто смотрит широко открытыми голубыми глазами, как бы пытаясь понять, кто пришел. Потом вскидывает брови и удивляется, хотя уже ждала:

– О-о-о! Кто пожаловал! Гости ко мне приехали! О-о-о, а у меня гостей то-от потчевать нечем, – говорит она, медленно разворачиваясь и держась за стену, чтобы дать нам побыстрее пройти.

– Гости сами все принесли, не волнуйся! – звучно кричит бабушка, чтобы баба Аня наверняка ее услышала.

Но та занята – переставляет ноги, добираясь до двери, и поэтому не слышит. Только бормочет под нос одно свое:

– От-че-о-о, потчевать-то мне гостей нечем! О-о-о, девка!

От этих своих присказок баба Аня сама немного посмеивается и с грохотом закрывает за нами металлическую дверь.

В квартире в нос шибает дух деревенского дома. Пахнет старенькой бабушкой – так я думаю в свои пять. Баба Аня, как всегда, в белом ситцевом, с голубым рисунком платке, завязанном под подбородком, в пестром халате до середины икр, в застиранном фартуке в цветочек, в шерстяных носках на босу ногу и в старых чунях из коричневой овчины с опушкой.

На полу в коридоре разноцветные половики, круглые, прямоугольные, квадратные, а на них старые клеенки с вытертым рисунком. Всюду у нее клеенки: и на кухне на столах, и в ванной на стиральной машинке, и в зале на столе. На полу в прихожей – старые, со скрученными краями, выцветшие, а в комнатах – поновее. А еще везде расстелены газеты: у балконной двери, на журнальном столике, на подоконниках. От клеенок и газет мне кажется, что баба Аня как будто не знает, как жить в квартире, поэтому живет так же, как в деревне.

Бабушка несет на кухню сетки с продуктами, а баба Аня тихонько, опираясь на стены узкого коридора, медленно шагает за ней. Бабушка нарочито бойко расспрашивает про соседей, но я понимаю, что так она забалтывает переживания бабы Ани о голодных гостях. Я не все понимаю, что говорит баба Аня. Я лучше пока тут, в зале посижу, на диване. Тихонько посижу. Только сначала похожу и все порассматриваю.

Под ногами шуршит. Вот желтый старый лакированный сервант с прозрачными стеклами. За ними немного кружек, блюдец и хрусталя. Но больше всего серебристых таблеток, скляночек из темного стекла и исписанных газетных бумажек. На подоконнике, опять на газетах, стоят горшки пушистых фиалок и лысая герань в белых и черных вывернутых пакетах из-под молока. Рядом с цветами меня обдает терпким духом: тут тоже пахнет старенькой бабушкой.

На полу у балкона расстелены полиэтиленовые пакеты и холщовые мешки. Рулоны ковров,

половиков и паласов свернуты за стеклянной двустворчатой дверью, а старый овчинный тулуп мохнато торчит из-за дивана. На подлокотнике туго натянута выцветшая фланелевая пеленка. Я не нахожу ничего интересного и снова сажусь.

Чуть не подскочила от неожиданности и съехала от шуршания — не заметила, что и на диване тоже лежит клеенка. Бр-р-р, неуютно тут. Из коридора доносится лязг общей с соседями железной двери, звенит детский и басит мужской голос. Дверь квартиры рядом открывается со скрипом и с шумом захлопывается.

Передо мной на табуретке сиротливо лежит толстый прозрачный, но мутный от множества стирок полиэтиленовый пакет. В нем что-то черное, странное, ни на что не похожее. Из него торчит какая-то старая гладкая палочка, виден клубок грубой жесткой пряжи. Наклоняюсь и тихонько, без рук, заглядываю глубоко в пакет. Меня обдает горьковатым, приторным, а может, затхлым духом. Разит каким-то животным, деревней, хлебом и старьем. Непривычный мне, неприятный запах. Пытаюсь понять, что это, и осторожно дотрагиваюсь. Оно жирное, жесткое, похожее на старые, грязные, спутанные темно-коричневые волосы. Наверное, опять какие-то бабушкинские дела, заключаю я и отодвигаюсь от пакета подальше. Мне, конечно, интересно, что это такое, но я не буду спрашивать. Все равно не объяснят. Усаживаюсь поудобнее и терпеливо жду, когда же мы уйдем.

Сразу подступают картинки: никак не забуду, как меня оставляли у бабы Ани в деревне в прошлом году. Не сильно я хотела ехать, даже боялась. Никогда к ней не возили, а тут на тебе, ни с того ни с сего! Помню, что смирилась с неизбежностью, надеясь, что все пройдет хорошо. Хорошо-то хорошо, но не уходит до сих пор из меня это чувство неуютно и холода. Помню, бежала там по улице в голубом фланелевом халате с грибочками, в черных лаковых сандалиях на бежевых колготках, а они все время пачкались через дырочки у большого пальца. В деревне тогда детей не было, играть не с кем. Бродила целыми днями сама по себе, хотела есть и ждала, что баба Аня меня позовет. А еще у нее были пчелы, и одна меня укусила в глаз. Вот я ревела — на всю улицу! А еще баба Аня заставляет меня идти в баню, ругалась, что я не хочу. С дедом-то я баню обожала! Всегда просилась попариться. А тут — темная чужая холодная каморка. Я всю неделю с грустью ждала, когда меня наконец-то заберут обратно.

И здесь, в ее квартире, мне все чужое, все неуютно. Но вот меня зовут на кухню, и я нехотя иду. Бабушка уже сидит на табуретке за столом. Баба Аня хлопочет. И тут я вспоминаю, что у бабы Ани есть хрустящие соленые грузди. И еще жаренные с картошкой белые. Грибы — моя слабость, а таких вкусных я больше никогда и нигде не ела. Кушать у бабы Ани я люблю. Мне накладывают целую гору остывшей, с обмякшими корочками картошки, а белые грузди стоят в мутной стеклянной вазочке на столе. Пряники уже выложены в тарелку, молоко налито в кружку. Вкуснотища, конечно, но разговор у меня не вяжется. Бабушки разговаривают как-то по своему, я ничего не понимаю.

Для меня баба Аня — резкая, непонятная, далекая. Я не понимаю, что она говорит, зачем она говорит, к кому обращается. Когда хочет спросить у бабушки, как у меня дела, говорит: «Девка-то че?» Не помню даже, называла ли она меня когда-то по имени?

— Ешьте давай досыта, — все приговаривает баба Аня. — Ешь давай знай, — напоминает она через секунду.

Бабушка отказывается, только пробует грузди, больше ничего не ест. А я наяриваю картошку за обе щеки, но даже я такую гору съесть не могу.

Ну вот все и заканчивается. И за столом посидели, и посуду помыли. Наконец-то пора собираться. Но прежде чем отпустить, нас ведут в спальню. Все трое мы снова шуршим через коридор, в ритме бабы Ани пробираемся через острова покрытых клеенкой половиков и газетные застилки, «чтобы не пачкать».

Тут за фанерной белой дверью с зеленой стеклянной ручкой стоит железная панцирная кровать с синими ножками. Она так тщательно застелена, что даже я, детского ума человек, понимаю: это храм, к которому нельзя ни подходить, ни прикасаться. Это будто не кровать даже, а ложе безупречной прямоугольной формы. Покрывало с краю ниспадает водопадом, а бахроме безукоризненно параллельна полу. На белоснежные маковки подушек треугольной формы ровнехонько накинута вышитая сетка, тоже белые. Все светятся на фоне темного плюшевого покрывала с оленями. Я ищу взглядом, куда сесть, и бабушка мне показывает рукой на табуретку.

Здесь прямо перед глазами на столе оказывается черная швейная машинка с золотым узо-

ром и деревянной рукояткой. Повсюду лежат обрезки белого и разноцветного ситца. Баба Аня показывает пакеты бабушке.

— Ладно, ладно, не выворачивай, не выворачивай! — своим громким голосом кричит ей бабушка. — Я уже дома все разберу.

Кто-то добыл целые килограммы обрезков, и их принесли бабе Ане. Что сделаешь с кусками ткани размером с альбомный лист? А она сказала: «Почто добро выбрасывать?!» И придумала, насоединяла все, что можно, и нашла разного.

Целыми днями баба Аня строчит из лоскутов простыни, наволочки, ночнушки для всей семьи. В горошек, в цветочек, в треугольник, в ромбик, в точку — возем богатство домой. А как иначе с бабой Аней? Приехали с сетками, уезжаем с тяжелыми пакетами. С сердцем, полным тихих впечатлений и смыслов, о которых я, пятилетняя, еще не знаю.

Добро это до сих пор живо. Долго мы еще потом спали на этих собранных из кусков простынях, наволочках и пододеяльниках, испещренных швами вдоль и поперек. Много раз надевали после бани невпопад собранные рубахи. Залатывали одно белье кусочками другого. Протирали стол тряпочками в ромбик. Подвязывали помидоры надранными полосочками в горошек.

Теперь-то ткани те давно порвались, исчезли, как сама баба Аня, а крепкие ее строчевые швы остались. С рождением первых внуков мама из уцелевших обрезков сшила лоскутное покрывало. Нет бабы Ани, а клад, вшитый в ткань моей жизни, со мной.

Теперь мне сорок, и как бы я хотела вернуться в ту квартиру к бабе Ане! Пожить с ней рядом. Расспросить. Послушать. Записать, как она говорит. Хоть одним глазком посмотреть, как она выбирает, как торгуется и покупает эту черную пахучую шерсть в соседних Акиярах у татар, как перебирает, как чешет ее. Потом зимой или осенью, а может, в августе, вот в такую сырую погоду с песчаным ветром, берет мутный пакет с табуретки, садится, достает шерсть, гладкую деревянную палочку и начинает прясть. Как же она прядет пряжу на носки, которые мы носим до сих пор?

Тридцать лет нет уже бабы Ани, но последние 15 лет моей жизни крепко-накрепко связаны с прядением и шерстью. Уже 15 лет веретено, та самая палочка с нитками — привычный мне инструмент, постоянный гость в моем доме. Да что гость — хозяин! На кухне, на рабочем столе, в

спальне, на полке — во всех сумках у меня лежат пакетики с шерстью, как у бабы Ани.

Привычное дело: сесть, взять пакетик с табуретки, крутануть, едва дотронувшись, тоненькую ось веретена, провалиться в мельтешение деревянных черточек и разглядеть в нем слияние стихий воздуха, воды, огня и земли. Почувствовать круговороты времен года, пружины смены дня и ночи. Закрутить шерстяные спирали, спирали времени, спирали нового дня. Такого же, как вчера. Такого, какого еще никогда не было. Увидеть натруженные руки бабы Ани в своих. Впитать в себя вращение Вселенной и вернуться снова в деревенский дом, где стояли прялка и ткацкий стан, которых я не застала.

Катерина НЕВСКОЕ-ОБЛАКО

* * *

*Излишество белого шума
Нет-нет да и выйдет боком.
Историю расскажу вам
О дружбе Гогена с Ван Гогом.*

*Гоген восхищался Ван Гогом.
Ван Гог восхищался Гогеном.
И часто нетрезвой походкой
Они упирались в стены,*

*Когда по проспектам Парижа,
А после — и южного Арля,
Завидев аврору над крышей,
Вдвоем возвращались из бара.*

*Вдвоем распивали пол-литра,
Вели ввечеру разговоры,
Мешая цвета на палитре.
И все было мирно. Но ссора*

*Слетела с Олимпа как коршун.
Один утверждал: «Природа
Через искусство!», другой же:
«Искусство через природу».*

*Не говорили друг с другом,
А злобу хотели выпить.
Один отрубил себе ухо,
Другой улетел на Таити.*

*Была ли та ссора важной,
Кто прав был — никто не ответит.
Соль в том, что сейчас в Эрмитаже
Гоген и Ван Гог — соседи.*

* * *

Нехорошо читать чужие СМС,
 Но ведь и я человек так себе –
 Бывает, перехожу дорогу на красный
 И не оставляю на чай,
 Поэтому в этот раз
 в двадцать девятом троллейбусе
 Я не совсем случайно прочла сообщение,
 Которое пришло девушке с красивым
 кольцом на указательном пальце –
 На безымянном же кольце не было,
 я посмотрела.
 Так вот, в сообщении говорилось:
 «Давай переедем на юг»,
 И я подумала: как это мило,
 Как торопятся теперь люди жить,
 Теперь,
 На грани тоски и смерти.
 А девушка в ответ ему пишет: «Забавно,
 Что готов переехать на юг с человеком,
 которого толком не знаешь» –
 И моя улыбка становится шире,
 И приближается моя остановка.
 О нет!
 Она стирает часть сообщения:
 «Забавно, что готов переехать на юг
 с человеком, которого...»
 С человеком, которого...
 Которого что?

 Тут я отвлекаюсь на осуждающий взгляд
 бабки с соседнего места:
 Нехорошо читать чужие сообщения!
 Но мне уже интересно.

 С человеком, которого...
 С человеком, которого...
 Давай же, ну!
 Допиши.
 Не теряйся в буквах.
 Как часто каждый из нас теряется
 в буквах и разочаровывает –
 Нет, не случайных читателей –
 А тех, других, на том конце невидимого
 провода телеграма.

 Но тут троллейбус
 предательски открывает двери.
 Я бы и проехала свою остановку,
 но не умею опаздывать.
 Нехорошо читать чужие СМС –
 это правда,
 Но я как дитя тещу
 всё в свои кривые верлибры,
 И оттого мне не стыдно
 Ни капельки.

Катерина СКАБАРДИНА

ПЛАСТИК ПОВЫШЕННОЙ ПРОЧНОСТИ

– Кто у тебя, Палыч?

В щель приоткрывшейся двери заглянуло худое, костистое лицо. Рыбье выражение ему придавали почти бесцветные глазки навывкате и ярко выраженный дистальный прикус.

– Да хрен его разберет! Мер-чен-дай-зер какой-то, – глядя в бумагу, прочитал по слогам сдобный, как кулич на Пасху, капитан.

– Вроде на китайца не похож, – хмыкнул «рыбий глаз». – Долго еще?

– Да не, закончили уже.

Капитан протянул задержанному шариковую ручку:

– Пиши там, где галочка: «С моих слов записано верно, мною прочитано». Число, подпись – и свободен.

Сергей взял в руки желтоватые листы, испсанные неровным, угловатым почерком, пробежал глазами по тексту, отмечая про себя орфографические, синтаксические и стилистические ошибки. Нарк забежал в магазин, разбил витрину, набросился и ранил его, мерчендайзера, с целью ограбления. Потерпевший был вынужден защищаться, что он и сделал, вырвав руку у Сергеи – манекена из толстого пластика. (Вообще-то он сказал «из фибергласа», но ни место, ни положение не располагало к тому, чтобы не соглашаться с формулировками; по существу все было описано верно.) Нарк, получив отпор, скрылся в неизвестном направлении. Сергей поставил число и свою округлую учительскую подпись: «См. Смоляков».

Лестничные пролеты с третьего этажа районного отдела милиции он преодолел пружинистым шагом победителя. В тусклом зеркале туалета разглядел опухшую, запекшуюся ссадину на скуле, рассеченную бровь, ощущал оплывший глаз и улыбнулся. Улыбаться было больно, но он чувствовал клокочущую радость, которая, как кипяток по заржавелым трубам, поднималась из живота в грудную клетку и уже сотрясала плечи, размыкала пересохшие губы и рвалась из него неудержимым кашляющим хриплым смехом.

Перед глазами, как в замедленном кино, плыли картинки битвы, слышался лязг металлического крепежа пластиковой руки манекена Сереги, звук его падения на плитку пола и глухие удары, перемежающиеся с визгом раненой коалы. Никогда бы не подумал, что на это способен его собственный артикуляционный аппарат! Вбежавший охранник накинул на орущего Сергея, как на попугая, драпировочную ткань, и он затих, успокоился. Затем охранник скрутил окровавленного нарка, и в развороченное нутро магазина вошли четверо одинаково скроенных квадратных мужчин в черных плащах, белых шарфах, черных тупоносых туфлях и белых носках. Они технично упаковали нарка в целлофан и повезли его смотреть Подольск. Вот тупые! Подольск был в другой стороне.

Смех, как воздух из воздушного шарика, вышел весь. Сергей осмотрел себя снова, умылся и огорчился порванной и испачканной в крови футболке. Футболку было жалко, потому что, во-первых, она была из новой коллекции, а во-вторых, Арсен ее Сергею подарил. Сергей не обольщался, расчет директора был прозрачен, как воды Байкала: сотрудник умел так носить импортные яркие шмотки, что, глядя на него, их непременно раскупали даже те, кому темно-синий ¹³⁵ казался слишком вычурным цветом. Высокий брюнет с европейской внешностью и речью как у иностранца, хорошо выучившего русский по классической литературе, отлично монтировался с коммерческими целями промышлявшего на границе закона и даже за его пределами представителя Северо-Кавказского региона в Москве.

Работа в бутике «У Арсена» заключалась в том, чтобы два-три раза в неделю приходиться к закрытию магазина и, оставшись на ночь, переодевать манекены, расставленные в витринах и по залу. Сергей делал это с удовольствием, да еще и за деньги, которые позволили ему, понаехавшему в нерезиновую, оплачивать однушку в Митине и жить в столице нашей Родины полностью самостоятельно, подальше от родни.

БАБКА

Галина Михайловна в девичестве не слыла красавицей, даже хорошенькой ее трудно было назвать. Чуть вытянутое лицо, круглые карие глаза, короткий широковатый нос, небольшой рот, за тонкими губами два рядка мелких зубов, черные волосы до плеч – обычная. Но в ее пря-

мом взгляде, упругих движениях молодого, крепко сбитого тела, звучном голосе чувствовалась покоряющая энергия небывалой силы.

Попав в 1942 году в эвакуацию в Уфу, она отхватила себе шикарный вариант – по-голландски красивого, с высшим образованием мужика, который чудом не попал на фронт из-за болезни легких и теперь возглавлял пимокатную артель. В городе, как в густонаселенном пруду, за него бились самые что ни на есть золотые рыбки: ленинградки, рижанки, одесситки, москвички, а тут какая-то девочка с внешностью пони из города Тутаева! Вполне естественно, что прекрасная половина Уфы вынашивала кроважидные планы на ее счет. Но благодаря поистине щучьей хватке Галя сумела не только заполучить главный приз, но и тут же оформить на него страховку – в 1943 году родила дочь.

Анна пошла в отца – светленькая и совсем непохожа на мать. Она росла типичным ребенком военных времен, отягощенная бременем – удержать отца в семье, чтобы он ни-ни! Анна с поставленной задачей успешно справлялась – много болела. К началу 50-х Галина Михайловна, железобетонно укрепив фундамент своей счастливой жизни и в семье, и по партийной линии, несколько притомилась ролью самоотверженной матери и родила Ниночку.

МАМА

Ниночка – послевоенное балованное дитя со всем причитающимся набором, который только мог обеспечить советский гражданин, крепко стоящий на верхних ступенях всеобщего равенства. Темноглазая девочка-куколка в белоснежных бантиках, юбочке в оборочках, носочках и сандаликах стала единственным любимым существом, светом в оконце для своей хищной, но недоигравшей мамы. Для младшей дочки доставали все самое лучшее, ради ее аттестата несли школьным учителям дефицитные товары. Анька училась сама, собиралась в мединститут, а Ниночка – кинодива! ВГИК – и только ВГИК – уже дважды не ответил ей взаимностью, но продолжал маячить в ее темненькой головке.

– Рефлексии маловато, милочка, – сказала ей какая-то старуха с жидким начесом на трясущейся голове. – Артисты как дети, конечно, но даже в детском сознании должна просвечивать какая-то натура. Иначе нечем будет проживать роли.

Раздосадованная на завистливую бабу Ниночка уезжала обратно в Уфу. Но Галина Михайловна так просто отдавать дочку в полыхающую топку строительства лучшей страны мира не собиралась: в инженеры всегда успеет, а киноиндустрия ждать не станет. Ей шили новые модные наряды, чтобы в следующий раз уж точно покорила неприступную комиссию. Вместе с гардеробом росла Ниночкина убежденность в собственной исключительности и надежда на то, что вот-вот ее заметят. Иначе и быть не могло, ведь она была девочкой, рожденной и выпестованной матерью для головокружительного счастья! Только бы старуха не дошла до экзаменов.

А пока местная красавица занималась тем, что ездила из Черниковки в центр города выгуливать идеально сидящие, сшитые для московских улиц костюмы и покорять местный Бродвей — проспекты Маркса и Ленина.

Там-то ее и встретил ослепительной красоты белокурый Аполлон, который произнес с чистейшим прибалтийским акцентом волшебное заклинание, растопившее эскизо ее самовлюбленного глупенького сердечка:

— Зтрастуйтэ, дэвушка! Мэня завут Гундис Рукитис. Разрэшитэ пригласит вас на коктейль!

В этот момент, окруженная свитой тщательно отобранных подружек — в меру симпатичных, но не красивее ее, — высокая, статная, похожая на Клаудию Кардинале, Ниночка превратилась в Нинель. «На коктейль» — это вам не в кафе-мороженое «Снежинка» в Центральном парке! Подружки умерли от зависти, а Ниночка почувствовала в своих руках сияющий медный поручень трамвая счастья и разрешила Аполлону даже несколько больше, чем обычно кому-либо разрешала. Молодой модельер приехал в Уфу из Риги ставить производство болоньевых плащей в Доме моделей.

Галина Михайловна решила: «К черту ВГИК! С таким-то женихом Ниночка красную дорожку в Каннах топтать будет!» Она рассказала дочке, как работает в таких случаях стоп-кран, купила себе и мужу путевку в санаторий на 21 день, забила холодильник импортными деликатесами и оставила квартиру в ее полное распоряжение.

Это было упоительное время! Гундис приезжал каждый вечер. Он мало говорил, много ел и долго любил. Когда он засыпал, Ниночка любовалась его молодым, сильным телом, воображая рядом с собой римского воина из фильма

«Клеопатра». Она подносила к лицу маленькое зеркальце и подолгу смотрела на их общее отражение. Он был сказочно красив: правильная квадратная челюсть, тонкий нос, прямое надбровье, голубые, глубоко посаженные глаза. Когда они светили из своей глубины, Ниночка млела и забывала обо всем, ведь в его объятиях ее ждала невероятная судьба!

Спустя месяц после возвращения Галина Михайловна отвела дочь к своему врачу. Счастливое предположение оправдалось.

— Гундис, когда же мы поедем в волшебную красавицу Ригу? — спросила Ниночка, подкладывая любимому жареной картошки.

— Нэмношко погода, — отвечал, заволновавшись, Гундис.

— Уже пора поторопиться, милый, ведь мы уже не вдвоем, — сказала Ниночка и погладила себя по еще пока плоскому животу.

— Как это не вдвоем? — воскликнул Гундис, моментально теряя акцент.

— У нас будет малыш.

— Какой малыш?! — уже на чистом русском спросил Виталик.

ПАПА

Виталий был девятым, но не последним ребенком в огромной семье, где мать рожала как пулемет, не особенно задумываясь над последствиями. В больших семьях дети, как правило, быстро взрослеют. Он доучился в школе, поступил в авиационный институт и, не афишируя, благодаря действительно выдающейся внешности, подрабатывал манекенщиком. В городской Дом моделей его привела старшая сестра, швея мужских сорочек. Но это было так банально! Талантливый мистификатор с юности создавал о себе легенды. Так и выдумка о Гундисе Рукитисе была с подоплекой. «Гундис» — это рижский радиоприемник, а «Рукитис» — крем от фабрики «Дзинтарс».

Необременительный труд, качественный шмот из образцовых коллекций и уникальные коммуникативные способности не только обеспечивали находчивому парню возможности для дополнительного дохода, но и открывали многие нужные двери. Нарциссизм Виталика быстро креп. Ему оставалось только обзавестись самой красивой девушкой, желательно постарше. А тут еще Родька его подначивал, что лучше Нинки не найти, но Витальке ее не видать как своих ушей:

всех отшивает. Поспорил с братом, как Илюха Ковригин из «Девчат», только не на Тоську, а если бы на ее месте была Анфиса.

Спор Виталик выиграл. Свадьбу сыграли быстро и по первому разряду: с платьем из салона, куклой, распятой на капоте «Волги», караваем, рестораном «Восток», краденой туфелькой и женихом, застигнутым невестой в объятиях свидетельницы. Впрочем, эту неприятность замяли. А вот с растущей в животе лялечкой оказалось сложнее.

— Ну что, соорудил проблем, модельер-конструктор? — с ненавистью шипела теща Галина Михайловна.

— Обженили нашего-то Витальку! — вопила на весь железнодорожный поселок Дема мать-героиня Щекочихина.

— Нин, а Нин, может, не надо пока лялечку? — тихонько гундел бывший Гундис ночами, поглаживая жену по плечу. — Я пока не хочу лялечку...

Но что со всем этим делать, никто Нине не говорил. Только отец нет-нет да подойдет неслышно в своих домашних пимах да скажет ласково: «Ничо, доча, вырастим!» Но от этого Нине становилось только хуже.

Я

В марте навестить родителей из Польши приехала Анна. Едва окончив медицинский, она завербовалась на работу в советское посольство и моментально уехала. Сейчас она привезла матери и сестре подарочные парфюмерные наборы, капроновые чулки со стрелками, лайковые перчатки, переливчатые броши и сладкие гостинцы в ярких обертках.

— Прости, Ниночка, я не знала, — растерянно смотрела она на выдающийся живот сестры. — Если бы сообщили, я привезла бы приданое для маленького.

Тем же вечером, когда в доме утихло, Нина прокралась в прихожую, выпотрошила сумку сестры, с детства слабой здоровьем, и выпила все таблетки, которые та взяла с собой с запасом на месяц отпуска.

Моя маленькая глупая мама не знала, что на седьмом месяце не бывает медикаментозного выкидыша, а бывают роды: ужасные, раздражающие, ломающие фертильную функцию напрочь. А поскольку в ее организме совместились разные препараты, то мой неродившийся организм получил сильный неврологический удар. В ре-

зультате я вышел на свет не только преждевременно, но и с богатым набором патологий: ДЦП, аутизм и так называемый синдром Ундины — это сонное апноэ, очень интересная штука, когда во сне забываешь, как дышать.

Врачи сообщили маме, что в результате происшедшего больше детей она иметь не сможет, а винить некого — сама постаралась. Также ей сказали, что у меня очень мало шансов дожить до года. Планов на мой счет не было не только у родных, но и у медицины. Так меня со всем букетом отдали совершенно растерзанной маме.

— Не привыкай к этому, — брезгливо сказала бабка, — оно, скорее всего, не выживет. Давай пока не будем его никак называть.

Все были в шоке, кроме деда. Дед — единственный, кто был мне рад и сразу воспринял как личность. «Ничо, внучок, мы еще повоюем!» — сказал он и накрепко все свои обширные связи, распростертые вплоть до Ленинграда, где умели управляться с недоношенными. Я ухватился за мелькнувший поручень надежды и крепко, по-звериному вцепился в борт сияющего кувеза.

К шести месяцам меня выписали и вернули в семью. Патронажная сестра сказала, что ребенка пора как-то назвать, он не может продолжать значиться просто пациентом. Так мне дали имя. Сергей. Не в честь кого-то, не потому, что имя нравилось маме или папе, просто тогда так называли мальчиков: Сережа или Алеша.

В школе мы будем звать друг друга по отчеству, не особо волнуясь, что со стороны это может выглядеть несколько странно; только представьте кубарем несущихся первоклассников, орущих друг другу: «Васильич, Петрович, Ивановыч!» Но это я забегаю далеко вперед.

К трем годам я кое-как разобрался с движением. «Кое-как» тут главное слово. Детально нарисовать дом в стиле барокко я мог, а поднести ложку ко рту, не попав себе в глаз, — нет. Не мог застегнуть пуговицу или завязать шнурки — не потому, что косорукий, просто в моей голове не укладывалась механика использования шнурков и пуговиц. С речью было еще сложнее. Все переживали за сохранность моих когнитивных функций, но мое мышление было вербальным, только я почему-то не говорил. Скорее всего, был недоволен речевым аппаратом и считал, что он должен еще устояться. Я давал себе вре-

меня разобраться с его устройством, но только не бабушка!

– Тьфу, немтырь! – Она плевала в меня грубые слова, не прощая того, что я в младенчестве не умер и вслед за своим папашей угробил ее девочке ту жизнь, для которой она ее рожала.

Размазывая по моему лицу кашу, бабушка горько оплакивала кумачовый коврик, расстеленный где-то на юге Франции, на который не ступит прелестная ножка ее Ниночки в шелковой туфельке!

Предсказуемо кувшин терпения Галины Михайловны переполнился злобой и треснул. Она решила отомстить ненавистному Щекочихину, пошла в комитет комсомола и вывалила на обитый зеленым сукном стол обломки разбитых надежд и черепки разрушенных жизней уважаемой семьи Смоляковых. И кем разбитых и разрушенных – фарцовщиком и гололопым дрыгуном из Дома, прости господи, моделей!

Из института папа вылетел, и ему засветила начищенной медной бляхой Советская армия. Но находчивости его мог позавидовать сам герр фон Мюнхгаузен! Папа каким-то чудом перевелся в высшее военно-командное училище в Ленинград, получил там комнату в коммуналке и увез нас с мамой. С бабушкиной крыши шумно сошел шифер.

ЛЕНИНГРАД

Мама устроилась на завод световых ламп накаливания «Светлана», но благодаря неистребимой тяге к красоте каким-то образом оказалась вовлечена в мир ленинградской моды, которая, помимо прочего, умела быть аристократичной. Это буквально зачаровывало маму. Я понял, что она наконец-то смогла полюбить кого-то, кроме себя: она полюбила модный Ленинград, и этот роман вполне сложился.

Прогулки с мамой чаще всего совершались по шикарным магазинам и универсамам, но иногда наш променад происходил и приятным для меня образом. Мы ходили на Университетскую набережную посмотреть на сфинксов. Я хотел с ними дружить, а моя шикарная мама не протестовала. Она выглядела сногшибательно в желтых ботинках на платформе, желтом вельветовом пальто, ее шелковый шарф и черные волосы развевались, в ее руках был французский прозрачный зонтик. Немного портил картину хоть и нарядный, но ковыляющий поблизости мальчик.

Я не поспевал за ней, хоть и очень старался. Как только мне казалось, что вот-вот я коснусь ее руки, она ускользала от меня и я снова оказывался позади.

К тому времени я уже более или менее разобрался с двигательным аппаратом, но еще не мог в достаточной мере координировать правую ногу, чтобы при ходьбе она не запиналась о левую. Маму это очень нервировало, но поскольку она была сосредоточена на себе, то не слишком вникала в происходящее со мной. Когда я ее наконец догонял, она присаживалась так, чтобы я мог хорошо видеть ее лицо, и красивыми красными губами отчетливо говорила: «Сережа, ставь ножку прямо. Пока ты не научишься ставить ножки прямо, я не буду брать тебя за ручку, чтобы люди не думали, что это мой такой страшненький мальчик. Я хочу, чтобы у меня был хорошенький, красивенький мальчик. А ты мало стараешься. Вот будешь стараться – я буду тебя любить, буду брать на ручки, а пока ты не стараешься – не буду. Ходи рядом. Ты пока не мой мальчик».

Она не понимала природу ДЦП, ей казалось, что это мои капризы и придурь, что я запинаюсь специально, чтобы ее огорчить. Конечно, ей объясняли врачи, что ребенок не виноват, она осознавала и степень своей вины и пыталась меня по-своему любить. Но она, красивая девочка, которая была рождена для счастья, не могла совладать со своим разочарованием и невозможностью получить идеального ребенка. У нее было почти все: глянцевого муж, любящая мать, достаток, город Ленинград, только ребенок никак не вписывался в картинку «идеальная семья» из журнала «Бурда-моден». И это разрывало ее маленькое глупое сердечко. Я очень ее жалел и старался.

В попытках компенсировать мои особенности единственно понятным и доступным ей способом она наряжала меня во все импортное, и степень моей укомплектованности порой переходила черту абсурда. Например, однажды бабушка с дедом приехали погостить. В честь этого мне купили не кулек леденцов, а кашемировое английское пальто белого цвета. На второй день я предсказуемо оказался в нем в луже. Мама рыдала, как раненый слон. Бабушка отнесла испорченную вещь в химчистку, а дед вынес вердикт: «Идиотки! Ну кто покупает ребенку белое пальто? Это же только для манекенов!» Я отчаянно жался к его большой ноге.

НАСТОЯЩИЙ МАЛЬЧИК

Из папы меж тем воспитали политруководителя, и он в красивой форме уходил заниматься политподготовкой во внутренних войсках. Перспективная работа и коммуникативные таланты помогали ему по-прежнему в том, что называлось «крутиться». Хотя наша маленькая семья и жила в коммуналке, мы были не просто благополучны – мы были семьей из заграничного журнала, предельно глянцево, чарующе импортной. Когда мы выходили гулять в Летний сад или на Крестовский остров, нами, как ожившей витриной «Марк&Спенсер», любовались люди. А я с тоской, замешанной на горькой зависти, смотрел на других детей, которые бегали по пыли и лужам в советских сандаликах вокруг своих обычных мам и пап, катались на велосипедах «Ветерок» с тонкими шинами. Я мечтал о большом усатом папе, о толстой маме, чтобы утыкаться ей в пузо, чтобы она меня буськала и брала на ручки. Все вокруг было некрасивое, но такое настоящее, и я хотел выбраться в этот мир из стерильного, сияющего, озаренного неона. На каждый день рождения я ждал фею, которая прилетит и оживит меня, как Пиноккио, и я стану настоящим мальчиком.

На выходных папа брал меня гулять в скверик имени Васи Алексеева. Он пытался со мной играть, бросал мне мяч, а тот летел мимо. Тогда папе становилось скучно и он шел играть на площадку с другими детьми, которые были здоровенькие и веселенькие. Они ловко пинали мяч, хватали его обеими руками, подбрасывали коленкой или даже головой, а я сидел на скамейке. Я смотрел, как весело моему маленькому папе бегать с Андрюшей или Вадиком, и радовался.

Я не отчаивался, надеясь найти свой витамин счастья. Я наблюдал и исследовал все окружающее пространство. Так совершенно спонтанно и одновременно с говорением у меня сформировался навык чтения. Я начал читать по вывескам – и сразу словами. Я часто видел здание, где в витрине стоял кот из папье-маше с треугольным пакетом в лапах, и постепенно эти зубчатые буквы сложились в моей голове в понятие «молоко». А там, где за стеклом красовались босоногие тети в платьях, а за круглой О раскорячилась Ж, была одежда и так далее. Я читал все подряд. Первой книжкой стало неведь откуда попавшее к нам в комнату издание

Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» с картинками братьев Траугот. Я мало что понял, но мне было жалко этого патлатого длинноносого героя, я сострадательно его любил.

А потом я залюбил Шаляпина. Его пластинка была вклеена в журнал «Кругозор», и там же напечатан портрет работы Кустодиева. Я внезапно захотел такого папу. Я понимал, что с моим у нас как-то не складывается и надо папу кем-то заменять. Могучий Шаляпин в длинной шубе казался мне вполне подходящей кандидатурой. Мне хотелось зарыться в эту похожую на тучку шубу, уткнуться носом, щекой, всем лицом в его прохладную, румяную от мороза щеку. С портрета он пах Новым годом, безмятежной радостью и зимой. Мне не терпелось его упатить. Не усыновиться, а стать ему заботливым ребенком. Я спрашивал у всех, где он живет, пока сосед по коммуналке старшеклассник Генка не сказал, что певец давно умер. Я горько плакал.

КОСТИК

В детский сад меня не взяли по причине аутизма и апноэ, поэтому я был поручен заботам соседки по коммуналке Александры Ефремовны, чудесной ленинградской бабушки-блокадницы. Она работала гардеробщицей в Мариинке, чем вызвала особое доверие у моих провинциальных родителей. Александра Ефремовна сидела со мной то в нашей комнате, то забирала к себе.

Мне нравилось жить в коммуналке. И само слово нравилось, оно было теплое и простое, как ситцевый халат. В ванной у меня было любимое чудовище – газовый водонагреватель. Я думал, что он дракон, и до визга боялся заходить туда. Мне казалось, что дракон засунул свою трубчатую шею в стену и караулит, когда я войду, и тогда он высунется, обратит ко мне свою голову и скажет: «Бу!» Что будет дальше, я боялся представить, после этого моя фантазия меркла.

У Александры Ефремовны была своего рода субквартира внутри этой коммуналки: небольшой тамбурок, а из него ласточкиным хвостом расходились две двери. Одна вела в большую комнату с двумя окнами на улицу, а вторая комната всегда была заперта манящей белой дверью. До войны у соседки был муж, испанский интернационалист, и два сына. Старшего успели отправить в эвакуацию, теперь он вырос и слу-

жил в Египте, откуда присылал ей удивительные вещицы. Я обожал играть с маленьким бюстиком Нефертити и фигурками сфинксов, которые меня завораживали тем, что были одновременно и людьми, и котиками. На определенном этапе взросления я всерьез подумывал стать сфинксом. Потом передумал.

Младший сын остался с Александрой Ефремовной. Однажды я обнаружил белую дверь открытой и зашел туда. Это оказалась небольшая светлая комната с белесыми обоями в колокольчик. Там стояла маленькая детская кровать, на стене висел жаккардовый ковер, на котором зайцы-строители в спецовках куда-то несли морковку. На полу сидел мальчик в штанах на лямках примерно моего возраста и катал машинку.

– Привет! А я не знал, что здесь есть дети, – сказал я ему.

Мальчика звали Костик, мы с ним подружились и стали играть в тихие детские игры с солдатыками, плюшевыми зверями, египетскими финтифлюшками. Я уговаривал его пойти погулять во дворе, так как одного меня не отпускали. Я гулял либо с мамой, либо с папой. А мне хотелось погулять, как гуляют настоящие дети! Но Костик говорил, что ему нельзя во двор, потому что случится налет и вообще там фашисты.

– Какие фашисты, Костик? Они были давно, – говорил я, толком не зная, когда они были, но точно не сейчас.

– Все равно нельзя туда ходить, потому что мама расстроится, – упорствовал Костик.

– Какая мама? Это же старая бабушка Александра Ефремовна.

– Нет, она молодая, это мама моя.

Я не настаивал. Я понял, что у Костика какие-то свои отношения со временем, от него веяло прохладой. Меня это не расстраивало, мне нравилась прохлада. С Костилом было интересно. А потом он подарил мне маленький жестяной синий троллейбус с припаянными рожками и двумя фарами из олова, которые были покрашены серебрянкой. Троллейбус мне очень понравился, и я принес его домой.

– Откуда у тебя эта игрушка? – спросила мама.

– Мне Костик подарил, – честно признался я.

– Какой такой Костик?

– Мальчик, который живет у Александры Ефремовны.

Мама, будучи уверенной в том, что я зачем-то эту игрушку стащил, повела меня разбираться. Соседка выслушала маму и меня и сказала: «Если Костик так решил, пусть Сережа играет». После этого Костик больше не появлялся. Комната была открыта, но его там не было. Я понял, что призрачные дети недовольны своим обнаружением.

СИРЕНЕВОЕ СЧАСТЬЕ

Я заметно грустил, потеряв такого хорошего друга, и мама стала чаще брать меня с собой по известным торговым маршрутам. Я в общем-то не был против, потому что интуитивно улавливал царящую там какую-то особую магию пространства. Мама любила ходить по магазинам, а прелесть ребенка с аутизмом в том, что он не может потеряться. Если придумать ему подходящее дело, он погрузится в него.

Мама нашла два таких способа. Если в магазине был галантерейный отдел, то сына можно было занять пуговицами. Они завораживали меня категориальным единством в сочетании с огромным разнообразием форм, расцветок. Я мог часами рассматривать и трогать кругляшки, разложенные на планшетах, сравнивать нюансы. Они дарили мне абсолютный созерцательный восторг.

Если же это был просто магазин одежды, мама подводила меня к манекену и говорила: «Сережа, посмотри, какая тетя, поиграй с ней». Я брал ее за руку и стоял. Играя так, я понял, что пластмассовые тети никуда не идут, а это значит, что я от них не отстаю. Они не кричат, не оборачивают на меня гневное лицо, не смотрят на меня с раздражением, они стоят и улыбаются. Каждую из них можно держать за руку и воображать, будто она мама. Иметь рядом неускользающую маму оказалось ошеломительным открытием, которое я в скором времени подтвердил опытным путем.

Однажды в универмаге «Пассаж» я увидел шикарную пластмассовую тетю. Она была одета в сиреневое пальто, вокруг шеи повязан легкий шарфик лимонного цвета, на ногах обуты шоколадно-коричневые замшевые туфельки с золотыми пряжками. Она показалась мне совершенно сказочной! Я подошел, залез на подиум и взял ее за руку.

— Что ты делаешь, мальчик? — спросила возникшая откуда-то продавщица.

— Я играю в маму, — заплетающимся языком ответил я.

Все постепенно стало расплываться передо мной, я погружался в огромное цветное облако счастья, которое полностью заволокло мой мозг. Я утонул в этом сиреновом море экстаза, покоя и статичной радости.

Когда мама накупила барахла и нашла меня, оказалось, что мои руки невозможно разжать. Мои маленькие цепкие пальцы намертво впились в пальцы пластмассовой женщины, а на лице расцвела и застыла улыбка.

— Сережа, прекрати играть! Хватит! Отпусти тетю! — кричала мама, но я ее не слышал.

Я погрузился в кататонию, оцепенелый восторг. Прибежали продавщицы, поняли, что надо что-то делать. Приехала скорая, мне поставили укол.

Проснулся я уже дома на диване на руках у мамы. На руках. У мамы. Наверное, впервые в жизни я осознал себя не отдельным существом, а ее — самой прекрасной и недостижимой женщины в моей Вселенной — сыном. Я смотрел сквозь ресницы на ее искривленное испугом заплаканное лицо и боялся пошевелиться. Я улавливал тонкий запах спелой сладкой груши от ее шеи. Щекой я чувствовал мягкую шерсть ее кофты, и мне хотелось зарыться в нее всем лицом, всем собой, как в большую теплую — такую мамовую! — кошку. Она прижала меня к себе и гладила по спине. С ее подбородка соскользнула капелька и упала мне на лоб. И не было на свете такого океана, на который я бы ее обменял.

ПРО ЛЮБОВЬ

Папа же любил все, что шевелится, а то, что не шевелилось, расшевеливал палочкой. Папа был любвеобилен настолько, что подруга мама заводила только страшеньких, но его это не останавливало. Он находил, что это даже приятно. Постепенно подруги свелись к самым безопасным. Но и над ними мама жестоко шутила, могла высмеять одежду или прическу, намеренно делала больно. Я жалел этих милых женщин, которые тянулись к ее сияющей, но холодной красоте. Они — интересные, живые — понимали ужас моей ситуации и пытались как-то меня обогреть.

Папа исчезал, как мираж, фантом, как Гундис Рукилис, из рук избалованной и не готовой отка-

заться от своей самой лучшей игрушки девчонки. Ее наряды становились все дороже, приче-ски экстравагантнее, мама шагала на высоких платформах по лезвию моды. Она с маниакаль-ным упорством пыталась исправить свои недо-статки. Главным образом — меня.

Помимо ЛФК, микротоков и бассейна, мама три раза в неделю водила меня к детскому пси-хоневрологу Юре. Он был большой, добрый, теп-лый — паповый! Он как-то сумел меня расто-пить, и мой аутизм начал конвертироваться в творческие таланты. Постепенно я научился об-щаться с людьми.

— Нина, бросай ты своего, выходи за меня. Я усыновлю Серегу, мы распишемся, ты останешь-ся в Ленинграде, — выпалил Юра однажды.

Я заметил, что мама начала подтаивать в эту сторону. В моем мире забрезжила робкая заря надежды. Но тут вмешалась бабка: «Нина! Да ты что творишь?! Ты выйдешь замуж за мужика, ко-торый лечит твоего дефективного ребенка? А что люди скажут, ты подумала?»

Мама была послушной дочерью и выпустила шанс пожить нормальной человеческой жизнью с мужчиной, который прощал ее кукольность, ин-фантильность. Он готов был полюбить меня та-ким, какой я есть. Он знал что-то такое, чем мог бы вылечить и ее... Так настоящий трамвай жиз-ни проехал мимо моей мамы, пока она неслась по кругу на карусели своих иллюзий.

САМЫЙ СТРАШНЫЙ ДЕНЬ

Папа уверенно, ступень за ступенью осваи-вал карьерные высоты. Следующая оказалась в Новосибирске, куда его распределили нести дальнейшую службу. Меня отдали бабке, чтобы я не мешал родителям начинать новую жизнь на новом месте. Но когда папе замаячило улучше-ние жилплощади, у начальника возник резонный вопрос: «Как мы будем давать тебе большую квартиру в центре? Предъяви живого ребенка!»

Летом меня забрали из Уфы в Новосибирск, записали в школу № 42 и показали папиному ко-мандиру. Мы въехали в огромную двухкомнат-ную квартиру на улице Ядринцевской в красивом сталинском доме. Гуляя в Центральном парке, я воображал, как пойду в школу, найду там друзей, перестану быть Серегой-роботом. Но в августе приехал дед: «Ничо, ничо, внучок, в Уфе тоже школа есть, одолеем!»

– Как же так? – вопил я родителям и выбрасывал вещи из чемодана. – Я остаюсь с вами, я буду ходить тут в школу, у меня будут тут друзья!

– Нет, нет, Сережа, ты вернешься к бабушке и дедушке. Нам с папой надо много работать. Нам некогда будет делать с тобой уроки, – тихо приговаривала мама и укладывала яркие квадраты импортных тряпок обратно в мой чемодан.

Когда меня вели на вокзал, я визжал так, что люди высовывались из окон, думая, будто трамвай задавил кошку. Я цеплялся за кусты, за столбы, за тротуар, за асфальт с такой силой, что сорвал себе ногти. Это был самый страшный день в моей жизни.

Вернувшись в Уфу, я окончательно понял, что с моими родителями что-то не так, что я возлагаю на них слишком много надежд. И решил, что надо выгребать как-то самому.

«СМ»

Записывая меня в школу, дед проявил невероятное благоразумие и милосердие и избавил меня от уродской фамилии, от которой я вздрагивал.

– Давайте, пока Серега ходит в школу, он будет Смоляков. Ни один нормальный ребенок не произнесет фамилию Щекочихин. Зачем же нашему дополнительным логопедическим мучениям?

В Уфе я попал в самую обычную школу. Директор, бывший офицер сталинской заправки, ходил в хромовых сапогах и соблюдал армейскую дисциплину. Школа была с математическим уклоном, и меня – за хорошие отношения с цифрами и не без бабкиных трудов – туда взяли.

Но в первом же классе выяснилось, что я никак не укладываюсь в прокрустово ложе педагогических доктрин. Меня нельзя было вовлечь в коллективный детский досуг, грубо говоря, поставить в хоровод. Я не мог понять, почему должен читать: «Шу-ра, ша-ры! У Ма-ры ша-ро-ва-ры». Я не мог делить слова на слоги, не находя аргументов, объясняющих, зачем это нужно. Учительница Клавдия Исааковна бешено психовала, называла меня тупым дебилом, в общем, демонстрировала крайнее недовольство тем, что ей дали такого ребенка.

В городе Ленинграде прекрасно разбирались с аутизмом. Институт мозга имени Бехтерева, где работал Юра, отлично со мной наладил отношения и сильно меня прокачал. А в городе

Уфе считали, что аутизм – это вариант умственной отсталости, и поэтому я там был очень не любим некоторыми учителями.

Но постепенно вслед за директором ушли и учителя старой закваски. Пришла молодая директриса Светлана Геннадьевна, а страшная Клавдия Исааковна распалась на несколько учителей-предметников. Добро победило зло.

Светлана Геннадьевна сказала: «Ребенок специфичен. У него есть минусы и плюсы. Наша с вами педагогическая задача – превратить минусы в плюсы, а плюсы развивать». Так я почувствовал себя под ее защитой.

По счастью, Светочка, так я теперь ее про себя называл, стала вести в моем классе русский язык. На одном из первых уроков было дано задание написать сочинение на тему «Моя семья». Будучи ответственным ребенком, я взял чернильную ручку и без единой кляксы написал: «У меня есть мама и папа. Мои папа и мама красивые». Потом я решил, что надо тему как-то развивать, но понял, что не помню, как мама и папа выглядят. Я огорчился, что стою на пути к двойке. Из меня начало капать прямо на лист. Так я и сдал сочинение из одной строчки. Вместо двойки я получил «См», чему очень обрадовался. Светочка написала мою фамилию – Смоляков! А после четвертого урока она привела меня к себе домой. Мы сели за стол и ели вместе с ней и ее сыном Алешей шоколадный торт с цветочками, а потом играли в железную дорогу. А я мечтал о том, чтобы однажды прилетели марсиане и забрали Алешу с собой. В этом не было ничего личного, я мечтал о самых добрых марсианах для него, просто мне очень хотелось, чтобы место сына Светочки было никем не занято, даже таким хорошим мальчиком, как он.

Когда я окончил школу, бабка была резко против моего отъезда куда-либо.

– Ну куда тебя такого возьмут? А здесь пойдешь к тете Вале на почту работать.

Я же отчетливо понимал, почему ей хотелось, чтобы рядом с ней оставался ребенок-инвалид (хотя инвалидность с меня в четырнадцать лет сняли). Это же выглядело так благородно: бабушка-мученица тянет внука! Но я твердо решил, что уеду, потому что этот город воспринимал как личный концлагерь и совершенно не мог в нем оставаться.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Спустя десять лет я вернулся к маме. Она давно жила одна. Оставшись друг с другом в новом городе строить новую жизнь, родители разошлись еще в год моего отъезда с дедом в Уфу. Едва на моих пальцах отросли новые ногти, как папа загулял с девушкой, которая была столь же красива, как мама, но моложе. А потом еще с одной, и еще, и еще. Все его женщины были умны, обаятельны, со многими из них он знакомил меня, когда я приезжал в Новосибирск на каникулы. Глядя на его очередную спутницу, я думал: «Чем же кроме красоты он мог тебя завоевать?» Был в нем все-таки какой-то гофмановский морок.

В один летний денек, прогуливаясь в районе ЦУМа, я решил прокатиться и сел в автобус № 8, первый подошедший.

«Вот и отлично, — подумал я, — посмотрю легендарный Академгородок». Оказалось, что там находится НГУ, где экзамены принимают раньше, чем в других вузах. Я решительно направился в приемную комиссию поступать на истфак. Но удивительным образом оказался на филологии, хотя никогда не был влюблен в слова и не ощущал себя лингвистом. Мне нравилась история, нарратив, я мыслил себя археологом. Но когда шел по длинному коридору, увидел двух совершенно мифических существ: шагали и разговаривали друг с другом дедушка с седым начесом и дяденька, похожий на веселого кота манула.

— Кто это? — зачарованно спросил я проходящую мимо девушку.

— Это Кирилл Алексеевич Тимофеев и Ленечка Панин.

«Какое оно волшебное! Дедовое и паповое! Я хочу у них учиться!» — безапелляционно заявил мой детский инстинкт.

С влюбленностью у меня было все очень причудливо, само понятие «семья» пугало. Я отчетливо помнил, как бабка, отлупцевав меня страшным боем, сказала: «Сережа, перестань плакать, перестань обижаться. Все заживет. Ты только никому не говори. Да, я психанула, но я же бабушка твоя, я люблю тебя, мы же семья». Так фраза «Мы же семья» превратилась для меня в венец кошмара. Я боялся женщин, они стали источником агрессии и опасности, а мужчины с детства прочно ассоциировались с каждоднев-

ным испытанием «Найди папу». Я асексуальная противоположность своего папы, но меня это не огорчает. Я чувствую свободу от необходимости продолжения рода, ведь он нарожал целый детдом!

После окончания универа я пошел работать ассистентом кафедры, вел семинары по старославянскому и культуре речи. Но денег было катастрофически мало. Однокурсник предложил перебраться в Москву, где нужны были грамотные журналисты, вот я и рискнул. Газеты открывались и закрывались, я не успевал за страной, размашисто шагающей в пропасть грядущей перестройки. А тут знакомый предложил пойти к Арсену: и работа непыльная, и денюжат продержаться на плаву хватит. Подальше от родни.

ПОСТСКРИПТУМ

Виталий Щекочихин был официально женат девять раз, но поскольку время от времени он терял паспорта, то достоверно это неизвестно, как и количество рожденных от него детей. С военных служебных высот он слетел, спалившись на очередной интрижке, и ушел в инженерный сервис.

Путем различных махинаций, которые открылись с кормы «Титаника»-СССР, он стал весьма состоятельным человеком. И уже совсем ни в чем себе не отказывал. Его последней жене было девятнадцать лет, как и первой, когда они только поженились, и она была похожа на итальянскую киноактрису.

Оттого что ему стало нечего больше хотеть, он почувствовал свою жизнь исчерпанной. Желаемого добился, а на новые горизонты не хватало фантазии. При всей своей креативности он был весьма приземленный мужчина, в его доме стояла только одна книга — «Породы собак». От обильной сексуальной практики начал изменять организм. Виталий отреагировал на это трагически: накопил разного спиртного и стал заказывать по объявлениям в журнале «Флирт» услуги девушек с низкой социальной ответственностью. Одновременное употребление крепкого алкоголя и виагры неминуемо приводит к системному сбою. С ним случился глубочайший инсульт, который ознаменовался полным распадом, и Виталию Щекочихину пришлось умереть.

Нина восприняла эту весть с печальным недоумением. «Жил грешно и умер смешно. Жаль», — пожалала она плечами.

Спустя несколько лет она будет смотреть «Фэшн ТВ» и совершит попытку суицида – по-лоснет по рукам кухонным ножом. Когда ее откачают, Нина еще долго будет твердить: «Не хочу быть старухой! Я красивая девочка, которая рождена для счастья, для кино!»

Сергей снова вернется в Новосибирск, он будет всегда отвечать на ее телефонные звонки, часто навещать в специальном учреждении с обеспеченным надлежащим уходом и привозить вкусное.

Однажды сиделка скажет:

– Сергей Витальевич, вы прекрасный сын, вы так любите и заботитесь о своей маме!

А он ответит:

– Мама у меня, как Родина, одна. И сколько бы ни было вокруг фантастически прекрасных женщин в сиреновом пальто или толстых уютных тетей, мама такая, какая есть. Маму нечем заменить. И если я откажусь от своей мамы, то мой мир станет совсем пуст.

* * *

Но этому еще только предстояло сбыться. А прямо сейчас Сергей Витальевич Смоляков, мерчендайзер московского бутика, с силой толкнул металлическую дверь районного отдела милиции и вышел на улицу. Там его ждал, широко распахнув дверь черного «гелендвагена» и дружеские объятия, Арсен.

– Ну что, герой, поехали Серегу чинить. Он хоть и из пластмассы, а все-таки человек!

– Из фибергласса! – подняв указательный палец вверх, заметил Сергей, и они громко рассмеялись.

Елена БОГОВА

* * *

*Наступает зима на пятки.
И уводит тропинкой к черту.
Я ноябрь люблю, ребятаки.
Черной линией он подчеркнут,*

*грязью, снегом, дождями, резью,
ледяными ветрами в спину.
Если в будущем мы исчезнем,
я последнюю мысль задвину:*

*что зима к нам заходит часто,
а весны очень мало. Редко!
Рвет от счастья людей на части –
это, в общем-то, знали предки,*

*потому одевались в шубы.
И готовили сани с пета.
Я ноябрь целую в губы –
получается снежный слепок.*

**Григорий
ШАЛАКИН**

ОТКРЫТАЯ И ЗАГАДОЧНАЯ ДУША КУЗБАССА

Слово об Амане Тулееве

– Помнишь, как отправил тебя в Калтан? – совсем недавно спросил у меня выглядевший довольно бодро Аман Тулеев.

– Как же не помнить 1979 год и показательный энергоучасток?! – ответил я.

Именно оттуда с подачи Амана Гумировича началось мое познание железной дороги вообще и кемеровской магистрали в частности. Прошло сорок лет с гаком, а ректор Кузбасского регионального института развития профессионального образования в очередной раз продемонстрировал свою феноменальную память.

При встречах он всегда интересовался делами чугунщиков (так называют себя железнодорожники), новостями от давних друзей. И если те публиковали какие-нибудь научные или творческие работы, ректор тут же откликнулся подарочным набором, в котором непременно присутствовал крепкий напиток отменного качества, набор шоколадных конфет и его только что изданная книга. Возглавляя институт с 2018 года, Тулеев успевал регулярно выпускать солидные научные и биографические печатные труды.

Дневники и записки полного кавалера ордена «За заслуги перед Отечеством» (всего же у Тулеева более 300 российских и зарубежных наград), доктора политических наук и народного губернатора Кемеровской области с 20-летним стажем были востребованы ведущими издательствами страны. А добротный художественно-биографический рассказ о нем вышел даже в популярной и престижной серии «Жизнь замечательных людей».

Сам Аман Тулеев никогда не причислял себя к литераторам. Но к писателям и поэтам относился с особым почтением. Для лучших из них ввел в Кузбассе ежемесячные стипендии, существующие до сих пор.

При этом великим и могучим русским языком Аман Гумирович владел отменно. Доводилось наблюдать, как во время встреч с редакторами издательств он работал со словом, оттачивал каждое высказывание, стараясь избегать двусмысленностей и неточностей в формулировках. С особой щепетильностью подбирал иллюстративные материалы. А свои мысли излагал на бумаге так, чтобы они были доступны практически любому читателю. Одна из его присказок: «Передавай суть дела на балалаечном языке, по три раза жми руки слушателям, тогда тебя полюбят, поймут и одобряют планы».

Аман Гумирович был незаурядным оратором и постоянно расцветчивал свои выступления яркими афоризмами. Часть из них составила отдельную книжку, ставшую раритетной.

В Кузбасском региональном институте развития профессионального образования Тулеев не чувствовал себя в ссылке или временщиком. Находил упоение и в этом деле. В итоге переподготовку специалистов со средним специальным и высшим образованием он поставил на новую ступень, расширил географию влияния своего института в субъектах Российской Федерации и странах ближнего зарубежья, где до последних дней оставался весьма уважаемым человеком. Не случайно к нему приезжали послы и консулы, государственные и общественные деятели. Аман Гумирович вел переписку и телефонные переговоры с лидерами государств, партий и движений. Со многими из них у Тулеева сложились доверительные отношения, когда он в 1996–1997 годах был министром в российском правительстве и занимался укреплением сотрудничества со странами СНГ.

– Хотел переговорить с Александром Григорьевичем Лукашенко по гуманитарным вопросам – не получилось. Понимаю, обстановка сейчас очень сложная, – говорил Аман Гумирович во время одной из последних наших встреч.

Учеба в Тихорецком техникуме, Новосибирском институте инженеров железнодорожного транспорта и Высшей партийной школе при ЦК КПСС способствовала становлению Тулеева как разносторонне образованного человека. С молодости он привык много читать. Электронных текстов тогда не существовало, зато четко действовал межбиблиотечный обмен литературой на территории всего Советского Союза. И через эту посылочную систему неистовый читатель выпи-

сывал нужные ему журналы, брошюры, малотиражные книги. Кипы всевозможных изданий всегда теснились на его столе и обновлялись еженедельно.

Когда же он успевал знакомиться с новинками? Ответ прост: после гудка, оповещавшего об окончании основного рабочего времени. Поэтому свет в его кабинете гас только ближе к полуночи... И вот в один из таких поздних вечеров новокузнецкий фотожурналист Геннадий Нефедов привел меня к молодцевато выглядевшему человеку со спортивной выправкой и горящими глазами.

— Аман, он готов поработать у нас, — сказал про меня сопровождающий.

— Разберись с Нодэном, почему городские электрички опаздывают на Запсиб, и напиши об этом в газету, — предложил первый заместитель начальника Новокузнецкого отделения Западно-Сибирской железной дороги.

На следующий день мне пришлось трижды обойти этажи транспортного ведомства. Но таблички с фамилией Нодэн я так и не обнаружил. Хорошо, что знающие товарищи подсказали: под таким грифом зашифрован заместитель начальника отделения по организации движения поездов. А, например, под сочетанием ПЧ подразумеваются путейцы, ШЧ — это связисты, ЭЧ — энергетики...

Газетный материал, созданный с участием НОДНа, доброжелательного Ясея Лейбовича Ривкина, получил общественный резонанс. О проблеме узнали в горкоме партии и управлении Западно-Сибирской железной дороги. На оздоровление колеи, по которой ежедневно ездили на работу 30 тысяч металлургов, выделили средства, материалы, специальные подразделения и предусмотрели «окна» для проведения ремонтных работ.

Как выясняется, не только празднование Дня матери в России восходит к инициативе Тулеева. Он и гласность начал использовать как подмогу раньше, чем провозгласил о ней единственный президент Советского Союза Михаил Горбачев.

Беспрестанный стук вагонных колес за окном, начитанность и знание технических новшеств побуждали Тулеева менять устоявшиеся порядки, усиливать отдачу инженерного труда. Он не терпел, когда на отдельных направлениях по разным причинам были вынуждены ограничивать скорость поездов. Объяснений не при-

мал и заставлял специалистов продумывать меры борьбы со «спотыкачеством» железнодорожных составов. При нем навели порядок на мостовых переходах и в тоннелях, то есть на самых сложных участках Южного Кузбасса.

В 1970-х годах на долю первого заместителя начальника отделения дороги и служб, подчинявшихся ему в оперативном порядке, легла ответственность за безопасное следование миксеровозов — специальных толстостенных цистерн с жидким чугуном — с Кузнецкого металлургического комбината на Западно-Сибирский металлургический завод. Там расплавленный металл соседей использовали для получения конвертерной стали. Маршрут проходил через новокузнецкий вокзал и по пути затрагивал другие пассажирские станции. То был редчайший для мировой транспортной практики эксперимент. А главное, что за многие годы его осуществления на территории полумиллионного города не произошло ни одной аварии.

Зато в густой черной шевелюре Тулеева появились серебристые прядки. Ему вообще нередко приходилось принимать решения на свой страх и риск. Благо начальник отделения дороги Андрей Иванович Клепиков не лишал своего энергичного зама карт-бланша. То есть не отнимал у него полномочий.

— Пусть Аман учится, привыкает брать на себя инициативу, — говорил учитель о подопечном.

Клепикову, ценившему тулеевскую хватку, можно доверять. Ведь перспективным молодым инженерам индустриальный полигон на юге Кузбасса предоставлял широчайшие возможности для профессионального и карьерного роста.

Тулеев слыл руководителем нового типа, поскольку опирался на поддержку сотрудников, всегда учитывал человеческий фактор. Он считал, что высокие трудовые показатели приобретут стабильность только в том случае, если из поля зрения руководителей перестанет выпадать повседневная забота о людях. Вот, к примеру, в ряде железнодорожных служб, в частности у вагонников, отсутствовали нормальные бытовые условия. Людям элементарно негде было переодеться перед сменой и помыться после нее. Мастерские ютились в сараях. Не было пунктов обогрева. Аман Гумирович добился перелома ситуации. За короткий срок организовал строительство нужной инфраструктуры. Это стоило громадных усилий, потому что необходимые ресурсы приходилось изыскивать на месте.

Или, скажем, сегодня с трудом верится, что еще в 1980-х годах не существовало сквозного автомобильного сообщения между Новокузнецком и Таштаголом. Случись что, на выручку могла прийти только железная дорога. А у нее свои задачи и масса ограничений по видам перевозимых грузов. В таких случаях Тулеев осознанно шел на нарушения правил, чтобы помочь остро нуждающимся людям.

Теперь в Горную Шорию из Новокузнецка ведет отличная автомагистраль. Там строится современный город Шерегеш, запланирован аэропорт. А горнолыжный курорт в тех местах тоже появился по инициативе Тулеева, который командировал кузбасских специалистов в Швейцарию для изучения опыта. Шерегеш, Танай, Горная Саланга, Междуреченск – ныне крупные и популярные горнолыжные комплексы нашей области.

Перед прибытием на работу в Новокузнецк Аман Гумирович накопил немалый опыт на станции Мундыбаш, что в Таштагольском районе. Там он оказался по распределению после окончания Тихорецкого железнодорожного техникума. Оттуда через пять лет перебрался в Междуреченск. Так Кузбасс стал его второй (а точнее, третьей по счету после Туркмении и Башкирии, где прошло детство) малой родиной, но основной и главной по существу.

В Мундыбаше молодой специалист приобщился к рационализации. О его новаторстве Западно-Сибирская студия кинохроники подготовила сюжет и, как было принято тогда, показала его в кинотеатрах в одном из выпусков журнала «Сибирь на экране».

Там же Тулеев на всю жизнь связал свою судьбу с Эльвирой Федоровной Соловьевой, а также узнал о работе знаменитого школьного оркестра народных инструментов под управлением учителя литературы Николая Капишникова.

Многому Тулеев научился у опытного железнодорожника Михаила Морева при назначении начальником крупнейшей в СССР углепогрузочной станции Междуреченск.

Позже Аман Гумирович заведовал отделом транспорта и связи Кемеровского обкома КПСС. Его тревожило, что около промышленных предприятий резко замедлялся бег железнодорожных составов. Тулеев выявлял резервы подъездных путей. Много внимания уделял ускоренному формированию и продвижению тяжеловесных

угольных поездов. На то время пришлось пропустить рекордных составов с углем весом по восемнадцати тысяч тонн и доставка к месту назначения огромной негабаритной шаровой мельницы для углепровода Белово – Новосибирск длиной 262 километра.

Позже Тулеев возглавил Кемеровскую железную дорогу. До назначения министром российского правительства избирался председателем Кемеровского областного Совета народных депутатов. Тот период отмечен его противостоянием с главой администрации Кемеровской области Михаилом Кислюком. Помнятся длительные, до полугода, задержки зарплат учителям, врачам...

Кемеровская область все еще пребывала в стадии шахтерских волнений, заметно покачнувших могучий Советский Союз в 1989 году. Новая Россия, встав на путь рыночных отношений, страстно избавлялась от устаревших технологий добычи угля. Это принесло огромные трудности в жизнь сотен тысяч горняков и членов их семей. Закрылось множество шахт, люди приходили в отчаяние. Не хватало даже основных продуктов питания, а имеющиеся не на что было купить. Отцы, матери, потерявшие всякую перспективу, перекрывали движение поездов на Транссибе и на юге Кузбасса. Останавливали транспортное сообщение на главных автомобильных дорогах региона.

И 1997 год стал переломным в судьбе Тулеева. Михаила Кислюка перевели в Москву, а Амана Гумировича вернули в Кемеровскую область. Жившие в тревоге труженики Кузбасса ожидали, что назначение Тулеева на губернаторскую должность президент РФ Борис Ельцин подкрепит финансовыми вливаниями, но этого не произошло. По сути, Тулеев оказался один на один с проблемами региона. Он отчетливо понимал, что спасти и сохранить индустрию Кузнецкого края можно лишь за счет перевода перспективных шахт, разрезов на самые прогрессивные способы угледобычи, а также с помощью открытия новых предприятий с развитой инфраструктурой на крупных месторождениях. Таких, например, как Ерунаковское, Караканское, требовавшие строительства мощных линий электропередачи, разветвленной сети железнодорожных путей и автомобильных дорог.

С помощью угольщиков должна была усиливаться подпитка сырьем металлургии, топливом – энергетики. Это потянуло бы за собой модерни-

зацию строительной отрасли, перестройку социальной сферы и адресную помощь определенным категориям кузбассовцев.

Теоретически так. Но на все требовалось время. А успокаивать народ, побуждать его браться за новое нужно было здесь и сейчас. Нам повезло, что разговаривать с рабочими и убеждать их Тулеев умел.

Проверку на прочность своих доводов он прошел в горниле забастовок и «рельсовых войн». Губернатор доподлинно знал, что можно сделать моментально, что пообещать людям и какие перспективы наметить. Приходилось быть свидетелем, как с его подходами при разрешении критических ситуаций считались представители президентской администрации, вице-премьеры российского правительства, депутаты Государственной Думы и сенаторы.

Лишь стихла «рельсовая война» в Анжеро-Судженске, мы со спецкором влиятельной японской газеты «Асахи» оказались на месте кострищ возле великой сибирской железной дороги. Японец снял кепку и смотрел вдаль, где ютились непритязательные еще со времен Михельсона жилища шахтеров. Потом заплакал и широко развел руками:

— Не представляю, как и откуда могла взяться народная мощь, которая остановила страну и заставила весь мир задуматься над ситуацией!

Кто остановил неуправляемую волну возмущения? Безусловно, Тулеев. Ему поверил народ.

Одновременно Аман Гумирович подготовил и в декабре 1997 года провел Чрезвычайный съезд работников угольной промышленности Кузбасса. Такого обстоятельного разговора о судьбе отрасли не было никогда. Часть идей того съезда актуальна по сей день.

Эти факторы прибавили известности Тулееву не только на союзном пространстве, но и далеко за его пределами. К нему потоком шли письма из разных уголков мира. Он старался отвечать на них. Хотя свободного времени, как правило, не было. Поэтому работе с почтой Аман Гумирович посвящал воскресные дни. Его помощники тоже не знали выходных. Своими глазами я видел заваленный посланиями большой стол в кабинете губернатора, за которым проводились совещания актуального характера.

Тулеев никогда не ставил свою подпись под ответом на письмо, досконально не выяснив, кто автор, о чем пишет, сигнализирует.

За Аманом Гумировичем с первых дней губернаторства стояла команда преданных единомышленников. Среди них было немало отличных специалистов из числа промышленников, аграриев, ученых. Они и в настоящее время остаются в большой цене у молодого поколения руководителей. Поначалу безоговорочная преданность команды лидеру кое у кого вызывала скепсис. Но нужно понимать, что тулеевское ядро сторонников формировалось не само по себе, а в ходе политических дискуссий между партиями и движениями. Аман Гумирович своих убеждений не менял, особой гибкостью не отличался. Достаточно вспомнить его разногласия и размежевание с коммунистами Геннадием Зюгановым и Ниной Останиной, в прошлом единоверцами по КПРФ.

Многое познается в сравнении. В Советском Союзе выделяли бесплатное жилье. В России подобного не стало. Появились другие формы взаимодействия государства с населением: ипотеки, жилищные займы, ссуды, программы сноса аварийных домов. К использованию новшеств Тулеев подходил творчески. Он придумал «карусель», когда при заселении одной квартиры в только что построенном доме жилищные условия улучшало еще несколько семей за счет рационального использования вторичного фонда. Благодаря его настойчивости муниципалитеты начали строить дома для семейных студентов и специалистов, которые пожелали закрепиться в Кузбассе. При нем молодежь одержала первые победы на Всероссийском фестивале «Студенческая весна».

На чужую беду он реагировал, что называется, с лету. Вот подтверждение. Весной 2003 года мы приехали из Новокузнецка в калтанский поселок Шушталеп на вездеходе-вахтовке. В половодье в этих местах как никогда разлились реки Кондома и Шушталепка. Дома залило водой под крышу, волнами унесло скот. На коньках строений около печных труб находились мужчины, верившие в то, что река не разбухнет еще сильнее. Рядом не было видно ни одной лодки. И повсюду — тревожная тишина. Вот уж точно: спасение утопающих — дело рук самих утопающих...

Девушки в вахтовке приготовились поить горячим чаем. А он разразился такой тирадой в адрес наблюдателей за происходящим, что молодых особ сдуло под стол. Боевое красноречие губернатора привело в чувство специалистов. Быстро

нашлись плавсредства, спасатели. Обошлось без жертв.

Люди не сомневались в неизбежности будущих наводнений. Но губернатор задействовал энергетиков Южно-Кузбасской ГРЭС, специалистов по водоотведению, по строительству дамб и прочим направлениям. Закипела работа. Шушталеп защитили от внешних вод. Подтвердилась правильность поговорки: глаза боятся, а руки делают.

В Китае во время выступления Тулеева на Харбинской торгово-промышленной ярмарке на сцену неожиданно вышел человек из зала. Он сказал, что переводчик многое опускает из того, что говорит оратор. И самолично взялся за перевод. Зал взбодрился, оживился, прерывал речь Тулеева аплодисментами, а в завершение устроил овацию. Произошло это естественно, без какой-либо подготовки. Как родник пробивается сквозь скальные породы из-под земли, так и цветастые речи Амана Гумировича находили путь к сердцам людей, говорящих совсем не по-русски.

В Монголии государственные чиновники многократно советовались с Тулеевым по теме обновления железных дорог. Обращались к нему не только как к специалисту – обращались к губернатору Кузбасса, памятуя о том, что Кузнецкий металлургический комбинат остается производителем качественных железнодорожных рельсов. Аман Гумирович высказывал дельные предложения. Его видение решения проблем до сих пор воплощается в жизнь при реализации проектов по обустройству новых транспортных выходов России в страны Востока.

Аман Гумирович любил плавать в открытом море, любил русскую баню с кувырканием в пушистом снегу. Из всех видов охоты предпочитал тихую грибную. И тогда нередко останавливался у белоствольных берез. Со стороны казалось, что в молчании он исповедовался перед ними и черпал силы от земли Русской.

– Куда все подевались, когда я отошел от власти? – вопрошал он, сидя в ректорском кресле.

На вопрос этот сам не отвечал и не комментировал поступки ранее приближенных к себе лиц. Однажды наша беседа с глазу на глаз рас-

тянулась на три часа. Среди прочего Тулеева интересовали настроения земляков.

– Ты часто ездишь по области, много общаешься с земляками, – так он объяснил свой интерес. – Сейчас хотят назвать мое губернаторство эпохой застоя. По-дружески скажи: кому это в голову пришло?

Года полтора назад в Кузбасс приезжали Сергей Азимов и Вячеслав Сачков – известнейшие в документальном кинематографе люди, режиссер и оператор. Они начали снимать большой фильм о Тулееве, который, к величайшему сожалению, остался незавершенным.

Целую неделю без какой-либо предварительной подготовки мы ездили по области, разговаривали с городскими и сельскими жителями, молодыми и возрастными. Они положительно отзывались о бывшем губернаторе. Интересовались его делами и здоровьем. Рассказывали о запомнившемся в тулеевском двадцатилетнем правлении. Отмечали его подвижничество при превращении Кузбасса из региона забастовочного в динамично развивающийся. И в данном случае особой подтверждающей статистики не требуется. Достаточно знать, что вместо прежних 100 миллионов тонн угля в год Кемеровская область стала поставлять потребителям вдвое больше топлива.

Беда с «Зимней вишней», безусловно, подкосила Амана Гумировича. Сочувствие пострадавшим выразила Агафья Лыкова с заимки на реке Еринат в Хакасии. Пожалела и Тулеева, написав, что в пожаре его вины нет. Каждый год после трагедии он приходил к мемориалу в парке Ангелов с огромной охапкой цветов и замирал в минуте молчания. Было заметно: его душа страдала.

Последние годы Тулеев являлся членом Высшего совета партии «Единая Россия» и гордился этим. От работы и общественных поручений не отлынивал. Только в ноябре 2023 года, почувствовав недомогание, оформил отпуск. И уже 20-го числа пришла печальная весть: его не стало.

В Знаменском кафедральном соборе чин отпевания безвременно ушедшего православного прихожанина провел митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх.

г. Кемерово

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ
«СКАЗКА ЖИВЕТ В КУЗБАССЕ»**

**И СКАЗКА СКАЗЫВАЕТСЯ,
И ДЕЛО ДЕЛАЕТСЯ**

«...Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Перешла Настя через Томь по мосту Кузнецкому, прошла по одноименному проспекту, свернула на улицу Красноармейскую и дошла вслед за клубочком до парка Жукова. А там на одном из танков сидит, пригорюнившись, Русалка. Любопытно стало девочке, подошла, поздоровалась. А Русалка начала Настеньке жаловаться, что крепкий Сибирский Мороз заморозил реку Томь и теперь ей домой не попасть...» 12-летняя кемеровчанка Маргарита Кокорева (6-й класс, «Приключения под Новый год», 1-е место в номинации «Литературная сказка») описывает новогодний сон, превративший родной город в волшебный мир с Кошечем, Бабой Ягой, Змеем Горынычем, Русалкой и гномами. Все дети придумывают небылицы, но не каждый ребенок готов их записать и представить на конкурс. Для этого нужны не только литературные способности, но и очень сильное желание получить признание. А еще поддержка взрослых – тактичная, вдохновляющая и искренняя.

Региональный проект «Сказка живет в Кузбассе» зародился «на полях» Международного фестиваля русского языка и литературы «Матрица речи», реализованного в 2023 году Кузбасским центром искусств при поддержке Министерства культуры и национальной политики Кузбасса. Хотя первые сказочные ростки были

взлелеяны еще в 2022 году, когда удалось провести серию творческих встреч лучших авторов региона, пишущих для детей, со школьниками Кемерова. Совместный проект Кузбасского центра искусств и Кемеровского областного отделения Союза писателей России под амбициозным названием «Я – писатель» имел целью вызвать у ребят желание не только читать, но и попробовать себя в роли сочинителей стихов, считалок, загадок и сказок.

Проект был рассчитан на три летних месяца школьных каникул, когда уже закончились уроки и все общение могло проходить в формате игры. Сначала взрослые сказочники Кузбасса (12 прозаиков и поэтов) читали детям вслух свои произведения, а потом предлагали каждому придумать и записать в самодельную книжечку из нескольких страниц собственную историю в прозе или в стихах, нарисовать к этому сюжету иллюстрации. И прочесть перед всеми, что получилось!

Поначалу многие стеснялись, но затем, убедившись, что презентация своей первой книжки – это совсем не страшно, а очень даже весело, торопились занять очередь для выхода на импровизированную сцену. Этот опыт доказал, что, во-первых, дети могут и хотят писать сказки, а во-вторых, они, как и взрослые, очень ценят результат: памятные бумажные «артефакты» встречи с писателями стали предметом гордости для юных авторов и настоящим открытием для их родителей. В общей сложности в этой творческой лаборатории попробовали свои силы около 300 детей!

Тогда в Кузбасском центре искусств родилась еще одна идея – издать настоящую сказочную книгу, собрав в нее самые интересные произведения детских писателей области и к тому же используя новейшие технологии. Книга должна была стать первым в регионе интерактивным печатным сборником с элементами дополненной реальности, с закодированными буквами-словами и шифрами-загадками. Назвали ее «Секретики». И есть особая символичность в том, что для воплощения проекта в жизнь потребовалось ровно девять долгих месяцев. Ведь, помимо сложных технических вопросов, решались и многие творческие, например по анимации волшебных героев, которые еще даже не были нарисованы. В общем, задача стояла крайне непростая – сделать книгу интересной для современных детей, которым виртуальная реаль-

ность заменила почти все другие источники познания.

Иллюстрации для «Секретиков» выполнили воспитанники ГАУДО КО РЦВПС и ТДМ «Сириус. Кузбасс». На первой смене в декабре 2022 года за четыре дня была нарисована 21 иллюстрация. Эти работы выполнили 16 детей. Потом последовала доработка. И в течение нескольких месяцев количество иллюстраций достигло 82. Дети были в восторге!

Герои сказок не только ожили в движениях, но и заговорили голосами актеров: Андрея Куликова из Театра драмы Кузбасса и Вероники Ладутко из Театра для детей и молодежи.

В итоге получилась совершенно «волшебная» книга! Ее можно читать, раскрашивать в ней рисунки, взаимодействовать с ней через приложение: посмотреть мультики и познавательные ролики, послушать аудиозапись сказки, исследовать «секретные» изображения, собрать пазлы из иллюстраций, обнаружить спрятанные в них буквы, составить из них начало присказки «Сказка ложь, да в ней намек». И даже стать соавтором, написав свою собственную сказку (в конце книги для этого есть отдельная страница).

Как пример, одна из сказок «Секретиков» – «Пятна на солнце» (автор Александр Колтаков, г. Новокузнецк). Это история про цинично-скептически-противного ужа, который предлагает ежику и зайчику взглянуть на мир через... черные очки. Темные стекла так искажают реальность, что товарищи начинают сомневаться в своих прежних взглядах.

– Мне тоже стало грустно. Неужели в мире нет ничего совершенного, настоящего?! Если даже солнце с пятнами.

– Ничего... Если посмотреть вокруг хорошо вооруженным взглядом, – подтвердил ежик печальный вывод друга.

– Выходит, и дружба наша ненастоящая, с пятнами?

– Выходит, так.

Однако спустя какое-то время приятелей быстро приводит в чувство медвежонок.

– Вы почему такие грустные?

– Мы увидели на солнце пятна.

– А откуда они там взялись?

– Не знаем.

– Оно от этого стало хуже светить?

– Нет.

– Меньше стало греть?

– По-прежнему...

– Так что же вы мне и себе голову морочите?! Нас рыба ждет!

Под конец сказки вредный уж разбивает свои черные очки, новым взглядом смотрит на мир и даже предлагает свою дружбу лягушонку.

У Зои Козловой в «Секретиках» – стихи, испытанные на нескольких поколениях воспитанников детского сада. К слову, она сама очень смешно их читает и умеет при этом прикольно свистеть – дети на встречах слушали ее с открытыми ртами!

У Веры Лавриной в сборнике три поучительные сказки, похожие на притчи. Финал первой: «Люди иные тоже ценят в себе самое пустое, а не то, ради чего их Бог создал». Финал второй: «Первыми, слышь, не по хотению, а по умению становятся». Третья более объемная, она про изменчивость и непостоянство мира.

Наталья Шицкая опубликовала рассказ «Живая тайна». Прочитав его, дети узнают: нечто удивительное и прекрасное легко найти даже под ногами – там, куда мы обычно почему-то не смотрим, а стоило бы.

Екатерина Тюшина рассказала про девочку, которая заботилась о муравьях и очень переживала за их судьбу в холодную зимнюю пору.

Татьяна Маркинова написала историю «Где-то в тайге». В этой сказке девочка отдыху на море с родителями предпочла поездку к бабушке в глухую деревню, где и умудрилась попасть в мистическую историю. Но даже после череды пугающих приключений главная героиня не перестает любить замечательный деревенский мир.

Анна Пронкевич – автор антистрашилки про монстра. Это сказка для детей, которые боятся засыпать. Оказывается, стать смелым просто: «Чудище перестало прятаться под кроватью, а Димка понял, что, прежде чем кого-то испугаться, надо внимательно его разглядеть».

Людмила Седельцева опубликовала фэнтези о том, как под Новый год девочка и мальчик побывали на инопланетной елке. Поколдовали там немного, подружались с представителями иной цивилизации, украсили их сиреневую планету – и обратно домой.

Помимо сказок, в «Секретиках» есть стихи для самых маленьких.

Председатель ООО «Союз детских и юношеских писателей», специалист ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования», руководитель бла-

готворительных проектов, направленных на популяризацию чтения среди детей и борьбу с малочтением, ведущая авторских интерактивов для детей Светлана Кривошлыкова (г. Москва) высоко оценила значение сборника «Секретики»:

«Когда мы делаем интерактивные книги, это позволяет привлечь интерес подрастающего поколения, потому что они сегодня не такие, как мы с вами были в детстве. Они хотят, чтобы книга была приближена к мультфильму, к виртуалке. И чтобы нам победить в этой борьбе за чтение, нужно идти в ногу со временем и придумывать новые возможности. Это очень здорово, что вы реализуете такой проект. Это важно и для региональных авторов, которым сегодня тоже нужно чувствовать поддержку и от государства, и от читателей. И конечно же, здорово, что есть такое приобщение детей к литературе, к искусству, это великая воспитательная составляющая, потому что слово – это то, с чего все начинается, в том числе развитие, а также оно определяет будущее, становление личности, раскрывает творческое начало. Я первый раз в Кемерове, и я чувствую, что здесь такая теплая обстановка. Это потрясающе!»

После всех этих чудесных экспериментов и писательских арт-коллабораций вполне логично стартовал первый Региональный литературный конкурс для школьников «Сказка живет в Кузбассе». Он для тех, кто уже поверил в себя и решил услышать оценку профессионального жюри. Эксперты рассмотрели 39 заявок учеников шестых – одиннадцатых классов в четырех номинациях: сказка литературная, волшебная, бытовая, стихотворная. В конкурсе приняли участие школьники Кемерова, Новокузнецка, Белова, Мысков, Киселевска, Полысаева, Анжеро-Судженска и Яйского МО.

Хотя возраст участников и номинации конкурса были разными, главный закон был соблюден: в сказках добро всегда побеждает зло.

В то время как одни авторы наделяют сказочно-философскими смыслами рассказы о ссоре школьных подружек или происшествии в детском лагере, другие создают уникальный фантастический мир со своими правилами и, конечно же, трудными испытаниями – даже, к примеру, в Королевстве цветов: *«И тогда Колокольчик понял, что он в круглом одиночестве на всем белом свете! Он плакал от боли и одиночества.*

Что такое боль, он уже знал. С одиночеством он встретился впервые» (Дмитрий Фоминых, г. Белово, 8-й класс, сказка «Черная роза в Королевстве цветов», 3-е место в номинации «Литературная сказка»).

Героями произведений школьников становятся маги и чародеи, обычные люди, звери и волшебные предметы. Обижается на безобразников-мальчишек красавица Весна. Решает проучить своего глупого хозяина старинное волшебное Зеркало. И даже маленький серый Камушек умудряется найти свое место в фантазиях начинающего сказочника. Этот Камушек оказался куском железной руды и после многочисленных трансформаций стал служить людям: *«Человек поместил Камушек, который стал Шестереночкой, в часовую механизм, и тот заработал! Камушек-Шестереночка познакомился с другими детальками и почувствовал себя нужным и счастливым»* (Мария Шестак, г. Новокузнецк, 7-й класс, «Сказка про то, как Камушек свое место в жизни нашел», 2-е место в номинации «Литературная сказка»).

Ищет себя персонаж и другой сказки. Причем история самоидентификации головастика выглядит весьма убедительно. *«Я знаю, кто ты. Ты лягушонок!» – сказала солнышко. И это оказалось правдой: на кувшинке сидел лягушонок. Он не был похож ни на пиявку, ни на ската, ни на ящерицу, он похож на лягушонка. И лягушонок понял, что это превращение навсегда, что он лягушонок навсегда! И был счастлив!»* (Андрей Алафировский, г. Кемерово, 8-й класс, «В поисках себя», 1-е место в номинации «Бытовая сказка»).

Ребята много пишут о современных техногенных и вечных человеческих проблемах: тут и экология, и жажда наживы, и лень. Затронута и классическая тема вражды между народами. Погружение в историю происходит через события на малой родине: представители двух миропорядков чуть друг друга не уничтожили, но очаровательные влюбленные исправили ситуацию (обошлось без смертей – они просто поженились). *«Это замечательное событие стало началом союза не только между Талаем и Ольгой, но и между русским и шорским народами, которые решили теперь жить вместе в мире, который никогда уже не будет нарушен, потому что в основе его прочнейший материал – искренняя любовь»* (Дмитрий Гурьев, г. Мыски, 10-й

класс, «Талай и Ольга», 3-е место в номинации «Литературная сказка»).

Актуальным политическим событиям этого тысячелетия тоже нашлись сказочные причины. *«И возшло вновь солнце. И ожили звери и насекомые. И вернулись птицы, и принесли в своих клювах зернышки разных растений и бросили на землю, и выростали новые травы и деревья, и становилась земля Крымская еще краше и лучше. И снова цветут сады дивные, зреют фрукты диковинные. Возводятся дворцы чудесные. Строятся мосты величественные. И появились вновь улыбки у жителей крымских. И благодарят они всех волшебников за спасение чудесное»* (Сабина Лашкова, г. Новокузнецк, 8-й класс, «Сказка о земле Крымской», 1-е место в номинации «Литературная сказка»).

Встречаются среди конкурсных работ и такие, которые явно восходят к фольклору, подражают исконному народному творчеству. *«Упала слезинка Марьюшки на руку Весны-красны, проснулась Весна, пробудилась. Девочка ей в ножки поклонилась. Взяла Весна царевну за ручки белые, стала успокаивать: «Ладно, прощу я тебя, дитя неразумное, в этот раз, только пообещай мне, что ты кричать и капризничать больше не будешь!..» Марья пообещала, что изменит свое поведение...»* (Софья Резанцева, г. Кемерово, 6-й класс, «Весенняя сказка», 1-е место в номинации «Волшебная сказка»).

Отрадно, что некоторые участники конкурса для написания своих сказок прочитали не только множество фольклорных, литературных произведений, но и научные тексты, в том числе известную монографию «Морфология сказки» Владимира Проппа. Это явно чувствуется в таком, например, повествовании: *«Возвращается он в палаты золотые царские, а его отец встречать выбегает, целует и обнимает: думал, пропал сын с концами, как прочие дети боярские. Пришел Иван к царице, кувшин к себе прижимая. Говорит ей: «Принес я, царица-матушка, водицы вам испить живой. Только всю сразу пить нельзя, в прах обратитесь». Разгневалась царица, что он живой воротился и указывать ей вздумал, выдернула кувшин у него из рук и в три глотка опустошила. Тут же дурно ей сделалось, даже позвать не смогла никого: пожелтела, почернела, а потом и вовсе в прах обратилась...»* (Кира Молодцова, г. Новокузнецк, 10-й класс, «Иван – боярский сын», 1-е место в номинации «Волшебная сказка»).

В идеальном мире, созданном детским воображением, невольно хочется очутиться и немного отдохнуть от повседневной суеты. *«Леса земли за Доладой оказались совсем как в рассказах: без единого мертвого дерева, лишь с могучими соснами и убаюкивающим пением птиц. А от одного вдоха воздуха с запахом хвои и воды Огнедар вмиг растерял всю усталость и потерянность, что мучили его с утра после кошмара. Сидя на коне, что перешел на спокойный аккуратный шаг, богатырь ощущал такую легкость, что ему и не снилась»* (Арина Рост, г. Кемерово, 10-й класс, «Сказ о земле за Доладой», 1-е место в номинации «Литературная сказка»).

Цели конкурса были обозначены четко: увеличение читательской активности среди детей и подростков, формирование положительного отношения к русскому языку и литературе как важнейшим духовным ценностям, вклад в повышение престижа у молодежи умения грамотно владеть русским языком и в целом профессии писателя.

В ноябре талантливые ребята, ставшие победителями конкурса, были приглашены на смену «Пишем эпическое произведение» ГАУДО КО РЦВПРС и ТДМ «Сириус. Кузбасс», где смогли побывать на встречах, занятиях и мастер-классах с высококвалифицированными преподавателями литературы и профессиональными писателями региона.

Вот как отзывался о развитии проекта директор ГАУДО КО РЦВПРС и ТДМ «Сириус. Кузбасс» Галина Васильчук:

«Идея создания детского литературного конкурса «Сказка живет в Кузбассе» была обусловлена популярностью этого жанра среди детей и, как следствие, возможностью для ребят проявить свой писательский талант; он стал первой ступенькой на пути их профессионального восхождения. На смене в ОЦ «Сириус. Кузбасс» ребята не только пообщались с писателями, но и обрели единомышленников-сверстников из разных уголков области».

Тринадцать финалистов конкурса «Сказка живет в Кузбассе» награждены сертификатами на право публикации в сборнике победителей. Шестеро лучших стали авторами журнала «Огни Кузбасса» (см. ниже). Всем участникам Регионального литературного конкурса подарили и новую интерактивную книгу с дополненной реальностью «Секретики».

Торжественное награждение победителей состоялось 28 октября. Организаторы (ГАУК «Кузбасский центр искусств») постарались, чтобы ребята по-настоящему почувствовали атмосферу сказки: пространство, где их собрали, было похоже на волшебный дворец. (Партнерами проекта выступили: филиал ФГБОУ ВО РГИСИ и Школа креативных индустрий в г. Кемерово, ГАУДО КО РЦВПРС и ТДМ «Сириус. Кузбасс».)

Эмоции победителей зарядили позитивом всех участников праздника.

Новокузнецанка Кира Молодцова: *«Вообще, я сдаю ЕГЭ по литературе, и у меня были академические работы. Это была проба пера в прозе. Я невероятно рада! Это отличная возможность поверить в свои силы! Это такой заряд мотивации!»*

Кемеровский шестиклассник Александр Измудинов (написал сказку «Волшебник Изумрудкин» и занял 3-е место в номинации «Литературная сказка»): *«Мне очень понравилось! Я впервые занимаю какие-то большие места! Впервые пишу что-то на литературный конкурс! Моя сказка – она немного отличается, потому что везде злом были какие-то другие люди. Моя – уникальная немного, там про друзей, которые боролись с заболеванием. Думаю, у меня есть талант. Нужно развивать его и занимать первые места!»*

В этот сказочно-праздничный день также состоялись семинары для детских писателей области «Как найти своего издателя (на примере детской литературы)» и «Как найти иллюстратора. Особенности работы с художником». Семинары провел известный автор сказок Светлана Кривошлыкова. На творческой встрече со столичным мастером дети и взрослые, чтобы разгадать шифр сказочного криптекса, отправились в увлекательное виртуальное путешествие по городам и селам России.

Кроме того, для детей была организована грандиозная интерактивная программа с фокусниками, мимами, ростовыми куклами, дождем из серпантина и другими чудесами, с которыми ребята, разбившись на отдельные команды, знакомились, одновременно изучая потрясающие по красоте лабиринты Института сценических искусств.

Продолжился праздник презентацией книги «Секретики» и награждением всех причастных к ее появлению. Сказочный сборник вручили авторам, создателям и партнерам проекта.

В завершение торжества творческие коллективы города Кемерово исполнили для собравшихся свои лучшие хореографические номера.

Директор филиала РГИСИ в г. Кемерово «Сибирская высшая школа музыкального и театрального искусства» Марина Межова:

«Впечатления самые наилучшие, потому что мы убедились сегодня, что сказка действительно живет в Кузбассе! Это большой совместный проект с Кузбасским центром искусств, региональным отделением «Сириус. Кузбасс» и нашим институтом, филиалом РГИСИ. И наши ребята из Школы креативных индустрий сделали большой вклад в создание этого проекта. У нас есть и свои цели – это профориентация. Ребята сегодня увидели, какие в Кузбассе строятся вузы, какие интересные здесь работают преподаватели. Какие учатся талантливые дети! Поэтому пусть поступают к нам!»

Директор Кузбасского центра искусств Валерий Каплунов подчеркнул:

«Проект «Сказка живет в Кузбассе» объединил вокруг литературного творчества огромное количество людей: и детей, и взрослых. Была создана та среда, в которой появилась возможность для проявления личностных творческих начал у будущих, быть может гениальных, авторов. Мы хотим, чтобы дети Кузбасса не только учились здесь, но и оставались, работали и делали наш Кузбасс по-настоящему ярким, самобытным регионом, самым лучшим в России, где, если сильно захотеть, жизнь может превратиться в сказку».

В 2024 году Кузбасский центр искусств планирует продолжить проект «Я – писатель», который стал невероятно популярен и среди детских авторов, и среди юных сказочников. Что же касается интерактивной книги «Секретики», ее презентация состоится во всех территориях региона. Главное, чтобы писатели и читатели узнали, услышали друг друга. И получили удовольствие от совместного творческого поиска смыслов в волшебном мире родного языка и богатом легендами Кузбассе, ставшем для многих реальных героев точкой отсчета первых страниц большой книги жизни.

Николь ШТЕФАН

СЕСТРА С СЕСТРОЙ ЧТО РЕКА С ВОДОЙ

Что происходит с вещами в вашей комнате, когда вы засыпаете? Я уверена, что в это мгновение оживают все-все вещи: книги, шкафы, музыкальные инструменты. Может быть, даже горшки с растениями. Вы можете засомневаться: такого не бывает. Еще как бывает! Не замечали ли вы, что вещи в доме неожиданно поменяли свои места? Вчера лежали здесь, а утром не найти... Или они вдруг куда-то направились. Вон мой носок ползет в сторону корзины с грязным бельем. Изгибается как червячок, но стоит на него взглянуть — замирает. Да и другие вещи совсем немного, чуть-чуть, но подвинулись. Вы думаете, что это сделал кто-то из родственников, но они удивленно отнекиваются.

Сегодня мне показалось, что гитара моей сестры Марии и моя любимая укулеле поменялись местами. Я точно помню, как они стояли вечером, а теперь все наоборот. Мне даже кажется, что я видела и слышала, как это происходило.

А теперь расскажу вам, чтобы и вы последили за своими вещами.

Наши музыкальные инструменты — живые, всё чувствуют, разговаривают с нами, это каждый музыкант знает. И характер у каждого инструмента свой. Моя укулелечка — моя веселая подружка.

А вот то, что у них имена есть, что они и друг с другом общаются, я узнала только вчера ночью.

Гитара — романтическая, стройная, но в то же время строгая и сложная. Ее зовут Александра. Ее родственница, сестричка, маленькая задорная укулеле — кажется, Наташка. Вчера Александра и Наташка впервые оказались рядом: я привезла укулеле домой.

Я слышала, как Александра спросила Наташку:

— Ты кто? Почему ты такая маленькая? И почему у тебя всего... — тут гитара начала считать, — раз, два, три, четыре... всего четыре струны? Где еще две, тебя что, ограбили?

А Наташка поставила струны в боки, рук-то у нее нет, и сказала не очень вежливо, слегка задираясь:

— Кто бы меня обокрал? И ничего я не маленькая, а какого должна быть размера. Сама-то дылда, вымахала тут!

— Я больше тебя, у меня все же шесть струн, и аккорды на мне брать очень сложно! Некоторые люди даже руки в кровь стирают. — Александра подчеркнула слово «некоторые».

Это она на меня намекает! Я с ней намучилась, а она этим гордится. Совсем как ее хозяйка Маша. Тоже меня всегда возрастом попрекает и припоминает мои проделки.

— А мне кажется, что чем легче берутся аккорды, тем людям проще освоить инструмент. Зачем усложнять, должно быть весело! — заспоорила Наташка.

Я лежу довольная: не дает себя в обиду!

— Да тебя не каждый человек и по имени-то знает! Мало ли что тебе там кажется! Я людям давно знакома, меня и в походы, и на концерты, и на свидания берут. Я основа основ! Я романтическая, изящная, мелодии на мне так хорошо и глубоко звучат! А ты слишком звонкая, крикливая. Для тех же песен, что я пою нежно и благородно, твой голосок не подходит. Он звучит слишком по-детски.

Наташка немного помолчала. С такой принцессой трудно спорить! А все же сдаваться нельзя.

— Хорошо я пою, и совсем не как ребенок. Наоборот, дети легче могут освоить такой инструмент, как я.

Александра заговорила учительским тоном:

— Сама подумай: стоит ли тебе спорить со мной? Все знают, что гитара — лучше.

А укулелечка моя гриф задрала, как носик, и говорит:

— Нам кто-то третий нужен, чтобы спор решить. Только умный и независимый. Давай спросим...

— И у кого мы спросим? Сейчас же все спят!

— Люди-то спят. А слышишь, на полке напевает кто-то?

Я прислушалась — и точно, поет:

*Еще не все дорешено,
Еще не все разрешено...*

— Женщина! Помогите решить! Спорим мы! — завопила Наташка.

Да так завопила, что кошка Мышка проснулась и удивленно уставилась в темноту. На полке лежала книжка-песенник, и страницы потихоньку переворачивались. Так вот кто пел!

Наташка продолжила:

– Вы, как я понимаю, в музыке разбираетесь.

– Конечно, разбираюсь, – ответила книжка. – Я столько слов и мелодий помню! И не сосчитать.

Александра строго так спрашивает:

– Вы меня извините, а вы кто?

– Я лучший песенный сборник в этом доме, ваши хозяйки часто ко мне обращаются за помощью. В чем ваш спор, чем я могу помочь?

– Вы скажите, кто лучше: классическая гитара или укулеле? – Александра чуть не фыркнула от одного упоминания о сопернице.

– Уку... что?

Наташка чуть не заплакала:

– Ну укулеле! Меня моя Николя мечтала поскорее в руки взять, я только к вам в дом попала, а вы все меня обижаете.

Книжка поспешила исправить неловкость:

– А укулеле – это балалайка какая-то?

– Сами вы балалайки! Я, между прочим, гавайская гитара.

– Ну, гавайская гитара так гавайская гитара. Уточним: вы мне предлагаете сравнить прекрасную классическую гитару с у-ку-леле. То есть с гитарой, но гавайской. Сравнить, так сказать, родственниц.

– В целом суть вы поняли правильно! Я вот только немного стесняюсь такой родственницы. – И Александра так посмотрела на Наташку, как принцессы смотрят на толпу подданных.

– Я предлагаю по-современному! Будет батл! – предложила Наташка.

Александра пояснила:

– Соревнование, значит.

Книжка прошелестела листами, словно пожалала плечами:

– Ну, батл так батл, называйте это как хотите.

Наташка обрадовалась, что с ней согласились, и зачастила:

– Давайте у нас будет пять раундов. Вот гитара хвалится, что у нее струн больше. А зачем мне лишние струны?

– Так, у акулелели четыре струны, а у гитары шесть, – быстро подсчитала книжка.

– Да, и это логично: у кого больше струн, тот и победил.

Книжка поддержала Александру:

– В первом раунде побеждает гитара.

– Так нечестно! Я не согласна!

– Успокойся, Наташка, ты мне просто завидуешь.

– Ну и пусть у тебя струн больше. Большая фигура, да дура!

Мне показалось, Наташка даже язычок высунула.

– Второй раунд! – хлопнула книжка обложкой о полку.

– Аккорды! – предложила гитара.

– Сколько пальцев, Александра, требуется использовать музыканту, чтобы сыграть аккорд Ам?

– У меня он играется тремя пальцами.

– А у меня всего одним, – похвасталась укулеле.

– Тут, дорогие мои, все понятно: побеждает укулеле.

– Ух ты, вы мое название в первый раз правильно сказали!

– Я и до этого его правильно говорила. Ты что обижаешь судью, хочешь, чтобы я у тебя балл забрала?

Наташка примолкла.

– Третий раунд! Сколько музыкантов играет на гитаре?

Александра задумчиво протянула:

– Бесчисленное множество: и профессионалы, и любители...

– И на мне очень много, а точно я не знаю...

– Надо бы поточнее.

Инструменты сказали хором:

– Много!

– Тогда ничья! Раунд четвертый.

И тут Наташку осенило:

– Транспортировка!

– Вам обоим нужен чехол, но Наташке нужно меньше места, значит, победила она.

Александра гневно возразила:

– Да и я не орган, даже не контрабас! Этот раунд надо отменить!

– Да, не совсем честный раунд, – согласилась книжка. – Заменим вопрос. Вот скажите мне, у вас же струны из разных материалов, а на каких струнах играть сложнее?

– Опять я победила! У укулеле струны нейлоновые, играть легче, пальцы не очень стираются.

– А у меня металлические, звук лучше, но играть сложнее, новичкам особенно. Укулеле победила, – слегка поникнув, признала Александра.

– Перед последним раундом счет 2:1 в пользу укулеле! – напомнила Наташка.

– Финал! – провозгласила книжка. – Сыграйте одну и ту же мелодию, я послушаю и выберу победительницу.

Я услышала хорошо знакомые звуки:

– Трын! Трын! Трын! Трын!

Зачем же они такую монотонную мелодию выбрали? У укулеле звуки яркие и звонкие, все оживает от них, хочется плясать, это похоже на народные танцы, которыми я занимаюсь. Но и гитара мне очень нравится, я просто до нее не доросла еще. Она как Маша, моя старшая сестра: красивая, независимая, элегантная. Если честно, то я хотела бы на нее походить.

– Тун! Тун! Тун! Тун!

– Девочки, но я же еще не просила играть!

– Трыц! Трыц! Трыц! Трыц!

– Девочки!!!

И тут я проснулась. Утро, 7.10. Мама уже два раза заходила в комнату, пытаюсь поднять и отправить меня в школу.

Эх, все-таки сон! А я-то волновалась. Вот и наши с сестрой споры никогда не заканчиваются безоговорочной победой. А кто же у них все-таки победил? Гитара? Укулеле? Стоят обе, помалкивают. Но местами-то поменялись!

Я ушла в школу. А вечером того же дня спор разгорелся с новой силой.

– Укулеле круче!

– Нет, гитара лучше!

– А вот и нет!

– Мама, опять мелкая не слушается! Она меня вообще ни во что не ставит!

– Девочки, не надо ссориться, давайте лучше устроим батл...

Дарья ТРЕФИЛКИНА

ВОЛШЕБНОЕ ЗНАНИЕ

В холодном месте за горами Шории, где текла река Томь, жили и работали люди. Небо там всегда было черным от смога и дыма. Это губило воду, растения, люди от этого жили меньше и были несчастны. Не знали жители, что делать, ведь остановить свои работы они не могли.

Собрали люди совет, и сказал один юноша:

– Я пойду к другим местам, туда, где небо светлое, и узнаю секрет, как избавиться нам от черного дыма.

– Непростую цель ты выбрал, – удивились люди. – Но если найдешь ответ за горами, принеси его нам, совсем мы устали от черного дыма.

Снарядили люди юношу Талая в дорогу. Дали ему воды и хлеба, сапоги новые да еще добрых слов напутственных наговорили.

Быстро до гор добрался юноша. Полез по крутому подъему, а сапоги его все вверх подтапливают и оступиться не дают, словно сама судьба Талая поддерживает.

Перешел юноша взгорья и видит озеро огромное, а по берегу человек ходит. С ног до головы он черный как уголь, и только глаза поблескивают.

– Здравствуй, парень, никак спасенье от дыма ищешь? – спрашивает черный человек.

Рассказал ему Талай свою историю, попросил помочь.

– Нужно тебе на другой берег озера. На том берегу город стоит, вот там и расспрашивай.

– Как же я переберусь на другой берег? У озера твоего и краев не видно!

– Я перевезу тебя. Но ты отдашь мне то, что найдешь за озером.

Делать нечего, согласился юноша. Перевез его черный человек через озеро. А на том берегу стоит город огромный. И едва Талай в нем очутился, сразу голос за спиной услышал. Обернулся – перед ним прозрачный человек стоит, только черные глаза видны.

– Не ты ли, парень, спасенье от дыма ищешь? – спрашивает прозрачный человек.

Рассказал ему все юноша и совета попросил.

– Нужно тебе дальше идти, за город, через большие ворота, которые охраняют тридцать девять воинов. За воротами и нужно спрашивать.

– Как же я пройду через те ворота, раз стража такая большая?

– Я проведу тебя. Но ты отдашь мне то, что найдешь за городом.

И в этот раз согласился парень. Ночью прозрачный человек провел его через ворота. А за воротами большой лес стоит, на краю леса хижина убогая. Вышел из той хижины человек, весь он из железа блестящего.

– Здравствуй, юноша, – говорит человек. – Заходи в мой дом, гостем будешь.

Зашел Талай в дом.

Накормил его хозяин и стал расспрашивать:

– Долго ищешь помощь людям?

– Долго, хозяин. Через взгорья пробрался, через озеро переплыл, в городе побывал. Теперь мне здесь велено искать. А что ищу я, сам не знаю.

– А видел ли ты, юноша, двух людей: одного прозрачного да другого черного?

– Видел. Они мне дорогу и указали.

– Так ты с моими братьями виделся! Вот хорошо-то, что живы они! Три века не виделись мы, три века не можем никак домой к нашей матери-земле прийти да встретиться. И раз уж ты мне хорошую весть принес, помогу я тебе. Завтра утром к этому лесу, к железному столбу придут боги силой мериться. Ты спрячься, а как они устанут, выйди и о своей беде поведай. Тут и конец твоим поискам!

– Спасибо тебе, железный человек! Как могу я тебя отблагодарить? Не нужен ли тебе, как твоим братьям, подарок?

– Нет, ничего мне не надо. Разве что, если спросят боги, кто тебе помог, помяни и меня добрым словом.

Поблагодарил железного человека юноша, обещал исполнить его просьбу. А как рассвело, пошел к железному столбу и спрятался.

Вскоре спустились к столбу три бога, стали между собой спорить о чем-то да силой мериться. Долго соревновались, но, подуставши, присели на землю вокруг столба.

Талай храбрости набрался и вышел к ним:

– Великие боги! Вы сильны и мудры, и мы, люди, знаем об этом. Одно только неизвестно: кто из вас к нам добрее? Есть беда у людей: черный дым нам жизни не дает, а как извести его, мы не знаем. Кто из вас сможет помочь, того более мы будем чтить и благодарить!

Засмеялся один из богов:

– А зачем нам в этом деле помогать? Сами люди свою беду создали!

Другие же два бога согласились помочь.

Они вручили юноше небольшой свиток и сказали:

– Подарили мы тебе волшебный свиток. Когда развернешь его, люди узнают, как изгнать дым. Вот только скажи нам, человек, кто помог тебе? Ведь люди сами не могут сюда добраться!

Рассказал им Талай и про встреченных на пути братьев, и про железного человека не забыл доброе слово замолвить. Снял тогда старший бог со своей одежды три пера чудесной птицы и велел передать их тем трем братьям.

Собрал парень волшебные подарки, еще раз богов за щедрость поблагодарил и в обратную дорогу отправился. Возле хижины отдал одно перо железному человеку, и ушел железный человек вслед за пером, указывающим путь к родине. И брату его прозрачному в городе Талай одно перо отдал, тот тоже отправился в путь-дорогу. Только, пока по городу Талай шел, потерял последнее перо, да поздно опомнился. А черный человек уж на берегу озера ждет, о плате спрашивает. Узнал о потере пера – стал подаренный свиток требовать. Согласился юноша, пришлось исполнять уговор.

Переправил его черный человек через озеро и спрашивает:

– Значит, зря ты, Талай, так далеко ходил?

– Нет, не зря, черный человек.

Задумался тогда черный человек и остался ждать других людей, которые придут к нему в поисках волшебного знания.

Талай был смекалистым юношей: пока разносил перья, одним глазком да успел посмотреть, какой секрет в свитке был написан. Вернулся он и научил людей способу, как сети волшебные плести, от которых облака светлеют да смог рассеивается. Сплели люди сети шелковые, пропустили дым через эти сети, и вышло оттуда облако светлое. Так весь дым изловили, а после на все трубы сети такие чудесные начали накидывать, и не стало смога и дыма в их краю. Небо над людьми очистилось, а, главное, сами люди стали счастливее и добрее.

**Софья
РЕЗАНЦЕВА**

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были царь с царицей, и была у них любимая дочка Марьюшка. Красавицей Марьюшка была, но насколько красивая, настолько же и избалованная: чуть что не по ней – сразу же крик и слезы.

Вот как-то раз, в самом начале весны, вышла Марьюшка в сад погулять. Идет и видит: вокруг все тает, ручейки бегут, деревья просыпаются, птички песни весенние поют. Царевна под ноги не смотрит, разглядывает все вокруг и не заметила, как наступила на тоненький ледок.

Лед хрустнул под ее ножками, и провалилась она в лужу – полные башмачки студеной воды набрала. Другая огорчилась бы, конечно, да тихонько вернулась домой переобуться, а Марья раскричалась, разругалась: «Ах ты, Весна проклятая! Ты зачем к нам пришла, грязь-воду принесла? Уходи, Весна! Не желаю я тебя видеть! По мне, так пусть вечно зима будет!»

Только выкрикнула это девочка, как страшный гром раздался с неба. Откуда ни возьмись налетели ветры буйные, северные, закружили метели седые, стало на окрестной земле холодно и неудобно. Испугалась Марьюшка, приумолкла да скорее во дворец бежать.

Вот день прошел, пролетел другой – так незаметно и седмица миновала. А погода все пуще бушует, с каждым днем на улице все холоднее становится, метели да вьюги не прекращаются. Царь с царицей кручинятся: если так дальше пойдет, то погибнет их царство-государство! А что делать, они не знают.

Царевна хоть капризна была, но не глупа. Поняла, что ее в том вина: разгневала она Весну. Испугалась Марьюшка, стала у Весны прощения просить, да не слышит та ее.

Вот как-то вечером сидела девочка в своей горнице у замерзшего окошка, пригорюнившись. Подошел к ней серый котик Мурлыка и стал о ее ножки тереться. Хотела царевна его пнуть да закричать на него, но вовремя одумалась. А Мурлыка вдруг заговорил человеческим голосом: «Если хочешь, царевна Марьюшка, беде помочь и прощения у Весны выпросить, то должна ты идти в Дальний лес, что на самой границе царства твоего батюшки находится. Там в самой чаще и стоит хрустальный чертог Весны-красавицы».

Делать нечего, стала Марья в путь-дорогу собираться: оделась потеплее, собрала котомочку и тайком от родителей вышла из дворца.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Дошла наконец девочка до опушки леса. Неприветлив, мрачен стоит Дальний лес: ни птица не пролетит, ни зверь не пробежит; сугробы кругом по пояс. Но царевна легонька, стала она потихоньку в глубь леса пробираться. Вот бредет она по сугробам тихонечко, видит: березка, на березке свежие зеленые листочки от холода сморщились, а на голой ветке гнездышко птички малиновки – всем ветрам и стуже лютой открытое. В гнездышке малиновка раскинула

крылышки, старается согреть своим теплом только что вылупившихся, еще не оперившихся птенчиков, но уже и сил у нее не остается – замерзает. Посмотрела на нее с грустью Марьюшка и уже хотела пройти мимо, но что-то кольнуло ее в сердце, жалко стало ей пташку певчую. Сняла с себя девочка пуховый платок, укрыла им гнездышко; достала из котомки хлеба кусочек, крошила – вот обед птичке и готов. Зачирикала, щебетала малиновка радостно, а Марья дальше пошла.

Пробирается она глубже в чащу, а в лесу все темнее и холоднее становится. Набрела царевна на лисью нору. В норе маленькие, еще слепые лисята в клубочки свернулись, прижались друг к другу и дрожат от холода. И тут не смогла Марьюшка пройти мимо, ведь по ее вине на землю эта напасть обрушилась. Хоть и не хотелось девочке с теплой шубкой расставаться, да делать нечего, еще чуть-чуть – и погибнут лисята. Сняла Марья с себя шубку и укутала замерзающих лисят. Потом достала из котомки колбаски и накормила малышей.

Хотела было девочка путь свой продолжить, да поняла, что заблудилась: куда дальше идти – не знает. А в лесу еще холоднее становится, зябко Марье без теплых вещей. Заплакала бедняжка: «Что же будет, если я до Весны не дойду?» Вдруг видит: спешит к ней серый пушистый комочек. Это Мурлыка на помощь явился. Обрадовалась девочка, погладила Мурлыку и бегом вслед за ним припустила. Так торопятся они, что Марьюшка уже холода не чувствует, даже жарко стало.

Скоро добежали они до хрустальных чертогов Весны. Робко постучалась царевна в дверь – дверь сама и распахнулась. Ступили они в обитель Весны, а кругом тишина, нет ни души.

Стали Марья с Мурлыкой бродить из палаты в палату и добрались до спальни. Там на перинах пуховых, на подушках шелковых спит Весна-красна и просыпаться не думает. Подошла к постели Марьюшка, стала будить Весну. Уж звалатормошила ее девочка, да все без толку: спит красавица Весна. Наполнились глазки царевны горячими слезами, стала она горько плакать да слова покаянные говорить, прощения просить. Упала слезинка Марьюшки на руку Весны-красны, проснулась та, пробудилась. Девочка ей в ножки поклонилась. А Весна взяла царевну за

ручки белые, стала успокаивать: «Ладно, прощу я тебя, дитя неразумное. Только пообещай мне, что ты кричать и капризничать больше не будешь!» Марья пообещала.

Попрощалась Весна с девочкой, махнула рукавом, и очутились Марьюшка с Мурлыкой на родном дворе. А вокруг веют ветры теплые, южные, бегут ручейки быстрые, из-под снега пробивается зелень нежная, цветочки первые. Вернулась в это царство Весна! От радости девочка подхватила Мурлыку на руки, запрыгала, закружилась и... упала в лужицу талого снега! Но не стала злиться и ругаться, счастливо рассмеялась Марьюшка, поднялась и скорее во дворец переодеваться побежала.

Тут и сказке конец!

Кира МОЛОДЦОВА

ИВАН – БОЯРСКИЙ СЫН

Худо царю со своею царицею жилось! И склочна, и упряма, и сварлива, все ворчит. Как у нее от такого язык не заболит? Не щадит ни слуг, ни бояр: и некрасивы все, и невеселы, и неумны! Встанут – смотреть тошно, сядут – да лучше б стояли! Царь от этого даже занемог. Всякого сына боярского, молодца любого из палат золотых выжить царица норовила: не нажили они с мужем наследников, завидно ей было, и править после кончины царя она сама желала. Одного в лес темный зимою почем зря отправит: снега теплого потрогать ей захотелось; второго – за тридевять земель спровадит, купцам досаждать да цветы заморские раз за разом искать; третьему – жену себе из деревенских выбрать прикажет!

Пришла пора и боярскому сыну Ивану на службу к царю идти. Прознала про то царица, сидит и думает, как бы ей и этого вьюношу со свету сжить. Наконец подозвала Ивана к себе да слово свое елейное молвит: «Удалой ты малый, сразу вижу. Уважь царицу свою, принеси мне из родника с водою живою немного напиться. И тихо уходи, не прощайся ни с кем».

Делать сыну боярскому нечего. Начал в путь-дорогу сборы: пошел коню гриву расчесать – а у конюхов приказ царицы не давать животину, пошел горбушку хлеба в дорогу взять – царица за-

претила кухарке еду ему давать, пошел сапоги подбить – царица сапожника отослала другим помогать. Так и пошел Иван без еды и коня, в сапогах, каши просящих.

Долго ли бродил он по свету, коротко ли, но случилось ему на опушку лесную выйти; на той опушке ручеек едва-едва бежит. Обращается к нему сын боярский: «Ручей ладный, подскажи, где мне родник с живою водою отыскать?» Отвечает тот ему: «Покажу я тебе родник с водою живою, славный молодец, ты токмо камень большой с пути моего убери».

Пошел Иван вверх по течению ручейка и видит: валун огромный путь водице преграждает. Раз он толкнул камень – ничего, два толкнул – ничего. На третий раз напрягся, со всей силой ринулся – и сдвинул махину! Ручей сразу потек свободно, зажурчал: «Спасибо тебе, добрый молодец! По течению моему пойдешь, дуб тихонько обогни, выйдешь точно к месту, тебе нужному».

Попрощался Иван с ручьем, снова на поиски отправился. День идет, два идет, на рассвете третьего до дуба большого-пребольшого дошел. На дубе том синица сидит, желуди с него отрывает, а расколоть не может. Говорит ей Иван: «Здравствуй, сестрица! Подскажи, как мне дуб обойти тихо, чтоб до родника с живою водою добраться?» Молвит ему ответ птичка: «Подскажу я тебе, как дуб обогнуть незаметно, чтоб Лешего не потревожить, только ты мне орешек расколи».

Поднял молодец желудь, положил его на камень да другим стал бить сверху. Только желудь не простой: раз Иван ударил – ничего, два ударил – ничего. На третий раз напрягся, со всей силы ударил – и расколол его! Сразу синица подлетела, веселее стала и склевала орешек. Говорит сыну боярскому: «Не простая я синица, молодец красный. Ты меня накормил, от оков Лешего освободил, за это я женой твоей стану, как в царство свое вернешься. А чтоб дуб тихо обогнуть, нужно сапоги снять и по пожухлой траве ступать». Сказала так – и в сторону царства улетела.

Делать нечего. Снял Иван сапоги свои, каши просящие, в руки их взял да по пожухлой траве в обход и пошел. Обогнул он дуб тихонько и прямо к роднику вышел. Родник чистый-чистый, светлый-светлый. Обулся Иван, подбежал к нему, да набрать водицы живой не во что. Посмотрел он по сторонам, видит: березка голая, совсем без листвы стоит. К ней и обратился: «Красавица светлая, подсоби! Разреши коры взять немного,

чтоб воды из родника живого набрать». А та ему отвечает: «Так уж и быть, возьми. Токмо сначала водицей меня полей, пока сережки у меня не повяются да листики не позеленеют».

Иван сорвал немного коры и скрутил ее чашечкой. Раз водицы набрал, полил – ничего, два набрал, полил – ничего. Третий раз до краев чашечку наполнил, ни капельке упасть не дал, полил дерево – и засияла береза! Сразу у нее сережки зазолотились, листья появились! Говорит она: «Спасибо тебе, добрый молодец, ввек тебя не забуду. Подержи сейчас чашечку в водице, высуши – и она кувшином станет. Только много живой воды никому пить не давай: в прах обратятся».

Сделал молодец все, как велела березка, и правда: в чудный кувшин чашечка из бересты превратилась. Набрал Иван водицы живой кувшин полный, с помощницей своей попрощался, вновь дуб по траве пожухлой обогнул, вдоль по ручейку прошел, на опушку вернулся да поспешил в сторону дома.

Возвращается он в палаты золотые царские, а его отец встречать выбегает, целует и обнимает: думал, пропал сын с концами, как прочие дети боярские. Пришел Иван к царице, кувшин к себе прижимая. Говорит ей: «Принес я, царица-матушка, водицы вам испить живой. Только всю сразу пить нельзя, в прах обратитесь». Разгневалась царица, что он живой воротился и указывать ей вздумал, выдернула кувшин у него из рук и в три глотка опустошила.

Тут же дурно ей сделалось, даже позвать не смогла никого: пожелтела, почернела, а потом и вовсе в прах обратилась. Так и сгинула царица из-за злости своей и жадности, а сын боярский обвиненный с девицей прекрасной, от проклятия Лешего освобожденной, и стал царю наследником. Закатили они пир на весь мир; и я на том пиру был, мед-пиво пил, по усам текло, во рту не бывало!

**Маргарита
КОКОРЕВА**

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПОД НОВЫЙ ГОД

Не в некотором царстве, а в современном российском государстве, в славном сибирском

городе Кемерово почти под самый Новый год произошла удивительная история.

Дома в своей кроватке никак не хотела засыпать девочка Настенька. Она уже очень давно мечтала подкараулить Деда Мороза и посмотреть, как он кладет подарки под елку. Вот и в эту ночь она в очередной раз решила не спать, а дожждаться чуда. Настенька ворочалась с боку на бок и подбадривала себя. Вдруг на постель упал лунный луч и поманил ее за собой. Девочка быстро оделась и ступила на лунную дорожку.

Казалось, какая-то неведомая сила влечет ее вперед. Настя и не заметила, как оказалась на Красной Горке, почти на том самом месте, где 300 лет назад Михайло Волков нашел уголь. Девочка огляделась. Вот это да! Вокруг памятника шахтерам Кузбасса обернута золотая цепь, и по ней ходит большой кот. Совсем как у Пушкина!

Подошла Настенька поближе, а кот ей и говорит человеческим голосом:

– Вот тебе, Настенька, волшебные башмачки, чтобы ножки твои не устали, да клубочек-путеводитель. Отправляйся-ка ты в сказочное путешествие.

Даже не задумываясь, надела Настя башмачки, взяла клубочек, поблагодарила ученого кота и побрела по неведомым дорожкам. Впрочем, долго идти ей не пришлось, привел ее клубочек к шахте-музею. Дверь оказалась приоткрыта, и слышатся оттуда плач и стоны. Заглянула Настенька внутрь, а там прямо в забое над полным сундуком золота чахнет Кощей Бессмертный.

Стало Насте его жалко, подошла она к нему и спрашивает:

– О чем ты так горько плачешь, Кощеюшка?

– Как же мне не плакать, глупая ты девочка?! – раздраженно отвечает Кощей. – А вдруг кто решит украсть мой сундук? Лихих людей нынче много развелось!

– Ты бы, Кощеюшка, не плакал, не стонал, а положил бы свои сокровища в банк: хочешь – в ячейку, хочешь – на депозит под проценты, – посоветовала девочка. – Вот тебе и спокойно будет.

Обрадовался Кощей, щелкнул костлявыми пальцами, и мигом сокровища оказались в банке, да под 100 процентов годовых!

– Вот спасибо тебе, девочка! – поблагодарил Кощей. – На, держи за добрый совет волшебное оживляющее яблочко. А я, пожалуй, поеду-ка в Шерегеш, тряхну костями, на лыжах покатаюсь! – сказал так и исчез Бессмертный, будто его и не было.

Пошла Настенька по неведомым дорожкам дальше и очутилась в Сосновом бору. Кругом тишина, ни души... А в самой глубине бора избушка на курьих ножках стоит.

Сказки Настя знала, поэтому скомандовала:

– Избушка, избушка, повернись к лесу задом, а ко мне передом!

Избушка послушно повернулась. Зашла девочка в избушку остороженько: неизвестно, какое нынче настроение у Бабы Яги. Смотрит, а на печи на девятом кирпиче хозяйка чуть живая лежит: чихает, кашляет, ну, точно COVID-19 ее одолел! Что же делать? Достала Настя телефон, хотела вызвать скорую, да не тут-то было: занят номер, много вызовов, не успевают врачи всем помощь оказать, хоть день и ночь трудятся. А Бабе Яге уже совсем плохо, почти не дышит. Вспомнила тут Настенька про волшебное яблоко, что ей Кощей дал, быстренько сделала из него сок и напоила Бабу Ягу. Та тут же выздоровела, да еще и помолодела на пару сотен лет. Поблагодарила Яга девочку и подарила ей шапку-невидимку.

Пошла Настенька дальше. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Перешла Настя через Томь по мосту Кузнецкому, прошла по одноименному проспекту, свернула на улицу Красноармейскую и дошла вслед за клубочком до парка Жукова. А там на одном из танков сидит, пригорюнившись, Русалка. Любопытно стало девочке, подошла, поздоровалась. А Русалка начала Настеньке жаловаться, что крепкий Сибирский Мороз заморозил реку Томь и теперь ей домой не попасть.

Приздумалась Настя: как же горю Русалки помочь? Думала, думала и наконец придумала:

– Ступай-ка ты, Русалка, в бассейн «Лазурный», поживи там до весны. А чтобы люди тебя не замечали, держи шапку-невидимку, тебе она нужнее будет.

– Спасибо тебе, девочка, что пожалела меня, горемычную! – сказала Русалка.

Потом подарила Настеньке волшебный снежколеп, хвостом своим махнула и исчезла.

А Настя опять за клубочком в путь пустилась. Шла она, шла и очутилась на главной площади города Кемерово – площади Советов. И видит там вместо елки нарядной и сверкающей огромного Змея Горыныча. Все три головы его огнем-пламенем пышут, а у Насти с собой ни меча-кладенца, ни другого оружия нет. Горыныч же

наступает, вот-вот спалит огнем все вокруг. Взялась тут Настя за волшебный снежколеп да давай скорей снежки лепить. Лепит и в пасти Змее Горынычу бросает. Испугался Змей, что горло простудит, расправил крылья и улетел в свое Лукоморье.

Осталась Настя одна.

Вдруг слышит, мелодия откуда-то звучит:

*Вы видите: горят огни в ночи,
На землю небо звездное упало...*

Пошла Настенька на звук, заглянула в окно здания Администрации Кемеровской области и видит: сидят за столами сказочные гномы, упаковывают новогодние подарки детям Кузбасса и поют гимн нашей области. Только Настя успела подумать: «Вот бы мне получить такой подарок!» – как откуда ни возьмись налетел вихрь, подхватил, закружил девочку.

...Неяркий солнечный луч заглянул в окно обычной девятиэтажки, скользнул на постель, где крепким сном спала девочка Настенька, и стал, играя, будить ее. Проснулась Настя, протерла глазки и сначала немножко огорчилась: опять проспала Дедушку Мороза. Но потом вспомнила все, что видела ночью, и перестала грустить. Вскочила на ножки и бросилась в гостиную – разбирать подарки под елкой да поздравлять родных с наступившим Новым годом.

Вот и сказка вся!

**Андрей
АЛАФИРОВСКИЙ**

В ПОИСКАХ СЕБЯ

В этот день светило теплое весеннее солнышко. Зеленела нежная травка, начали расцветать первые цветы. Все радовалось приходу весны. Солнышко довольно осматривало свои владения. И вдруг из маленькой икринки в пруду что-то вылупилось.

– Привет, я родился! – сказала Что-то.

– Ты кто? – спросило солнышко.

– Я еще не знаю, – ответило Что-то.

Солнышко осмотрело его со всех сторон и сказала:

– Я знаю! Ты пиявка!

– Пиявка? Звучит не очень красиво. Ну ладно, буду пиявкой, – сказала Что-то.

Был конец весны. Прилетели птички, отовсюду слышались веселые песенки. Солнышка долго не было видно из-за туч. И вот оно наконец выглянуло.

– Привет! – радостно воскликнуло Что-то.

– Ты кто? – удивилось солнышко.

– Я пиявка, – сказала Что-то.

– А, это ты. Но ты не похож на пиявку, – сказала солнышко.

– Как это не похож? А на кого же я похож тогда? – удивленно спросило Что-то.

– Знаешь, в морях есть похожие на тебя, только они больше, чем ты. Так вот, ты скат! Только ты маленький. Наверное, это потому, что ты живешь в пруду, – ответило солнышко.

– Я скат! Ура, я скат! – обрадовалось Что-то.

Наступило лето. Вырастали ягоды, овощи и фрукты. Было очень тепло. Наш герой подрос и изменил окраску, но на это никто не обращал внимания. И однажды Что-то в очередной раз закричало солнышку:

– Привет, солнышко!

– Привет. Что с тобой? У тебя выросли задние лапки? – спросило солнышко.

– Выросли. А что? – спросило Что-то.

– Ты, оказывается, не скат! – сказала солнышко.

– А кто я? – спросило Что-то.

– Я не знаю, кто ты. Таких, как ты, нет в мире, – ответило солнышко.

Что-то с надеждой каждый день встречало солнышко и ждало ответа, кто же оно, но солнышко лишь пожимало плечами.

Шло время. У нашего героя выросли передние лапки. И солнышко подумало, что теперь-то точно его узнало.

– Привет! Я знаю, кто ты! – сказала солнышко.

– Да? И кто же я?

– Ты ящерица. Только очень маленькая.

– Ну ладно, теперь я ящерица! – обрадовалось Что-то.

Ведь быть кем-то куда приятнее, чем никем.

Прошла еще неделя. Солнышко глянуло сверху и очень удивилось:

– Привет! А где твой хвост?! Неужели его откусили?

– Что?! Мой хвост?! – расстроилось Что-то.

Оно посмотрело назад и увидело, что хвост и правда заметно уменьшился. Малыш забрался на большой лист кувшинки и загрустил. Неужели новые поиски себя? Кто же он?

Утром встало солнышко, осмотрело его и улыбнулось:

– Я знаю, кто ты. Ты лягушонок!

И это оказалось правдой: на кувшинке сидел лягушонок. Он не был похож ни на пиявку, ни на ската, ни на ящерицу. Он был похож на самого себя. И лягушонок понял, что это превращение навсегда, что он лягушонок навсегда! И был счастлив!

«НО СЕРДЦЕ ВЕРИТ В ЧУДЕСА»

(к 220-летию Ф. Тютчева)

Он создал эпос мыслящего тростника, и камни мысли, которые ворочал Тютчев, были глобальны.

Ямбическая сила Софокла наполняла тугие жилы его строк абсолютно русским содержанием, которое, пропущенное через фильтры его гения, становилось общечеловеческим. Жаль, поэзия трудно поддается переводу...

Великий завет жить внутренней жизнью, превосходящей все внешнее, текучее и мимолетное, даже если жизнь длится долго, высказан необычайно мощно. И дыхание стиха, исполненное высокой эстетики, поражает ныне ничуть не меньше, чем столетие назад.

*Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, –
Любуйся ими – и молчи.*

*Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, –
Питайся ими – и молчи.*

Люди – айсберги. И говоря, высказываясь, они лишь верхушки обнажают: масса всего остается скрытым под метафизическими водами, запечатанным в пластах телесности.

Но Тютчев создавал иные свои созвучия из воздуха легкости, и уходили они в таинственный воздух духа, окружающий нас, но тоже столь скрытый.

*Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескучеющая сила,
Есть и нетленная краса.*

Психологическая точность стихотворения уникальна, равно как и ажурная его воздушность, неведомость, соответствующая чуду.

«Бессонница» тугим натяжением жил-строк словно проходит через сердце всемирности, и силы в это

стихотворение вливает сам духовный океан – колышущийся над нами, отражающийся в нас:

*Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!*

*Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времена стenanья,
Пророчески-прощальный глас?*

И вместе с тем: мы созданы из вещества того же, что наши сны...

И шекспировский глас словно претворяется в речение Тютчева, ставящее под сомнение реальность – вроде бы такую конкретную, но бесконечно зыбкую на деле:

*Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь – и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.*

*То глас ее; он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.*

167

Его поэзия пронизана дыханием сфер. Соприкасаясь с нею, точно ощущаешь движение параллельных миров, их неизвестную наполненность. И, принося к тютчевскому источнику, словно насыщаешь душу неведомыми флюидами инобытия.

И потом конкретность чувства – нежного, как бархат, властного, как совесть, – возникает в полный рост:

*Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое –
И сердцу стало так тепло...*

Именно у Тютчева и может быть настолько сложно трактуемое последнее чувство: лед блестит, и солнце, яркое необычно, топит его.

*О, как на склоне наших лет
Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!*

Он пронизывал, просвечивал своими строками все явления жизни: от космических сияний до мощно разворачиваемых лент истории (как в стихотворении «Ян Гус на костре»); от феномена русскости до тон-

чайших душевных движений, точно портретируемых им; от земных пейзажей до сияния запредельных панорам. И весь космос его, собранный в тугие гроздья созвучий, был бесконечно пропитан жизнью. И – не повторимостью тютчевского гения.

Александр БАЛТИН,
г. Москва

ХАЙКУ: МАГИЯ И ПОЭТИКА СЕМНАДЦАТИ СЛОГОВ

Ранним апрельским утром я возвращался с толкиского рыбного рынка. На одной малолюдной улочке увидел пожилого мужчину. Он сидел на низком матерчатом стульчике, макал кисть в белую фарфоровую чашку с водой и мыл какое-то растение.

Набравшись смелости, я подошел, по-японски поздоровался. Он добродушно улыбнулся и продолжил свою «живопись» – омовение невысокого темно-зеленого кустика. Это был, похоже, бонсай фикуса. Мужчина что-то бормотал, иногда поглядывая в мою сторону, но чаще его взгляд будто следовал в неопределенность. А я был очарован старательной аккуратностью «художника». Он с нежностью клал каждый листочек растения на пальцы, влажной мягкой кистью ласкал его, не пропуская ни одной прожилки, особенно тщательно омывал ветки.

Позже, прикоснувшись к японской культуре, я понял, что случайно подсмотренный на улице эпизод был для меня ненавязчивым мастер-классом, шагом к постижению дзен-буддийской философии. Она помогает разглядеть в простом – сложное, в малом – великое, в пустоте – наполненность. Основные же идеи учения дзен заключаются в следовании природе и законам естественности, в способности увидеть красоту, простоту и суть каждой вещи, быть в гармонии с миром и самим собой.

Одним из представителей дзенского искусства является Мацуо Басё (1644–1694). Он создал стихотворный жанр – хайку, положив в основу своего творчества принцип «озарения», объединив природу и поэта, разумность и одухотворенность, высокое и низкое. Оказалось, что сочинение из трех строк без

рифмы, состоящее из семнадцати слогов (5+7+5), может магически воздействовать на воображение, передавать тончайшие эмоции. Несмотря на лаконичную архитеконику, этот жанровый стиль дает возможность выстроить привлекательные литературные смысловые здания: этюд, рассказ и даже драму с проникновенной креативностью.

Масаока Сики, считавший хайку наиболее живописным из всех поэтических жанров, определяет тему стихов как «поэт и его пейзаж», а цель – «создать многочисленные образы, человеческие и данные небом, связанные со сменой весны, лета, осени и зимы». Древний свет восточной афористичной всеохватности мира позволяет сочинителю показать разноликость человека и вечно-бесконечной природы с ее фантазиями. При этом одна деталь должна вызывать у читателя представление обо всей картине. Истинная красота раскрывается лишь тогда и тому, кто мысленно дополняет недосказанное или подразумеваемое. Истина за пределами слов, говорил Басё.

Настоящее хайку – это состояние души, когда самые сокровенные мысли можно выразить несколькими словами, звук ассоциативно превращается в цвет, а цвет начинает звучать, когда картины сущего мира и размышления сливаются в чувство.

*Музыка мысли,
Воплотившись в слово,
Звучит поэзией.*

165

Хайку – один из наиболее популярных жанров классической японской поэзии, почитаемый во многих странах мира. Издаются книги, проводятся конкурсы; тысячам любителей творческой словесности симпатична эстетика кратких стихов. Интерес к сочинению трехстиший не прошел и мимо меня. Из их части и образовалась книжка «Играют мысли в прятки», изданная в Кемерове в нынешнем году. Все хайку написаны под сильным впечатлением от общения с природой. Убежден, что только она воспитывает тонкое восприятие и глубокое понимание жизни. Она гениальный ваятель фантастически сложного произведения – человека, который олицетворяет современную земную цивилизацию.

Юрий ДЬЯКОНОВ,
г. Кемерово

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

2–12 августа в Горноалтайской епархии состоялся юбилейный, 15-й крестный ход «По стопам алтайских миссионеров», куда по приглашению архиепископа Горноалтайского и Чемальского прибыл клирик Кемеровской епархии, автор журнала «Огни Кузбасса» протоиерей Дионисий Злобин. Маршрут хода составил более 150 км – от с. Акташ до с. Онгудай. Во время движения отец Дионисий помогал организатору крестного хода, руководителю миссионерского отдела Горноалтайской епархии священнику Лаврентию Донбаю в организации богослужений, совершал панихиды на мемориалах воинов Великой Отечественной войны.

С 8 по 10 сентября поэт Д. Филиппенко в качестве эксперта принял участие в литературном фестивале им. А. А. Ахматовой «Великое русское слово» (Санкт-Петербург).

11 сентября в областной библиотеке им. В. Федорова прошел вечер, посвященный 80-й годовщине со дня рождения поэта Валерия Зубарева. О Валерии Федоровиче рассказали и прочли стихи его друзья и коллеги – поэты С. Донбай, И. Куралов, Д. Мурзин. Вел вечер библиотечарь В. Козленко.

13 сентября в Новокузнецком филиале Специальной библиотеки Кузбасса для незрячих и слабовидящих состоялась творческая встреча с кузбасскими авторами, членами Союза писателей России В. Коняевым и Е. Трухан.

14 сентября в Кемерове наградили победителей регионального этапа Всероссийского творческого конкурса «Пробуждая сердца» памяти Героя Труда РФ, народного артиста СССР, сопредседателя ООД «Бессмертный полк России» В. С. Ланового. Конкурс проводился по 4 номинациям, причем в номинациях «Выразительное чтение наизусть произведений русских и советских классиков» и «Выразительное чтение наизусть произведений по теме Великой Отечественной войны» итоги подводились среди конкурсантов трех возрастных групп: 5–9 лет, 10–18 лет, 19 лет и старше. Штаб регионального отделения «Бессмертного полка» (руководитель С. В. Сницкая) организовал церемонию награждения, пригласив в Администрацию Правительства Кузбасса победителей конкурса, их родителей, педагогов-наставников и почетных гостей для вручения наград. В номинации «Выразительное чтение наизусть произведений русских и советских классиков» награды вместе с руководителем штаба «Бессмертного полка» вручал поэт С. Донбай. В других номинациях награды вручали: И. Кошелев – ветеран боевых действий в Афганистане, руководитель региональной организации РСВА, депутат Законодательного собрания Кузбасса; В. Бородкин – участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, председатель правления организации Союз «Чернобыль»; К. Огий – участник СВО, кавалер трех орденов Мужества, Герой Кузбасса.

14 сентября в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского состоялась очередная встреча кузбасских поэтов и художников «Дачный альбом. Осень». На фоне акварелей новокузнецкого художника В. Васильева прозвучали стихи О. Комаровой, С. Стрельникова, Е. Трухан, Р. Сидорова, А. Балакая, С. Ерофеева, К. Егорова и др. В память об ушедших поэтах – Л. Никоновой, Н. Николаевском, В. Бокине, А. Бельмасове, Г. Юрове, Р. Сидорове, Т. Николаевой – была оформлена выставка в стиле страниц дачного альбома. Особую теплую атмосферу творческой встрече придали поэт-бард Г. Бурлаков и артисты дуэта «Созвучие» О. Горина и Т. Шейнрок.

16 сентября в научной библиотеке Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника прошла творческая встреча с Д. Филиппенко. После кузбасский поэт в качестве эксперта принял участие в круглом столе «Развитие литературы в малых городах».

18 сентября в Каменске-Уральском в Центральной городской библиотеке им. А. С. Пушкина прошла творческая встреча с поэтом Д. Филиппенко.

21 сентября в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 состоялось представление литературного журнала «Огни Кузбасса» № 4. На встрече выступили авторы журнала В. Лаврина, Е. Тюшина, В. Шагиахметов, В. Емельяненко, А. Пенькова. Материалы авторов, которые не смогли присутствовать на мероприятии, представили члены редколлегии А. Королев и Д. Мурзин. Вел встречу главный редактор журнала поэт С. Донбай.

22–23 сентября в рамках Международного фестиваля русского языка и литературы «Матрица речи» в Кузбасском центре искусств состоялась первая региональная литературная мастерская для руководителей и участников литературных студий Кузбасса. Любители поэзии побывали на представлении книги поэта Н. Ягодинцевой «Имена печали и любви». В Кемеровской государственной библиотеке для детей и молодежи им. Гайдара также состоялась региональная литературная мастерская для литобъединений. Н. Ягодинцева прочла лекции: «Саморедактирование», «Метафорическое мышление как мышление будущего». Был представлен сборник «Литературные объединения Кузбасса: антология поэзии» (в двух томах). Авторские экземпляры вручили руководителям и участникам литстудий.

24 сентября в Прокопьевске состоялся X Открытый областной поэтический фестиваль «Осеннее многоцветье». Его организовали Союз писателей Кузбасса, Союз композиторов Кузбасса, Литературный южно-кузбасский союз, управление по культуре администрации г. Прокопьевска, ДК «Ясная Поляна», ЦБС г. Прокопьевска, лито «Маяк». В фестивале приняло участие около 60 конкурсантов. Жюри в составе: А. Фандюхина (Бийск), О. Солодовникова (Прокопьевск), Е. Трухан (Новокузнецк), А. Швецова-Рыжикова (Томск), Т. Болотова (Кемерово) – определило победителей.

26 сентября стартовал проект Кемеровского областного отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Писатель в маленьком городе» при поддержке Президентского фонда культурных инициатив. Первым гостем проекта стал поэт Д. Мурзин. Дмитрий провел творческие встречи в Березовском, Ленинске-Кузнецком, Белове, Мысках и Калтане.

28 сентября в Доме творческих союзов Новокузнецка состоялся литературный семинар, посвященный творчеству прозаика, постоянного автора «Огней Кузбасса» А. Савченко. Члены Союза писателей В. Коняев, О. Комарова, Е. Трухан обсудили его рассказы.

29 сентября в театре поэзии «Литера на Советском» (пр. Советский, 40) состоялся поэтический перформанс «Дорога в тополях». Стихи Л. Чидилян читали автор и актеры О. Кухарев, Л. Копылова. Продолжили вечер своими стихами поэты Н. Мурзина и Г. Золотаина. Декламация сопровождалась импровизациями: музыкальной – пианиста В. Чижика и художественной – О. Помыткиной.

Кемеровское областное отделение Союза писателей России и Совет молодых литераторов Кузбасса открыли новый онлайн-видеопроект «Значение слова». Проект выходит в формате видеointервью. В сентябре в нем приняли участие прозаики, члены Союза писателей России Андрей Тимофеев (Москва) и Татьяна Ильдиминова (Кемерово).

Вышел новый выпуск видеопрограммы проекта Кемеровского областного отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Литеаратура. Разговор за кружкой чая». Гостем программы стала Нина Ягодинцева (Челябинск).

В сентябре в Калтане начала работу литературная студия «Чистый лист» под руководством члена Союза писателей Александры Коржовой.

В сентябре на молодежном форуме «Таврида» (Судак) драматург Я. Орехова стала экспертом лаборатории «Актуальная драматургия о войне». Цель проекта – создание драматургических произведений и театральных постановок, которые помогут осмыслить волнующие темы и вопросы специальной военной операции. Премьера спектакля, поставленного по пьесе Я. Ореховой, состоится в Кировском драматическом театре в 2024 г.

2–3 октября Томская писательская организация отмечала свой 60-летний юбилей. От Кузбасса в празднике принимали участие поэт, председатель Союза писателей Кузбасса Б. Бурмистров и руководитель проекта «Достоевский в Сибири» Э. Вистерман.

4 октября в Кемеровской областной библиотеке им. В. Федорова состоялась конференция, посвященная 105-летию со дня рождения поэта В. Федорова. На пленарном заседании с докладом выступил председатель Союза писателей Кузбасса Б. Бурмистров.

5–6 октября в Кемерове и Марьевке Яйского района прошли мероприятия, посвященные 105-летию В. Федорова. В мероприятиях приняли участие члены Союза писателей России из Новосибирска и Кузбасса А. Шалин, В. Романов, М. Акимова, Б. Бурмистров, И. Надинова, И. Фролова, а также родственники поэта из Москвы и Новосибирска Ф. Федоров, Е. Сургуладзе, О. Петракевич.

С 5 по 9 октября поэты Д. Мурзин, Д. Филиппенко и О. Рокова приняли участие в литературном фестивале «Капитан Грэй» в Мурманске.

10 октября поэт Д. Мурзин выступил в Литературном институте им. А. М. Горького перед семинарами О. Николаевой, Е. Рейна и В. Куллэ.

10, 12 и 17 октября в аграрном техникуме, техникуме индустрии питания и сферы услуг и педагогическом колледже прошла серия встреч «Литературное наследие» с поэтом, главным редактором журнала «Огни Кузбасса» С. Донбаем. Студенты активно задавали вопросы, получали в подарок номера журнала с автографом. Организатор встреч – Кузбасский центр искусств и С. Лукина.

13 октября прошло заседание правления Союза писателей Кузбасса, посвященное подготовке отчетного собрания и отбору кандидатов на прием в члены Союза писателей России.

14 и 24 октября в Ленинске-Кузнецком в библиотеке им. Н. К. Крупской прошла презентация литературного альманаха «Кольчугинская осень».

18 октября состоялось празднование 50-летнего юбилея детской библиотеки им. А. М. Береснева. От имени писателей библиотеку поздравил поэт, председатель Союза писателей Кузбасса Б. Бурмистров.

18 октября в Мариинске в библиотеке им. В. А. Чивилихина прошел финал конкурса «Литераторы земли Сибирской» при поддержке фонда «Движение первых» и при партнерской поддержке Кемеровского областного отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса. Председателем экспертной комиссии был поэт Д. Филиппенко.

24–26 октября в Томске состоялся XXIX фестиваль «Устами детей говорит». В работе семинаров и жюри принял участие поэт Д. Мурзин. Первое место в номинации «Проза» получила кемеровчанка, воспитанница Губернаторского многопрофильного лицея-интерната Е. Герман.

С 27 по 29 октября в Кузбассе проходил второй этап проекта Кемеровского областного отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Писатель в маленьком городе». На этот раз гостем проекта стала И. Теплова, поэт из Калуги. В рамках проекта Инна провела творческие встречи в Березовском, Ленинске-Кузнецком, Белове, Мысках и Калтане.

В проекте Кемеровского областного отделения Союза писателей России и Совета молодых литераторов Кузбасса «Значение слова» приняли участие члены Союза писателей **П. Беседин** (Севастополь) и **А. Малыгина** (Барнаул).

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Сайт «Литературной газеты» (Москва) дал подборку стихотворений «Русский космос» поэта **Д. Мурзина**.

Журнал «Подъем» (Воронеж) № 8 опубликовал подборку стихотворений **А. Раевского** «В крестик черно-белая судьба».

Журнал «Южный маяк» (Краснодар) № 3 опубликовал «Записки почтальона» **И. Надировой**.

Журнал «Начало века» (Томск) № 3 напечатал подборку поэта **Д. Филиппенко**.

Журнал «Дружба народов» (Москва) № 10 опубликовал рассказ **М. Сычевой** «Камень/море».

Журнал «Новая Немига литературная» (Минск) № 4 напечатал подборки поэтов **Б. Бурмистрова** «Ответ» и **Н. Мурзиной** «Любовь на русском языке».

Альманах «Притяжение» (Самара) № 1 (18) напечатал рассказы **А. Савченко** «Невидимая нить» и «Человек сложной судьбы».

Сайт газеты «День литературы» опубликовал подборку стихотворений **А. Раевского** «Там стеклянная лестница в небо».

ИЗДАНЫ КНИГИ

Литературно-художественный альманах «Тайгинские зори» (Тайга). – 2023. – № 15. – 96 с.

Литературные объединения Кузбасса: антология поэзии в 2 томах. – Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2023.

Дьяконов Ю. Играют мысли в прятки. Хайку о мироздании и временах жизни. – Кемерово: Принта, 2023. – 72 с.

Бурко А. Придут ветра: стихотворения. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2023. – 84 с.

Секретики / Министерство культуры и национальной политики Кузбасса, Кузбасский центр искусств. – Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2023. – 92 с.

В 5-м номере журнала «Огни Кузбасса» в статье Г. Шалакина «Уникальные “холсты” на оберточной бумаге» супруга поэта В. Федорова ошибочно названа не Ларисой, а Людмилой (с. 152). Редакция журнала приносит свои извинения.

14 октября в Томске на 82-м году ушел из жизни

АЛЕКСАНДР ПЕТРОВИЧ КАЗАРКИН,

доктор филологических наук, профессор, специалист по истории русской литературы XX века, истории сибирской литературы, литературной критики, член Союза писателей СССР и России, лауреат литературной премии им. Н. А. Клюева, лауреат Губернаторской премии Томской области за книгу «Ермаки-Кучумы». С 1977 по 1992 год жил в г. Кемерово, заведовал кафедрой русской и советской литературы Кемеровского государственного университета, в 1991 году – завкафедрой журналистики и русской литературы XX века КемГУ, с

1994 года заведовал кафедрой русского языка и литературы Анжеро-Судженского филиала Кемеровского университета. Был прекрасным преподавателем; некоторые из его бывших студентов-филологов хранят его лекции о русской литературе и фольклоре до сих пор, они помогают им в педагогической работе и сегодня!

Живя в Кузбассе, активно сотрудничал с писателями и журналом «Огни Кузбасса», был членом редколлегии журнала «Литературный Кузбасс». А. П. Казаркин с 1985 по 1993 год издал три книги о писателях Кузбасса, подняв литературное краеведение на высокий уровень. Его книги «Пульс времени», «Где та земля чистая?», «Литературное краеведение в Кузбассе» актуальны до сих пор.

Живя в г. Кемерово, А. П. Казаркин в 1988 году был принят в Союз писателей СССР, а в 1990 году защитил докторскую диссертацию «Русская советская литературная критика 60–80-х годов: проблемы самосознания литературы». Вернувшись в Томск, работая профессором в Томском государственном университете, не оставлял писательской работы, много занимался издательской деятельностью, выступил редактором-составителем и автором предисловий и послесловий ряда изданий книжной серии «Томская классика». Продолжал писать художественную прозу. Повесть «Чур меня!» и «Рассказы краеведа» А. П. Казаркина совсем недавно, в 2018 и 2019 годах, с интересом прочли читатели журнала «Огни Кузбасса».

Выражаем глубокое соболезнование родным и друзьям талантливого сибирского писателя-краеведа. Светлая ему память.

**Кузбасский центр искусств,
писатели, преподаватели-филологи**

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ОГНИ КУЗБАССА» за 2023 год

ПОЭЗИЯ

Аврутин Анатолий. Птица русского слова	III-3
Аксенов Андрей. Я увидел все случайно.....	III-41
Боргест Елизавета. В усталой аллее.....	III-21
Дьяков Сергей. Рифмует время.....	VI-17
Заславская Елена. Эти русские мальчики.....	VI-62
Золотайна Галина. Третий возраст	V-27
Иванова Людмила. Во льду сибирской параллели.....	V-66
Кан Диана. Ветер вольности	VI-31
Катков Александр. Прекрасной незнакомке.	
Из неопубликованных стихов	I-II-48
Копытова Татьяна. Пенсионная пастораль	III-76
Коржова Александра. Перышки небо качали	V-89
Куралов Иосиф. Красный пиджак, или Воспоминание об октябрьской революции 1993 года	I-II-33
Лаврина Вера. Словоточие	VI-95
Макеева Наталья. Событие	I-II-36
Мурзина Наталья. И Родина – одна!	I-II-3
Рантович Михаил. Немые звуки на снегу.....	III-88
Расторгуев Андрей. Письма на Южный фронт.....	I-II-6
Русанов Владислав. А мы все-таки выживем.....	V-3
Сидельникова Ирина. В лучах заката планер	VI-90
Солодовникова Ольга. Отчаянья мотив сороковой зимы ...	I-II-46
Татаренко Юрий. Бегу в блокнот от теленовостей	I-II-44
Филиппенко Дмитрий. Звенят колючие стихи	VI-69
Фролов Андрей. Зайчик последнего солнца.....	V-39
Щелоков Иван. Годы торопят, и жизнь нарасхват.....	III-30

ПРОЗА

Бабушкин-Сибиряк Василий. Тайна затерянного скита.	
Повесть	VI-72
Байбородин Анатолий. Сказка. Рассказ	III-33
Байлагашев Виктор. Трое на драге. Рассказ.....	VI-20
Бирман Дмитрий. Рассказы из детства	IV-107
Васильева Анастасия. Позывной – Яantarь. Повесть	IV-3
Давыдов Александр. Дочки-матери. Рассказ	I-II-38
Дубровская Надежда. Очень маленькие рассказы	VI-93
Иванов Владимир. Испытание. Повесть	V-7
Кадомцева Елена. Рассказы	III-78
Катрич Татьяна. Чайка. Рассказ.....	V-91
Ким Инна. Коллекционер. Повесть	IV-88
Колесова Наталья. Понедельник – день тяжелый. Повесть	IV-26
Лаврина Вера. Обители	IV-76
Малышев Игорь. Хлам.	
Трагедия-комедия-фарс (окончание)	I-II-8
Панина Светлана. Рассказы	VI-65
Поселенов Алексей. Рассказы	V-69
Тарковский Михаил. 42-й до востребования. Отрывки из книги	VI-3
Тимофеев Андрей.	
Между лесом и бороздой. Глава из романа	V-30
Навстречу. Повесть	VI-34
Филиппов Дмитрий. Аппендицит. Рассказ	III-7
Чернопятнов Сергей. Как мы падали с паровоза. Рассказы	III-43
Чиняев Сергей. Лубяной сундучок. Рассказ	III-23
Ярошук Александр. Золото Еловой пади.	
Приключенческая повесть	V-42

ДРАМАТУРГИЯ

Боталов Валерий. Солнце над моим Донбассом.	
Военная драма.....	I-II-50
Орехова Яна. Человечки. Пьеса.....	V-97

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Анашкин Эдуард. «Покуда муж громит врага...»	III-134
Балтин Александр. Превращение обыденности жизни в чудо (к 130-летию В. Маяковского)	IV-144
Гришина Яна. О дневниках Пришвина 1932–1935 годов	VI-96
Ефимовская Валентина. Встреча со святынями	III-138
Куприянов Вячеслав. Верлибр и его истоки	I-II-100

ПУБЛИЦИСТИКА

Аристарх, митрополит Кемеровский и Прокопьевский.	
Литературный процесс в России в XXI веке: трансформация и традиции.	V-135
Иванов Владимир. Наряд голого короля	III-94
Коврижных Виктор. Вольные мысли огородного философа...III-90	
Коняев Виктор. Хвори наши – наши скорби. И крест! (заметки неравнодушно)	III-101

ЗВЕЗДЫ НАД ДОНБАССОМ

Артист Дмитрий, Батхен Вероника, Долгарева Анна, Евтушенко Алексей, Еремина Ольга, Заславская Елена, Караулов Игорь, Курчатова Наталия, Литвиненко Наталья, Лукин Борис, Матвеев Анна, Мурзин Дмитрий, Николь- ский Игорь, Пиотровская Дарья, Ревякина Анна, Садовни- кова Наталья, Семенова Мария, Сигида-младший Алек- сандр, Старушко Ольга, Ширяев Алексей. Стихи	V-122
--	-------

КНИГА ПАМЯТИ

Варламов Алексей. Проба на счастье в глубину (к 150-летию М. Пришвина)	I-II-106
Диём Алина. Начальная школа. Автобиографические записки. 1962–1965 годы	V-138
Кабин Вячеслав. Байки сибирского аборигена (окончание)	III-145
Махалов Андрей. Отец (штрихи воспоминаний)	III-141
Хвостов Николай. Дневник топографа	I-II-109

ОЧЕРК

Черемнов Сергей. Михаил Шевалье и его Поднебесные Зубья	I-II-160
---	----------

ЗАПОВЕДНАЯ СИБИРЬ

Арбачакова Любовь. О неошаманах Горной Шории	III-128
Никитин Николай. Атаман Ермак как фигура раздора (историо- графические заметки)	V-111
Прищепова Ирина. Некрополь Знаменского монастыря ..	V-104
Сазыкин Анатолий. «Многое мне сегодня дано...» (к юбилею Любови Никитовны Арбачаковой)	III-130

И БОЛЬШИМ, И ДЕТАМ

Ахметшин Артур. Болесть не страшно. Рассказ	III-156
Бецко Анжела. Корову любила трава	III-160
Пенькова Анна. Сказ о том, откуда Кемерово-град пошел ..	IV-163

ЦИТАТА

Из антологии донбасской поэзии «Великий Блокпост».	
Подготовил Дмитрий Мурзин	IV-116

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Ражев Олег. Герман Захаров: без повторов и штампов	V-154
Тюшина Екатерина. Земное притяжение Петра Мазикина	IV-148
Шалакин Григорий. Уникальные «холсты» на оберточной бумаге	V-148
Открытая и загадочная душа Кузбасса	VI-145

ИСКУССТВО

Попова Наталья. «Новое слово» на языке визуальных искусств	IV-152
Трухан Елена. «...С истинной правдой на земле»	IV-154

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

прот. Адодин Сергей. Два рассказа	V-155
--	-------

СВЕТЛИЦА

Литературный конкурс для школьников «Сказка живет в Кузбассе». Алафировский Андрей. В поисках себя. Кокорева Маргарита. Приключения под Новый год. Молодцова Кира. Иван – боярский сын. Резанцева Софья. Весенняя сказка. Трефикина Дарья. Волшебное знание. Штефан Николь. Сестра с сестрой что река с водой. Сказки	VI-150
Новикова Екатерина. Светятся люди от счастья. Стихи ..	III-161

«ОПЕРЕНИЕ»

Андропова Елена, Емельяненко Владислав, Шагиахметов Виктор. Стихи	IV-159
Ахметшин Артур. Индоутки. Рассказ	IV-161
Пронкевич Анна. Шанс для молодых литераторов региона	IV-157

XVI СЪЕЗД СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Выступления на XVI съезде Союза писателей России. Аврутин Анатолий, Замшев Максим, Куняев Станислав, Поляков Юрий, Проханов Александр, Тимофеев Андрей	I-II-94
---	---------

Иванов Николай. Отчетный доклад председателя правления Союза писателей России	I-II-85
--	---------

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

Бельмасовский фестиваль. Асеева Ирина. Стихи. Богова Елена. Стихи. Горж Екатерина. Баба Аня. Рассказ. Невское-Облако Катерина. Стихи. Скабардина Катерина. Пластик повышенной прочности. Рассказ. Хисматулин Матвей. Заборы. Отрывок из повести.....	VI-111
--	--------

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Арнаутов Виктор. Асинский патриот (о творчестве Сергея Подгорнова)	V-161
Балтин Александр. «Но сердце верит в чудеса» (к 220-летию Ф. Тютчева)	VI-164
Бишокова Мария. «Подумать о душе» (о журнале «Огни Кузбасса» № 1, 2022).	III-162
Горохова Татьяна. Вспомнить про «гениев чистой красоты». Отклик на сборник стихов Андрея Пятака «Моя соседка Мона Лиза»	III-166
Хлам или храм? Отклик на произведение Игоря Малышева «Хлам»	IV-167
Дьяконов Юрий. Хайку: магия и поэтика семнадцати слогов . ..	VI-165
Елатов Вячеслав. Из Сибири с любовью	V-160
Куракина Надежда. Новый смысл мелочей быта (о сборнике стихотворений Галины Золотанной «Давайте о хорошем!») ..	III-165
Лютый Вячеслав. Праведница	IV-165
Мухарев Александр. «Огни Кузбасса» в фокусе внимания	V-166
Самохин Никита. «Семнадцать лет бреду в своей тени» ..	IV-167

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин	I-II-169, III-29, 75, 100, 168, IV-169, V-169, VI-166
О великий русский язык!	I-II-168

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает рукописи, отпечатанные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru.

Журнал «Огни Кузбасса»

Главный редактор **С. Л. Донбай**

№ 6. Дата выхода в свет: 26.12.2023

Индекс 12234

Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 1277. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «Вектор-Принт»: 650021, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Стахановская 1-я, д. 39а, оф. 211.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств»

(650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректор **М. Н. Долгов**

Верстка: **А. Д. Серова**